И. ИВАНОВЪ

ВОЕННО-ПОХОДНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ВАФАНГОУ

КАЙДЖОУ-ДАЧЕПУ

ТАШИЧАО, ЛЯОЯНЪ.

159

T 113/121

5020/р

Отъ Владивостока до Хайчена.

Несмотря на 10,000 верстъ нашей границы съ Китаемъ, въ арміи нѣтъ 10 человѣкъ офицеровъ, говорящихъ по-китайски. Превосходныя, но „нѣмыя“ карты въ рукахъ глухонѣмыхъ русскихъ развѣдчиковъ, или новый сюжетъ для басни „Каннитферштанъ“. Китайскіе переводчики. Голый японецъ.

Походъ корпуса ген. Штакельберга на югъ къ Артуру.

Отъ Кайджоу до Вафандіана: „Ужасно“ спокойный офицеръ. Подозрительные китайцы. Ловилъ японецъ рыбу, а самъ попался.

Ночной бой при деревняхъ Ліудагоу-Ліудатунь: Солдаты ловятъ японцевъ между ногъ... Японцы сидятъ на деревьяхъ...

Канунъ Вафангоу:... Японскій геліографъ дѣйствуетъ среди нашихъ войскъ......

1-й день Вафангоу 1-ое Іюня: Позиція. Деньщикъ Бондаренко „варитъ“ чай подъ огнемъ непріятеля. Занятіе позиціи, или разстрѣлъ офицеровъ 1-го баталіона. Впечатлѣніе разстрѣливаемаго. Смерть Хвастунова, Драгослава-Надточинскаго, Тучкова. C'est le ton qui fait la musique. Деньщикъ Бондаренко просится пострѣлять. И среди навозной кучи находятся жемчужныя зерна. Раненые послѣ перевязки возвращаются въ строй.

2-й день Вафангоу: Начало атаки 2-го и 3-го полковъ. За пять залповъ стаканъ чаю. Смерть Труфанова. Гдѣ тонко, тамъ и рвется. Дѣла плохи. Смерть Сукмана...

Отступленіе: Хоть отступаемъ да съ честью. Сумасшедшій солдатъ и подполковникъ на изнанку. Ночь. Стрѣльба по своимъ. „Не всякій храбръ въ два часа ночи“...

Отъ Кайджоу до Асяндзяна.

Кайджоу-Дачепу: Подарки Государыни. Французскій корреспондентъ газеты „Temps“. Задѣтая казачьей нагайкой честь самурая сказалась. Курица несетъ яица, а я сижу безъ палатки. Смерть Каукина. Первая чарка и первая палка.

Ташичао.

Сраженія подъ Ляояномъ.

Ночь съ 17-го на 18-ое Августа—отбитіе ночныхъ атакъ японцевъ...

Утро 18-го Августа—я раненъ...

И. Е. Ивановъ

Военно-походныя впечатлѣнія

Отъ Владивостока до Вафангоу

и

Отъ Вафангоу до Ляояна

Командира роты

1-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка

ВАФАНГОУ
КАЙДЖОУ—ДАЧЕПУ
ТАШИЧАО
ЛЯОЯНЪ

С.-Петербургъ

1907

Т 113/121

И. Е. Ивановъ

ВОЕННО-ПОХОДНЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

ОТЪ ВЛАДИВОСТОКА ДО ВАФАНГОУ

и

ОТЪ ВАФАНГОУ ДО ЛЯОЯНА

КОМАНДИРА РОТЫ

1-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка

ВАФАНГОУ
КАЙДЖОУ—ДАЧЕПУ
ТАШИЧАО
ЛЯОЯНЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1907

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
4439-44

Типографія А. С. Суворина. Эртеловъ пер., д. 13

2020134159

«Чужая душа потемки»

говоритъ народъ.

«Ночью снизу виднѣе — часовыхъ на ночь ставить внизъ...»

учитъ полевой уставъ.

Группа снята въ апрѣлѣ 1904 г. въ д. Сяодзятунь, близъ ст. Ташичао *).

1) Шт.-кап. Ингманъ, младшій офицеръ роты Его Величества—раненъ.
2) Подпоручикъ Пинхусовичъ, младшій офицеръ—раненъ.
3) Подпоручикъ фонъ-Гейзеръ, полковой казначей.
4) Капитанъ Добржанскій, командиръ 4-й роты—раненъ.
5) Подпоручикъ Никилевъ, баталіонный адъютантъ 1-го баталіона.
6) Капитанъ Ивановъ, командиръ 2-й роты—раненъ.
7) Капитанъ Холево 1, командиръ 7-й роты—раненъ.
8) Поручикъ Элерсъ, помощн. завѣдыв. охотн. команд.—раненъ.
9) Шт.-кап. Качинъ, командующій 5-й ротою—раненъ.
10) Шт.-кап. Шмидгофъ, младшій офицеръ роты Его Величества—раненъ.
11) Капитанъ Тучковъ, командиръ роты Его Величества—убитъ.
12) Поручикъ Труфановъ, завѣдывающій оружіемъ—убитъ.
13) Капитанъ Холево 2, командиръ 3-й роты—контуженъ.
14) Капитанъ Федоровскій, командиръ 6-й роты—раненъ.
15) Подполковникъ Котюжинскій, командиръ 1-го батал.—раненъ.
16) Подпоручикъ Драгославъ-Надточинскій, полковой адъютантъ—убитъ.
17) Полковникъ Хвастуновъ, командиръ полка—убитъ.
18) Капитанъ Плѣшковъ, завѣдывающій хозяйствомъ.
19) Шт.-кап. Архиповъ, выступилъ въ походъ, командуя нестроевой ротой, на походъ принялъ 2-ую роту и убитъ.
20) Подпоручикъ Мильманъ, завѣдывающій офицерской столовой.

*) Всѣ поименованные здѣсь офицеры выступили въ походъ изъ штабъ-квартиры полка—поста Раздольнаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ Владивостока до Хайчена.

СТРАН.

Во Владивостокѣ. Слухи о войнѣ. Приготовленіе крейсерской эскадры. Отъѣздъ японцевъ изъ Владивостока. Институтъ «Восточныхъ языковъ». Послѣдніе дни занятій въ Институтѣ. Выходъ и возвращеніе эскадры. Сборы и мой отъѣздъ на войну . . 1—17

Въ Раздольномъ. Сборы и выступленіе полка на войну. 17—19

Въ Ляоянѣ. Прибытіе въ Ляоянъ; вызванныя имъ воспоминанія изъ китайскаго похода. Политическое значеніе Ляояна; кое-что изъ исторіи его. Наше вступленіе въ городъ; устройство помѣщеній. Прибытіе новобранцевъ и запасныхъ. Наша жизнь и занятія въ Ляоянѣ 19—32

Подъ Ташичао. Пріѣздъ новыхъ офицеровъ. Прибытіе вновь сформированнаго 3-го баталіона. Смотръ командующаго арміей генералъ-адъютанта Куропаткина. Передача полку иконы преподобнаго Серафима Саровскаго, пожалованной Государемъ Императоромъ. Телеграмма Государя 32—39

Въ Хайченѣ — смотръ командующаго арміей. Жизнь и занятія на стоянкѣ подъ Хайченомъ. Голый японецъ. Несмотря на 10,000 верстъ нашей общей границы съ Китаемъ, въ арміи нѣтъ 10-ти человѣкъ офицеровъ, говорящихъ по-китайски. Одна изъ причинъ нашихъ неудачъ. Превосходныя, но «нѣмыя» карты въ рукахъ глухо-нѣмыхъ русскихъ развѣдчиковъ, или новый сюжетъ для басни «Каннитферштанъ». Переводчики китайцы—большое зло. Смотръ командующаго арміей. Молебенъ. Историческая икона 39—59

Походъ корпуса генерала Штакельберга на югъ къ Артуру.

СТРАН.

1-й день похода. Значеніе обуви; интендантскіе сапоги. Солдаты сами устраняютъ недостатки снаряженія. Какъ изъ обыкновенныхъ переходы обращаются въ форсированные. Ночлегъ 60—68

2-й день похода. Возня съ обозомъ 68—75

Дневка. Первый непріятель. Поѣздка въ г. Кайджоу. Изъ воспоминаній о китайскомъ походѣ. Унт.-офицеръ Хабатулинъ 78—82

Отъ Кайджоу до Вафандіана. Посадка на поѣздъ. По знакомымъ мѣстамъ къ неизвѣстному будущему. Разсказъ ротмистра Ш. о столкновеніяхъ съ японцами. Выгрузка. Подозрительные китайцы. 21-го мая у Вафангоу полкъ присутствуетъ при авангардномъ дѣлѣ. «Ужасно» спокойный офицеръ. У Цюйдзятуня. «Отступной» капитанъ. Въ сторожевой цѣпи. Купили быковъ, вмѣстѣ съ ними «гонятъ» и хозяина. Ночь передъ выступленіемъ и выступленіе къ Вафандіану. Ловилъ японецъ рыбу, а самъ попался. 83—102

Ночной бой при деревняхъ Ліудагоу-Ліудатунь. Первыя японскія пули надъ ротой. Атака; «ура». Японская сторожевая цѣпь прорвана. Ударъ въ штыки на поддержки; солдаты ловятъ японцевъ между ногъ; японцы сидятъ на деревьяхъ. Гуськомъ—на вершину; сидимъ какъ на иголкахъ. Утро. Японцы отходятъ; стрѣляемъ по нимъ... Китаецъ жалуется, что японцы у него въ домѣ кого-то «кантами» [1]), а женщинъ «фуръ-фуръ» [2]). Японцы унесли мою бурку и захватили «Принципы жизни Китая» 103—115

Канунъ Вафангоу. Тревога подъ Вафандіаномъ. Китаецъ спрашиваетъ: «работа есть?»; работы пока нѣтъ, зато жарко. Ночной отходъ отъ Вафандіана къ Вафангоу. Японскіе геліографы среди нашихъ войскъ. Капитанъ Добржанскій знаетъ хорошо языки... готовить съ картофельнымъ пюре, а у меня текутъ слюнки, на голодный желудокъ. Командиръ. Солдаты, наступая на голову, мѣшаютъ мнѣ спать . . 116—132

[1]) Кантами — убить.

[2]) Фуръ-фуръ — изнасиловать.

СТРАН.

1-й день Вафангоу 1-ое iюня. Вафангоуская позицiя. Стремленiе гг. корреспондентовъ однимъ взмахомъ пера обнять необъятное.—Денщикъ Бондаренко «варитъ» чай подъ огнемъ непрiятеля. Занятiе позицiи, или разстрѣлъ офицеровъ 1-го баталiона.—Впечатлѣнiе разстрѣливаемаго.—Смерть Хвастунова, Драгослава—Надточинскаго, Тучкова. Первые моменты боя.—C'est le ton qui fait la musique.—Какое должно быть главное качество офицера и вообще солдата?—Хочется пострѣлять.—Мой денщикъ Бондаренко просится пострѣлять.—Ефрейторъ Тюринъ просится пострѣлять.—И среди навозной кучи находятся жемчужныя зерна.—Раненые возвращаются послѣ перевязки въ строй.—Подполковникъ К., показавъ рукой пониже спинѣ, идетъ въ кусты.—Стрѣльба по офицерамъ. Почему выбываетъ изъ строя больше офицеровъ, чѣмъ нижнихъ чиновъ.—Раненый капитанъ Дабржанскiй послѣ перевязки на перевязочномъ пунктѣ возвратился въ строй и принесъ еще съ собою коробку съ патронами, которую онъ захватилъ по дорогѣ изъ патронной двуколки.—Раненый подполковникъ Котюжинскiй, несмотря на просьбу-приказанiе начальника дивизiи лечь на носилки и отправиться на перевязочный пунктъ, не признаетъ себя раненымъ и остается въ строю.—Мой фельдфебель Туровецъ поступаетъ такъ же. — Шт.-капитанъ Мыловъ идетъ пить чай. Шт.-капитанъ Даирскiй.—Ночь съ 1-го на 2-ое iюня. 133—172

2-й день Вафангоу—2-ое iюня. Почему японцы сзади?—Опять у нихъ осадныя орудiя, какъ подъ Тюренченомъ. Начало атаки 2-го и 3-го полковъ. Полковникъ Озерскiй. — Японскiй пулеметъ и русская патронная двуколка, или подвигъ сѣрыхъ героевъ. Подпоручикъ Труфановъ; за пять залповъ стаканъ чаю.—Смерть Труфанова. Отступленiе—батарея «пограничниковъ».—Японская батарея, или малъ золотникъ да дорогъ.—Моршанцы съ зарайцами опоздали.—Атака 2-го и 3-го полковъ продолжается.—4-й полкъ отступилъ: гдѣ тонко, тамъ и рвется. Дѣла плохи; раненiе командующаго 1-й дивизiей генералъ-маiоръ Гернгросса. У шт.-капитана Мылова начинается паника... Смерть Сукмана 172—193

СТРАН.

Отступленіе. «....Хоть отступаемъ, да съ честью!...» Сумасшедшій солдатъ и подполковникъ наизнанку. Съ непріятелемъ въ перестрѣлкѣ, а съ своимъ врукопашную.—Командиръ 7-й роты капитанъ Іосифъ Владиславовичъ Холево I.—Раненый шт.- капитанъ Марковъ—«бросьте меня, оставьте—все равно».—У Цюйдзятуня; прекрасныя незнакомки. Продолженіе отступленія.—Ночью; тревога; стрѣльба по своимъ Сотникъ потерялъ шашку, а я набралъ цѣлую охапку пикъ, или: «не всякій храбръ въ два часа ночи»...—Раздача крестовъ командующимъ арміей, генералъ адъютантомъ Куропаткинымъ.—Потери корпуса подъ Вафангоу . 193—213

Отъ Кайджоу до Асяндзяна.

Кайджоу—Дачепу. На южномъ фронтѣ.—Въ ущельѣ Маолиндзы.—«Столкновеніе» фейрверкера, занявшаго позицію открытымъ «тыломъ» ко мнѣ...—Отступленіе отъ Кайджоу; образцовый маневръ; смерть графа Нирода.—На высотахъ предъ Дачепу.—Двѣ недѣли безпрерывной арріергардной службы.—Подарки Государыни.—Французскій корреспондентъ газеты «Temps».—Курица несетъ яица, а я сижу безъ палатки.—Первая чарка и первая палка.—Смерть Каукина.—Задѣтая казачьей нагайкой честь самурая [1]) сказалась . 214—233

Отступленіе къ Ташичао. Арріергардное дѣло.—Трудности движенія по гаоляну. — Жара. — Солнечные удары.—Кровожадность летучихъ санитарныхъ отрядовъ и сердобольный студентъ 233—240

Бой при Ташичао 11-го іюля. Мѣстность.—Артиллерійскій бой.—Какъ японцы хотѣли узнать, гдѣ стоятъ наши орудія.—Полученный подъ Вафангоу урокъ даромъ не пропалъ. — Первая наша удача.— Опять не въ очередь на службу. — Насъ посылаютъ выставлять сторожевое охраненіе среди японцевъ.—Немножко психологіи. Вольноопредѣляющіеся Карниловъ и Зноско-Боровскій просятся послать ихъ туда, гдѣ опаснѣе.—Ночное движеніе впередъ.—У страха глаза велики, или одинъ въ полѣ— не воинъ.—Стрѣляютъ. — Отходимъ назадъ благополучно, хотя одного все-таки прихватило за руку . 240—259

1) Самурай—потомственный дворянинъ въ Японіи.

СТРАН.

Первое празднованіе дня рожденія Наслѣдника Цесаревича въ Манчжурской арміи. Событіе радостное, а параду не радъ; хлопоты.—Молебенъ и парадъ у ст. Асяндзянъ въ присутствіи Великаго Князя Бориса Владиміровича, командующаго арміей генералъ-адъютанта Куропаткина и иностранныхъ военныхъ агентовъ 259—265

Ляоянскія сраженія.

Канунъ Ляояна. Смерть генерала Рутковскаго.—Кругозоръ съ «Сигнальной» горы.—16-ое августа.—Ломка гаоляна.—Укрѣпленіе дер. Маѣтунь.—Полковой участокъ ляоянской позиціи.—«Сигнальная» гора, дер. Маѣтунь, скалистыя горки и дер. Гу-дзядзы.—На ночь 1-й баталіонъ съ пулеметами занимаютъ дер. Гу-дзядзы.—Окорокъ ветчины, раздѣленный по правиламъ товарищества. 266—277

Сраженіе подъ Ляояномъ 17-го августа. I. Рано утромъ.—Объѣздъ ротъ.—Дер. Гу-дзядзы самый крайній правый флангъ всей ляоянской позиціи.—Я—начальникъ этого участка.—Пьемъ чай.—Полевая почта.—Ружейный и орудійный огонь впереди разгорается.—Закусываемъ.—Японцы обходятъ.—2-й баталіонъ проситъ помощи.—Шт.-капитанъ Верещагинъ ведетъ роту Его Величества впередъ.—Весь первый баталіонъ идетъ впередъ . 277—287

II. На пути отъ дер. Гу-дзядзы къ скалистымъ горкамъ; верхомъ на ун.-офицерѣ черезъ рѣчку; холодное купанье передъ горячимъ дѣломъ.—Не выдержали... отступаютъ. — На скалистыхъ горкахъ. — Идутъ японцы...—10-я рота не можетъ найти себѣ мѣста; прошу командира этой роты увести ее съ глазъ долой.—2-я рота стрѣляетъ.—Полковникъ А. распоряжается моими ротами помимо меня; прошу его не дѣлать этого.—Непріятное явленіе—раненые и ихъ сопровождающіе.—Роты, высланныя ранѣе въ гаолянъ, таютъ.—Съ ними случилось то же самое, что два дня спустя—съ полками 54-й дивизіи генерала Орлова.—Разсказъ по этому поводу капитана Холево II и шт.-капитана Даирскаго, или какъ потеряли Ляоянъ изъ-за гаоляна...—Разсказъ солдата:

СТРАН.

«Мы кричимъ: не стрѣляй—свои, а они такъ и лупятъ, такъ и лупятъ; страсть, что народу задаромъ уложили...»—Стрѣлокъ несетъ въ передовую цѣпь ведро съ пайками (порціями мяса). Горностаевы.—Даирскій.—Туровцу неймется; боевой психозъ.—2-я рота снова стрѣляетъ; убираютъ мертвыхъ; за патронами.—Что такое храбрость и трусость.—Картина современнаго боя.—«Ура!» молодцамъ товарищамъ портъ-артурцамъ. — Японцы нарвались на пулеметы.—Появленіе воздушнаго шара.—Русская шрапнель очищаетъ гаолянъ отъ японцевъ—они бѣгутъ вразсыпную . 288—308

Ночь съ 17-го на 18-ое августа—отбитіе ночныхъ атакъ японцевъ. Стемнѣло.—Вольноопредѣляющійся Корниловъ.—Мертвый грузъ.—Въ передовомъ окопѣ; рѣшено стоять до послѣдняго.—Въ фанзѣ; раненый солдатъ; обстановка фанзы.—Идемъ спать на скалистую горку.—Холодъ, клопы и японцы мѣшаютъ спать.—«...2-я рота внизъ!!...»—Японцы идутъ на насъ въ атаку сзади и сбоку.—Критическое положеніе.—Японцы замялись...—Свои выручаютъ: прибѣжала первая помощь . 308—322

Утро 18-го августа—я раненъ. На горкѣ становится невтерпежъ; раненые; бѣглецы съ передней горки.—Солдатъ со страху отъ пуль передо мной на колѣняхъ, бородой трясетъ, а съ колѣнъ не встаетъ.—Рикошетомъ отъ моей шашки пуля попадаетъ Мылову въ ногу.—На скалистую переднюю горку ползутъ японцы......—Взводъ! впередъ! за мной!...—Среди труповъ...—вотъ все, что осталось отъ взвода 2-й роты.—Японцы въ 150 шагахъ; близко рвется шрапнель; «сейчасъ сюда!...»—Я—раненъ... Никилевъ связываетъ мои косточки въ узелокъ; въ полковомъ лазаретѣ, въ дивизіонномъ...

Разсказъ Верещагина. Въ окопѣ; спортъ; ефрейторъ Барановскій.... «и этотъ свернулся!....»—Корниловъ и Верещагинъ ранены одной пулей.—Не всѣ пути ко спасенію.—Вторичное раненіе Верещагина и смерть Корнилова.—Сестры милосердія: Евдокія Алексѣевна Воронова и Софія Максимиліановна Верещагина. . . 323 –336

Приложеніе: мой рапортъ командиру полка 337—348

Опечатки . 351

ОТЪ ВЛАДИВОСТОКА ДО ХАЙЧЕНА.

Во Владивостокѣ.

I.

О возможной войнѣ съ Японіей говорили во Владивостокѣ всю осень и зиму, и говорили довольно настойчиво; но такъ какъ подобные слухи здѣсь явленіе обыкновенное, то никто ими особенно не тревожился.

— Какая можетъ быть война, возражали сомнѣвающіеся,—когда изъ полковъ увольняютъ людей въ запасъ? Наканунѣ войны этого не дѣлаютъ.

Передъ самымъ Рождествомъ на улицахъ Владивостока дѣйствительно попадались солдаты съ черными поперечными полосками на погонахъ,—только-что уволенные въ запасъ нижніе чины желѣзнодорожнаго баталіона, хотя, съ другой стороны, стоявшимъ резервомъ въ гавани четыремъ крейсерамъ была объявлена кампанія.

— Ну, это сдѣлано, чтобы не обижать команды этихъ судовъ довольствіемъ: въ Артурѣ товарищи ихъ получа-

ютъ довольствіе какъ въ плаваніи, эти же терпятъ голодъ [1]) и холодъ,— смѣялись шутники.

Скованныя толстымъ льдомъ, недвижно стояли боевыя суда во Владивостокской бухтѣ. Только легкій дымокъ надъ одною изъ трубъ каждаго крейсера, да дѣятельно всю зиму ломавшій ледъ посрединѣ бухты ледоколъ *Надежный* показывали, что эскадра каждый часъ готова перейти отъ холоднаго спокойствія къ кипучей дѣятельности.

— Слышали, господа, говорилъ въ аудиторіи Восточнаго Института одинъ вольнослушатель, офицеръ-морякъ,— съ Японіей неладно; ожидается тревога: запрещено спускать съ судовъ команды, и офицеры, отправляясь на берегъ, обязаны оставлять на суднѣ адресъ мѣста, куда они идутъ въ отпускъ...

Проходитъ день, другой, на Свѣтланской [2]) опять появляются матросы съ эскадры; на льду, въ промежуткахъ между судами, на нарочно устроенныхъ каткахъ, снуютъ на конькахъ ихъ же фигуры... Тутъ же, около, по льду ѣздятъ легковые извозчики, скрипятъ китайскія арбы съ подвозимымъ къ судамъ углемъ; особенно начиняется углемъ транспортъ *Лена* [3]), предназначеный служить плавучимъ складомъ угля и боевыхъ припасовъ для крейсерской эскадры, на случай военныхъ дѣйствій. Почти рядомъ съ нимъ стоитъ прибывшій изъ Англіи громадный океанскій пароходъ, откуда сотнями китайскихъ рабочихъ перегружается уголь... Щеголеватые бѣлые кузова военныхъ судовъ покрылись угольною пылью...

Изъ-за границы пришли сразу съ углемъ три парохода, въ томъ числѣ англійскій *Африди*. На немъ уѣзжа-

[1]) Моряки, находящіеся въ плаваніи, получаютъ содержанія гораздо больше, чѣмъ остающіеся на берегу.

[2]) Главная улица Владивостока, вдоль набережной.

[3]) Приспособленный изъ добровольца *Херсонъ*.

ютъ японцы. Послѣ 20-го января они начали спѣшно ликвидировать свои дѣла во Владивостокѣ; мастерскія и другія промышленныя заведенія передавали русскимъ, китайцамъ, или совсѣмъ закрывали. Въ многочисленныхъ японскихъ магазинахъ и лавкахъ шла распродажа,—вещи продавались почти за безцѣнокъ: напримѣръ, гарнитуръ вѣнской мебели — рублей за 10; часы, стоившіе отъ 10 до 20 рублей,—за 1 или 2 рубля. Покупали преимущественно китайцы; русскіе боялись: имъ самимъ, въ случаѣ войны, пришлось бы уѣзжать изъ крѣпости; китайцы же дѣлали большія дѣла съ малыми деньгами, распуская подъ рукой слухи, что какъ только будетъ война, то русскіе съ японцами поступятъ такъ же, какъ съ китайцами въ Благовѣщенскѣ въ прошлую войну...

Покончивъ кое-какъ съ дѣлами, японцы въ-перебой спѣшили занять мѣста на пароходѣ *Африди*, исключительно грузовомъ. Японцы помѣстились на немъ въ трюмахъ на нарахъ, наскоро сколоченныхъ и безъ всякаго намека на какія-либо перегородки: въ штормъ люди должны свалиться въ одну кучу!.. Кухня на пароходѣ всего на 40 человѣкъ команды; слѣдовательно, невольные пассажиры оставались даже безъ кипятка на весь путь въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Я посѣтилъ пароходъ передъ отходомъ: тѣснота, духота, куча скарба, наверху ихъ дѣти, закутанныя въ теплое и любопытно смотрѣвшія на суматоху... много женщинъ въ слезахъ; между ними есть няни русскихъ дѣтей, которыя вмѣстѣ съ матерями пришли съ подарками провожать своихъ нянь, упрашивая ихъ скорѣе вернуться... Няни трогательно ласкаютъ дѣтей... Вотъ одна японка, обхвативъ русскаго ребенка, истерически рыдаетъ... У мужчинъ-японцевъ лица разстроенныя, растерянныя... И не мудрено: они потеряли почти все имущество, годами нажитое въ

Россіи; имъ непривлекателенъ даже скорый возвратъ на родину. Русскіе спрашиваютъ: почему они такъ спѣшатъ, вѣдь войны нѣтъ, да если и будетъ война, то нечего бояться имъ, мирнымъ и полезнымъ [1]) для края труженикамъ. Японцы говорятъ о предупреждающихъ письмахъ съ родины; говорятъ, что г. Каваками, коммерческій японскій агентъ во Владивостокѣ, посовѣтовалъ имъ скорѣе уѣзжать... Когда же спросили потомъ самого Каваками, то онъ отвѣтилъ:

— Я предупреждалъ только своихъ соотечественниковъ о возможности скорой войны и, въ виду этого, посовѣтовалъ имъ воспользоваться пароходомъ *Африди*; послѣ будетъ труднѣе, когда захотятъ всѣ вдругъ... [2]).

Изъ русскихъ также никто ничего вѣрнаго не знаетъ, хотя признаки грозныхъ грядущихъ событій увеличились еще однимъ: вслѣдъ за отъѣздомъ большей части японцевъ, на крейсерахъ начали убирать деревянныя части, суда перекрашивались...

Публика съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдила, какъ мирная бѣлая окраска судовъ замѣнялась боевымъ мрачнымъ чернымъ цвѣтомъ.

25-го января я, какъ старшій въ чинѣ на курсахъ Института офицеръ, получилъ отъ начальника штаба крѣпости предписаніе предложить семейнымъ слушателямъ-офицерамъ дать въ штабъ свѣдѣнія о составѣ ихъ семействъ и о мѣстѣ, куда они желали бы отправить свои семейства на время войны. Между тѣмъ занятія въ Институтѣ шли своимъ чередомъ.

[1]) Во Владивостокѣ самые добросовѣстные сапожники, портные, вообще мастеровые—японцы, точно такъ же, какъ и торговцы.

[2]) Самъ Каваками уѣхалъ съ послѣднею партіей японцевъ уже послѣ объявленія войны.

II.

Кстати о Восточномъ Институтѣ. Восточный Институтъ (первый курсъ), согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 24 мая 1899 года, былъ открытъ во Владивостокѣ 21 октября того же 1899 года, въ составѣ директора (Алексѣй Матвѣевичъ Позднѣевъ, извѣстный путешественникъ и изслѣдователь Монголіи), законоучителя, 3 профессоровъ и 1 лектора [1]).

По количеству предметовъ, объему программъ, по способамъ, ведущимъ къ усвоенію ихъ, Восточный Институтъ является въ Имперіи исключительнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Созданный для подготовки интеллигентныхъ лицъ не только въ административныя, но и въ торгово-промышленныя учрежденія Азіатскаго Востока, Институтъ включилъ въ составъ предметовъ своего изученія кромѣ восточныхъ языковъ (китайскаго, корейскаго, японскаго, монгольскаго, манчжурскаго), географіи, этнографіи, древней и новой исторіи, политической организаціи Китая, Кореи, Японіи, Монголіи и Манчжуріи, еще и науки коммерческія, какъ, напримѣръ, коммерческую географію восточныхъ странъ, исторію торговли Дальняго Востока, обзоръ промышленности современнаго Китая, Японіи, Кореи, Монголіи и Манчжуріи, товаровѣдѣніе, счетоводство и науки юридическія: политическую экономію, государственное право, торговое право, гражданское право и судопроизводство. Изъ европейскихъ языковъ обязательны для изученія англійскій и французскій, причемъ на долю перваго, какъ

[1]) Въ прошлую войну значительное число питомцевъ Института, какъ студентовъ, такъ и офицеровъ, находились при штабахъ дѣйствующей арміи въ качествѣ переводчиковъ.

господствующаго на Востокѣ, положено 16 недѣльныхъ уроковъ.

Курсъ въ Институтѣ 4-хъ-лѣтній. Всѣ студенты на первомъ курсѣ изучаютъ китайскій и англійскій языки, богословіе, политическую экономію, географію Китая, Кореи, Японіи, Монголіи и Манчжуріи. При переходѣ же на второй курсъ студенты выбираютъ себѣ одно изъ существующихъ въ Институтѣ отдѣленій (такъ сказать факультетовъ): китайско-японское, китайско-манчжурское, китайско-корейское, китайско-монгольское, то-есть выбираютъ еще одинъ восточный языкъ, который и проходятъ подъ руководствомъ профессора по спеціальности и соотвѣтствующаго языку лектора — китайца, корейца или японца. Утреннія занятія ведутъ профессоръ и лекторъ совмѣстно, вечернія —одинъ лекторъ; вечернія занятія носятъ по преимуществу практическій характеръ (разговоровъ). На тѣхъ и на другихъ занятіяхъ господствуетъ урочная система, вытекающая изъ самыхъ свойствъ (іероглифы) восточныхъ языковъ: не усвоивъ предыдущаго урока, нельзя понять, слѣдовательно и усвоить, послѣдующаго. Китайскій языкъ проходитъ чрезъ всѣ четыре курса и есть основной, потому что въ японскомъ и корейскомъ языкахъ понятія изображаются тѣми же іероглифами, что и въ китайскомъ, только произносятся они различно.

Вмѣстѣ съ языками слушаются, раздѣленныя по курсамъ, и другія положенныя науки. Для практическаго изученія быта и языковъ Дальняго Востока студенты и офицеры-слушатели командируются на каникулярное время въ Манчжурію, Монголію, Китай, Корею и Японію. Офицеры-слушатели — за счетъ военнаго вѣдомства, студентамъ же для этой цѣли даются небольшія пособія отъ Института; кромѣ того, благодаря заботамъ бывшаго директора Института г. Позднѣева и инспектора г. Подставина, сумѣвшихъ

привлечь вниманіе и симпатіи мѣстнаго общества къ Институту, студенты во время своихъ путешествій пользуются безплатнымъ проѣздомъ на мѣстныхъ русскихъ пароходахъ и по Восточно-Китайской желѣзной дорогѣ. Особенно много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи первый попечитель Института, недавно умершій, г. Шевелевъ, одинъ изъ первыхъ піонеровъ русскаго дѣла на Дальнемъ Востокѣ,—пароходчикъ, чаеторговецъ и глубокій знатокъ китайскаго языка. Студенты и офицеры-слушатели по окончаніи каникулъ обязаны представлять въ конференцію Института отчеты о своихъ лѣтнихъ занятіяхъ.

Въ Восточный Институтъ принимаются всѣ окончившіе курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, но количество принятыхъ не должно превышать 60 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и офицеровъ, ежегодно командируемыхъ въ Институтъ военнымъ вѣдомствомъ въ числѣ 10 человѣкъ. Всего офицеровъ въ Институтѣ до 45 человѣкъ (считая въ томъ числѣ и офицеровъ вольнослушателей).

Такое большое число офицеровъ въ Институтѣ объясняется тѣмъ, что многимъ офицерамъ приходилось занимать въ Манчжуріи военно-полицейскія и военно-административныя должности, гдѣ знаніе китайскаго языка безусловно необходимо, да и вообще въ частяхъ войскъ, расположенныхъ въ Манчжуріи или близъ ея границъ и непосредственно соприкасающихся съ населеніемъ, желательно имѣть офицеровъ, знающихъ мѣстные языки.

III.

Даже моряки-офицеры съ крейсеровъ, одинъ готовящійся въ миссіонеры судовой «батюшка» и одинъ судовой врачъ посѣщали лекціи Восточнаго Института, несмотря на

то, что ихъ суда каждый часъ готовы были выйти въ море. Но кое-кто изъ молодыхъ людей, студентовъ и офицеровъ, ожидая войны, рѣшительно не ходили на лекціи.

27 января рѣшилъ и я пропустить двѣ первыя лекціи; идя на третью, зашелъ къ памятнику Невельского [1]) откуда вся бухта видна, какъ на ладони... Вижу—на двухъ судахъ поднялись цвѣтные, сигнальные флаги, поднялись, опустились и опять поднялись... вокругъ судовъ бѣгаютъ матросы, что-то торопливо убираютъ; спѣшно развозятъ на десяткахъ китайскихъ подводъ какія-то вещи (только не уголь).

Иду съ набережной въ Институтъ, вслѣдъ мнѣ несется громкое «ура»... Какъ потомъ оказалось, команда судовъ встрѣтила такъ объявленіе войны. На дорогѣ одинъ изъ офицеровъ-слушателей спрашиваетъ меня:

— Правда ли, что насъ всѣхъ требуютъ въ штабъ крѣпости?

— Не знаю...

Въ аудиторіи студенты встрѣчаютъ входящихъ офицеровъ кликами «ура». Офицеры другихъ курсовъ говорятъ [2]), что насъ сегодня требуютъ въ штабъ.

— Не знаю, повторяю я,—въ штабѣ не былъ, а сидѣлъ дома и готовился къ репетиціи по географіи...

Стало уже извѣстно о ночномъ нападеніи японцевъ на нашу эскадру въ Портъ-Артурѣ въ ночь съ 26 на 27 января. Студенты и офицеры, волнуясь, передаютъ слухи,

[1]) Вице-адмиралъ Невельской—одинъ изъ главныхъ сподвижниковъ графа Муравьева-Амурскаго по присоединенію къ Россіи Уссурійскаго Края.

[2]) Ко мнѣ обращались, какъ къ старшему на курсахъ. На каждомъ курсѣ одинъ офицеръ и одинъ студентъ—старшіе; кромѣ того, старшій въ чинѣ офицеръ изъ старшихъ на курсахъ считается старшимъ вообще.

высказываютъ желаніе,—если обстоятельства не позволятъ продолжать занятія въ Институтѣ,—то чтобы курсъ былъ зачтенъ...

Вошелъ профессоръ китайскаго языка П. П. Шмидтъ. Лекція началась, но аудиторія не можетъ сосредоточить вниманіе на чемъ слѣдуетъ: студенты, офицеры, да и самъ профессоръ то и дѣло невольно поворачиваютъ головы къ окнамъ, откуда видна бухта и на ней готовящаяся къ отплытію эскадра; съ берега слышны клики «ура». Кричатъ «ура» и громко при этомъ топочутъ ногами въ верхнемъ этажѣ гимназисты [1]): они рады объявленію войны,—ихъ распускаютъ.

Сомнѣній не оставалось, когда вечеромъ начальникъ штаба [2]) крѣпости, собравъ насъ, сказалъ, что объявленія мобилизаціи ждутъ съ часа на часъ. Подъемныхъ денегъ [3]) намъ, впрочемъ, не дали: въ штабѣ еще не знали, куда мы будемъ назначены при объявленіи войны; намъ предложили лишь провѣрить правильность расчета требуемыхъ для насъ денегъ.

Изъ штаба отправились въ ресторанъ, заказали тамъ блины и такимъ образомъ встрѣтили масляницу и объявленіе войны, устроивъ вмѣстѣ съ тѣмъ прощаніе, на разставаніи. Тутъ же рѣшили купить и поднести значки двумъ кончавшимъ курсъ въ этомъ году товарищамъ — штабсъ-капитанамъ Козлянинову и Аѳанасьеву.

29-го января мнѣ немного нездоровилось, на дворѣ морозъ, снѣжная буря,—и я никуда не выходилъ, сидѣлъ и

[1]) Владивостокская мужская гимназія и Институтъ помѣщаются въ одномъ зданіи.

[2]) Генеральнаго штаба подполковникъ Будбергъ; въ военномъ отношеніи всѣ офицеры-слушатели Института подчинены начальнику штабъ крѣпости.

[3]) Выдаются всѣмъ офицерамъ при объявленіи мобилизаціи на экстренныя надобности.

занимался китайскимъ языкомъ. Вечеромъ зашли товарищи. Мобилизація объявлена, но денегъ намъ, институтскимъ, пока не даютъ; офицеры горюютъ. Получивъ деньги, многіе уѣхали бы къ своимъ частямъ; безъ денегъ ѣхать нельзя— нѣкоторыя части стоятъ за 1,000 верстъ отъ Владивостока.

30 января пришелъ въ Институтъ держать репетицію [1]) по китайскому языку; репетиція уже началась; офицеровъ — ни одного (они кончили раньше); профессоръ П. П. Шмидтъ спрашиваетъ студентовъ по очереди; тѣ читаютъ по-китайски, потомъ переводятъ на русскій — «... Такъ, такъ»,—говоритъ профессоръ. «Ну, а какіе вы знаете тоны?» [2]).

За студентами очередь священника; пересаживаюсь къ нему на переднюю скамейку, чтобы скорѣе отдѣлаться,— надо идти являться по военному начальству, хочу вслушаться въ отвѣты священника, но студенты-сосѣди мѣшаютъ, спрашивая вполголоса:

— Ну, что́, когда уѣзжаете?

— Некогда! отмахиваюсь я.

— Можете выдержать репетицію? спрашиваетъ меня профессоръ.

— Такъ или иначе, а надо, г. профессоръ: вотъ предписаніе явиться въ строй, на службу.

— Куда же вы назначены?

Отвѣчаю.

[1]) Передъ этимъ директоромъ Института было возбуждено ходатайство, чтобы недоконченный по случаю войны курсъ былъ зачтенъ.

[2]) Тонъ, которымъ произносится слово, играетъ большую роль въ китайскомъ языкѣ; при неправильной тонировкѣ говорящій не будетъ понятъ китайцемъ.

— Ну-съ, прочтите вотъ это, переходитъ къ дѣлу Петръ Петровичъ. Переведите. Такъ! Какъ выражается въ китайскомъ языкѣ дательный падежъ? Родительный?

Отвѣчаю, а за спиной слышу шопотъ студентовъ:

— Сейчасъ тебя спросятъ... а я не могу: всѣ іероглифы выскочили изъ головы, приходится идти подъ штыкъ...

— Довольно, хорошо! говоритъ профессоръ.

Встаю, раскланиваюсь.

П. П., противъ обыкновенія, крѣпко жметъ мнѣ руку, студенты провожаютъ сочувственными взглядами...

Отправляюсь въ штабъ крѣпости; на дорогѣ товарищъ сообщаетъ, что выдаютъ деньги семействамъ офицеровъ на выѣздъ изъ крѣпости.

IV.

Явясь къ генералу Артамонову [1]), въ штабъ Владивостокской крѣпости, говорю:

— Если ваше превосходительство дадите мнѣ что-нибудь повыше роты (намекаю на фортъ), то позвольте остаться во Владивостокѣ; если же нѣтъ, то прошу разрѣшенія отправиться въ полкъ: командовать ротой лучше въ своемъ полку...

Генералъ, помнившій меня еще по Китайской войнѣ, отвѣчаетъ:

— Форта дать вамъ не могу, — начальники туда уже назначены изъ здѣшнихъ полковъ, — а мы дадимъ вамъ дружину изъ охотниковъ...

— Слушаю, это почти-что баталіонъ.

[1]) Бывшій начальникъ штаба Южно-Манчжурскаго отряда въ 1900 году; нынѣ начальникъ 8-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи.

— До сформированія же дружинъ я назначаю васъ въ распоряженіе командира 30-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка; онъ начальникъ одного изъ участковъ обороны, и ему офицеры нужны; онъ можетъ назначить васъ пока начальникомъ оборонительнаго сектора...[1]). Явитесь къ нему немедленно, закончилъ генералъ.

Докладываю начальнику штаба просьбу инспектора Восточнаго Института о томъ, чтобы штабъ крѣпости сдѣлалъ официальное увѣдомленіе о прекращеніи занятій офицеровъ по случаю войны, и ѣду въ «Гнилой Уголъ», мѣсто расположенія 30-го полка, но командира полка, полковника Жукова, дома не засталъ, а представился ему на другой день...

Спустя послѣ этого почти мѣсяцъ, въ Манчжуріи, въ Ляоянѣ, припомнился мнѣ до мельчайшихъ подробностей кабинетъ командира 30-го полка со стоявшимъ тамъ знаменемъ, когда я прочиталъ о бомбардировкѣ Владивостока японскимъ флотомъ 22-го февраля: оказалось, что одна изъ гранатъ, пущенныхъ японцами, попала въ домъ командира, прошла чрезъ спальню и кабинетъ, развалила при этомъ печь, попортила мебель и, пронизавъ противоположную стѣну, разорвалась около полкового денежнаго ящика, который стоялъ у параднаго крыльца.

Осыпанный снѣгомъ и землей, окутанный дымомъ отъ газовъ разорвавшагося снаряда и видя снопъ пламени, часовой у ящика громко крикнулъ:

— Разводящаго къ знамени!..

Знамя тотчасъ же вынесла супруга командира полка вмѣстѣ съ вѣстовыми [2]).

[1]) Часть участка оборонительной линіи для двухъ-трехъ ротъ.

[2]) Случай, не предусмотрѣнный воинскимъ уставомъ, по коему знамя выносится знаменщикомъ и полковымъ адъютантомъ.

Не думалъ я 30-го января, стоя около этого знамени въ маленькомъ кабинетикѣ полковника Жукова, что чрезъ это именно мѣсто пролетитъ 22-го февраля непріятельскій снарядъ.

Предъ вечеромъ 30-го января зашелъ на вокзалъ, оттуда прошелъ на пристань [1]). На станціи вагоны приготовленнаго къ отходу поѣзда биткомъ набиты только-что призванными запасными; — орутъ во все горло пѣсни. Станціонное начальство просящимъ тономъ объясняетъ имъ, что на станціи пѣть нельзя; прохожу и слышу, какъ изъ вагоновъ, вмѣсто пѣсенъ, раздается громкое «ура» въ отвѣтъ на прощальныя слова генерала Артамонова, прибывшаго проводить запасныхъ...

На станціи крики «ура» запасныхъ, уѣзжающихъ на войну съ японцами, а тутъ же рядомъ, на берегу, на пристани, сотни японцевъ [2]), мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сидятъ на узлахъ и корзинахъ съ домашнимъ скарбомъ въ ожиданіи очереди подняться по крутымъ сходнямъ на берущій ихъ гигантскій океанскій пароходъ *Батавія*.

Десятка два японцевъ, съ красными повязками на рукахъ, распоряжаются посадкой и поддерживаютъ порядокъ; у сходенъ стоитъ русскій полицейскій офицеръ, трое городовыхъ, и вокругъ съ десятокъ солдатъ часовыхъ, назначенныхъ, повидимому, охранять японцевъ отъ возможныхъ оскорбленій со стороны русскихъ. Порядочная толпа

[1]) Вокзалъ во Владивостокѣ—рядомъ съ пристанью.

[2]) Остальные изъ Владивостока и пріѣхавшіе изъ другихъ городовъ края. Съ ними уѣзжалъ и коммерческій японскій агентъ во Владивостокѣ г. Каваками; зайдя вечеромъ въ штабъ крѣпости, я прочиталъ по-русски написанный рапортъ его коменданту крѣпости Владивостокъ. Слова рапорта: «Доношу вашему превосходительству, что я сего 30 января отъѣзжаю изъ крѣпости Владивостокъ на германскомъ пароходѣ *Батавія* со всѣмъ составомъ императорской японской миссіи»...

русскихъ, дѣйствительно, окружаетъ мѣсто посадки, но какъ и при отходѣ *Африди*, такъ и здѣсь никакого недоброжелательства со стороны русскихъ къ японцамъ не наблюдалось. Напротивъ, состраданіе и сожалѣніе вызывали эти обездоленные внезапнымъ отъѣздомъ люди... Напрасно, слѣдовательно, японское правительство, подготовляя ударъ изподтишка, думало, что взрывъ минъ подъ русскими военными судами въ Артурѣ обрушится негодованіемъ русскихъ на головы ни въ чемъ неповинныхъ японцевъ во Владивостокѣ и другихъ городахъ края...

1-го февраля — морозъ, улицы завалены глубокими сугробами снѣга. Приготовляясь сидѣть на позиціи, пошелъ купить себѣ бурочные теплые сапоги. По дорогѣ встрѣчаю товарища по Институту, штабсъ-капитана Блонскаго.

— Слышали новость? спрашиваетъ онъ, и затѣмъ сообщаетъ: — насъ всѣхъ институтскихъ намѣстникъ приказалъ отправить по своимъ частямъ [1]). Я [2]) и Мендринъ назначены въ распоряженіе военнаго комиссара при Мукденскомъ дзянь-дзюнѣ.

— Вмѣсто магазиновъ, отправляюсь въ штабъ; тамъ — никого: всѣ въ соборѣ, на молебнѣ о дарованіи побѣды надъ врагомъ; въ шестомъ часу пополудни пошелъ снова; вижу — многіе со Свѣтланской сворачиваютъ на набережную, гдѣ кучки любопытныхъ. Иду и я.

Въ морозной мглѣ предвечерняго сумрака на темномъ фонѣ льда и воды чернѣютъ силуэты четырехъ большихъ судовъ.

[1]) Сначала предполагалось всѣхъ офицеровъ-слушателей оставить во Владивостокѣ.

[2]) Штабсъ-капитанъ Блонскій — знатокъ китайскаго языка; онъ изучалъ его въ Пекинѣ, куда былъ командированъ еще до боксерскаго возстанія.

— Что это?

— Наша эскадра[1]) возвратилась изъ крейсированія. Возвратилась... но съ чѣмъ? Никто не знаетъ.

Въ узкомъ, свободномъ ото льда, каналѣ бухты крейсера стали другъ за другомъ какъ попало (какъ позволилъ ледъ). Холодъ, мракъ сумерекъ, черный цвѣтъ судовъ и ихъ безпорядочный строй производили безотрадное впечатлѣніе. Какъ будто эскадра, спасаясь отъ грозившей ей опасности, спѣшно укрылась подъ защиту крѣпостныхъ пушекъ!.. Какое-то тяжелое предчувствіе охватило сердце. Въ штабѣ я засталъ одного начальника штаба.

— А, здравствуйте, вы пришли за деньгами? подождите немного, сейчасъ придетъ казначей; предписаніе же[2]) получите завтра, говоритъ онъ. — Слышали новость?

— Какую?

— Наша эскадра бомбардировала Хакодате[3]), и захватила два коммерческихъ японскихъ парохода.

Извѣстіе хорошее, а выраженіе лица говорящаго грустное.

— Ну, что же, и слава Богу, пора и намъ,—отвѣчаю.

— Да... но есть и непріятная новость: нашъ транспортъ *Енисей* въ Артурѣ напоролся на собственную мину и погибъ со всѣмъ экипажемъ. Жалко и стыдно! заканчиваетъ грустнымъ тономъ подполковникъ Будбергъ, самъ всегда строго относившійся къ своимъ обязанностямъ и не щадившій силъ на отвѣтственномъ посту начальника штаба пограничной крѣпости.

[1]) Крейсеры: *Россія, Богатырь, Рюрикъ* и *Громобой*.

[2]) Предписаніе объ отправленіи въ свою часть.

[3]) Большой городъ съ 200,000 населенія почти на одной широтѣ съ Владивостокомъ.

На другой день — праздникъ; зайдя въ Институтъ проститься и помолиться въ институтской церкви, узналъ, что по окончаніи литургіи будетъ панихида о погибшемъ на транспортѣ *Енисей* мичманѣ Хрущовѣ. Покойный въ эту зиму находился во Владивостокской крейсерской эскадрѣ, кажется, на крейсерѣ *Богатырь*. Желая пополнить образованіе, онъ состоялъ вольнослушателемъ Института, гдѣ изучалъ китайскій и англійскій языки и политическую экономію. Отчетливо представляю себѣ черты симпатичнаго юноши, скромно, почти застѣнчиво входящаго въ аудиторію и садившагося обыкновенно на заднюю скамейку. Въ январѣ онъ былъ переведенъ съ повышеніемъ въ Артуръ... Панихиды по немъ я, однако, не дождался,—надо было спѣшить вооружаться противъ болѣе сильнаго врага, чѣмъ японцы,—противъ мороза, который въ эти дни крѣпко стоялъ во Владивостокѣ. Надо было запастись теплою одеждой. Ходили слухи о вѣроятномъ движеніи въ Корею съ ея суровымъ климатомъ.

3-го февраля на вокзалѣ въ кассѣ спрашиваю билетъ.

— Билетовъ нѣтъ! отвѣчаетъ кассиръ; — распроданы еще три дня тому назадъ.

— Ну, для меня все равно было бы мѣсто, я могу ѣхать и безъ билета; я по «мобилизаціи». Гдѣ комендантъ станціи?

Эти два магическихъ слова: «мобилизація» и «комендантъ», дѣйствуютъ на станціонное начальство—меня водворяютъ въ вагонъ. Давка невообразимая: изъ Владивостока вывозятъ всѣ учрежденія; уѣзжаютъ семейства служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ, эти—по росписанію; обыватели стремятся уѣхать на-удачу. На вокзалѣ буквально стонъ стоитъ: женщины въ слезахъ, пищатъ дѣтишки, вездѣ толкутся, суета. Станціонные служащіе сби-

лись съ ногъ: то имъ угрожаютъ, то ихъ умоляютъ. «Помилуйте, громко ворчитъ военный, я ѣду по предписанію, а мнѣ мѣста не даютъ». Ветеринарный врачъ жалуется на то, что не берутъ три пуда казеннаго желѣза... «Дайте мнѣ билетикъ на собачку», упрашиваетъ кассира какая-то личность.

— Будьте здоровы, прощайте, говоритъ, прощаясь со мной, нашъ институтскій батюшка[1]), — я увѣренъ, что вы вернетесь живы и здоровы, и что мы будемъ опять учиться вмѣстѣ.

Изъ Раздольнаго въ Ляоянъ.

3-го февраля я прибылъ въ полкъ, въ Раздольное[2]), и принялъ въ командованіе свою прежнюю 2-ю роту. Несмотря какъ на нарочно стоявшіе сильные морозы, приходилось заниматься съ прибывшими молодыми солдатами и запасными: производились ротныя и баталіонныя ученія...

6-го февраля началось выступленіе полка пятью эшелонами изъ поста Раздольнаго на станцію того же имени, а оттуда, по желѣзной дорогѣ, въ южную Манчжурію. 7-го февраля, въ 8 час. вечера, долженъ былъ выступить 3-й (нашъ) эшелонъ, въ составѣ четырехъ ротъ, и какъ разъ передъ самымъ выходомъ изъ казармъ баталіона пришли изъ Никольска Уссурійскаго 240 ч. запасныхъ на укомплектованіе полка. Отправленіе эшелона задержали часа на $1^1/_2$, пока ихъ обмундировывали, раздавали снаряженіе и вооруженіе. Все это было заранѣе разложено по комплектамъ[3]). Въ полтора часа запасныхъ успѣли осмотрѣть

[1]) Отецъ Булгаковъ читаетъ въ Институтѣ богословіе.
[2]) Село Раздольное въ 60 верстахъ отъ Владивостока.
[3]) Въ каждомъ узлѣ были обмундированіе и снаряженіе на одного стрѣлка.

(врачъ), одѣть, снарядить, напоить, накормить и разбить по ротамъ. Командиръ баталіона, подполковникъ К., и офицеры буквально сбились съ ногъ...

Наконецъ, въ 12 часовъ ночи поѣздъ съ нами отошелъ отъ ст. Раздольное; большинство людей размѣстилось въ товарныхъ, отапливаемыхъ переносными печами, вагонахъ (офицеры въ вагонѣ 3-го класса); небольшая же часть заняла холодные вагоны, что, впрочемъ, не мѣшало тепло одѣтымъ въ папахи, бродни [1]) и полушубки людямъ чувствовать себя хорошо, тѣмъ болѣе, что наступила оттепель.

Въ теченіе пяти сутокъ движенія полка по желѣзной дорогѣ ничего особеннаго не произошло, если не считать временной остановки нашего 2-го эшелона у ст. Кундулинъ [2]), гдѣ мы нагнали его. 2-й эшелонъ былъ задержанъ здѣсь, потому что верстахъ въ 8-ми къ югу хунхузы окружили разъѣздъ пограничной стражи; на помощь пограничникамъ выслали взводъ казаковъ изъ конвоя полевого штаба, ѣхавшаго въ поѣздѣ непосредственно передъ 2-мъ эшелономъ. Стычка кончилась ничѣмъ; по обыкновенію, хунхузы отступили, замѣтивъ приближеніе противника, равнаго себѣ въ силахъ.

Рано утромъ 12-го февраля, краткая остановка на ст. Мукденъ; легкій морозъ, ясно; влѣво, верстахъ въ двухъ, темнѣетъ паркъ вокругъ могилы перваго императора нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи. Вблизи, на запасной вѣткѣ пути, стоитъ поѣздъ съ Намѣстникомъ Русскаго Императора.

Южнѣе Мукдена протекаетъ р. Хун-хэ, притокъ Ляохэ. Проѣзжая по мосту, я обратилъ вниманіе на пушки,

[1]) Бродни—просторная кожаная сибирская обувь, дающая возможность обертывать ногу толстыми теплыми портянками.

[2]) Южнѣе Харбина.

стоявшія на обоихъ концахъ моста по угламъ, на особыхъ деревянныхъ платформахъ съ брустверами изъ мѣшковъ съ землей; у пушекъ—часовые; часовые и на льду, подъ мостомъ; видимо—дѣло охраны [1]) желѣзнодорожныхъ сооруженій поставлено прочно...

Въ Ляоянѣ.

Въ 11 час. дня, 12-го февраля поѣздъ подходитъ къ ст. Ляоянъ; на дебаркадерѣ—офицеры желѣзнодорожнаго баталіона, одѣтые по-мирному, и всѣ въ чистенькихъ пальто; тутъ же и наши, ранѣе прибывшіе эшелоны. Здороваемся... Роты, высадившись изъ вагоновъ, поставили ружья въ «козлы»; солдатики съ чайниками торопливо бѣгутъ за кипяткомъ въ будку, гдѣ кипятится въ кубахъ вода [2]). Особо назначенныя команды разгружаютъ платформы съ обозомъ, выводятъ изъ вагоновъ лошадей...

Погода пасмурная; снѣгу на землѣ вовсе нѣтъ; холоду не болѣе 2—3°. Съ понятнымъ любопытствомъ всматриваюсь въ сторону гор. Ляояна къ востоку; между городомъ и станціей, примыкая непосредственно къ ней, раскинулся съ правильно разбитыми улицами русскій городокъ, возникшій за послѣдніе 2—3 года. Всѣ дома одноэтажные, изъ темнаго китайскаго кирпича, крыты темною

[1]) Особенное вниманіе обращено на охрану дороги послѣ попытки двухъ японскихъ офицеровъ взорвать Харбинскій мостъ на р. Сунгари. Попытка не удалась—забранные на мѣстѣ преступленія японскіе офицеры были, по приговору полевого суда, повѣшены тутъ же подъ мостомъ.

[2]) Кипятокъ обязательно долженъ былъ быть приготовленъ къ приходу воинскихъ поѣздовъ.

же черепицей,—типъ желѣзнодорожныхъ полуказармъ. Служатъ они въ обыкновенное время помѣщеніемъ для резерва пограничной стражи и для желѣзнодорожныхъ служащихъ; теперь въ нихъ помѣщаются разные штабы и и управленія арміи, госпитали, склады и пр.

Дальше, верстахъ въ $1^1/_2$, темнѣетъ западный фасъ городской стѣны, въ этомъ мѣстѣ безъ зубцовъ[1]). Влѣво, на половинѣ разстоянія между городомъ и станціей, виднѣется башня «Бэйтасы». Основаніе башни состоитъ больше чѣмъ изъ четырехъ сторонъ. Каждая сторона представляетъ громадный медаліонъ, въ серединѣ котораго барельефъ, изображающій буддійскаго святого; фигуры—больше человѣческаго роста. Надъ основаніемъ высится непомѣрно большой куполъ, увѣнчанный металлическою мандаринскою шапкой, съ 7-ю такими же шариками[2]) и павлиньимъ перомъ на верху. Подобнаго вида башни (памятники, часовни) разсѣяны по всей Манчжуріи. Онѣ ставятся въ ознаменованіе историческихъ событій и въ память знаменитыхъ лицъ. Такъ, башня «Бэйтасы» воздвигнута въ честь китайскаго вице-короля, погибшаго на этомъ мѣстѣ около трехъ вѣковъ тому назадъ въ жестокой битвѣ съ корейцами[3]).

[1]) Зубцы и бойницы этой стороны городской стѣны сбиты китайцами по требованію русскихъ за то, что гор. Ляоянъ принималъ живое участіе въ боксерскихъ безпорядкахъ 1900 г.: изъ-за этихъ зубцовъ китайская регулярная артиллерія стрѣляла по станціи Ляоянъ.

[2]) Здѣсь пролегала нѣкогда граница Кореи и Китая; еще до сихъ поръ сохранился мѣстами громадный валъ, обозначавшій границу, и десятки круглыхъ каменныхъ сторожевыхъ башенъ.

[3]) Извѣстно, что чины и званія въ Китаѣ отличаются количествомъ и цвѣтомъ шариковъ на шапкахъ, а также вороньими и павлиньими перьями и лисьими хвостами, носимыми также на шапкахъ.

Первый разъ я увидѣлъ бѣлый куполъ «Бэйтасы» 8-го сентября 1900 года, когда онъ служилъ точкою направленія нашей колоннѣ, наступавшей тогда съ юга, въ составѣ южно-манчжурскаго отряда генералъ-лейтенанта Суботича. Наша лѣвая колонна генералъ-майора Флейшера шла вдоль разрушеннаго боксерами полотна дороги... Какъ тогда, такъ и теперь стояла башня; по одну сторону ея — китайскій городъ, по другую — вокзалъ...

Но какая разница въ картинѣ. Теперь къ востоку, въ китайскомъ городѣ и за нимъ, — тишина; на вокзалѣ же господствуетъ оживленіе, свойственное большимъ желѣзнодорожнымъ депо. Сотни вагоновъ стоятъ на запасныхъ путяхъ. То и дѣло подходятъ поѣзда съ грузомъ и войсками, свистятъ, маневрируя, паровозы, возбуждая вниманіе среди снующихъ повсюду русскихъ солдатъ и китайцевъ; несмотря на начавшееся военное время, на станціи, на дебаркадерѣ, въ толпѣ много штатскихъ, замѣтны женщины, дѣти...

Тогда, къ востоку отъ Ляояна гремѣла канонада отряда охранной стражи полковника[1]) Мищенко, который боролся тамъ съ отступавшими по горамъ китайскими регулярными войсками; съ южной стороны трещали пулеметы средней колонны полковника Артамонова...

На вокзалѣ, мимо котораго шла наша колонна, царила мертвая тишина. Мрачно смотрѣло обгорѣлое зданіе вокзала, черными отверстіями оконъ, зіявшими какъ глазныя впадины скелета, на десятокъ, другой вагоновъ и паровозовъ, облупленныхъ, ободранныхъ, съ отбитыми частями, стоявшихъ кое-какъ вдоль и поперекъ рельсъ...

Невдалекѣ отъ вокзала, около такъ называемаго чумнаго

[1]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ.

барака [1]), послужившаго временною крѣпостью [2]) для отряда охранной стражи подъ командой полковника Мищенко, валялись кости погибшихъ въ бою охранниковъ; похороненные товарищами трупы этихъ охранниковъ были вырыты изувѣрами-боксерами, послѣ отступленія тогда полковника Мищенко на югъ на соединеніе съ нами, и брошены на съѣденіе собакамъ... [3]). Въ то же время на городской стѣнѣ въ деревянной клѣткѣ висѣла съ отрѣзаннымъ языкомъ и выколотыми глазами голова замученнаго китайцами инженера Верховскаго... [4]). Голову ему отрубили не боксеры: судилъ, пыталъ и казнилъ его тифань-гуань (начальникъ области)...

Вообще администрація гор. Ляояна и часть жителей его принимали живѣйшее участіе въ боксерскомъ движеніи, поддерживая волненіе и деньгами, и регулярными войсками. Это потому, что гор. Ляоянъ до сихъ надо считать очагомъ манчжурскаго воинственнаго патріотизма, который во вре-

[1]) По случаю частаго появленія чумы въ южной Маньчжуріи, на каждой станціи желѣзной дороги имѣется чумный баракъ съ соотвѣтствующими приспособленіями.

[2]) Здѣсь отрядъ полковника Мищенко отбивался отъ боксеровъ и китайскихъ регулярныхъ войскъ, причемъ въ русскомъ отрядѣ орудій не было, а китайская артиллерія палила въ баракъ прямо съ городскихъ стѣнъ, съ очень близкаго разстоянія—версты полторы, что́ и побудило полковника Мищенко отступить съ потерей почти четверти отряда.

[3]) Кости эти были подобраны и торжественно снова похоронены.

[4]) Зимой 1900—1901 года братья его (одинъ былъ тогда, кажется, студентъ университета, другой—института Путей сообщенія) пріѣзжали въ Ляоянъ отыскивать тѣло. Тѣло было найдено въ 90 верстахъ отъ Ляояна. Въ экспедицію за нимъ ходила цѣлая рота; тѣло надо было отыскать, потому что желѣзная дорога, въ случаѣ яснаго доказательства смерти Верховскаго, уплачивала что-то очень большую сумму его родственникамъ.

мена народныхъ движеній разгорается здѣсь сильнѣе и ярче, чѣмъ, напримѣръ, въ самомъ Мукденѣ. И не удивительно,—гор. Ляоянъ игралъ большую роль во время покоренія манчжурами Китая.

Ляоянъ очень древній китайскій городъ. Прошлое его теряется въ сѣдой старинѣ: во всякомъ случаѣ, извѣстно, что онъ уже болѣе 1.000 лѣтъ принадлежитъ Китаю и неоднократно бывалъ столицей разныхъ династій, царствовавшихъ въ Китаѣ. Въ худшія времена своей жизни онъ все же пользовался вліяніемъ, то въ качествѣ главнаго города генералъ-губернаторства, то, какъ, напримѣръ, теперь,—областного города. И всегда онъ имѣлъ важное торговое значеніе (сохранилось оно и до настоящаго времени), стоя на большой дорогѣ, соединяющей Корею, которая видала лучшіе дни, съ Пекиномъ. Городъ поэтому давно уже развился и, принявъ крупные размѣры, сосредоточилъ въ себѣ много торговыхъ домовъ и солидную туземную промышленность.

Если не ошибаюсь, Ляоянъ былъ въ 1621 г. взятъ приступомъ первымъ манчжурскимъ императоромъ Тайцзу, послѣ кровавой сѣчи, длившейся трое сутокъ.

Несмотря па мужество китайскихъ войскъ, городъ палъ, и десятки лучшихъ людей—даотаевъ и военачальниковъ, оставшихся вѣрными своему долгу и императору (послѣднему изъ минской династіи), предпочли самоубійство позорной покорности, найдя себѣ смерть въ петлѣ и на днѣ колодца. Тайцзу занялъ Ляоянъ, прежде всего постарался привлечь къ себѣ китайскихъ чиновниковъ-измѣнниковъ, осыпая ихъ милостями и, между прочимъ, прибавилъ слѣдующій чинъ. Тогда же впервые было приказано всѣмъ вѣрноподданнымъ манчжурамъ, новымъ и старымъ, подбривать на лбу волосы и отпустить косы. До этого китайцы носили прическу, подобно корейской—съ кокомъ на

макушкѣ. Тѣмъ, кто не покорялся новому обычаю, попросту рубили непокорныя головы, и косы отросли.

Въ 1625 г. былъ завоеванъ Мукденъ; туда перенесена столица и приступлено къ постройкѣ дворцовъ, которые достроилъ сынъ Тайцзу, Тайцзунъ, такъ какъ самъ Тайцзу въ томъ же году умеръ; затѣмъ начались кровопролитныя войны между Китаемъ и манчжурами. Ляоянъ при этомъ не разъ бывалъ ареной кровавой борьбы. Владѣнія манчжуровъ и энергичныхъ правителей, какими были въ дѣйствительности первые манчжурскіе императоры, въ половинѣ XVII столѣтія достигали уже на западѣ р. Ляохе, на востокѣ уходили въ глубь теперешней Монголіи, а на югѣ гор. Пекинъ сдѣлался столицей имперіи; съ этого же времени началось паденіе политическаго значенія Мукдена и отчасти Ляояна, хотя, съ другой стороны, эти города, да, пожалуй, вся старая Манчжурія, считалась манчжурскими императорами заповѣдными. Сюда до второй половины прошлаго столѣтія не допускались селиться китайцы изъ провинцій собственнаго Китая, что̀, разумѣется, способствовало сохраненію типа.

И теперь еще, несмотря на общія для всего Китая обычаи и одежду, сразу можно отличить желтолицаго,- косоглазаго и флегматичнаго китайца отъ смуглаго манчжура съ его гордою статною осанкой, съ его почти европейскимъ разрѣзомъ горящихъ глазъ... Въ жилахъ такъ называемыхъ «хунгузовъ» [1]) течетъ много чистой манчжурской крови, и она-то гонитъ на берега богатой р. Ляохе, а въ по-

[1]) Слово «хун-гузъ» буквально значитъ «краснобородый»; «хунъ»—красный, «гуйзъ»—борода; хун-гузами вообще называютъ русскіе особенно разбойниковъ въ Манчжуріи, хотя это далеко не такъ. По лѣтописямъ манчжуровъ, наши казаки изъ Забайкалья и Албазина въ XVII столѣтіи проникали далеко въ

слѣднее время на линію русской желѣзной дороги, какъ когда-то кровь горячая да удаль молодецкая гнала нашихъ казаковъ на Волгу-рѣку, да въ степи порубежныя...

Городъ заключенъ въ четыреугольникъ (версты полторы каждая сторона) высокихъ, крѣпкихъ каменныхъ зубчатыхъ стѣнъ [1]) съ башнями надъ воротами: воротъ—шесть; передъ каждыми—выступы для фланкированія подступовъ къ стѣнамъ. Снаружи подлѣ воротъ къ самымъ стѣнамъ прилѣпились лачуги бѣдняковъ. Къ нимъ мы теперь приближаемся, идя по образовавшейся въ самое послѣднее время улицѣ вновь выстроенныхъ фанзъ и наскоро сколоченныхъ бараковъ разныхъ предпринимателей: тутъ «гостиницы», «магазины», есть даже баня... Встрѣчается много «восточныхъ человѣковъ» съ большими носами, кинжалами... и еще съ большими аппетитами... къ наживѣ: это все люди, видавшіе виды—Сахалинъ, напримѣръ...

Изъ полуотворенныхъ дверей сѣро-грязныхъ фанзъ съ окнами, завѣшенными бѣлыми занавѣсками, выглядываютъ полураздѣтыя молодыя женщины. Лица у нихъ утомленныя, подъ глазами синяки... еврейскій язычекъ ихъ хруститъ. Поздравляя гг. офицеровъ съ прибытіемъ, онѣ просятъ не забывать ихъ...

Что дѣлать? Такова уже двойственность человѣческой природы: тамъ, впереди, на боевыхъ позиціяхъ, высокіе подвиги духа... Здѣсь въ вертепахъ—безшабашный разгулъ людей, быть можетъ, только что вчера совершившихъ эти подвиги... и да простятъ имъ тѣ, кто не испыталъ тяжести пребыванія мѣсяцами на бивуакахъ и позиціяхъ пе-

глубь Манчжуріи, доходили, говорятъ, даже до Мукдена и Ляояна; вотъ они-то съ большими русыми бородами впервые получили названіе «хун-гузъ».

[1]) Стѣны эти вообще очень похожи на наши старинные «кремли».

редовыхъ отрядовъ, лишенныхъ часто самыхъ необходимыхъ удобствъ...

Но вотъ мы наконецъ съ облегченнымъ сердцемъ минуемъ это нечистоплотное мѣсто арміи. Говорю слова «съ облегченнымъ сердцемъ», не фарисействуя, потому что громадное большинство офицеровъ шло на войну въ иномъ настроеніи, чѣмъ то, при которомъ требуются подобнаго рода притоны... Реакція наступитъ много позже, да для многихъ, быть можетъ, ей и не суждено наступить.

Идемъ по вѣковому каменному мосту черезъ полузаваленный мусоромъ и землей крѣпостной ровъ; изъ лавочекъ, что по обѣимъ сторонамъ моста, обдало насъ «китайскимъ духомъ»—запахомъ черемши[1]) и бобоваго (кунжутнаго) масла, на которомъ здѣсь же передъ лавками жарятъ, варятъ и пекутъ всякую снѣдь для рабочаго люда. У воротъ стоитъ русскій часовой и сидитъ въ будочкѣ китайскій полицейскій.

Вступаемъ въ городъ. Звуки полковой музыки собрали на улицу толпы горожанъ; съ дружелюбнымъ любопытствомъ разсматриваютъ они насъ; нѣкоторые узнаютъ знакомыхъ офицеровъ; улыбаются, подбѣгаютъ и безъ церемоніи суютъ для здорованья руки, приговаривая: «а шибко знакома капитанъ есть» — «здравствуй — Ляоянъ ходи». Это—мелкіе купцы, приказчики, бойки[2]), познакомившіеся съ полкомъ въ зиму 1900—1901 г., когда полкъ стоялъ по квартирамъ въ Ляоянѣ. Еще и теперь сохранились вывѣски съ названіями улицъ[3]) по фамиліи нашихъ офи-

[1]) Видъ чеснока, очень любимаго китайцами; поэтому отъ нихъ всегда разитъ чеснокомъ.

[2]) Бойка—китаецъ прислуга.

[3]) Главныя улицы назывались: Николаевская, Суботичевская Флейшеровская: на ней лошадь генерала Флейшера, испугавшись выстрѣловъ изъ засады, сбросила генерала.

церовъ, напримѣръ Хабаловская. Квартирьеръ-офицеръ, при помощи русскихъ полицейскихъ солдатъ, разводитъ роты по квартирамъ...

На долю 2-й роты достался постоялый дворъ, обширный, но загаженный и почти безъ бумаги въ окнахъ[1]) помѣщенія... Это значило, что температура внутри та же, что и на дворѣ, то-есть 2^0—3^0; правда, не очень холодно, все же... Зову артельщика и хозяина-китайца, и велю китайцу показать лавку, гдѣ продаютъ бумагу для заклейки оконъ (особая бумага),—артельщику велю немедленно купить; приказываю къ колодцу съ хорошею водой поставить часового,—вырыть отхожія мѣста, указываю мѣста для ротнаго обоза, кухни[2]). Явились переводчики[3]), то-есть китайцы, жившіе въ Уссурійскомъ краѣ и Приамурьѣ и научившіеся немного русскому языку. Они предлагаютъ: «солома-пайза (пайзовая), солома-чумиза (чумизная), гаоляна, картошка»... за все, разумѣется, запрашивая въ три дорога... Приказываю фельдфебелю взять лишь на нынѣшній день... Завтра справимся о цѣнѣ на рынкѣ и въ полиціи[4]). Устроивъ по возможности роту,

[1]) Въ китайскихъ домахъ оконъ въ нашемъ смыслѣ слова нѣтъ, а вся передняя стѣна (иногда и задняя) состоитъ изъ рамъ между столбами, поддерживающими крышу; рамы съ частымъ переплетомъ; на этотъ переплетъ наклеивается особаго сорта прочная бумага, мало подвергающаяся дѣйствію сырости, но пропускающая довольно свѣта. Рамы эти въ случаѣ надобности поднимаются на петляхъ; въ послѣднее время китайцы начали вклеивать въ такія рамы небольшіе четыреугольные стекла.

[2]) Въ каждой ротѣ есть такія кухни.

[3]) Эти переводчики, между прочимъ, большое зло. Пользуясь знаніемъ русскаго языка, они именемъ русскихъ эксплоатируютъ населеніе, особенно при поставкахъ разнаго рода предметовъ довольствія.

[4]) Со времени занятія Ляояна въ 1900 году существовалъ здѣсь и полицеймейстеръ, и полиція; обязанности эти исполнялись строевыми чинами.

вхожу, наконецъ, въ офицерское помѣщеніе—мои офицеры сидятъ, понуря голову. «Ничего», утѣшаю ихъ, «могло быть и хуже, если бы насъ прямо поставили въ чистомъ полѣ или на позицію, а тутъ мы все-таки»... хотѣлъ было сказать въ «теплѣ», да оглядѣвшись, поправился и сказалъ: «подъ кровомъ».

Мы занимали отдѣленіе постоялаго двора, предназначенное для «чистой публики», иначе для господъ, но господа здѣсь останавливались видимо не важные. Занятое нами помѣщеніе почти ничѣмъ не отличалось отъ сосѣдняго (гдѣ теперь размѣстились стрѣлки) для чернаго народа: тѣ же закоптѣлыя стѣны, глинобитный полъ [1]), отсутствіе потолка [2]) обнаруживало стропила и поперекъ ихъ плотно пригнанные другъ къ другу стебли гаоляна. По одну сторону комнаты канъ съ подтопкой внутри [3]). Только окна исправнѣе, бумага прорвана въ немногихъ мѣстахъ; есть даже кусочекъ стекла, вклееннаго въ середину... но за то сквозь щели и пазы оконныхъ рѣшетокъ несетъ снаружи холодомъ, а между двумя плохо пригнанными верхними бревнами былъ виденъ «бѣлый свѣтъ»; чрезъ и дыры тонкой перегородки, наполовину изъ дерева, отдѣлявшей насъ отъ солдатъ, и черезъ неплотно притворявшуюся такую же дверь (выходить на дворъ приходилось чрезъ солдатское помѣщеніе) проникалъ оттуда всякій звукъ... Позвалъ хозяина, далъ ему рубль и попросилъ, чтобы онъ, купивъ оконной бумаги, оклеилъ рѣшетки по зимнему, то-есть и съ другой стороны... Попросилъ также затопить канъ. Китаецъ наложилъ въ него

[1]) Въ болѣе или менѣе благоустроенныхъ фанзахъ полъ, обыкновенно, каменный, изрѣдка даже деревянный.

[2]) Потолки въ городскихъ фанзахъ явленіе обыкновенное; правда, они бумажные, но отъ этого холоднѣе не бываетъ.

[3]) Въ хорошихъ фанзахъ канъ топятъ со двора.

каменнаго угля... [1]) пополамъ съ глиной [2]) и поджегъ гаоляномъ... Уголь разгорѣлся—фанза наполнилась удушающимъ сѣрнымъ запахомъ, [3]) по ней заходили облака синеватаго дыма... Солдатики, чтобы согрѣть свое отдѣленіе и «сварить» чай, затопили также фанзу; неисправные каны задымились... Мы начали кашлять, чихать и поскорѣе одѣваться.

Выходъ изъ нашего положенія былъ единственный—на дворъ, куда мы и ушли, приказавъ вѣстовымъ открыть настежь еще не совсѣмъ заклеенныя рамы... Пошли въ городъ бродить по русскимъ [4]) и китайскимъ съ европейскими товарами лавкамъ... Въ одной изъ нихъ увидѣли переносную желѣзную печку—спрашиваю: «сколько стоитъ?» Китаецъ запросилъ что-то дорого.

— У меня есть двѣ небольшія чугунныя печечки, по 7 руб. штука, при каждой изъ нихъ по два колѣна трубъ... Если вамъ угодно, могу продать,—говоритъ какая-то юркая личность въ пальто, съ бородкой клиномъ и съ сильнымъ сивушнымъ запахомъ.

— Гдѣ же вы живете?

— А за станціей, тамъ у меня баня для солдатиковъ, по гривеннику съ персоны... А коли ежели для господъ офицеровъ, такъ номера...

Личность не договариваетъ чего-то, но, хитро прищу-

[1]) Куча угля была навалена тутъ же въ углу комнаты.

[2]) Китайцы кладутъ уголь пополамъ съ глиной, во избѣжаніе большаго жара, также, чтобы дольше держалось тепло въ канахъ, матеріаломъ для которыхъ служатъ необожженный кирпичъ, глина и дерево.

[3]) Уголь невысокаго качества, содержитъ примѣсь сѣры.

[4]) Лавки существовали съ 1900 года, такъ какъ со времени занятія города русскія войска отсюда не выводились, да и на большой станціи много служащихъ, поэтому явилась потребность въ русскихъ лавкахъ.

рившись, сладко улыбается. Условились, что я пришлю завтра за печкой солдатъ.

Вечеромъ пришли молодые солдаты по 40 чел. на роту; спать уложили ихъ прямо на полъ, на снопы гаоляна. Спали они въ повалку, въ полушубкахъ, не раздѣваясь, хотя, благодаря во-время заклеенпымъ окнамъ и тѣснотѣ, температура въ эту первую ночь, думаю, была не ниже 4—5° въ ихъ помѣщенiи, въ нашемъ же офицерскомъ— вѣроятно 0°, потому что денщики, провѣтривая комнату, настудили ее, да и испорченный канъ больше дымилъ, чѣмъ давалъ теплоту.

Въ Ляоянѣ простояли мѣсяцъ, сходя съ плацу только ѣсть и спать. Въ какихъ-нибудь двѣ недѣли прошли съ молодыми [1]) и запасными одиночныя занятiя; затѣмъ начали съ ними стрѣльбу и, поставивъ ихъ въ общiй строй, приступили въ то же время къ ученьямъ цѣлыми ротами. Когда однѣ роты стрѣляли, тогда другiя занимались разсыпнымъ или сомкнутымъ строемъ.

Роты сколачивались наскоро изъ разнаго матерiала. Кромѣ молодыхъ и запасныхъ, прибыли къ намъ въ Ляоянъ на укомплектованiе человѣкъ по 20-ти на роту старослужащихъ изъ полковъ Европейской Россiи. Прiѣхало шесть чел. новыхъ офицеровъ. Но, несмотря на такой сборный составъ, общее настроенiе было превосходное, благодаря чему занятiя спорились. Надо было видѣть, съ какимъ рвенiемъ молодые въ особенности принялись за ученье. Въ два-три дня они усвоивали то, на что въ обыкновенное время потребовались бы недѣли.

Понятно, мы не могли въ такой короткiй срокъ сдѣлать изъ нихъ хорошихъ стрѣлковъ; къ тому же и сокращен-

[1]) Молодые прибыли къ намъ, нигдѣ не обучаясь ранѣе, слѣдовательно брались за ружье впервые.

ный курсъ стрѣльбы, положенный при мобилизаціи для молодыхъ и запасныхъ, проходился при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: на плохомъ стрѣльбищѣ, въ холодное время года, иногда при снѣгѣ и сильномъ вѣтрѣ.

Впрочемъ, на войнѣ мѣткая одиночная стрѣльба, которой такъ добиваются въ мирное время, по моему мнѣнію, рѣдко примѣнима.

Самый храбрый, самый хладнокровный солдатъ, приближаясь къ непріятелю или видя его приближающимся къ себѣ, начинаетъ волноваться, теряя необходимое для мѣткой стрѣльбы спокойствіе.

Вполнѣ достаточно, если стрѣлки въ состояніи болѣе или менѣе мѣтко и быстро засыпать пулями площадь, по которой идетъ, бѣжитъ или ползетъ противникъ.

Къ такой стрѣльбѣ наши молодые были до извѣстной степени подготовлены.

Но даже и отличный стрѣлокъ и строевикъ не можетъ еще считаться надежнымъ солдатомъ, если онъ не проникнутъ чувствомъ долга.

Въ этомъ отношеніи мы также могли быть спокойны за нашихъ молодыхъ: стоило только взглянуть на ихъ честныя, открытыя лица[1]) деревенскихъ парней, чтобы сказать: «да, они беззавѣтно лягутъ костьми за Царя и Родину».

Производя въ началѣ марта смотръ полку, вновь назначенный командиръ корпуса генералъ-лейтенантъ Сахаровъ[2]) сказалъ: «Выправка молодыхъ и запасныхъ сол-

[1]) Въ своемъ мѣстѣ я скажу, какъ характерно выразился генералъ Куропаткинъ при одной встрѣчѣ съ полкомъ по поводу этихъ и имъ подобныхъ лицъ.

[2]) Генералъ Сахаровъ вскорѣ послѣ этого, будучи назначенъ начальникомъ штаба арміи, сдалъ корпусъ новому командиру корпуса, генералъ-лейтенанту барону Штакельбергу.

датъ такая же молодцоватая, какъ и кадровыхъ, а стройность движеній указываетъ на достаточную сплоченность и вниманіе людей».

И это было дѣйствительно такъ.

Благодаря опыту трехгодичнаго манчжурскаго похода при усмиреніи боксёрскихъ волненій, ротные командиры, отдѣляя важное отъ неважнаго, учили молодыхъ только тому, что они должны были примѣнить на первомъ же переходѣ, въ первой сторожевой цѣпи или при первомъ столкновеніи съ непріятелемъ. Ничего лишняго.

Всѣ кадровые (унт.-офицеры и рядовые стрѣлки), т. е. тѣ нижніе чины, которыхъ объявленіе войны застало въ ротѣ, явились въ свое время къ намъ на походѣ въ Манчжуріи молодыми; на походѣ же они и обучались.

Несомнѣнно, что теперь они въ массѣ служили тѣмъ цементомъ, который связывалъ въ одно крѣпкое цѣлое чуждые другъ другу элементы и молодыхъ и запасныхъ и прибывшихъ изъ Европейской Россіи старослужащихъ.

Запасные, впрочемъ, не были намъ совсѣмъ чужими. Большинство изъ нихъ [1]) отбывали службу въ нашихъ же полкахъ и съ нами участвовали въ Китайскомъ походѣ.

Въ Ташичао.

10-го и 11-го марта полки бригады съ артиллеріей эшалонами передвинулись по желѣзной дорогѣ на югъ и расположились въ окрестностяхъ ст. Ташичао. Нашъ полкъ занялъ большую деревню Сяодзятунь, верстахъ въ трехъ отъ станціи.

[1]) Первыя партіи запасныхъ состояли изъ призванныхъ въ Приамурскомъ военномъ округѣ.

Приспособивъ отведенныя подъ постой фанзы для мало-мальски сносной жизни, здѣсь, такъ же какъ въ Ляоянѣ, принялись за строевыя занятія: занимались разсыпнымъ строемъ, сторожевой службою, самоокапываніемъ, полевой гимнастикой. Съ прибытіемъ сюда новой партіи запасныхъ, ряды въ ротахъ были доведены до полнаго комплекта. Съ вновь прибывшими прошли положенную стрѣльбу, да, пользуясь случаемъ, повторили стрѣльбу съ молодыми и ранѣе пришедшими запасными.

Начались тактическія ученья по-ротно, по-баталіонно и большими отрядами совмѣстно съ артиллеріей; ученья производились или съ обозначеннымъ[1]) противникомъ, или на двѣ стороны; маневрировали преимущественно по горамъ, чтобы пріучить людей взбираться на нихъ, имѣя въ виду гористый характеръ предстоящаго театра войны— южную и юго-восточную Манчжурію.

Стрѣлки относились къ занятіямъ съ полнымъ вниманіемъ. Имъ постоянно внушалось, что японцы — врагъ храбрый и въ военномъ дѣлѣ искусный и что одной силой да храбростью ихъ не побѣдишь, а надобно при этомъ умѣнье.

Пріѣхало еще нѣсколько новыхъ офицеровъ, въ томъ числѣ поручикъ Смирновъ съ офицерскимъ «Георгіемъ» и безъ руки; руку онъ потерялъ подъ Карсомъ въ прошлую русско-турецкую войну. Поручикъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе,—всѣ смотрѣли съ уваженіемъ на его пустой болтающійся лѣвый рукавъ. — «Что это вамъ вздумалось, вѣдь уже повоевали, да и пожили не мало», говорили поручику».—«Да и жилось недурно»,—отвѣчалъ онъ— «жилъ на Кавказѣ, получалъ пенсію и еще кое-какое жалованье по должности помощника библіотекаря, но вотъ,

[2]) Флагами.

когда началась война, потянуло... неловко какъ-то сидѣть на печи... Ну и просилъ какъ особой Высочайшей милости (предѣльный возрастъ я уже пережилъ), разрѣшенія ѣхать сюда къ вамъ—прошу любить и жаловать». Мы были отъ души рады нашему товарищу. Изъ отставки, безъ руки, георгіевскій кавалеръ, — офицеръ [1]) этотъ былъ живой примѣръ для нашей молодежи, какъ офицерской, такъ и солдатской.

Почти всѣ вновь прибывшіе офицеры производили благопріятное впечатлѣніе. Безъ неумѣстнаго геройскаго вида, хотя съ хорошей офицерской выправкой, выдержанные, дѣльные, они вначалѣ скромно помогали намъ въ черной работѣ по устройству походнаго быта солдатъ и по строевымъ занятіямъ, а потомъ, когда пришлось, нѣкоторые изъ этихъ доблестныхъ офицеровъ въ первыхъ же бояхъ сложили свои головы настоящими героями, какъ, напримѣръ, милый и симпатичный юноша подпоручикъ Сукманъ, погибшій, отходя въ числѣ послѣднихъ изъ Вафангоускаго боя, и шт.-капитанъ Каукинъ, убитый близъ Дачепу, когда онъ впереди своихъ охотниковъ лѣзъ на гору, занятую японцами.

24-го марта, въ 4-мъ часу пополудни, наша дивизія и другія части, расквартированныя въ ближайшихъ къ станціи Ташичао [2]) деревняхъ, выстраивались на смотръ командующаго арміей, генералъ-адъютанта Куропаткина.

Имѣя предъ глазами большую, оживленную желѣзнодорожную станцію и видя толпы окрестныхъ жителей-ки-

[1]) Командуя подъ Вафангоу пластунами (пѣшими охотниками), поручикъ Смирновъ былъ тяжело раненъ въ ногу. Ногу, хотя и искалѣченную, удалось спасти.

[2]) Ст. Ташичао — верстахъ въ 250 къ сѣверу отъ Артура; это — узловая станція; отъ нея идетъ вѣтка на Инкоу (Нью-Чуанъ),—большой торговый портъ, лежащій на берегу моря при устьѣ рѣки Ляохэ, верстахъ въ 20-ти отъ Ташичао.

тайцевъ, пришедшихъ посмотрѣть на русскія войска, которыя въ данный моментъ, становясь въ смотровой строй, свертывались въ густыя колонны, намъ, участникамъ похода 1900 года, невольно представлялись иныя картины: окружающія станцію Ташичао горы заняты враждебными намъ китайскими войсками. Къ сѣверу и къ югу отъ Ташичао горятъ, подожженные боксерами, станціи, желѣзнодорожные мосты, шпалы. Искры сыплются отъ нихъ, разжигая людскія страсти. Въ дыму и огнѣ стоятъ окрестныя деревни... большинство жителей бѣжало въ горы, многіе изъ оставшихся погибли: пуля, пущенная стрѣлкомъ или казакомъ-охранникомъ въ поджигателя-боксера, нерѣдко попадала въ мирнаго поселянина.

Теперь дорога цѣла, цѣлы и благоденствуютъ [1]) деревни, и жители ихъ не бѣгутъ при видѣ русскихъ войскъ, а наоборотъ,—смотрятъ на русскихъ военачальниковъ, какъ на представителей порядка и справедливости [2]).

Показался вдали бѣлый значокъ командующаго арміей, только-что прибывшаго на поѣздѣ изъ Инкоу. Начался объѣздъ полковъ, потомъ церемоніальный маршъ баталіон-

[1]) Жители получаютъ деньги за постой войскъ; выгодно продаютъ имъ топливо, фуражъ, провіантъ, продукты. Повсюду на деревенскихъ улицахъ импровизованные торговцы торгуютъ на лоткахъ сухими дынными сѣмячками, грушами, гребенками, зеркальцами, табакомъ, папиросною бумагой и пр. Мальчишки съ корзинами то и дѣло выкрикиваютъ: «хлѣба галяча, яйца валена, яйца злыя» (сырыя). И что замѣчательно, во многихъ семействахъ не увозятъ женщинъ въ другія деревни, какъ это дѣлалось прежде при приходѣ русскихъ войскъ. Дѣтишки-китайчата прямо подружились съ солдатами, лакомясь у нихъ хлѣбомъ: для китайскаго простолюдина «хлѣбъ насущный» есть рисъ, а хлѣбъ всякаго вида уже составляетъ лакомство, въ родѣ нашихъ пряниковъ.

[2]) Очень часто китайцы, притѣсняемые своими властями, обращаются за защитой къ русскимъ.

ными колоннами, со знаменами впереди. Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ остался очень доволенъ бравымъ видомъ и замѣтнымъ воодушевленіемъ войскъ; мы, впрочемъ и надѣялись, что полки нашей дивизіи произведутъ хорошее впечатлѣніе на командующаго арміей. Надѣялись потому, что недавнее боевое прошлое воодушевляло войска: многіе изъ присутствовавшихъ здѣсь офицеровъ и значительная часть унтеръ-офицеровъ участвовали въ бояхъ съ китайцами съ небольшимъ три года тому назадъ на этихъ именно мѣстахъ.

Теперь мы стояли въ ожиданіи смотра, а 28-го іюля 1900 года—слушали здѣсь молебенъ о дарованіи побѣды надъ многочисленнымъ, стоявшимъ противъ насъ врагомъ, котораго и разбили, несмотря на его крѣпкія позиціи, занявъ, послѣ трехдневнаго боя, городъ Хайченъ [1]).

Цѣль для насъ, какъ теперь, такъ и тогда,—одна и та же—непріятель; но какая разница въ средствахъ для достиженія ея? Тогда наши три полка съ небольшимъ количествомъ артиллеріи и казаковъ носили громкое названіе Южно-Манчжурскаго отряда, теперь же собравшіяся на смотръ войска составляли только часть южнаго авангарда дѣйствующей арміи. И если бы японцы, высадившись гдѣ-либо на Ляодунскомъ [2]) полуостровѣ, вздумали сосчитать наше число, то навѣрное не досчитались бы многихъ... своихъ...

Этотъ первый намъ смотръ командующаго арміей былъ первымъ вообще смотромъ и для прибывшихъ изъ Евро-

[1]) Въ 30 верстахъ къ сѣверу отъ Ташичао.

[2]) Южную оконечность котораго образуетъ бывшій въ арендѣ у Россіи Квантунскій полуостровъ, гдѣ лежитъ Портъ-Артуръ.

пейской Россіи, только-что сформированныхъ, нашихъ третьихъ баталіоновъ [1]).

Третьи баталіоны, прибывъ, увеличили численность дѣйствующей арміи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, влили въ насъ новыя духовныя силы: они принесли съ собой и передали намъ благословеніе и любовь дорогой нашей Родины и Государя. По словамъ прибывшихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, они на всемъ пути отъ Петербурга были предметомъ самыхъ горячихъ овацій со стороны всѣхъ классовъ населенія: нижнихъ чиновъ засыпали подарками, деньгами; надѣвали на нихъ крестики... Офицерамъ, какъ представителямъ части, устраивались торжественные проводы, встрѣчи, подносились иконы...

Благословляя ихъ, Государь съ русскимъ народомъ благословляли и насъ на ратное дѣло.

На третій день Пасхи состоялась торжественная передача 1-му Восточно-Сибирскому стрѣлковому Его Величества полку иконы преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, пожалованной Государемъ Императоромъ Своему полку и переданной Имъ лично вновь сформированному 3-му баталіону полка. О Высочайшемъ смотрѣ 3-му баталіону и о пожалованіи иконы командиръ полка своевременно получилъ изъ Петербурга телеграмму.

Баталіонъ въ серединѣ марта прибылъ въ полкъ, пробывъ въ пути слишкомъ мѣсяцъ.

30-го марта полкъ въ полномъ составѣ построился покоемъ для принятія иконы, имѣя въ серединѣ церковный наметъ.

[3]) До того времени Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки состояли изъ двухъ баталіоновъ. Съ прибытіемъ третьихъ баталіоновъ наша бригада была переименована въ дивизію, такъ же какъ и другія Восточно-Сибирскія стрѣлковыя бригады.

Команда «на-караулъ!»—и командующій дивизіей генералъ-майоръ Гернгроссъ [1]) громко прочелъ слѣдующую телеграмму Государя:

«Командиру 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка изъ Петербурга, на поѣздъ № 135, городъ Харбинъ.

«Да благословитъ Господь выступленіе Моихъ стрѣлковъ въ походъ. Надняхъ я смотрѣлъ и напутствовалъ вновь сформированный баталіонъ, которому передалъ икону Св. Серафима, Саровскаго Чудотворца. Желаю, чтобъ икона сія всюду сопровождала Мой полкъ въ походѣ [2]).

«*НИКОЛАЙ*».

[1]) Будучи командиромъ охранной стражи Восточно-Китайской желѣзной дороги, генералъ Гернгроссъ во время боксерскихъ безпорядковъ въ 1900 году отстоялъ отъ китайцевъ гор. Харбинъ.

[2]) Эта телеграмма Государя была отвѣтомъ на посланную командиромъ полка Его Величеству такую телеграмму:

«Всеподданнѣйше доношу Вашему Величеству, что Сибирскіе Имени Вашего Величества стрѣлки, горячо помолившись о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и Вашей Августѣйшей Семьи и за Родину, 7 февраля пятью эшелонами выступили въ походъ въ южную Манчжурію.

«*Полковникъ Хвастуновъ*».

Въ отвѣтъ на полученную отъ Государя телеграмму, командиромъ полка была послана телеграмма слѣдующаго содержанія:

«Его Императорскому Величеству.

«Сибирскіе Имени Вашего Величества стрѣлки, горячо помолившись предъ иконой Святого Саровскаго Чудотворца о здравіи и долгоденствіи Вашего Величества и Вашей Августѣйшей Семьи, приносятъ вѣрноподданическія поздравленія съ праздникомъ Святого Христова Воскресенія и, надѣясь на помощь Всевышняго, приложатъ всѣ старанія оправдать довѣріе своего обожаемаго Монарха, готовясь ежеминутно положить свою жизнь на благо Родины и Престола.

«*Полковникъ Хвастуновъ*».

Громкимъ «ура»! встрѣтили стрѣлки слова Высочайшей телеграммы. Генералъ Гернгроссъ поздравилъ полкъ съ новою Монаршею милостью, а командиръ полка, принявъ икону отъ командира прибывшаго 3-го баталіона, подполковника Будаговскаго, передалъ ее полковому священнику, отцу Іоанну Врублевскому. Сказавъ соотвѣтствующее случаю слово, отецъ Іоаннъ благословилъ иконой колѣнопреклоненнаго командира полка, полковника Хвастунова, и передалъ ему этотъ новый священный знакъ Монаршаго вниманія къ полку. Послѣ молебна св. Серафиму, офицеры и стрѣлки справа рядами, набожно крестясь, прикладывались къ иконѣ новоявленнаго Россіи чудотворца, почерпая въ этомъ новыя силы для борьбы съ врагомъ родины и христіанства. Церемонія передачи иконы закончилась церемоніальнымъ маршемъ.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ только-что пережитыхъ торжественныхъ минутъ Сибирскіе стрѣлки Его Величества, подъ звуки полкового марша, молодцовато проходили мимо командующаго дивизіей у подножія горъ, съ которыхъ еще не такъ давно летѣли на ихъ головы непріятельскія пули.

Въ Хайченѣ—смотръ командующаго арміей генерала Куропаткина.

Въ концѣ апрѣля 1-я Восточно-Сибирская стрѣлковая дивизія съ ея артиллеріей была передвинута походнымъ порядкомъ къ г. Хайчену: послѣ тюренченскаго боя на линію Ляоянъ—Хайченъ надвигалась черезъ Фынъ-хуанъ-ченъ армія Куроки. Въ первые дни полки разбили свои палатки на площадкахъ между станціонными зданіями. Спасаясь отъ пыли и отъ нечего дѣлать, офицеры ходили на станцію, гдѣ команды нашихъ стрѣлковъ спѣшно гру-

зили въ вагоны для отправки на Сѣверъ мѣшки съ овсомъ, мукой... Громадные, какъ горы, бунты изъ такихъ мѣшковъ стояли близъ станціи. Казалось, въ мѣсяцъ всего не вывезешь. Между тѣмъ японцы могли появиться на дняхъ... На самой станціи жизнь шла своимъ порядкомъ—работалъ даже станціонный буфетъ, хотя въ немъ можно было получить только яичницу съ ветчиной, кусокъ копченаго кэтоваго [1]) балыка, весьма соленаго, и котлеты, безъ того намъ надоѣвшія въ офицерской столовой; ихъ, понятно, не брали, а балыкъ съ ветчиной, также очень соленой и также древняго происхожденія, запивали скевернымъ японскимъ пивомъ; пили, впрочемъ, немного. Буфетчикъ за всё бралъ втридорога, но на него за это не пеняли, — своими плохими закусками онъ всё же разнообразилъ нашъ собранскій столъ, когда достать нигдѣ и ничего не было возможности; къ тому же буфетчикъ храбро оставался при исполненіи своихъ обязанностей, несмотря на приближеніе японцевъ, пугавшихъ другихъ торговцевъ и маркитантовъ. Весь этотъ людъ, преимущественно армяне и греки, сидѣлъ въ Ляоянѣ, гдѣ, правда, еще не было арміи, но уже находился командующій и очень много всякихъ штабовъ, управленій и учрежденій...

Съ линіи уѣзжали послѣднія семейства желѣзнодорожныхъ служащихъ; приходили изъ Портъ-Артура послѣдніе поѣзда... Какъ-то странно было видѣть среди чисто военной обстановки эти демисезонныя пальто, визитки, шляпы, резиновыя галоши... «Едва проскользнули, по насъ стрѣляли», говорили въ публикѣ. На лицахъ говорившихъ еще отражались перенесенныя передряги, испытанныя треволненія. Пришелъ поѣздъ съ командой желѣзнодорожнаго

[1]) Кэта—мѣстная красная рыба въ Приамурьѣ и Уссурійскомъ краѣ, видъ семги.

баталіона и саперъ, снимавшихъ и портившихъ станцію Вафандіанъ—сообщеніе съ Артуромъ прервалось. Носятся слухи, что японцы перетягиваютъ войска съ Ялу на Ляодунъ, чтобы окончательно отрѣзать Портъ-Артуръ... Никто вѣрнаго ничего не знаетъ—всѣ въ тревожномъ ожиданіи...

Наша пыльная стоянка близъ хайченскаго вокзала отмѣтилась незначительнымъ, повидимому, происшествіемъ. Вижу какъ-то—бѣгутъ солдаты къ казармамъ пограничниковъ, кто безъ сапогъ, кто безъ шапки, однимъ словомъ, кто въ чёмъ; пошелъ за ними.—«Что случилось?» спрашиваю.—«Такъ что японца поймали»...

Короткое, красноватое съ энергичными чертами лицо, въ противоположность длинному, матовому и флегматичному—китайцевъ; особенно густая щетина коротко остриженныхъ черныхъ жесткихъ волосъ на круглой головѣ изобличала форменнаго японца, хотя на немъ не только не было формы, но—просто ничего: коренастый, съ чувственными губами японецъ былъ au naturel... даже безъ фиговаго листка...

Эта военная хитрость спасала ему жизнь. Попадись онъ въ военной формѣ,—кромѣ плѣна ему ничто бы не угрожало; но въ японской военной формѣ далеко не уйдешь среди русскихъ. Всего вѣроятнѣе, ему удалось пробраться къ намъ переодѣтымъ въ китайское платье и съ прицѣпленной косой. Онъ ходилъ, осматривалъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе кого-либо изъ преданныхъ намъ китайцевъ [1]) или опытныхъ пограничниковъ; замѣтивъ, что за нимъ наблюдаютъ, спрятался... Когда же увидѣлъ бѣду

[1]) Китайцы въ Манчжуріи принуждены выбирать изъ двухъ золъ меньшее: если, они, быть можетъ, особыхъ симпатій и не питаютъ къ намъ, то за то терпѣть не могутъ японцевъ за ихъ любовь къ китайскимъ «бабушкамъ» (женщинамъ)... Какъ и вездѣ: «cherchez la femme».

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

неминучую быть пойманнымъ (а это значило, при установленіи личности японца, быть повѣшеннымъ), онъ сорвалъ косу, сбросилъ съ себя поскорѣе платье и спряталъ то и другое гдѣ-либо тутъ же въ самомъ сараѣ съ строительнымъ матеріаломъ, въ которомъ онъ хоронился. Быть можетъ, на него случайно наткнулись, можетъ быть, онъ такъ и пришелъ голымъ? Кто его знаетъ? Достовѣрно только то, что изъ нѣдръ сарая онъ явился на свѣтъ Божій въ чемъ мать родила и въ такомъ видѣ предсталъ предъ очами изумленныхъ солдатъ...

Японецъ слегка дрожалъ, не то отъ того, что онъ продрогъ въ сыромъ сараѣ, не то отъ волненія. Какой-то сердобольный солдатикъ накинулъ ему на плечи мѣшокъ изъ-подъ муки. Особеннаго страха не отражалось, впрочемъ, у него на лицѣ—испугъ былъ. Два пограничника [1]), слегка придерживая за голые локти, вели его между добродушно настроенныхъ солдатъ... Группа эта походила на шествіе среди любопытныхъ зѣвакъ двухъ дворниковъ, ведущихъ подъ-руки карманнаго воришку, пойманнаго гдѣ-либо въ Москвѣ на Садовой; вообще эта картина производила бы комичное впечатлѣніе, если бы она не напоминала о двухъ подобныхъ же случаяхъ поимки переодѣтыхъ туземцами японскихъ офицеровъ: въ февралѣ были захвачены двое, пытавшіеся взорвать сунгарійскій мостъ [2]) (ихъ тутъ же подъ мостомъ и повѣсили); другихъ двухъ, переодѣтыхъ въ одежду монгольскихъ ламъ, поймали около Цицикара... Эти попытки настойчиваго стремленія японскихъ офицеровъ проникать въ средину нашихъ войскъ, несмотря на то,

[1]) Нижніе чины отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, главная обязанность которой охранять Восточно-китайскую желѣзную дорогу.

[2]) Подъ самымъ Харбиномъ.

что при поимкѣ ихъ ожидала неминуемая казнь, наводили на серьезныя размышленія. Потому ли японцы хотѣли лично удостовѣриться въ количествѣ и расположеніи нашихъ войскъ, что у нихъ къ этому времени не былъ еще организованъ сборъ свѣдѣній черезъ китайцевъ, или потому, что они не вполнѣ довѣряли имъ, но только, во всякомъ случаѣ, черезъ надежныхъ китайцевъ они могли получать свѣдѣнія о русскихъ войскахъ болѣе точныя, чѣмъ отъ единичныхъ случайно проникавшихъ къ намъ своихъ военныхъ соотечественниковъ. Ничто, напримѣръ, не мѣшало фынхуанченскому тифаньгуаню [1]), область котораго была тогда уже занята японцами, запросить формально хайченскаго тифаньгуаня, сколько у послѣдняго въ области русскихъ. Не запросилъ бы тифаньгуань, могъ бы это сдѣлать какой-либо чиновникъ, другъ и пріятель японцевъ (за деньги между китайскими чиновниками легко найти друзей), который имѣлъ пріятелей и друзей среди чиновниковъ въ Хайченѣ; наконецъ, обыкновенный писарь могъ сослужить службу. Препятствовать такимъ сношеніямъ мы не могли, если бы и вздумали контролировать ихъ канцелярскую переписку: вѣдь она ведется по китайски—іероглифами, а кто изъ русскихъ знаетъ китайскій языкъ? У насъ знаютъ только поговорку: «это для меня китайская грамота».—Допустимъ даже, что хайченскіе (беру для примѣра) тифаньгуань, его чиновники и писаря оказались бы корректными и преданными русскимъ и ничего не отвѣтили бы въ Фын-хуан-ченъ. Что могло-бы помѣшать любому пріѣхавшему со стороны японцевъ китайцу обойти, ну, хоть подъ видомъ «купэзы» [2]), Хай-

[1]) Тифаньгуанъ—начальникъ области (въ родѣ губернатора).
[1]) Купеза на китайско-русскомъ жаргонѣ значитъ—купецъ.

ченъ и всѣ окрестныя деревни и узнать, что̀ ему надо, о русскихъ.

Если бы громадное большинство особенно крестьянскаго населенія, не желая намъ зла, быть можетъ, не стало сознательно давать о насъ свѣдѣнія японскимъ развѣдчикамъ, то всё равно шила въ мѣшкѣ нельзя было утаить. Жители вообще относились къ намъ благодушно, но такъ, какъ можно, напримѣръ, относиться благодушно къ занозѣ, когда она сидитъ въ васъ и не особенно безпокоитъ, мы же и были именно той занозой—тѣмъ постороннимъ тѣломъ, которое, вызывая непріятныя ощущенія въ китайскомъ общественномъ организмѣ, постоянно давало себя чувствовать при малѣйшемъ движеніи. Слѣдовательно, на насъ должны были обращать усиленное вниманіе какъ расположенные, такъ и нерасположенные къ намъ жители,—тѣмъ болѣе, что мы квартировали по ихъ селеніямъ. Впрочемъ, за этотъ принудительный постой, какъ и за все, китайцамъ платили хорошо, что̀, надо отдать справедливость, значительно смягчало и умѣряло недовольство населенія нашимъ непрошеннымъ нашествіемъ и даже отчасти вызывало расположеніе къ русскимъ среди торговцевъ и промышленниковъ, давая имъ хорошій заработокъ. Согласно приказу намѣстника, за постой роты, сотни или батареи еженедѣльно платилось домохозяевамъ по три, кажется, рубля. Платилъ у насъ полкъ [1]) и не каждому въ отдѣльности хозяину, а выборнымъ отъ тѣхъ, дома которыхъ занимала рота [2]). При такомъ, скажу, необходимомъ

[1]) Собственно—хозяйственная часть полковой канцеляріи. Прежде чѣмъ идти въ канцелярію получать деньги, обыкновенно одинъ изъ китайцевъ узнавалъ: какая рота стоитъ въ тѣхъ или другихъ фанзахъ (домахъ)?

[2]) Рота, сотня или батарея обыкновенно занимали по нѣскольку небольшихъ фанзъ.

порядкѣ китайцы,—и жители и власти,—знали, сколько у нихъ въ деревнѣ или въ деревняхъ ротъ, сотенъ и батарей. Узнавать объ этомъ они могли еще и по внѣшнимъ признакамъ: надъ каждымъ ротнымъ дворомъ (гдѣ жилъ ротный командиръ и находилась ротная канцелярія) обязательно висѣлъ большой русскій національный флагъ и доска съ надписью: «такая-то рота или сотня такого-то полка» [1]). Надпись, разумѣется, русская, но необходимо замѣтить, что среди китайцевъ по линіи желѣзной дороги нерѣдко можно было встрѣтить знающихъ русскую грамоту [2]). Итакъ, китайцы могли быть хорошо освѣдомлены о нашихъ силахъ и, дѣйствительно, знали не только число русскихъ войскъ или родъ оружія, но и названія части. А разъ знали китайцы, то отъ нихъ могли узнавать и японцы, какъ черезъ нарочно посылаемыхъ съ ихъ стороны китайцевъ-развѣдчиковъ, такъ и прямой развѣдкой. Окончивъ соглядатайство и записавъ свои наблюденія, такой соглядатай-шпіонъ (какъ наблюдать и на что̀ больше обращать вниманіе, ему несомнѣнно давалась соотвѣтствующая инструкція [3]), представлялъ ихъ пославшему его японскому начальнику, и японскій начальникъ,—прошу замѣтитъ, каждый начальникъ, любой начальникъ разъѣзда, будь то даже нижній чинъ, лишь бы грамотный, хотя бы и не говорилъ на китайскомъ языкѣ, понималъ однако

[1]) Флаги, фонари и надписи требуются уставомъ, чтобы посланный съ приказаніямъ могъ легко разыскать часть.

[2]) Изъ купцовъ и приказчиковъ, долго жившихъ въ Приамурскомъ краѣ; въ Владивостокѣ мнѣ приходилось встрѣчать китайцевъ, довольно грамотно писавшихъ и чисто, безъ акцента, говорившихъ по-русски.

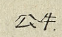
[3]) Послѣ у одного изъ китайцевъ-шпіоновъ нашли листъ, разграфленный на квадратики, въ каждомъ квадратикѣ былъ нарисованъ погонъ той или другой части и было обозначено мѣсто, гдѣ часть въ данное время стоитъ въ Манчжуріи.

написанное по-китайски. Это потому, что языки китайскій и японскій (также корейскій), будучи совершенно различны въ словесномъ выраженіи, имѣютъ одинаковую письменность—китайскую. Письменность эта, какъ извѣстно, идеографическая: слова въ ней обозначаются іероглифами. Напримѣръ слова:

1) Домъ — по-китайски: «фанза», по-японски: «учи», — общій іероглифъ .

2) Гора—по-китайски: «шань», по-японски: «яма»,— общій іероглифъ .

3) Рѣка — по-китайски: «хэ», по-японски: «кава»,— общій іероглифъ .

4) Быкъ — по-китайски: «гу-ню», по-японски: «о-уси»,—общій іероглифъ .

Слова эти состоятъ, какъ видно, изъ разныхъ звуковъ, но выражаемыя ими понятія обозначаются въ обоихъ языкахъ одними и тѣми же іероглифами. Слѣдовательно, всѣ грамотные японцы и китайцы могутъ объясняться, по крайней мѣрѣ, о необходимомъ. Неудобство при объясненіи у нихъ одно: они принуждены вмѣсто того, чтобы говорить,—писать, такъ, сказать, другъ другу письма, хотя бы и сидѣли въ одной комнатѣ. Понятно, насколько общая съ китайцами письменность облегчала японцамъ дѣлать прямыя развѣдки о нашихъ силахъ и намѣреніяхъ... Пока въ опредѣленномъ раіонѣ китаецъ-шпіонъ ходилъ свободно среди русскихъ войскъ, узнавая, что̀ ему надо, въ то же время пославшій его японскій офицеръ самъ съ разъѣздомъ разспрашивалъ жителей деревень передъ фронтомъ сторожевого охраненія этого раіона, чтобы дополнить и провѣрить потомъ свѣдѣнія, добытыя китайцемъ...

Представьте себѣ, читатель, разъѣздъ съ другой стороны—разъѣздъ изъ уральскихъ, оренбургскихъ или дон-

скихъ казаковъ или офицера [1]) генеральнаго штаба во главѣ развѣдочнаго отряда, пріѣхавшихъ мѣсяца два тому назадъ въ Манчжурію откуда-либо изъ Уральска, Новочеркаска, Москвы или Тулы и имѣющихъ понятіе о китайцахъ лишь по чайнымъ этикеткамъ...—Попробуйте представить теперь начальника такого разъѣзда разспрашивающимъ жителей-китайцевъ о числѣ японскихъ войскъ въ окрестностяхъ, о дорогѣ, водѣ, фуражѣ и т. п... Это все равно, что представить себѣ чудо, когда заговорилъ бы вдругъ глухонѣмой.

Однако меня могутъ спросить, какъ же все-таки добывались свѣдѣнія о непріятелѣ: вѣдь безъ нихъ совсѣмъ нельзя обойтись? — Черезъ переводчиковъ-китайцевъ, изучившихъ русскій языкъ, когда они служили «бойками» [2]) (прислугой) въ частныхъ домахъ, гостиницахъ и разныхъ притонахъ Артура и Владивостока... Легко догадаться о ихъ нравственности. Да и такихъ хватало только для штабовъ: въ передовую линію, въ разъѣзды, т. е. туда, гдѣ въ нихъ была особенная нужда, они не шли ни за какія деньги изъ боязни попасться въ плѣнъ къ японцамъ и быть повѣшенными; случалось, что изъ страха или изъ любви къ золоту нѣкоторые изъ переводчиковъ переходили къ нашему противнику, болѣе щедрому на всякаго рода расплату.

Были, вѣроятно, между ними и такіе, которые служили и нашимъ и вашимъ. Попадались, быть можетъ, и искренно преданные намъ, но какъ было, при незнаніи китайскаго языка, провѣрить ихъ преданность? По выраженію лицъ

[1]) На офицерахъ генеральнаго штаба лежитъ, строго говоря, вся отвѣтственность за развѣдку.

[2]) Англійское слово «боу»—мальчикъ—въ портахъ Дальняго Востока значитъ—прислуга, малый.

что ли? Такъ вѣдь это похоже на чтеніе въ мысляхъ и сердцахъ и не всякій на это способенъ. Къ тому же преданность такъ легко смѣшать иногда съ угодливостью. А сколько такіе угодливые переводчики причиняли зла китайскому сельскому населенію, обирая его и творя всякія насилія именемъ русскихъ! Положимъ, à la guerre comme à la guerre, но все же это обстоятельство было въ минусъ намъ. Да и такихъ переводчиковъ, повторяю, было совсѣмъ мало для того, чтобы они могли обслуживать развѣдочно-строевое охраненіе. Безъ нихъ же и безъ знанія языка офицеры, посланные на развѣдки, становились въ тупикъ, изъ котораго не знали какъ выбраться, хотя бы и были снабжены картами [1]), соотвѣтствующими мѣстности.

[1]) Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось читать ламентаціи такъ называемыхъ спеціальныхъ корреспондентовъ о недостаткѣ будто бы въ арміи картъ театра войны и ихъ неточности; эти господа слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ. Не знаю, какъ обстояло дѣло въ этомъ отношеніи послѣ Ляояна, гдѣ я былъ раненъ, но что касается южной части Манчжуріи (отъ Артура до Ляояна включительно), то превосходныя въ крупномъ масштабѣ карты ея имѣлись въ изобиліи и выдавались не только болѣе или менѣе крупнымъ штабамъ и начальникамъ, но и баталіоннымъ командирамъ и всѣмъ намъ, ротнымъ командирамъ, до начальниковъ командъ включительно, каждый разъ, когда предполагалось движеніе въ ту или другую новую мѣстность, чтобы мы могли заблаговременно съ ней ознакомиться. При нѣкоторомъ знакомствѣ съ китайскимъ языкомъ, восточно-сибирскіе стрѣлковые полки отлично оріентировались по этимъ картамъ на мѣстности. Но для войскъ, только-что прибывшихъ изъ Европейской Россіи, онѣ не годились, оказываясь для нихъ «нѣмыми», по крайней мѣрѣ въ первое время... На этихъ картахъ надписи всѣхъ оріентировочныхъ пунктовъ: городовъ, деревень, рѣкъ и т. д., сдѣланы, какъ вообще принято, только по-русски: это и есть ихъ главный недостатокъ. Оріентируясь по картѣ, необходимо удостовѣряться въ тожествѣ того или другого пункта (напримѣръ деревни) на мѣстности съ обозначеннымъ на картѣ, что можно сдѣлать лишь при посредствѣ опроса жителей, т. е.

Помню, — въ такомъ именно безвыходномъ положенiи очутился мой младшiй офицеръ, шт.-капитанъ Мыловъ, недавно прибывшiй въ полкъ, когда корпусной штабъ на-

тѣхъ же китайцевъ, разговоръ которыхъ производитъ на новичка-европейца впечатлѣнiе не членораздѣльной рѣчи, а—шума... Въ большинствѣ случаевъ любой китаецъ, если онъ случайно не знаетъ русскаго языка, когда ему назовутъ написанное на картѣ русскими буквами названiе его деревни, отвѣтитъ: «бу тунда» (не понимаю). Недогадливый офицеръ можетъ принять это «бу-тунда» за названiе деревни и очень удивится, когда встрѣтитъ много такихъ деревень и—ни одной, указанной на картѣ. Однимъ словомъ, легко допустить возможность повторенiя сценъ изъ басни, кажется, Жуковскаго «Каннитферштанъ»... Подобныя недоразумѣнiя необходимо должны были возникать, потому что при транскрипцiи китайскихъ словъ русскими буквами нельзя передать всѣхъ звуковыхъ оттѣнковъ китайскаго языка, не говоря уже о тѣхъ звукахъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ русскомъ, но есть въ китайскомъ языкѣ. Чтобы карты манчжурскаго театра войны удовлетворяли своему назначенiю, на нихъ должны быть надписи, кромѣ русскихъ, еще и китайскiя—iероглифами.—Въ русско-китайскую войну мнѣ съ ротой, иногда и съ двумя, приходилось не разъ, гоняясь за хунхузами, дѣлать по Манчжурiи сотни верстъ безъ переводчика, и, несмотря на это, всегда удавалось попадать куда слѣдуетъ, благодаря имѣвшейся у меня маршрутной японской картѣ (почему не позаботились запастись такими въ эту войну, не понимаю), на которой всѣ орiентировочные пункты были обозначены китайскими знаками (iероглифами). Отмѣтивъ на ней при выступленiи въ походъ деревни, черезъ которыя надо было проходить, и подписавъ имена ихъ, для памяти, по-русски, я бралъ проводника до первой деревни. Въ ней вызывалъ старосту и, тыкая пальцемъ въ знакъ, соотвѣтствующiй деревнѣ (допустимъ Сяодзятунь—малое вмѣстилище), говорилъ: «Чега пудза тей-ла хао?» (эта деревня вѣрно—хорошо?). Китаецъ одобрительно улыбался. Тогда я показывалъ на знакъ слѣдующей деревни, поясняя: «нага пудза яо» (та деревня надо). Китаецъ снова одобрительно кивалъ головой, давалъ проводника до слѣдующей деревни и т. д. Нѣкоторое знанiе китайскаго языка, разумѣется, помогало мнѣ, но въ крайнемъ случаѣ можно было съ такой картой обойтись и безъ него.

значилъ его начальникомъ дальней заставы [1]) изъ 20-ти человѣкъ конныхъ охотниковъ полка и послалъ за 12 верстъ впередъ къ сторонѣ непріятеля стеречь одинъ изъ горныхъ проходовъ. Къ счастью для Мылова, въ командѣ нашлось двое нижнихъ чиновъ [2]), говорившихъ съ грѣхомъ

[1]) Это, собственно, обязанность казаковъ—вообще кавалеріи, но тогда всѣ казаки были съ генераломъ Мищенко на правомъ флангѣ отступавшаго съ Ялу корпуса генерала Засулича, а Приморскій драгунскій полкъ охранялъ побережье Ляодуна; поэтому при нашемъ корпусѣ кавалерійскую службу несла (и хорошо несла) доморощенная кавалерія — конно-охотничьи команды (стрѣлки, посаженные на лошадей), по 120 коней въ полку.

[2]) Между прочимъ одинъ изъ нихъ, старшій унтеръ-офицеръ Плесовскихъ, участвовалъ въ охранѣ предпріятія столь нашумѣвшей Безобразовской компаніи. Въ полкахъ восточно-сибирскихъ стрѣлковъ и забайкальскихъ казаковъ и вообще въ частяхъ, принимавшихъ участіе въ успокоеніи боксерскихъ волненій и затѣмъ—въ оккупаціи Манчжуріи, были и офицеры и нижніе чины, понимавшіе и объяснявшіеся по-китайски. Во время долгихъ стоянокъ по городамъ Манчжуріи съ 1900 г.—по 1903 г. войска, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями, постепенно знакомились съ ихъ языкомъ. Часть офицеровъ принялась за основательное изученіе, беря уроки у китайцевъ, говорившихъ по-русски, между которыми встрѣчались съ европейскимъ образованіемъ и много хорошо знавшихъ русскій языкъ. Я, напримѣръ, зналъ одного китайскаго чиновника, окончившаго курсъ въ учительскомъ институтѣ на Васильевскомъ Островѣ въ Петербургѣ. Нѣкоторые изъ командировъ полковъ по собственному почину, а потомъ и всѣ—согласно приказа намѣстника завели въ полкахъ курсы китайскаго языка для нижнихъ чиновъ. Учителями приглашались китайцы, знавшіе русскій языкъ. Въ нашемъ полку былъ учитель—русскій, окончившій школу толмачей въ Ургѣ, въ Монголіи. Въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ занятій солдатики (по 4 съ роты) настолько выучивались по-китайски, что могли объясняться съ жителями о необходимыхъ въ военно-походномъ быту предметахъ; такъ они могли спросить: сколько стоитъ пудъ мяса; сколько стоитъ десятокъ пучковъ гаоляна; сколько верстъ до слѣдующей деревни; сколько въ ней колодцевъ, хороша ли вода; глубока ли рѣка, есть ли черезъ нея мосты, броды, не слышно ли о японцахъ и т. п. Однимъ

пополамъ по-китайски. Такія же отдѣльныя сторожевыя заставы изъ конныхъ охотниковъ были, по распоряженію генерала Штакельберга, высланы всѣми полками. Онѣ образовали дальнюю линію охраненія, занявъ проходы въ

словомъ, знанія ихъ по китайскому языку были достаточны для цѣлей развѣдки. Но восточно-сибирскія войска составляли исключеніе. Всѣ же войска, прибывшія изъ Европейской Россіи и Сибири, въ томъ числѣ драгуны и казаки (главное назначеніе которыхъ—развѣдка) и разныхъ наименованій штабы, руководившіе развѣдкой, были въ отношеніи китайскаго языка буквально безсловесными... Примѣра такого убогаго знанія языка противника или жителей театра войны (что въ данномъ случаѣ почти одно и то же) однимъ изъ воюющихъ, какой мы дали въ эту войну, врядъ ли можно найти въ военной исторіи. За то во всѣхъ учебникахъ тактики встрѣчается фраза: «...успѣхъ войны зависитъ также и отъ знанія воюющимъ языка той страны, гдѣ ведется война»... Еще понятно было бы, если бы, напримѣръ, нѣмцы знали плохо языкъ племени гереро въ Африкѣ или англичане—языкъ афридіевъ въ Индіи; но наша граница съ Китаемъ измѣряется многими тысячами верстъ въ теченіе вотъ уже нѣсколькихъ столѣтій... Въ томъ, что языкъ китайскій имѣетъ для народовъ Дальняго Востока такое же значеніе, какое для европейцевъ — языкъ латинскій или для мусульманскаго міра — арабскій, я не рѣшаюсь обвинять нашу «бюрократію», какъ это дѣлалъ, — надо полагать, по незнакомству съ предметомъ,—В. Немировичъ-Данченко въ своихъ «слѣпыхъ» фельетонахъ по поводу настоящей войны, хотя въ то же время не могу отрицать факта, что для изученія Дальняго Востока нами сдѣлано очень мало, и то—въ самое послѣднее время. Если не считать Восточнаго факультета при Петербургскомъ университетѣ, студенты котораго, изучая въ Петербургѣ произведенія Конфуція, будучи командированными въ Пекинъ, не могутъ въ первое время сдѣлать безъ переводчика простой покупки въ китайской лавкѣ, то только съ учрежденіемъ во Владивостокѣ Восточнаго Института положено основаніе правильному изученію странъ Дальняго Востока вообще и языковъ: корейскаго, японскаго и китайскаго въ особенности. Душою созданія этого перваго высшаго учебнаго заведенія на берегахъ Тихаго Океана были: извѣстный профессоръ-востоковѣдъ Позднѣевъ—первый директоръ Института и одинъ изъ немногихъ дѣйствительныхъ піонеровъ на

горахъ; черезъ эти проходы неминуемо должны были итти части арміи Куроки при своемъ движеніи на Хайченъ, въ окрестностяхъ котораго по деревнямъ расположился корпусъ. Нашъ полкъ черезъ три дня послѣ прихода подъ Хайченъ перешелъ неподалеку отъ станціи въ большую деревню Іотунь. Здѣсь жизнь потекла такъ же, какъ на стоянкахъ въ Ляоянѣ и подъ Ташичао, наполовину мирная, наполовину

Дальнемъ Востокѣ владивостокскій купецъ Шевелевъ — первый попечитель Института. Благодаря громадной организаціонной энергіи перваго, щедрости и популярности второго и благосклонному содѣйствію бывшаго приамурскаго генералъ-губернатора генерала Гродекова, непреодолимыя, казалось, препятствія, мѣшавшія началу правильной академической жизни, были устранены, и Институтъ, несмотря на короткій срокъ своего существованія, да еще при неблагопріятныхъ условіяхъ, оказалъ въ нужную минуту помощь арміи, выславъ съ началомъ войны въ штабы ея десятка два студентовъ и офицеровъ-слушателей, умѣвшихъ до нѣкоторой степени говорить, читать и писать по-китайски и отчасти по-японски, т. е. образованныхъ русскихъ переводчиковъ, изучавшихъ языки академически. Изъ этихъ двухъ десятковъ (беру наибольшее число) окончило курсъ (1-й выпускъ) всего два офицера и человѣка четыре студентовъ; остальные же были командированы съ 2-го и 3-го курсовъ—слѣдовательно, съ познаніями менѣе чѣмъ удовлетворительными для настоящихъ образованныхъ переводчиковъ. Вотъ все, что Россія была въ состояніи выставить противъ знанія всѣми грамотными японцами китайскихъ іероглифовъ,—противъ тысячъ японцевъ, изучившихъ у себя дома, въ училищахъ, китайскій языкъ академически, противъ десятковъ тысячъ ихъ, выучившихся говорить на этомъ языкѣ, живя въ Китаѣ; противъ сотенъ другихъ японцевъ, знающихъ русскій языкъ какъ образованные русскіе, и противъ десятковъ тысячъ ихъ, выучившихся русскому языку практически, когда они жили въ Приамурьѣ, въ Артурѣ и Уссурійскомъ краѣ въ качествѣ торговцевъ, промышленниковъ, мастеровыхъ, прачекъ и спеціально содержателей домовъ терпимости, во главѣ которыхъ не брезговали стоять офицеры японскаго генеральнаго штаба... (Наши тоже посѣщали таковые въ Артурѣ—американскіе... но съ другой цѣлью... чтобы брать тамъ уроки англійскаго языка при помощи Sleeping dictionary...).

военная. Такъ какъ чуть ли не двѣ трети рядовыхъ состояло изъ молодыхъ и запасныхъ, послѣдніе къ тому же продолжали прибывать, то, какъ только полкъ становился на мѣсто, начинались почти непрерывныя строевыя ученья. Занимались преимущественно прицѣлкой и разсыпнымъ строемъ, самоокапываніемъ и полевой гимнастикой (взбѣганіе на крутизны). Эти занятія смѣнялись сторожевой службой, но уже настоящей, при боевой обстановкѣ. Полки для непосредственнаго своего охраненія высылали очередныя роты въ сторожевую цѣпь. Повѣрялось и осматривалось оружіе; сапожники, по 8—12 человѣкъ въ ротѣ, усиленно чинили обувь и шили новую. Въ ротахъ рѣдкіе люди не имѣли по двѣ пары сапогъ. По вечерамъ, между ужиномъ и повѣркой, стрѣлки, собравшись передъ ротными дворами, пѣли пѣсни, слышались звуки гармоники, Богъ вѣсть откуда сюда занесенной. Китайцы - крестьяне толпились около пѣсенниковъ или выходили объ эту пору посидѣть на скамейкахъ у воротъ, бѣгали ребятишки... даже «бабушки» [1]), позадержавшись съ ведрами у колодца, глядѣли не безъ удовольствія на солдатъ... Картины мирныя, совсѣмъ какъ при постоѣ полка въ русской деревнѣ, даже болѣе мирныя, потому что у солдатъ съ китайцами почти не возникало недоразумѣній изъ-за куръ и бабъ,—главныя причины ссоръ солдатиковъ съ крестьянами въ русскихъ деревняхъ. Не знаю, какъ обстояло дѣло по этой части въ полкахъ, пришедшихъ изъ Россіи, но въ нашихъ сибирскихъ стрѣлковыхъ — еще съ китайской кампаніи люди пріучились смотрѣть съ уваженіемъ на этотъ видъ чужой собственности.—Офицеры жили при ротахъ, на такъ называемыхъ ротныхъ дворахъ. Обѣдать и ужинать ходили въ «офицерское собраніе». Собраніе собственно составляли:

[1]) Такъ китайцы по-русски называютъ женщинъ.

походная офицерская кухня и буфетная двуколка; въ ней возили посуду, немного закусокъ, чай, сахаръ, немного напитковъ, изъ послѣднихъ больше «танзанъ»—японскую минеральную воду. Гдѣ кухня съ двуколкой и человѣкъ пять прислуги—солдатъ становились, тамъ и было «собраніе». Теперь оно помѣщалось въ фанзѣ зажиточнаго крестьянина. Такъ какъ погода стояла хорошая, то въ небольшомъ садикѣ съ клумбочками голубыхъ ирисовъ подъ тѣнью двухъ абрикосовыхъ деревьевъ съ наливавшимися уже плодами были устроены столы изъ дверей, изъ обломковъ досокъ, положенныхъ на какіе-то старые китайскіе сундуки... Около—такія же лавки. Здѣсь читались газеты; обсуждались извѣстія, привезенныя кѣмъ-либо изъ офицеровъ со станціи или изъ Ляояна. Мы знали отлично, что насъ мало, а японцевъ много, но этимъ не смущались. Если и ждали подкрѣпленій съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, то только потому, что безъ нихъ насъ держали на мѣстѣ, хотѣлось же итти впередъ. Объ отступленіи говорили такъ: «Если отступать, то не болѣе пяти верстъ въ сутки, задерживаясь на каждой попутной позиціи».—Баталіоны по очереди ходили на работы по укрѣпленію Хайченской позиціи. Нашему полку достался, между прочимъ, участокъ—гора, на которой оборонялся въ 1895 г. европейски-образованный китайскій генералъ Сунъ съ своимъ 5,000-мъ отрядомъ противъ японцевъ, наступавшихъ тогда на него по тому же пути, по какому шелъ на насъ теперь Куроки. Нѣкоторые стрѣлковые и орудійные окопы, вырытые тогда китайцами, настолько хорошо были расположены и такъ сохранились, что оставалось ихъ лишь подчистить и занимать для боя противъ тѣхъ же японцевъ, шедшихъ, слѣдовательно, по мѣстности и противъ позицій, имъ превосходно знакомымъ. Положимъ, что и наша дивизія во время боксерскихъ безпорядковъ

хорошо ознакомилась съ этой мѣстностью, по крайней мѣрѣ вдоль линіи желѣзной дороги. Нашъ, напримѣръ, полкъ прошелъ боевымъ походомъ въ іюлѣ—августѣ и сентябрѣ 1900 г. отъ Сеньючена до Мукдена сначала одинъ, очищая окрестности отъ боксерскихъ шаекъ, затѣмъ въ составѣ южно-манчжурскаго отряда [1]) бралъ этотъ самый Хайченъ [2]), защищаемый тогда возмутившимися китайскими регулярными войсками, и далѣе участвовалъ подъ старымъ Ньючуангомъ [3]) и Шахэ... При взятіи Хайчена моя рота, взойдя на городскую стѣну, была обстрѣляна китайскою батареей, стоявшей тогда, кажется, на этой именно горѣ, на которой мы теперь рыли укрѣпленія и проводили дороги. Обстоятельства складывались, повидимому, такъ, что нашей дивизіи и въ эту войну предстояло дѣйствовать на тѣхъ же приблизительно мѣстахъ, что̀ и въ прошлую. Прошли неясные слухи объ оставленіи войсками генерала Стесселя Цзинъ-Чжоуской позиціи. На 15-ое мая былъ назначенъ парадъ съ молебномъ въ присутствіи командующаго арміей генералъ-адъютанта Куропаткина. Такъ какъ командующій смотрѣлъ нашу дивизію недавно и остался доволенъ, то вторичный смотръ—парадъ, особенно съ молебномъ, предвѣщалъ, по общему мнѣнію, движеніе впередъ. Вотъ что̀ вечеромъ 15-го мая записано въ моей записной книжкѣ объ этомъ смотрѣ: «15-ое мая, 10 ч. утра, погода жаркая. Обширное гаоля-

[1]) Подъ начальствомъ генералъ-маіора Флейшера, бывшаго тогда начальникомъ 1-й Вост. Сибир. стрѣлковой бригады.

[2]) При взятіи Хайчена участвовалъ изъ полка только 1-й баталіонъ.

[3]) 11-го сентября въ колоннѣ генералъ-маіора Флейшера; колонна эта составляла лѣвый флангъ южно-манчжурскаго отряда, бывшаго уже въ это время подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Суботича, который принялъ командованіе надъ отрядомъ по окончательномъ сформированіи его.

новое поле окаймляютъ толпы китайцевъ, одѣтыхъ въ синее[1]), образуя какъ бы синюю раму картины, на зеленомъ фонѣ которой темнѣютъ четыреугольники баталіонныхъ колоннъ и батарей. 1-я Восточно-сибирская стрѣлковая дивизія и одинъ полкъ 9-й дивизіи съ ихъ артиллеріей выстроились покоемъ. Въ центрѣ аналой, вокругъ его полковые священники; среди духовенства выдѣляется малиновой епитрахилью іеромонахъ Троицко-Сергіевской лавры. Онъ сопровождаетъ икону Явленія Божіей Матери преподобному Сергію—благословеніе обители манчжурской арміи. Ждутъ командующаго арміей. Вдали по дорогѣ отъ станціи видны два движущихся столба пыли; показалась первая группа всадниковъ...

«Подъѣхавшій командиръ 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ баронъ Штакельбергъ становится на правомъ нашемъ флангѣ. Войска взяли «на караулъ». Приближается генералъ Куропаткинъ. «Здравствуйте, Государевы стрѣлки!» громко и вмѣстѣ ласково здоровается онъ съ нашимъ полкомъ. Дружнымъ: «Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство!» отвѣчаетъ полкъ. Проѣзжая по фронту, генералъ Куропаткинъ зорко и строго смотритъ, выравненъ ли баталіонъ въ затылокъ. «Хорошо стоите, молодцы!»—хвалитъ командующій, поравнявшись съ лѣвымъ флангомъ баталіона. «Рады стараться, ваше высокопревосходительство!» — несется радостный отвѣтъ стрѣлковъ. Я взглянулъ мелькомъ на лица солдатъ: ихъ не узнать—грудь колесомъ, подтянулись, подобрались[2]), глаза горятъ, не говоря уже о кадровыхъ,

[1]) Любимый цвѣтъ китайцевъ.

[2]) Грудь выпятить, подобрать подбородокъ, высоко держать голову можно всегда заставить солдатъ; но деревянное выраженіе ихъ лицъ, деревянный сухой, хотя и громкій отвѣтъ на привѣтствіе, присущіе обыкновеннымъ смотрамъ, укажутъ на

стоятъ дѣйствительно молодцами и безусые молодые и бородачи—дяди-запасные. «1-й баталіонъ къ ногѣ», доносится до меня знакомый пріятный голосъ генерала Куропаткина, направляющагося къ слѣдующему баталіону. Привѣтственные клики и встрѣчные марши всё дальше и дальше... Объѣздъ кончился.—«Горнисты на молитву», подаетъ команду командующій парадомъ начальникъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-маіоръ Гернгроссъ; рѣжутъ ухо протяжно-пронзительные звуки рожковъ. «На молитву—шапки долой!.. гг. офицеры къ аналою!»... Офицеры отдѣляются отъ строя, идутъ и кучками по частямъ полукругомъ становятся у аналоя; командиры частей, генералы—немного впереди, и впереди всѣхъ—генералъ Куропаткинъ. Онъ, по обыкновенію, стоитъ ровно и твердо съ опущенными руками, изрѣдка дѣлая отчетливыми движеніями небольшое крестное знаменіе. Замѣчаю эту подробность, какъ контрастъ съ распущенными позами нѣкоторыхъ... Несмотря на торжественность минуты, невольно бросаются въ глаза яркими цвѣтными пятнами рубашки [1]) и кителя гг. офицеровъ, собравшихся здѣсь вмѣстѣ въ первый разъ послѣ приказа о перекраскѣ рубашекъ [2]). Наши—въ «дикомъ» цвѣтѣ, но офицеры дру-

отсутствіе здѣсь души, а слѣдовательно на отсутствіе нравственной связи между ними и производящимъ смотръ высшимъ начальникомъ. На смотрахъ же командующаго арміей генерала Куропаткина всегда чувствовалась та невидимая нить, которая привязываетъ сердца подчиненныхъ къ высшему начальнику и которая иначе называется нравственною связью, служащей однимъ изъ залоговъ успѣха.

[1]) Въ началѣ кампаніи приказано было выкрасить бѣлыя рубашки стрѣлковъ къ какой-либо малозамѣтный издали цвѣтъ; потомъ уже остановились на желтомъ.

[2]) На войнѣ разрѣшалось офицерамъ носить рубашки съ погонами, подпоясывая ихъ офицерскими шарфами.

гихъ частей въ разныхъ окраскахъ; за исключеніемъ краснаго, тутъ всѣ цвѣта радуги: желтый, или, какъ его называютъ, «хаки», коричневый, синеватый... одинъ толстый капитанъ—такъ въ обширномъ и, конечно, плохо сидящемъ кителѣ небесно-голубого цвѣта. Впрочемъ это цвѣтовое впечатлѣніе было мимолетнымъ. Возгласы священника, приглашавшаго помолиться, тусклое серебро ризы и темные лики святыхъ на исторической иконѣ - складнѣ привлекли мое вниманіе и дали другой, болѣе подобающій минутѣ, оборотъ мыслямъ. Икона эта издавна сопутствуетъ русскому воинству[1]). Молились ей какъ полки стрѣлецкіе въ польскомъ походѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ и ратные люди въ станѣ боярина Бориса Петровича Шереметева въ Шведскую войну. Съ вѣрою и упованіемъ прибѣгали къ ней дружины Московскаго ополченія въ памятный 1812-й годъ. Передъ ней осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ наши войска въ Севастополѣ и въ прошлую русско-турецкую войну на поляхъ Болгаріи. И теперь здѣсь, въ далекой Манчжуріи, сибирскіе стрѣлки, горячо помолясь передъ ней въ виду боевого похода, благоговѣйно крестились, когда по окончаніи молебна[2]) духовенство,

[1]) Образъ этотъ сопутствовалъ русскимъ войскамъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ польскомъ походѣ въ 1654 году, и на немъ по возвращеніи изъ похода государь приказалъ сдѣлать надпись, что молитвами Пресвятыя Богородицы и заступленію святыхъ чудотворцевъ Сергія и Никона Богъ даровалъ ему побѣду. Въ 1703 году, по случаю войны съ Карломъ XII, образъ, по повелѣнію Великаго Петра, снова былъ посланъ въ станъ русскій къ графу Борису Петровичу Шереметеву и находился при немъ во всѣхъ походахъ этой войны. Въ 1812 году образъ сопутствовалъ московскому ополченію до самаго изгнанія враговъ изъ отечества. Онъ находился также при войскахъ въ кампаніи 1855 и 1877 гг.

[2]) Отслуженнаго главнымъ священникомъ дѣйствующей арміи отцемъ Голубевымъ.

сопровождаемое командующимъ арміею, генералами и свитой, понесло икону по рядамъ. Обнесли по всѣмъ полкамъ, обходъ кончился; икону укладываютъ въ ящикъ, въ которомъ её возятъ... Причетники, кое-кто изъ священниковъ и свиты суетливо спѣшатъ поскорѣе запаковать ее, чтобы освободить мѣсто для церемоніальнаго марша... Генералъ Куропаткинъ, замѣтивъ неподходящую суету около иконы, направляется туда и что-то тихо говоритъ—успокаиваются... Наше вниманіе отмѣтило и отъѣздъ иконы. Отецъ Голубевъ и толстый іеромонахъ съ малиновой епитрахилью поѣхали въ коляскѣ, а ящикъ съ иконой затрясся, подпрыгивая, въ обыкновенной двуколкѣ. Само собой разумѣется,—я не хочу этимъ сказать, чтобы икону въ походѣ возили всегда въ коляскѣ, но развѣ нельзя было провезти её по крайней мѣрѣ передъ фронтомъ войскъ въ коляскѣ—такъ, какъ возятъ, напримѣръ, въ Москвѣ Иверскую—и монаховъ вмѣстѣ въ каретѣ. А то, смотря даже съ объективной точки зрѣнія, такимъ контрастомъ нарушалась цѣльность впечатлѣнія отъ религіозной церемоніи.

«По отъѣздѣ духовенства съ иконой, войска взяли на «караулъ». Тишина. Генералъ Куропаткинъ, отчетливо произнося слова, громкимъ голосомъ говоритъ, обращаясь къ войскамъ:

— Да поможетъ вамъ Богъ въ предстоящемъ походѣ. Надѣюсь,—своими дѣлами вы порадуете Государя и меня!

— Постараемся!—водушевленно отвѣчаютъ полки.

Вечеромъ приказъ о движеніи на югъ. 16-го готовились, 17-го выступили.

ПОХОДЪ КОРПУСА ГЕНЕРАЛА ШТАКЕЛЬБЕРГА НА ЮГЪ КЪ АРТУРУ.

1-й день похода.

Предстоялъ большой переходъ. Отъ Хайчена до Ташичао желѣзнодорожный перегонъ 29 верстъ; столько же по грунтовой дорогѣ, идущей рядомъ съ желѣзной. Къ этому разстоянію надо было прибавить около 3-хъ верстъ, которыя мы должны были предварительно пройти отъ нашей деревни до вокзала.

Итти приходилось хотя и по хорошей дорогѣ, но при сильной жарѣ съ перегруженными солдатами и, что̀ главное, двѣ трети изъ нихъ дѣлали первый такой переходъ въ интендантскихъ сапогахъ. Кромѣ положенныхъ 120-ти патроновъ, каждому стрѣлку выдали еще по 30-ти, да печенаго хлѣба фунта по 4, что въ общемъ увеличивало нормальную ношу фунтовъ на $5^1/_2$.

Возможно больше патроновъ необходимо было взять въ виду вѣроятнаго затрудненія въ своевременной доставкѣ ихъ; печенымъ хлѣбомъ также не мѣшало запастись, тѣмъ болѣе, что солдатики не очень тяготились этою ношею, съѣдая хлѣбъ раньше срока...

Перегрузка, такимъ образомъ, являлась временной и съ нею можно было мириться. Больше всего безпокоила насъ, ротныхъ командировъ, солдатская обувь, особенно запасныхъ (человѣкъ 70 на роту) и молодыхъ (такое же число [1]).

По моему мнѣнію,—по мнѣнію стараго ротнаго командира, исходившаго съ ротой въ Китайскую и Японскую войны не одну тысячу верстъ,—обувь въ нѣкоторыхъ случаяхъ на войнѣ оказываетъ на боевую способность войскъ болѣе рѣшительное вліяніе, чѣмъ, напримѣръ, питаніе. Имѣя трехдневный запасъ сухарей на себѣ, солдатъ при нуждѣ можетъ растянуть этотъ запасъ на недѣлю, и часть, питаясь хотя и плохо, будетъ въ состояніи (по крайней мѣрѣ первое время) достигать какъ стратегическихъ, такъ и тактическихъ цѣлей, но солдаты съ натертыми ногами не достигнутъ даже до перваго ночлега. Какъ бы тщательно ни пригоняли людямъ интендантскіе сапоги, все же такіе сапоги не то, что сшитые [2]) по мѣркѣ на ногу. При

[1]) Часть молодыхъ прибыла еще въ Раздольное.

[2]) Ежегодно въ мирное время, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ числѣ готовыхъ вещей люди получаютъ сапожный товаръ: ротные сапожники снимаютъ съ каждаго солдата мѣрку и по ней шьютъ ему сапоги—вообще хорошіе. При мобилизаціи же, когда шить нѣтъ времени, запаснымъ и молодымъ пригоняются сапоги изъ такъ называемаго неприкосновеннаго запаса. Сапоги эти шьются заблаговременно въ интендантствѣ и хранятся въ цейхгаузахъ; предполагая, что сапоги сшиты хорошо, изъ доброкачественнаго матеріала (въ эту войну, когда не было еврейскихъ поставщиковъ, на интендантскіе сапоги не жаловались въ этомъ отношеніи), они все же не могутъ сравниваться съ сшитыми, такъ сказать, на заказъ ротными сапожниками каждому человѣку отдѣльно. Въ ротѣ каждый такой «человѣкъ» подойдетъ къ сапожнику, спроситъ,—какъ его сапоги... да еще всякое ротное начальство слѣдитъ. Интендантскіе же сапоги шьются на колодки восьми номеровъ, т. е. лишь на 8 паръ ногъ (въ нѣмецкой арміи существуетъ 32 номера паръ сапогъ); пригнали

небрежномъ уходѣ за ногами солдаты также легко натираютъ и наминаютъ ихъ. Чтобы сохранить солдатъ для строя, ротный командиръ обязанъ научить обуваться сначала унтеръ-офицеровъ и при посредствѣ ихъ всю роту, провѣряя, указаннымъ ли способомъ люди обертываютъ ноги портянками, такъ же регулярно, какъ, напримѣръ, повѣряется прицѣливаніе. На войнѣ первое, пожалуй, даже важнѣе второго: стрѣлять какъ слѣдуетъ все равно на походѣ не выучишь, а ноги при слабомъ надзорѣ испортить легко. У меня въ ротѣ (да и вообще у насъ въ полку) за $2^1/_2$ года похода въ Манчжуріи въ Китайскую войну отсталыхъ почти не было, но въ этотъ переходъ и я не былъ спокоенъ: слишкомъ ужъ много и недавно прибыло въ роту новыхъ людей въ интендантскихъ сапогахъ, чтобы въ короткій срокъ ихъ можно было пріучить къ правильному уходу за ногами[1]). Между тѣмъ въ эти же первые переходы необходимо было внушить, укрѣпить во вновь прибывшихъ сознаніе, что отставать на боевомъ походѣ отъ роты такъ же позорно, какъ оставлять своихъ въ сраженіи. Для этого необходимо было провести роту во что бы то ни стало безъ отсталыхъ первые два-три перехода, чтò возможно было сдѣлать опять-таки лишь при сносной обуви.

Объѣзжая роту (въ походѣ ротные командиры верхомъ), я вглядывался въ красныя и мокрыя отъ поту лица солдатъ; нѣкоторые изъ молодыхъ замѣтно притомились; ихъ

сапоги,—смотришь: у одного давитъ подъемъ, у другого жмутъ задники, у третьяго—узки въ носкахъ и т. д. Такъ и должно быть: въ общемъ много паръ ногъ можетъ быть одинаковой величины, но обрисовка ихъ будетъ разная.

[1]) Кромѣ тщательнаго обертыванія портянками и мытья ногъ на ночлегѣ, необходимо и смазываніе ихъ саломъ передъ походомъ. Сало лѣтомъ предохраняетъ ноги отъ потливости.

неустойчивая поступь, опущенныя головы, измученный видъ безпокоили меня.

«Стой, стой!»—передаютъ голоса команду: «10 минутъ отдыха» [1]), и усталые люди съ ружьями въ рукахъ приваливаются къ обочинамъ по обѣимъ сторонамъ дороги, вòроты разстегнуты, потемнѣвшія отъ пыли потныя груди тяжело дышатъ... подъ скатанными шинелями и лямками, на рубахахъ черныя полосы отъ поту... лежатъ безъ движенія. Передняя рота зашевелилась... Когда она взяла ружья «на плечо», поднимаю своихъ: въ походѣ выгадываешь каждую минуту отдыха.

Особенно трудно достались послѣднія три-четыре версты отъ станціи Ташичао до деревни Сяодзятунь, назначенной намъ для ночлега. Съ этимъ концомъ, который къ тому же пришлось сдѣлать въ темнотѣ, нашъ самъ по себѣ большой переходъ обращался въ форсированный.

Многіе едва переставляли ноги. Жаль было на бѣдныхъ смотрѣть.

«Что, братъ, тяжело, усталъ?» — спрашиваю у одного молодого безусаго солдатика.—«Такъ точно»,—отвѣчаетъ онъ такимъ тономъ, какъ будто на деревенской улицѣ жалуется своей мамкѣ:—«итти бы ничего, да вотъ тутъ больно давитъ»—и показываетъ на грудь, на то именно мѣсто, на которое надавливаетъ скатанная шинель.—«Потерпи, голубчикъ»,—говорю я ласково ему.—«Скоро, молодцы, дойдемъ»,—обращаюсь ко всѣмъ,—«немного осталось—ночевать будемъ въ той деревнѣ, гдѣ стояли—помните?»—Молодые изо всѣхъ силъ тянутся за кадровыми. Они знаютъ—чуть что, сейчасъ посыплются насмѣшки: «Что,

[1]) Кромѣ большого привала, на которомъ останавливаются обыкновенно въ серединѣ дня часа на два, на три для обѣда и отдыха, на походѣ даются еще черезъ каждый часъ хода остановки минутъ по 10—15.

братъ, аль мало каши ѣлъ? Возьми ноги подъ мышки, да держи брови козыремъ, а носъ по вѣтру...». Кадровые и большинство запасныхъ идутъ сосредоточенно, шагая ровнымъ, небольшимъ шагомъ, хотя они тоже примолкли; устали и больно устали всѣ, но отсталыхъ, славу Богу, нѣтъ; теперь ужъ, надѣюсь, и не будетъ.

Незнакомый съ психологіей боевой жизни читатель, пожалуй, скажетъ: «Эка бѣда—ну и отстанетъ; пусть; послѣ подойдетъ, а то зачѣмъ же жилы-то тянуть; да наконецъ, есть лазаретныя линейки, чтобы подбирать отсталыхъ...».

Въ этотъ разъ съ собой взяли самое ограниченное число линеекъ—по двѣ на баталіонъ; во всѣхъ нихъ могло помѣститься самое большое человѣкъ 60—70, и то, если биткомъ набить, т. е. отъ каждой роты въ нихъ могло попасть много-много по 5—6-ти человѣкъ, а такихъ уставшихъ, которые хотя чувствуютъ полное изнеможеніе и готовы упасть, но, видя, что сосѣди идутъ, машинально двигаются и доходятъ до мѣста, такихъ къ концу тяжелаго перехода бываетъ обыкновенно двѣ трети состава. Стоитъ только нѣсколькимъ человѣкамъ изъ среды ихъ отстать, какъ у всѣхъ является одна и та же мысль: «Петровъ и такіе-то пристали, ну-ка и я, — моченьки моей нѣту — не взыщутъ же со всѣхъ»... и садится въ сторонку,—садится одинъ, другой, и такъ, глядя другъ на друга, повалятся направо и налѣво десятки, сотни—удержу не будетъ, какъ при эпидеміи... Прибредутъ они къ части далеко за полночь, а съ разсвѣтомъ опять выступать.

Входимъ въ деревню, у воротъ — группы солдатъ; въ сторонѣ стоитъ цѣлая рота, повидимому, не зная, куда итти—самыя тягостныя минуты въ походѣ.—«Что вы тутъ стоите?»—спрашиваю у ротнаго командира.—«Да вотъ, не знаю, куда вести роту,—наше мѣсто заняла батарея»...—

«И. Е., ведите роту на старое мѣсто», — передаетъ мнѣ приказаніе командира полка подъѣхавшій подпоручикъ Плосконный, — «потомъ приходите ужинать въ столовую, тоже на старомъ мѣстѣ — тамъ уже Мильманъ [1]) устраивается».

Слышу, командиръ роты Его Величества говоритъ: «А ну-ка, молодцы, пѣсню!»... Но на этотъ разъ, вмѣсто дружной, громкой пѣсни вслѣдъ за разухабистымъ выкрикомъ молодчины запѣвалы, послышалось нестройное пѣніе десятковъ двухъ усталыхъ голосовъ. Думаю, не запоютъ ли мои по примѣру 1-й роты; не запѣли; хотѣлъ было приказать, да языкъ не повернулся, не хватило духу прибѣгнуть къ этой мѣрѣ подбадриванія: чувствовалось, что это уже будетъ пересолъ. Говорю не въ упрекъ моему покойному товарищу, командовавшему тогда ротой Его Величества,—у него могло выйти естественно приказаніе «пѣть пѣсни», у меня же звучала бы въ немъ фальшивая нотка; рота и такъ сдѣлала почти сорокаверстный, свой первый тяжелый военный переходъ безъ отсталыхъ.

Покамѣстъ выстраивалъ роту, повѣрялъ людей, распредѣлялъ взводы по фанзамъ, подошли жители.—«А капитана, капитана! скоро ходи (скоро возвратился назадъ), шибко шанго» (очень хорошо) и совали свои грязныя [2]) руки для здорованья.

Честь честью поздоровался со всѣми этими добродушными людьми. Пріятно было видѣть ихъ радость; радовались они, правда, не тому, что мы опять пришли къ нимъ (радоваться, собственно, было нечему), а тому, что именно мы, а не другіе солдаты являлись занимать ихъ дома.

[1]) Подпоручикъ, завѣдывавшій офицерскимъ собраніемъ.
[2]) Китайцы-простонародье моются рѣдко.

Полкъ, видимо, оставилъ по себѣ хорошее воспоминаніе. Всѣхъ такъ встрѣчали; къ моему товарищу командиру 4-й роты капитану Добржанскому, такъ даже «бабушки» (женщины), хозяйки [1]) дома, гдѣ онъ раньше жилъ, вышли навстрѣчу съ дѣтьми, оказавъ этимъ русскому капитану самое высшее довѣріе. Меня также встрѣтилъ между прочимъ хозяйскій сынишка, мальчуганъ лѣтъ 8-ми, большой пріятель моего деньщика; ради пріятной встрѣчи получилъ сейчасъ же три куска сахару и гривенникъ.

Обошелъ по взводамъ — люди размѣстились по фанзамъ такъ же, какъ раньше; приказалъ купить гаоляна для подстилки и для варки чая на сегодня и на завтра и, сдѣлавъ еще кое-какія распоряженія, отправился въ «собраніе».

Тамъ все было по старому, несмотря на трехнедѣльное наше отсутствіе. Окна [2]), столы, скамейки—ничто не тронуто; въ углу возится буфетчикъ, на столахъ—скатерти, тарелки, самоваръ; пріятная, располагающая къ отдыху обстановка.

Только что командиръ полка взялся за тарелку съ супомъ, какъ пріѣхавшій ординарецъ доложилъ ему: «Командиръ бригады проситъ васъ, ваше высокоблагородіе, пожаловать къ себѣ сейчасъ». 11-й часъ ночи, командиръ полка, какъ и всѣ мы, очень усталъ, до бригаднаго версты три, ѣхать въ темнотѣ. Вижу, командира слегка передернуло, но онъ сію же минуту приказалъ сѣдлать ло-

[1]) Обыкновенно вначалѣ при приходѣ русскихъ солдатъ въ деревню китайцы, если не успѣвали предварительно отвезти и увезти своихъ «бабушекъ» въ дальнія деревни, собирали ихъ и запирали въ фанзы гдѣ-либо на краю деревни.

[2]) Окна эти, т. е. рамы со стеклами, были сдѣланы нами въ первую стоянку здѣсь, потому что китайцы заклеиваютъ свои оконныя рѣшетки бумагой, изрѣдка вставляя кусочекъ стекла.

шадь; пока сѣдлали, наскоро закусывалъ, и когда подали, уѣхалъ, предупредивъ командира 2-го баталіона, чтобы на время онъ остался за командира полка.

Возвращаясь съ ужина, еще разъ обошелъ роту. Помѣщенія были освѣщены; заботливый фельдфебель и расторопный дежурный раздобыли у жителей ночники; ночники эти, заправленные бобовымъ масломъ, коптѣли, слабо освѣщая внутренность фанзъ; изморенные походомъ люди спали вплотную другъ къ другу на канахъ и въ повалку на полу на набросанныхъ снопахъ гаоляна; нѣкоторые были совсѣмъ раздѣты, другіе сняли только мундиры и сапоги. Слышалось тяжелое дыханье, бормотанье сквозь сонъ. Воздухъ стоялъ спертый и тяжелый, хотя цѣлая стѣна [1]) была открыта настежъ. Ружья правильными рядами были прислонены у стѣнъ, подлѣ нихъ лежали въ порядкѣ сложенные амуниція, вещевые мѣшки. Кое-кто изъ стрѣлковъ допивалъ еще чай.

— Поужинали?—спросилъ я дежурнаго.

— Такъ точно—многіе не ужинали [2]): какъ пришли, такъ и повалились.

— А гаолянъ для варки чая на завтра купленъ?

— Такъ точно, вонъ на немъ люди на полу спятъ.

Часовые у воротъ стояли бодро, но дневальные въ помѣщеніяхъ, въ душномъ воздухѣ, чувствовали себя какъ мухи осенью; сдѣлавъ переходъ со всѣми, они еще и ночью должны были часа по два отдежурить. Нѣкоторые дремали сидя, облокотившись на столъ и положивъ головы на руки, но всякій разъ, когда я входилъ, стараясь не шумѣть, дневальный вставалъ и вытягивался. Разсчиты-

[1]) Въ китайскихъ фанзахъ (домахъ) обыкновенно вся передняя стѣна состоитъ изъ рѣшетчатыхъ оклеенныхъ бумагою рамъ; рамы эти въ лѣтнее время поднимаются кверху.

[2]) Пища готовилась на походѣ въ походныхъ кухняхъ.

вая, что завтра выступимъ между 5-ю и 6-ю часами утра (приказаніе еще не вышло), приказалъ будить роту въ 4 часа, а себя—въ $4^1/_2$ ч. Самому мнѣ удалось лечь лишь въ 1-мъ часу. Только что задремалъ, — слышу по двору шаги, затѣмъ шорохъ и шепотъ за перегородкой, гдѣ спали вѣстовые. Чирканье спички, свѣтъ, является Чумакъ [1]) съ запиской и карандашемъ—читаю:

«По приказанію командира полка сообщаю гг. баталіоннымъ и ротнымъ камандирамъ, что полкъ завтра долженъ построиться для выступленія въ $5^1/_2$ ч. утра у рощи, что при выходѣ изъ деревни, близъ квартиры командира полка (гдѣ была раньше канцелярія)...

«Въ прочтеніи прошу расписаться.

«Полковой адъютантъ

«Подпоручикъ Драгославъ-Надточинскій».

Расписался, посмотрѣлъ на часы—половина второго! Сонъ былъ прерванъ, и я долго ворочался съ боку на бокъ, прежде чѣмъ заснулъ. Такъ бывало всегда, когда приходилось поздно ложиться и рано вставать,—все боишься, что не выспишься, волнуешься и не засыпаешь. Всталъ съ невозстановившимися силами. Подправилъ насъ немного чай (меня и моихъ младшихъ офицеровъ). Чаю напились съ комфортомъ изъ самовара.

2-й день похода.

Едва начинало свѣтать, когда я вышелъ и поздоровался съ выстроенной ротою; лица у людей — измученныя, не выспавшіяся, будто бы даже похудѣли немного, но видъ бодрый; не то, что на маневрахъ въ мирное время: и пе-

[1]) Мой постоянный вѣстовой.

реходъ сдѣлаютъ небольшой, и выспятся, а смотрятъ на другой день сонными, вялыми.

Фельдфебель доложилъ: «Рота позавтракала, напились чаю, въ околотокъ отправили П.—опухли ноги; запасный, ревматизмъ у него старый, оставлялъ его вчера [1])—не захотѣлъ—пойду, говоритъ, двое намяли ноги (тоже запасные)—велѣлъ имъ обуть улы [2]); натертыхъ—нѣтъ и отсталыхъ въ ротѣ нѣтъ»—закончилъ фельдфебель.

Поблагодарилъ роту за это, за то же поблагодарилъ и подъѣхавшій командиръ баталіона.

Пошли на сборный пунктъ. Пока стягивался полкъ, вытягивалась на дорогу батарея, да подтягивался обозъ, времени прошло достаточно. Я обошелъ шеренги. Въ улахъ оказалось человѣкъ пятнадцать: надѣли сами, преимущественно запасные и молодые. Спрашиваю: «Почему—въ улахъ?»

— Такъ что сапоги наминаютъ: когда ходишь немного, то ничего, а вотъ вчера не чаяли какъ дойти.

— Ну, улы тоже умѣючи надо носить.

— Какъ же, ребята, которые знаютъ, сказывали—солому и то подложили, чтобы мягче было [3]).

Въ улахъ, особенно «россійскіе» [4]), чувствовали себя

[1]) Всѣхъ слабыхъ передъ каждымь боевымъ походомъ выдѣляли и оставляли назади, поручая имъ иногда охрану имущества части.

[2]) Улы — кожаныя лапти, обыкновенная обувь китайскихъ крестьянъ. Въ нашихъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полкахъ стрѣлки снабжались этой обувью во время разныхъ хозяйственныхъ работъ, а также при постройкѣ желѣзной дороги. Пара улъ стоитъ отъ 50 коп. до 1 руб. и носится, въ зависимости отъ качества, отъ 3 недѣль до 2-хъ мѣсяцевъ.

[3]) Снятые сапоги солдатики попривязывали къ вещевымъ мѣшкамъ, гдѣ уже была привязана такъ называемая «первая пара сапогъ».

[4]) Сибиряки называли такъ прибывшихъ изъ Европейской Россіи.

свободно, хотя, повидимому, не совсѣмъ ловко — во фронтѣ и какъ будто въ лаптяхъ.

На случай возможной порчи ногъ пригнанными интендантскими сапогами начальникъ дивизіи приказалъ купить въ каждую роту по 40 паръ улъ: по 20-ти паръ везлись въ ротномъ обозѣ, а 20 роздали передъ походомъ на руки желающимъ.

Въ казенномъ уставномъ способѣ носки снаряженія и вещей нѣкоторые стрѣлки кое-что измѣнили, придумавъ свое, чтобы лучше приспособиться къ походу. Такъ, вещевой мѣшокъ съ солдатскимъ имуществомъ носится на лямкѣ, надѣваемой черезъ правое плечо; мѣшокъ лежитъ на лѣвомъ бедрѣ солдата, подвѣшанный, кромѣ того, къ поясному ремню, ремень продѣвается черезъ двѣ петли на мѣшкѣ.

Такимъ распредѣленіемъ тяжести на плечо и на поясницу облегчается носка, меньше рѣжетъ плечо, но за то мѣшокъ оттягиваетъ назадъ поясной ремень, который своей переднею частью съ надѣтыми на нее патронными сумками давитъ сильно на животъ.

Въ теплое время года, когда солдаты одѣты не въ мундиры, а въ рубахи, твердая кожа ремня натираетъ тѣло въ мѣстѣ нажима буквально до крови. Чтобы избѣжать натиранія, одни изъ солдатъ подложили подъ поясъ полотнища [1]) палатокъ, обыкновенно скатываемыя вмѣстѣ съ шинелью; другіе продѣли сквозь петли мѣшка не поясные ремни, а полотенце, обвязавъ его вокругъ стана такъ, что оно приходилось подъ ремнемъ. Полотенце, поддерживая мѣшокъ, надавливало на животъ мягко.

[1]) Каждый солдатъ въ походѣ имѣетъ одно полотнище палатки съ опредѣленнымъ числомъ приколышей и веревочекъ, при помощи которыхъ изъ 6-ти полотнищъ составляется палатка для 6-ти человѣкъ, вполнѣ защищающая отъ непогоды.

Сердце стараго ротнаго командира радовалось при видѣ желанія и умѣнья людей устранить недостатки нашей новой пригонки амуниціи, не испытанной еще настоящими боевыми походами [1]).

Взводные унтеръ-офицеры, во взводахъ которыхъ были стрѣлки съ такими подвязками, да и сами эти стрѣлки сторожко посматривали на меня при моемъ обходѣ шереногъ; я, разумѣется, молчалъ и глядѣлъ сквозь пальцы на торчавшіе изъ-подъ бляхъ узлы завязокъ; узлы эти куда-то сами собой прятались, безъ приказанія, когда кто-либо изъ большого начальства объѣзжалъ невзначай полкъ. Не могу не упомянуть объ этой деликатности русскаго солдата, отлично умѣющаго различать, что и гдѣ можно себѣ позволить, не подводя подъ отвѣтственность своего близкаго начальника.

Вчерашній форсированный переходъ безъ отсталыхъ и это видимое желанія стрѣлковъ возможно лучше приспособиться къ дальнѣйшему походу успокаивали меня. Всѣ страхи и сомнѣнія уступили надеждѣ на то, что и въ этомъ походѣ, несмотря на большой процентъ запасныхъ и молодыхъ, рота будетъ ходитъ такъ же хорошо, какъ въ китайскомъ.

Пріѣхалъ командиръ полка, поздоровался съ полкомъ и, справившись у командира баталіона о числѣ отсталыхъ (отсталыхъ было вообще мало), поблагодарилъ людей за «молодецкій» переходъ. Пошли. Иные солдатики, изъ молодыхъ, переставляли ноги какъ циркули, почти не сгибая въ колѣняхъ. Они, какъ говорится, врядъ ли чувствовали ихъ подъ собою; но такое состояніе продолжается обыкновенно недолго,—три, четыре первыхъ версты, а потомъ, когда ноги разомнутся, одеревенѣніе въ нихъ пропадаетъ.

[1]) Въ прошлую русско-турецкую войну носили ранцы.

Желая сократить путь, командиръ повелъ полкъ черезъ поле, не назадъ къ станціи, гдѣ мостъ черезъ рѣчку, отдѣлявшую насъ отъ большой дороги, на которую мы должны были выйти, а напрямикъ къ этой дорогѣ. Чтобы узнать, возможно ли перейти тутъ рѣчку, впередъ заранѣе былъ посланъ поручикъ В. Возвратившись, поручикъ доложилъ, что рѣчку перейти можно: онъ переѣхалъ ее взадъ и впередъ на конѣ. Вѣроятно, такъ и было; но молодой, недавно прибывшій изъ Петербургскаго округа офицеръ сгоряча не сообразилъ, что перебраться всаднику черезъ рѣчку это—одно, а перейти полку съ батареей и обозомъ, это—другое. Когда подошли къ берегу, то увидѣли, правда, небольшую рѣчку, вѣрнѣе ручей, но съ очень крутыми берегами и съ такимъ глубокимъ бродомъ, что для пѣхоты необходимо было построить хоть какой-либо мостъ, для обоза же и для батареи—срыть спуски. Матеріалы для моста, конечно, нашлись бы такъ же, какъ и большія возимыя въ обозѣ лопаты (линемановскими, носимыми, немного наковыряешь), да зато времени Богъ знаетъ сколько потеряли бы. Повернули назадъ къ станціонному мосту; пошли опять прямо по цѣлинѣ. Жалко было смотрѣть на зеленѣющее поле, съ такимъ тщаніемъ воздѣланное на моихъ глазахъ—пѣхота приминала нѣжные всходы гаоляна, колеса орудій прорѣзали глубокія борозды въ грядкахъ, кони топтали ихъ. Сдѣлавъ версты три крюку, выбрались наконецъ на большую дорогу.

Случай съ сокращеніемъ пути показываетъ, отъ какихъ, повидимому, незначительныхъ причинъ (горячность, неопытность офицера) могутъ возникать серьезныя послѣдствія. Проболтайся такъ полкъ съ батареей непосредственно передъ боемъ, приди къ указанному пункту часа на $1^1/_2$ позднѣе—и сраженіе проиграно.

Для нашего полка эта маленькая походная неудача имѣла воспитательное значеніе.

Если потомъ назначали кого-либо изъ офицеровъ на развѣдку проходимости дороги, то, не говоря уже о начальствѣ, сами же офицеры предупреждали уѣзжавшихъ своихъ товарищей: «Ты, братъ, смотри не такъ, какъ В.». Бѣдный В. сдѣлался, такимъ образомъ, на нѣкоторое время притчей во языцѣхъ, хотя вообще былъ бравый офицеръ, прекрасно державшій себя подъ Вафангоу, гдѣ его тяжело ранили.

Въ этотъ день моя рота была очередною въ прикрытіи къ обозу (или, вѣрнѣе, въ помощь обозу); мѣстами стрѣлки, составивъ ружья, скапывали линемановскими (носимыми) лопатами препятствовавшіе движенію крутые спуски, очищали поверхность дороги отъ камней, заравнивали слишкомъ глубокія колеи; подперевъ плечами, помогали той или другой повозкѣ взбираться на кручу. И наворочено же было на иныхъ повозкахъ! Да и вообще обозъ, особенно артиллерійскій, представлялъ интересную картину: казалось, что батареи будто на маневрахъ въ нестрогомъ военномъ округѣ или перебираются съ зимнихъ квартиръ въ лагерь. Вотъ, напримѣръ, деньщикъ ведетъ на цѣпочкѣ породистую охотничью собаку, за плечами у него барская двустволка;—или надиво слаженная артиллерійская повозка—ее везутъ двѣ пары (уносами) лошадей—и какія лошади!—львы: везутъ шутя, а повозка всякой всячиной нагружена и перегружена до облаковъ... на самой вершинѣ торчитъ ногами вверхъ вѣнскій стулъ; пониже подвѣшана корзина съ сѣномъ, изъ нея выглядываетъ курица... Подозрѣваю, что она сидитъ на яйцахъ или, по крайней мѣрѣ, несется: курица, которую готовятъ на жаркое, такъ комфортабельно не устраивается.

Успѣшность нашего движенія зависѣла отъ обоза: нельзя было бросить ни одной повозки; въ нихъ везлось самое не-

обходимое, не считая, конечно, сверхъ положеннаго, что̀ могло понадобиться на первой дневкѣ, въ первомъ бою. Поэтому, кромѣ начальника обоза и завѣдывающихъ хозяйствомъ, самъ начальникъ колонны генералъ Рутковскій лично наблюдалъ за порядкомъ, останавливаясь и пропуская повозки мимо себя въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога затрудняла движеніе и требовалось, чтобы обозные не зѣвали. Генералъ въ такихъ мѣстахъ мягкими ударами нагайки, больше же крѣпкими словами, возбуждалъ вниманіе правившихъ лошадьми конюховъ. Изъ кучекъ строевыхъ солдатъ, назначенныхъ въ помощь къ обозу (въ прикрытіе), также раздавались подбадривающіе окрики: «Держи, чортъ, влѣво, забирай лѣвѣе, лѣшій!» (часто бородатый запасный).

Выведенный изъ пріятной задумчивости и видя генерала, «лѣшій» дѣлаетъ видъ, будто не замѣчаетъ ударовъ нагайки, норовившей попасть ему пониже спины и больше попадавшей по сидѣнью, подбадривается, подбираетъ возжи, понукаетъ и лихо въѣзжаетъ на гору на сытыхъ, откормленныхъ лошадяхъ, при этомъ глаза его лукаво косятъ и лицо «себѣ на умѣ» говоритъ: «На-ка, вотъ, что взяли, теперь не догонишь... Позади тамъ такіе же другіе» Именно такіе: рѣдкій возьметъ глубокую колею между колесъ или въ узкомъ мѣстѣ глубокой выемки не заберется однимъ колесомъ на откосъ;—смотришь,—друколка, перекосившись, застряла, а не то такъ при переѣздѣ черезъ ручей загрузла въ пескѣ только потому, что конюхъ, по неизвѣстной причинѣ, не направилъ лошадей вслѣдъ за благополучно проѣхавшими.

Несмотря на утомленіе отъ вчерашняго дня и значительные участки горной дороги, дивизія съ артиллеріей и обозомъ, не потерявъ ни одной повозки, успѣла пройти большую часть пути до наступленія сильной жары, когда назначенъ былъ двухчасовой привалъ для обѣда.

Подъ вечеръ голова колонны перевалила черезъ перевалъ Шаулиндзы, въ 5-ти верстахъ отъ Кайджоу. Ущелье здѣсь замѣчательно перекинутымъ черезъ него віадукомъ древней постройки, указывающимъ на давнее знакомство китайцевъ съ подобнаго рода сооруженіями.

Еще засвѣтло нашъ полкъ расположился бивакомъ верстахъ въ 2-хъ отъ Кайджоу, въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ горами. Встали квартирно-бивачнымъ порядкомъ, т. е. штабъ полка, околотокъ; ротныя канцеляріи помѣстились въ фанзахъ, строевые же чины—рядомъ на полѣ, въ палаткахъ.

Дневка.

На завтра назначена дневка. Ротные командиры поспѣшили сообщить объ этомъ въ роты; усталости у людей какъ ни бывало; раздѣвшись, босые стрѣлки хлопотали надъ устройствомъ палатокъ; другіе, сбросивъ лишь шинели и вещевые мѣшки, командами отправились за водой, за гаоляномъ, часть изъ нихъ—съ ружьями, какъ конвой. Дежурный по баталіону унтеръ-офицеръ указываетъ отхожія мѣста, мѣста для кухонъ... трубки походныхъ кухонъ, выпуская паръ, весело посвистываютъ, давая знать, что ужинъ готовъ.

«Ужинъ не нуженъ, былъ бы обѣдъ» — пословица не для лѣтняго похода, когда на большомъ привалѣ отъ жары не до обѣда, а хочется только пить; хотя и тутъ солдатики первымъ дѣломъ развели костерки и «варятъ» чай. Напьются сначала чайку, потомъ поужинаютъ вкуснымъ супомъ съ $^1/_2$ ф. мяса на каждаго и съ хлѣбомъ;—каптенармусъ сейчасъ звалъ взводныхъ раздатчиковъ [1])

[1]) Въ каждомъ взводѣ есть выбранный людьми раздатчикъ, который получаетъ отъ каптенармуса хлѣбъ и раздаетъ его.

получать привезенный въ поѣздѣ свѣжій хлѣбъ [1]). Завтра цѣлый день заслуженнаго отдыха; разумѣется, отдыха относительнаго: надо осмотрѣть обувь, амуницію, починить кое-что, помыть бѣлье. Въ такихъ случаяхъ солдаты вполнѣ бывали предоставлены самимъ себѣ — офицеры избѣгали, по возможности, стѣснять ихъ своимъ присутствіемъ.

Когда совсѣмъ устроились, — стемнѣло. Предполагавшуюся поѣздку на горы и въ городъ мы съ Евгеніемъ Яковлевичемъ Котюжинскимъ [2]) отложили до завтра; особенно хотѣлось побывать на горѣ, что̀ высилась прямо передъ нами. Никакъ я не предполагалъ, что увижу ее вновь, когда 19-го іюля 1900 г. шелъ по ней во главѣ полка со своей 2-й ротой и залпами выбивалъ изъ окоповъ китайскихъ стрѣлковъ, которыхъ мы охватили съ фланга; 2-ую роту тогда непосредственно поддерживали 7-я, 3-я и 4-я роты. Послѣдній залпъ по убѣгающимъ китайцамъ былъ данъ 2-ою ротою какъ разъ съ этой горы. Не удалось попасть на нее и на другой день. Утромъ 20-го кто-то сказалъ, что показалась японская эскадра изъ 10-ти судовъ: будто бы дали знать съ сторожевого поста, наблюдавшаго съ вершины самой высокой горы. Сторожевая гора была недалеко. Забравъ бинокли, мы съ товарищемъ полѣзли на ея голую, каменистую, торчавшую отдѣльнымъ пикомъ вершину; карабкаясь по камнямъ, едва переводя духъ, добрались до верху.

[1]) При малѣйшей возможности хлѣбъ, выпекаясь въ тылу, доставлялся по желѣзной дорогѣ въ части.

[2]) Командиръ 1-го баталіона; во время Манчжурскаго похода при усмиреніи боксерскаго возстанія онъ, въ чинѣ капитана, командовалъ 4-ю ротою.

На западѣ, изъ-за горъ, верстахъ въ 4-хъ—5-ти, блеснула свѣтлая полоса залива въ плоскихъ берегахъ, далѣе, какъ бы поднимаясь и темнѣя, море незамѣтно сливалось съ горизонтомъ, покрытымъ легкой дымкой, но эскадры тамъ не было... «Гдѣ же японскіе корабли?»—спросили мы у часового.—«Да, вонъ прямо, я ихъ такъ вижу, а давече въ бинокъ[1]) мы смотрѣли, такъ совсѣмъ хорошо видно!...»

Беру бинокль.—«Вонъ на тотъ мысокъ, влѣво смотрите, ваше высокоблагородіе, тамъ большой пароходъ стоитъ у самаго берега»... Дѣйствительно, большой трехтрубный пароходъ стоялъ близко къ мысу; поведя биноклемъ влѣво и вправо, я открылъ очень далеко отъ берега, почти на горизонтѣ, и другіе пароходы; надъ ихъ темными очертаніями въ мглистой дали ясно обрисовывались тоненькими черточками лишь трубы да дымокъ; между судами и по направленію къ берегу сновали, едва замѣтными лодочками, судя по быстротѣ, паровые катера. Большія суда также двигались; эскадра производила какіе-то маневры.

Отнявъ бинокль отъ глазъ, я почти потерялъ корабли изъ вида; на мѣстѣ ихъ на мглистой поверхности моря остались какія-то, скорѣе угадываемыя, чѣмъ видимыя точки, неопредѣленныя, расплывчатыя. Такое же смутное впечатлѣніе слабаго возбужденія и раздраженности отъ вида непріятельской эскадры осталось и въ душѣ. Это былъ первый видѣнный нами въ эту войну непріятель; эскадра, видимо, дѣлала демонстрацію противъ нашего корпуса, но была слишкомъ далеко (верстахъ въ 12-ти),

[1]) Такъ солдаты называютъ «бинокли»; на подобныхъ сторожевыхъ постахъ часовые снабжались биноклями.

чтобы причинить намъ какой-либо вредъ, тѣмъ болѣе, что горы вполнѣ укрывали расположеніе нашей дивизіи отъ ея выстрѣловъ. Черезъ часъ эскадра [1]) скрылась съ горизонта, взявъ курсъ на сѣверъ къ Инкоу, но, несмотря на это, 36-й полкъ былъ посаженъ въ этотъ день на поѣздъ и отправленъ на югъ, а мы съ Е. Я. Котюжинскимъ поѣхали верхомъ въ Кайджоу. По дорогѣ въ пригородахъ цѣлая ярмарка. Среди кучекъ русскихъ солдатъ свободно, самоувѣренной походкой расхаживали рослые китайцы, рѣзко отличаясь отъ нихъ синимъ цвѣтомъ одежды, похожей на женскую, а главное — черными длинными съ кисточками на концахъ косами.

Торгаши по природѣ, китайцы живо примѣнились къ потребностямъ русскихъ солдатъ.—«Табака, табака..., папилоса..., лебёшка, лебёшка [2]), яйца злыя, яйца валёныя..., выкрикивали фистулой [3]) продавцы. Чтобы не ударить лицомъ въ грязь, солдатики въ свою очередь коверкали русскій языкъ.

— «Твоя шибко дорого бери, твоя машинка [4]) есть», говорилъ расторопный стрѣлокъ, добродушно похлопывая какого-нибудь «купезу» [5]) по жирному животу.

— «Моя машинка нѣту», протестовалъ китаецъ.

[1]) Эскадра, прокрейсировавъ нѣсколько дней передъ Инкоу, возвратилась въ Артуръ, бросивъ по дорогѣ съ десятокъ снарядовъ, не причинившихъ впрочемъ никакого вреда ни станціи Сеньючену и ни двигавшемуся въ это время по дорогѣ обозу нашего полка, куда они были пущены.

[2]) Лепешки, лепешки, яица сырыя, яица вареныя.

[3]) Говорить тоненькимъ голосомъ у китайцевъ считается признакомъ хорошаго тона.

[4]) Машинка—значитъ мошенникъ; слово это пріобрѣло среди китайцевъ особую популярность во время постройки манчжурской дороги.

[5]) Купеза—купецъ.

Въ пригородѣ у городскихъ воротъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, ряды жалкихъ лачугъ-лавченокъ съ съѣстными припасами; передъ ними, тутъ же, прямо на улицѣ, въ громадныхъ жестяныхъ или мѣдныхъ самоварахъ-чайникахъ [1]) кипитъ вода; въ походныхъ кухняхъ [2]) или просто на покрытыхъ пылью закоптѣлыхъ жаровняхъ варится, парится и жарится всякая снѣдь для простонародья. Запахъ подгорѣлаго бобоваго масла и черемши господствуетъ надъ всѣми остальными зловоніями...

Особенно противенъ запахъ черемши; всюду, на улицахъ, въ лавкахъ, въ домахъ до тошноты разитъ имъ отъ китайцевъ, даже среднихъ классовъ.

Въѣхали въ городъ. Оріентироваться въ китайскомъ, подобномъ Кайджоу, городѣ легко. Всѣ города, которые обнесены стѣнами, построены по ѳдинаковому плану.

Они заключены въ четыреугольникъ высокихъ каменныхъ (съ землянымъ валомъ внутри) стѣнъ, похожихъ снаружи на наши кремлевскія. Въ среднемъ по количеству жителей городѣ, какъ Кайджоу [3]), въ каждой стѣнѣ одни ворота. Черезъ весь городъ отъ воротъ до воротъ идутъ, перекрещиваясь подъ прямымъ угломъ, главныя улицы. Мы безъ труда выѣхали на такой перекрестокъ, разыскали въ переулкѣ часовщика, и Е. Я. отдалъ починить часы. При моей помощи, какъ переводчика, условились съ нимъ,

[1]) Нашъ самоваръ похожъ на китайскій, разница только въ томъ, что у китайскаго нѣтъ крана, а вода выливается черезъ узенькій носикъ на обрѣзѣ самовара, какъ изъ кувшина.

[2]) Металлическія на колесахъ ящики-кухни, въ родѣ духового шкафа, внизу подтопка, вверху отдѣленія шкафа.

[3]) Въ Кайджоу до 25,000 жителей. Это значительный по торговлѣ, преимущественно шелкомъ городъ. Кромѣ того онъ замѣчателенъ почти никогда не прекращающейся здѣсь чумою, завозимой сюда черезъ Инкоу изъ портовъ южнаго Китая.

чтобы часы были готовы къ вечеру; китаецъ взялъ за починку что-то недорого. Поѣхали къ западнымъ воротамъ по кишѣвшей народомъ улицѣ; что ни домъ, то лавка. Городъ не вполнѣ еще оправился отъ боксёрскихъ волненій. Кое-гдѣ торчатъ полуобвалившіяся обгорѣлыя стѣны съ кучами мусора посрединѣ. Узнаю нѣкоторые дома и мѣста улицъ. Вотъ канава, какъ и тогда, 20-го іюля 1900 г., наполненная заплѣсневѣлой вонючей жидкостью. На этомъ мѣстѣ въ моемъ воображеніи возникли кровавые образы, потрясающія картины прошлой войны. Около канавы тогда лежали пораженныя нашей шрапнелью беременная женщина и свинья; свиную тушу отъ жары разнесло; на вздутомъ животѣ женщины зіяла громадная рана отъ осколка снаряда... Тутъ же неподалеку незастроенный промежутокъ между домами съ маленькой фанзой въ углу; онъ особенно памятенъ мнѣ. На другой день по взятіи Кайджоу, проходя съ ротой, я увидѣлъ у городскихъ воротъ прехорошенькую плачущую дѣвочку - китаянку — лѣтъ 7; у ногъ ея лежалъ шелковый платочекъ и на немъ нѣсколько мѣдныхъ китайскихъ монетъ, видимо, подаяніе прохожихъ.

Полагая, что дѣвочка отстала отъ родителей, я приказалъ отвести ее къ желѣзнодорожному подрядчику, одному изъ немногихъ китайцевъ, оставшихся въ городѣ при нашемъ приближеніи.

— «Веду это я ее, ваше высокоблагородіе»,—разсказывалъ мнѣ потомъ унтеръ-офицеръ Никулинъ,—«куда вы указали, а она тянетъ меня ручкою въ другую сторону; пошелъ за ней. Привела она меня въ фанзу, тутъ недалече; въ фанзѣ больная женщина,—ноги не ходятъ; должно быть ейная мать — обрадовалась. На канѣ у нихъ подъ одѣяломъ мертвое тѣло мужчины, можетъ, его убили, когда мы стрѣляли по городу»...

Трупъ похоронили; дѣвочкѣ же и женщинѣ солдаты носили воду и пищу, пока полкъ стоялъ подъ Кайджоу; передъ уходомъ офицеры просили упомянутаго подрядчика-китайца взять этихъ сиротъ подъ свое покровительство. Онъ обѣщалъ. Западными воротами къ станціи намъ проѣхать не удалось; они оказались задѣланными, какъ бы въ наказаніе за то, что черезъ нихъ вошли русскія войска въ 1900 г. Они и тогда были завалены изнутри мѣшками съ пескомъ, но ихъ расчистила и отворила 2-я рота, первой ворвавшаяся въ городъ черезъ стѣну.

На слѣдующій день, когда полкъ шелъ къ станціи, я указалъ людямъ на то мѣсто, гдѣ 2-я рота по обвалу лѣзла и карабкалась вверхъ при взятіи города 19-го іюля 1900 г.; помимо ожиданія, насъ тогда хлестнули залпами не сверху, а сзади, съ горки, какъ бы подгоняя лѣзть скорѣе на стѣну, защитники которой, не дождавшись насъ, бѣжали...

Въ рядахъ роты еще оставались стрѣлки, бравшіе городъ. Между прочимъ, взводный унт.-офицеръ 4 взвода Зинатула Хабатулинъ (татаринъ), тогда еще молодой солдатъ, былъ раненъ, когда рота во время наступленія на китайскую позицію, между городомъ и станціей, попавъ подъ перекрестный огонь съ горъ, залегла для стрѣльбы за развалинами разрушенной боксерами какой-то станціонной постройки. Я напомнилъ Хабатулину объ этомъ и разсказалъ его подчиненнымъ.

Пуля ударила Хабатулину въ лицо и разорвала щеку, не повредивъ, къ счастью, костей. Блѣднаго, облитаго кровью, съ искаженнымъ отъ боли и страха лицомъ, отвели его немного назадъ за обломокъ стѣны. Ротный фельдшеръ тутъ же промылъ и перевязалъ рану; я далъ ему стаканъ краснаго вина. Хабатулинъ немного успокоился; и хотя щеку раздуло невѣроятно, онъ взялъ винтовку, возвратился въ

строй и въ этотъ же день участвовалъ въ штурмѣ высотъ, за что получилъ впослѣдствіи Георгіевскій крестъ [1]). Теперь, спустя 4 года, идя на новую войну и завидѣвъ впереди у станціи начальство, слышу, Хабатулинъ подсчитываетъ своему взводу ногу: «разъ, два — разъ, два» вполголоса, но энергично отрубаетъ онъ слова.

[1]) Кромѣ того, по моей личной просьбѣ, командиръ полка разрѣшилъ принять его въ учебную команду почти безграмотнаго (выучился кое-какъ читать у моего денщика—тоже татарина). Изъ Хабатулина выработался отличный унт.-офицеръ.

ОТЪ КАЙДЖОУ ДО ВАФАНДІАНА.

I.

Составили ружья, сняли амуницію; часть людей разсѣлась тутъ же, другая командами подъ наблюденіемъ офицера приступила къ нагрузкѣ въ вагонъ двуколокъ и лошадей. Прошло часа два... Вдругъ, видимъ скачетъ по станціи офиперъ. Подскочилъ къ генералу и, не слѣзая съ коня (руку къ козырьку на мгновеніе приложилъ), громко его спросилъ. «Сдѣланъ ли расчетъ людей по-вагонно?» Узнавъ что—нѣтъ, онъ въ тонѣ замѣчанія высказалъ свое удивленіе командиру бригады, не стѣсняясь присутствіемъ подчиненныхъ генералу нижнихъ чиновъ и насъ, офицеровъ.

Такъ какъ подскакавшій штабъ-офицеръ распоряжался посадкой, то командиръ бригады объяснилъ ему, что расчетъ не сдѣланъ за отсутствіемъ стрѣлковъ, команды которыхъ грузятъ вагоны.

Этотъ штабъ-офицеръ, имѣя два «ученыхъ» значка и унаслѣдовавъ отъ отца громкое имя, игралъ въ корпусномъ штабѣ, какъ говорили злые языки, несоотвѣт-

ствующую его способностямъ главную роль... злодѣя, хотя годился только въ резонеры...

Обыкновенно сдержанный, нашъ командиръ полка, при видѣ этой нелѣпой сцены [1]) подтягиванія младшимъ старшаго, не вытерпѣлъ и сказалъ: «Удивительно, вѣдь онъ кончилъ П-скій корпусъ, а оттуда прежде всего выпускаютъ людей воспитанныхъ; въ немъ этого не замѣтно».

Кончивъ нагрузку и сдѣлавъ расчетъ, успѣли еще, пока составляли поѣздъ, не спѣша пообѣдать. Потомъ построились для молебна; пріѣхалъ командиръ корпуса. Помолились. Батюшка, сказавъ напутственное слово, благословилъ насъ крестомъ и окропилъ святой водой на предстоящее дѣло. Генералъ Штакельбергъ также обратился къ полку съ небольшою рѣчью, энергично закончивъ ее: «Смотри, братцы! цѣлить въ ноги, а не вверхъ! Попадать!—въ воронъ не стрѣлять!!!»

По отъѣздѣ корпуснаго командира, командующій дивизіей, генералъ-маіоръ Гернгроссъ, чтобы смягчить нѣкоторую суровость и сухость словъ корпусного, частью по свойственной ему манерѣ говорить съ солдатами, немного балагуря, пожелалъ: «Чтобы вамъ, молодцы, пуля попадала въ мякоть да мимо, а имъ (тутъ генералъ загнулъ въ сторону японцевъ крѣпкое русское словцо) «въ кость да въ рыло».—«Покорнѣйше благодаримъ, постараемся,

[1]) Мнѣ этотъ инцидентъ напомнилъ сцену изъ «Войны и Мира» Толстого: когда князь поручикъ Друбецкой явился въ главную квартиру, то дежурный адъютантъ, не обращая вниманія на какого-то заслуженнаго армейскаго генерала, давно дожидавшагося очереди поговорить съ нимъ, долго бесѣдовалъ съ блестящимъ Друбецкимъ; у Друбецкого сложилось тогда понятіе, что дисциплинъ—двѣ: одна для обыкновенныхъ смертныхъ, другая—для штабныхъ.

ваше превосходительство!» отвѣтили весело и громко стрѣлки.

Поставили людей по 40 человѣкъ передъ вагономъ. Первые влѣзшіе, принявъ вещевые мѣшки и ружья отъ товарищей, помогаютъ имъ, протягивая руки, вскарабкываться безъ подножекъ въ высокіе товарные вагоны; торопливо пробѣгаютъ вдоль дежурные по ротамъ, опрашивая старшихъ въ вагонахъ: «Всѣ ли люди на лицо?»...

Пронзительный свистокъ кондуктора, въ отвѣтъ густой —съ паровоза, еще кондукторскій тонкій свистокъ; громыхнули цѣпи, засуетившійся на платформѣ дежурный офицеръ вскочилъ на подножку класснаго вагона... Крики «ура» провожающихъ стрѣлковъ другихъ полковъ, у насъ запѣли пѣсни, заиграла музыка и поѣздъ, постепенно увеличивая ходъ, пошелъ, унося насъ въ неизвѣстное будущее. Мимо мелькали знакомыя мѣста, облитыя кровью 1-го Восточно-Сибирскаго Стрѣлковаго Его Величества полка; здѣсь каждый шагъ возбуждалъ воспоминанія.

Рядомъ съ мостомъ, по которому теперь проходилъ поѣздъ и который тогда еще не былъ готовъ, — стояли одни быки — былъ построенъ временный; поднявшаяся вслѣдствіе періодическихъ дождей рѣка подмыла его тогда передъ самымъ нашимъ приходомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рельсы съ подшитыми къ нимъ шпалами висѣли на воздухѣ надъ водой; балансируя по нимъ и прыгая со шпалы на шпалу, 19 іюля [1]) 1900 года перебѣгали мостъ наши стрѣлки подъ градомъ китайскихъ пуль съ того берега [2]).

[1]) День взятія Кайджоу въ 1900 г.

[2]) Мы шли тогда отъ Сеньючена, т. е. наоборотъ теперешнему движенію.

Вотъ неподалеку отъ берега мѣсто нашего бивака; тутъ пуля подкравшагося по густому гаоляну боксера ранила моего солдата, который лежалъ въ палаткѣ и ѣлъ арбузъ. Немного далѣе изъ-подъ другого моста 2-я рота ночью выбивала штыками боксеровъ, пытавшихся взорвать его. Еще двѣ версты, и мѣсто, гдѣ они напали на нашъ поѣздъ [1]), остановившійся тутъ, потому что впереди были сорваны со шпалъ рельсы, и т. д. до самаго Сеньючена; здѣсь полкъ получилъ первое боевое крещеніе отъ боксеровъ: они неожиданно напали на нашъ бивакъ днемъ, во время обѣда [2]).

Когда поѣздъ на этотъ разъ остановился, я зашелъ на станцію—пусто, двери и окна настежь, на полу хруститъ натасканный ногами песокъ, печныя дверки, отдушины оборваны китайцами...

Станцію разъ уже бросали въ виду наступленія японцевъ, на дняхъ ее снова заняли; служащихъ мало—человѣка 4, да телеграфистъ, работавшій на наскоро приспособленномъ аппаратѣ.

Къ слѣдующей станціи Ванделинъ поѣздъ подошелъ подъ вечеръ; тутъ было замѣтно нѣкоторое оживленіе; было больше людей; стоялъ поѣздъ подполковника Спиридонова съ командами желѣзнодорожнаго баталіона и матеріалами для возстановленія и исправленія пути. Часть товарныхъ вагоновъ была обращена въ очень удобное, по военному времени даже комфортабельное помѣщеніе для нижнихъ чиновъ, виднѣлись хорошо устроенныя нары, на нихъ тюфяки, покрытые красными солдатскими одѣялами;

[1]) Въ поѣздѣ ѣхала 6 рота вмѣстѣ съ командами рабочихъ, исправлявшихъ испорченный китайцами путь.

[2]) До этого боксеры, подъ видомъ мирныхъ жителей, жили въ окрестныхъ деревняхъ.

изъ вагона-кухни выглядывали кашеваръ, поваръ въ бѣлыхъ чистыхъ колпакахъ и передникахъ. Въ вагонѣ-столовой, гдѣ обѣдали офицеры, на столахъ обыкновенное буфетное убранство.

Оттуда вышелъ нашъ общій знакомый по Раздольному, ротмистръ Ш.

Поздоровавшись съ нами, онъ съ первыхъ же словъ объявилъ:

— Я, господа, цѣлую недѣлю не обѣдалъ, все въ разъѣздахъ; такъ, что-нибудь перехватишь, а теперь, благодаря любезности здѣшнихъ хозяевъ [1]), пообѣдалъ какъ слѣдуетъ за всю недѣлю, закусилъ... ну, разумѣется, и выпилъ..., заключилъ бравый ротмистръ, добродушно расхохотавшись.—

— Ну, что, какъ японцы, вашъ полкъ имѣлъ дѣло съ ними? Вы видѣли ихъ, близко подпускаютъ?..., такъ и засыпала публика вопросами.

— Японцы сидятъ по горамъ; летятъ пули, а откуда— сразу не разберешь. Наши два эскадрона да двѣ сотни казаковъ [2]) на дняхъ удачно столкнулись съ ними...

Тутъ ротмистръ разсказалъ, какъ эскадронъ Приморскихъ драгунъ, отступая, навелъ преслѣдовавшій японскій эскадронъ на засаду, состоявшую изъ другого Приморскаго эскадрона и двухъ сотенъ сибирскихъ казаковъ. Спѣшенные приморцы обстрѣляли японцевъ, а казаки, налетѣвъ лавою, уничтожили въ рукопашную почти весь японскій эскадронъ.

Во время этой стычки громадный сибирскій казакъ съ такой силой всадилъ пику въ японскаго драгуна, что пика, пройдя насквозь его тѣло, вонзилась въ спину лошади, пригвоздивъ къ ней такимъ образомъ всадника.

[1]) Офицеровъ желѣзнодорожнаго баталіона.

[2]) 8-го полка.

— Представьте себѣ, смѣялся раскатисто ротмистръ,— японецъ, маленькій, черненькій, барахтается на копьѣ, какъ жукъ на булавкѣ...

— Вотъ случай съ нашимъ драгуномъ, — продолжалъ разсказывать словоохотливый Ш.,—раненый, онъ упалъ безъ чувствъ съ лошади, завалился куда-то. Наши, не замѣтивши, когда онъ падалъ, хватились его, когда на мѣстѣ стычки были уже японцы; рѣшили, что убитъ или попался въ плѣнъ... Очухался «Хохленко» ночью, ощупалъ себя, — раненъ въ голову (кость осталась цѣла), набралъ мокрой глины, залѣпилъ ею рану и приползъ на карачкахъ въ деревню. Китайцы спрятали его, переодѣли въ свое платье, подвязали косу и, улучивъ время, провели на наши сторожевые посты.

Отъ ротмистра мое вниманіе отвлекъ какой-то прохаживавшійся сѣдой господинъ, въ штатскомъ, съ солдатскимъ «Георгіемъ» на груди...

— Кто это? — полюбопытствовалъ я.

— Развѣ не знаете? Это—В. И. Немировичъ-Данченко...

— А это тотъ, что со Скобелевымъ....

Кое-кто изъ офицеровъ поспѣшили познакомиться съ нимъ; лестно, да можетъ быть и пригодится на всякій случай, — быть упомянутымъ въ корреспонденціи такого корреспондента, это почти все равно, что попасть въ реляцію... Вѣдь кто главнымъ образомъ создалъ славу Скобелеву!?.

Несмотря на большое сравнительно количество людей, на станціи было тихо, очень тихо. Тишина усиливалась еще отъ окружавшей пустынной мѣстности. Казалось, собравшіеся здѣсь старались не шумѣть, говорили нарочно въ полголоса [1]), какъ будто бы кто ихъ подстерегалъ, и

[1]) За исключеніемъ Ш., громкій голосъ и шумный смѣхъ котораго раздавались по всей станціи.

они боялись выдать себя. Вмѣстѣ съ наступавшимъ мракомъ охватывало чувство тревожнаго ожиданія чего-то рокового, таинственнаго...

«До Вафангоу вы не доѣдете,—Вафангоу по серединѣ русской и японской сторожевыхъ цѣпей—васъ ссадятъ, вѣроятно, на полустанкѣ...»—говорили, провожая насъ.

На полустанкѣ, куда пріѣхали позднею ночью, встрѣтилъ насъ начальникъ передового отряда генералъ-маіоръ Самсоновъ и приказалъ высаживаться. Мы, покамѣстъ, поступали подъ его начальство. Людей высадили скоро, но съ выгрузкой обоза долго возились при свѣтѣ факеловъ и разведенныхъ костровъ особо назначенныя команды. Командиръ полка, лично наблюдавшій за работой, ушелъ на бивакъ съ послѣдними людьми. Палатки разбили тутъ же, между желѣнодорожной насыпью и обрывистымъ берегомъ рѣчки; ночью трудно было найти лучшее мѣсто для бивака.

II.

На другой день полкъ, сдавъ вещевые мѣшки въ поѣздъ, выступилъ налегкѣ къ Вафангоу. Въ поѣздѣ осталась карауломъ 5 рота, оставался также запасъ печенаго хлѣба и ящики съ патронами [1]). При отправленіи изъ Кайджоу по нѣскольку такихъ ящиковъ было выдано въ каждую роту. Безъ придавливающихъ всякій подъемъ духа вещевыхъ мѣшковъ шли къ Вафангоу въ бодромъ настроеніи, если и «не рвались въ бой», какъ обыкновенно пишется,

[1]) Какъ я упоминалъ уже раньше, мы шли впередъ наугадъ и рискуя быть отрѣзанными отъ своей базы; вотъ почему самаго необходимаго: хлѣба и патроновъ брали съ собой возможно больше.

въ шаблонныхъ донесеніяхъ, то шли съ вѣрою въ свои силы и съ надеждой на успѣхъ.

Но до сихъ поръ непріятное чувство не покидаетъ меня при воспоминаніи объ одномъ эпизодѣ изъ этого именно перехода. Когда мы подходили уже къ Вафангоу, смотрю у самой дороги стоитъ китайская нагруженная арба и около нея два китайца, повидимому, остановились отдохнуть. Лошадь отпряжена, большой возъ покрытъ парусиной, изъ-подъ нея обрисовываются какіе-то кружки—не то возъ нагруженъ рѣшетами, не то скатанными узкими цыновками [1]). Одинъ китаецъ стоитъ, лицо озабоченное, въ глазахъ какъ будто испугъ; другой лежитъ. При взглядѣ на лежавшаго меня что-то кольнуло...—«Что за люди?» спросилъ я по-китайски.

— «Переводчикъ», отвѣтилъ тотъ, который лежалъ, отчетливо произнося звукъ «р», что рѣдко встрѣчается между китайцами. Какое-то смутное подозрѣніе мелькнуло у меня: «Да нѣтъ, не можетъ быть»... Тутъ же лежала русская винтовка. Значитъ солдатъ, бывшій съ ними, куда-то отлучился; такъ какъ рота продолжала идти, то я, не задерживаясь болѣе, проѣхалъ впередъ,обгоняя ее, а вслѣдъ мнѣ раздался наглый смѣхъ, кажется, лежавшаго, китайца: «Что, молъ, взялъ»,—какъ бы звучало въ этомъ смѣхѣ. Я зналъ, что китайцы могутъ иногда такъ по-идіотски смѣяться; меня, помню, даже не оскорбилъ этотъ смѣхъ,—я только вслушивался—въ немъ прозвучала какъ будто едва уловимая фальшивая нотка;—мнѣ живо представился тревожный видъ китайца, который стоялъ, и умное, энергичное лицо, съ острымъ взглядомъ глазъ, лежавшаго. Лежавшему не могло быть болѣе тридцати лѣтъ—возрастъ, когда китайцы

[1]) У китайцевъ есть такія длинныя дорожками, какъ половики, цыновки.

усовъ не носятъ [1]), а у этого были усы, подстриженные, щетинистые.

Лежа на спинѣ, ногами къ дорогѣ, головой къ арбѣ, руки онъ держалъ, закинувъ на голову, такъ, что ладони прикрывали какъ разъ то мѣсто, гдѣ начинается коса [2]), и поэтому нельзя было замѣтить, есть ли она у него, или нѣтъ.

«Русское ружье, но оно безъ штыка. Да и какіе теперь могли быть китайскіе возчики, когда войска шли въ бой»... пронеслись у меня мысли въ головѣ—такъ меня и потянуло назадъ посмотрѣть, есть ли у китайца коса. Повернулъ лошадь, отъѣхалъ было немного, но боязнь попасть въ смѣшное положеніе въ случаѣ ошибки, сознаніе; что обостренная войною подозрительность склонна видѣть повсюду шпіоновъ, удержали меня, и я повернулъ лошадь снова по направленію виднѣвшейся уже вдали ст. Вафангоу; чувствовалось,—какая-то сила захватывала и неудержимо влекла впередъ—не хотѣлось оглядываться назадъ... [3])

Станція Вафангоу оказалась въ чертѣ нашего расположенія. Полкъ всталъ сначала въ резервной колоннѣ за самой станціей, потомъ, когда прибылъ поѣздъ и мы взяли вещевые мѣшки, насъ перевели шаговъ на 700 къ западу отъ нея, поставивъ за горою; я взобрался на верхъ, въ верстѣ къ югу; на площадкѣ бѣлѣлъ четыреугольникъ бивака 36-го В.-С. ст. полка. Вдругъ тамъ загудѣлъ тре-

[1]) До сорокалѣтняго возраста китайцамъ по закону запрещено носить усы.

[2]) Китаецъ былъ безъ шляпы.

[3]) Я не вернулся къ подозрительнымъ китайцамъ, но послѣ всего видѣннаго и слышаннаго о японцахъ, проникавшихъ подъ разными видами къ намъ, въ армію, убѣжденъ, что лежавшій былъ переодѣтый японскій офицеръ; онъ, находясь недалеко отъ висѣлицы, считалъ своихъ враговъ: какова дерзкая отвага! Честь и слава японской арміи, имѣющей въ своихъ рядахъ такихъ беззавѣтно преданныхъ долгу офицеровъ.

вожно рожокъ, забѣгали, зашевелились люди, какъ муравьи въ разоренномъ муравейникѣ. Палатки попропадали... и скоро на мѣстѣ бѣлаго четыреугольника образовался сѣрый, но уже поменьше... Вотъ части его заколыхались, сперва одна, за ней другая, третья, постепенно вытягиваясь и скрываясь за возвышенностями.

Затрещала впереди ружейная перестрѣлка, раздались орудійные выстрѣлы; надъ горами на синевѣ неба появились бѣлые тающіе клубочки; то рвались шрапнели—наши или ихъ, трудно было разобрать. Проскакалъ впередъ съ конвоемъ генералъ Самсоновъ; отъ него получено приказаніе нашему полку встать въ общій резервъ. 1-й баталіонъ развернулся по-ротно въ двѣ линіи на тѣсные интервалы; моей ротѣ пришлось мѣсто неподалеку отъ глубокой промоины, которая при надобности вполнѣ могла укрыть людей отъ всякаго огня.

Офицеры, собравшись на горкѣ, съ биноклями у глазъ, напрасно старались разсмотрѣть, что̀ дѣлалось впереди, въ горахъ. Я сидѣлъ тутъ же въ ожиданіи вѣстового съ чаемъ. Подошелъ поручикъ К., прибывшій съ 3-мъ б-омъ.

— Знаете, обратился онъ ко мнѣ: я ужасно, ужасно спокоенъ!—никакъ не ожидалъ, что буду такъ спокоенъ въ первомъ дѣлѣ.

Дѣла пока, по правдѣ сказать, и не было,—мы сидѣли въ глубокомъ резервѣ, до насъ не достигали даже шрапнели..., но, конечно, каждую минуту могли очутиться въ бою.

Вотъ это-то непрерывное ожиданіе опасности, надо полагать, и привело поручика въ состояніе «ужаснаго спокойствія»,—лицо у него поблѣднѣло, голосъ прерывался... Съ сочувствіемъ смотрѣлъ я на молодого офицера [1]), вполнѣ

[1]) Поручикъ К. прекрасно держалъ себя потомъ въ бою подъ Вафонгоу 1-го іюня, когда былъ тяжело раненъ; по излѣченіи возвратился въ строй и подъ Ляояномъ былъ снова раненъ.

понимая его. Въ 1900 г., подъ Сеньюченомъ, когда среди бѣлаго дня на насъ напали неожиданно боксеры, то, пока выстраивался по тревогѣ полкъ, у меня отъ «ужаснаго спокойствія» тряслись, что называется, поджилки (буквально) и только большимъ усиліемъ воли удалось мнѣ побороть этотъ нервный припадокъ.

У кого нервы были покрѣпче, тотъ былъ дѣйствительно спокоенъ. Напримѣръ, мои ляоянскіе молодые, «варившіе» себѣ чай на днѣ промоины. Перестрѣлка тянулась уже нѣсколько часовъ; лежа на солнопекѣ тѣсными рядами, люди изнывали отъ скуки; чтобы развлечь ихъ, а также дать возможность напиться чаю вмѣсто теплой воды изъ бутылокъ [1]), я разрѣшилъ «достать» (употребляю солдатское выраженіе «достать», потому что купить было не у кого—всѣ жители, разбѣжались) гаоляну «варить» чай. По очереди, небольшими командами ходили стрѣлки въ близъ лежащую деревню, крадучись [2]), «доставать» гаолянъ и потомъ на днѣ промоины «варили» чай въ полное свое удовольствіе. Меня особенно интересовали молодые солдаты. Вонъ одинъ наломалъ гаоляну [3]), сложилъ куски въ костеръ, долго возился около него, разжигалъ и раздувалъ огонь; когда же сухія вѣтки, потрескивая, занялись и костеръ разгорѣлся, онъ нацѣпилъ на толстый конецъ стебля гаоляна котелокъ, всунулъ его въ огонь; вода скоро забурлила, пуская снизу пузырьки... посматривая на котелокъ, солдатикъ такъ увлекся, что не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на шумъ боя.

[1]) У каждаго стрѣлка имѣлась для носки воды обшитая сукномъ бутылка.

[2]) Необходимая осторожность въ виду непріятеля спереди и начальства съ тылу: неизвѣстно было, какъ еще посмотрѣлъ бы командиръ полка на такія экскурсіи.

[3]) На каждомъ крестьянскомъ дворѣ имѣются штабели сухого прошлогодняго гаоляна.

Пронесли раненаго въ ногу подполковника Середу (бѣдняга дня черезъ три умеръ отъ зараженія крови)... Ружейная перестрѣлка стихала, рѣже и рѣже бухали орудія... Дѣло 21-го мая кончалось; наши и японцы отошли на свои прежнія мѣста.

Подвезли походныя кухни. Люди поужинали (вмѣстѣ и пообѣдали) уже въ темнотѣ.

Мнѣ также принесли котелокъ солдатскаго супа. Проголодавшись, я поѣлъ съ большимъ аппетитомъ и кускомъ чернаго хлѣба, который выпросилъ у каптенармуса. Полковой адъютантъ объявилъ, что 2-я рота назначена въ сторожевую цѣпь.

Немного погодя то же самое сказалъ мнѣ и командиръ полка. Нарядъ тяжелый,—ночь не спи, а на-утро—походъ. Поэтому каждый ротный командиръ, чтобы избавить свою роту отъ такого тягостнаго наряда, при малѣйшей возможности обыкновенно считалъ своею обязанностью вступать въ пререканіе съ полковымъ адъютантомъ. Причины, въ родѣ слѣдующихъ: «не моя очередь, — мы только что пришли съ работъ», или —«рота возвратилась изъ полковаго караула» и т. п. Дѣло въ томъ, что очередь разнаго рода нарядамъ ведется въ полковой канцеляріи, но разныя экстренности сбиваютъ ее. Напримѣръ, баталіонъ въ отдѣлѣ самъ себя охраняетъ, когда же онъ присоединяется къ остальнымъ баталіонамъ, роты его вступаютъ въ общую очередь. На этотъ разъ также была заминка въ очереди, вотъ почему командиръ полка счелъ нужнымъ лично сказать мнѣ о назначеніи 2-й роты въ сторожевую службу. Командиръ говорилъ со мной передъ ротой.

Взявъ подъ козырекъ, я отвѣтилъ громко: «Господинъ полковникъ! 2-я рота считаетъ за честь итти въ первую сторожевую цѣпь въ виду непріятеля».

III.

Ночь провели благополучно. Утромъ полкъ, отойдя верстъ пять на востокъ, расположился бивакомъ около д. Цюйдзятунь; отсюда баталіоны ходили по очереди на работы по укрѣпленію вафангоуской позиціи; возводили окопы близъ своего расположенія, на горѣ [1]); ежедневно очередная рота становилась въ сторожевое охраненіе, верстахъ въ двухъ восточнѣе д. Цюйдзятунь; оттуда ожидали появленія японцевъ.

Однажды, когда мы—офицеры ротъ, свободныхъ отъ службы, сидѣли за общимъ обѣдомъ, конный охотникъ привезъ командиру полка записку изъ сторожевой цѣпи. Командиръ, прочитавши ее, сначала нахмурился, потомъ съ улыбкой передалъ записку полковому адъютанту, прочитавшему ее также съ видимымъ недоумѣніемъ. Затѣмъ, всегда корректный, командиръ тутъ не удержался (а быть можетъ, сдѣлалъ нарочно), передавъ намъ записку для прочтенія.

Временно командовавшій ротою капитанъ, очень уже пожилой человѣкъ, доносилъ командиру полка, буквально, слѣдующее: «Японцы наступаютъ, перебѣгая по одному; я отступалъ, но дальше отступать некуда, потому что позади стоитъ 7-я рота» [2]). По прочтеніи этого страннаго, если не сказать больше, донесенія, мы молча пере-

[1]) Эта гора, заппраўшая входъ въ ущелье, предназначалась служить уступной тыловой позиціей на случай отступленія лѣваго фланга корпуса.

[2]) 2-й баталіонъ стоялъ, немного отдѣлившись отъ штаба полка въ сторону расположенія сторожевого охраненія, назначая одну роту «дежурной», для первой поддержки сторожевой роты. Въ этотъ день дежурною ротою была 7-я.

глянулись, пожавъ плечами, а командиръ попросилъ командира баталіона съѣздить туда и, разузнавъ, въ чемъ дѣло, вывести роту изъ неловкаго положенія, въ которое она попала, очевидно, не по своей винѣ...

Оказалось, что японцы дѣйствительно были, но въ очень небольшомъ количествѣ. Ихъ дозоры, желая разузнать наше расположеніе, пытались, крадучись, гдѣ ползкомъ, гдѣ перебѣгая, приблизиться къ нашимъ постамъ, чѣмъ весьма напугали капитана [1]).

27-го мая въ 1-мъ часу дня 2-я рота, въ свою очередь, заступила въ сторожевое охраненіе [2]).

Придя съ ротой на главную заставу стоявшей въ охранѣ 3-й роты и ознакомившись вмѣстѣ съ офицерами по картѣ и указаніямъ командира этой роты съ мѣстностью и расположеніемъ на ней нашего охраненія, я выслалъ по взводу на смѣну заставъ и постовъ: вправо со шт.-капитаномъ Мыловымъ, влѣво съ подпоручикомъ Грудзинскимъ; послѣ же того какъ 3-я рота, смѣнившись, ушла, поѣхалъ повѣрять ихъ, сличивъ предварительно еще разъ мѣстность съ картою.

У Грудзинскаго та часть заставы, которой полагается [3]), добросовѣстно спала, несмотря на 4-й часъ пополудни. Запасались силами.

[1]) Отступной капитанъ вскорѣ послѣ этого получилъ назначеніе, болѣе соотвѣтствовавшее его способностямъ, — командовать, если не ошибаюсь, транспортомъ.

[2]) Сторожевое охраненіе на ротномъ участкѣ состоитъ обыкновенно изъ трехъ линій: первая—цѣпь постовъ; вторая—заставы, непосредственно поддерживающія посты, и наконецъ—третья—главная застава для поддержки двухъ первыхъ. Схема эта, въ зависимости отъ обстоятельствъ, мѣняется.

[3]) Половинѣ заставы разрѣшается «отдыхать», не раздѣваясь, однако и не снимая амуниціи.

Изъ бодрствовавшихъ одинъ молодой солдатикъ, отдѣлясь шаговъ на 20 въ сторону къ ручью, снялъ сапогъ (одинъ) и мылъ ногу, тщательно промывая между пальцами... ружье лежало около. Не стѣсняясь моимъ приближеніемъ, солдатикъ продолжалъ занятіе съ полнымъ сознаніемъ своей правоты. Мнѣ это очень понравилось.—«Хотя, строго говоря, снимать сапоги на заставѣ не полагается, но если нѣтъ непосредственной опасности, то отчего же при случаѣ не вымыть ногъ,—тѣмъ болѣе, что ротный не разъ говорилъ: надо беречь ноги,—солдатъ съ испорченными ногами плохой слуга Государю и Отечеству».—Такъ, надо полагать, разсуждалъ солдатикъ.

На одномъ посту часовой изъ запасныхъ не замѣтилъ мой подходъ къ нему со стороны непріятеля. Свою невнимательность часовой объяснилъ тѣмъ, что по сторонамъ онъ не смотрѣлъ—тамъ наши [1])...

У Мылова—приказалъ одному посту продвинуться впередъ, чтобы расширить кругозоръ часового.

Часу въ 6-мъ возвратился на свою главную заставу, въ тѣнистой рощицѣ, на горкѣ. Пока вѣстовой приготовлялъ чай, я, лежа на буркѣ, перелистывалъ «Принципы жизни Китая» Георгіевскаго; попалось мѣсто о кладбищахъ, кстати одно—виднѣлось неподалеку съ стоявшими на поверхности гробами [2]). Такіе гробы имѣютъ въ передней части небольшія отдушины для свободнаго входа и выхода тѣлесной души покойнаго. Китаецъ имѣетъ двѣ

[1]) По уставу же часовые обязаны наблюдать за мѣстностью какъ впереди себя, такъ и до сосѣднихъ постовъ.

[2]) Когда младшій членъ семьи умираетъ раньше старшаго, напримѣръ, сынъ раньше отца, младшій братъ раньше старшаго, то гробъ съ тѣломъ такого несвоевременно умершаго не закапываютъ въ землю, а оставляютъ открыто на поверхности до тѣхъ поръ, пока не перемрутъ всѣ старшіе члены.

души: духовную—«хань» и тѣлесную—«гуй». По смерти первая душа покидаетъ тѣло навсегда, вторая же хотя иногда оставляетъ его (и при жизни и по смерти), но вообще пребываетъ въ немъ вѣчно.

Вотъ почему первая забота китайца—приготовить себѣ заблаговременно хорошее посмертное жилище, прочный гробъ [1]).

Вѣстовой принесъ чай, раскупорилъ банку какихъ-то консервовъ.

Отложивъ «Принципы жизни...» въ сторону и попивая чай, я наслаждался, какъ говорятъ поэты, на лонѣ природы прекраснымъ майскимъ вечеромъ. Откуда-то вѣтерокъ доносилъ ароматъ цвѣтовъ. Въ ближнихъ кустахъ чирикали особенно сильно, вѣроятно къ вечеру, какія-то маленькія птички, вдали куковала кукушка, ей вторилъ удодъ... Кажется, жаворонокъ, ясно выводилъ: «Витя, Витя, выйди...», причемъ слова «Витя, Витя» выходили у него скоро, а—«выйди» медленно...

День угасалъ, сумерки сгущались, пора было спускаться внизъ, чтобы встать въ положеніе охраны на ночь [2]). Къ тому же подгоняли и муравьи, весьма крупные; они ползали повсюду, больно кусаясь...

Внизу ко мнѣ явился обозный и доложилъ: «Мы втроемъ ѣздили за быками, верстъ десять, поди, отсюда будетъ, увидали быковъ, забрали ихъ и гонимъ въ полкъ».

— Какъ же это такъ гоните!—удивляюсь я,—а хозяинъ...

— Мы и хозяина гонимъ—успокоилъ меня обозный.— Видѣли японскій разъѣздъ, сначала, было, приняли за сво-

[1]) Въ Китаѣ принято, чтобы дѣти дарили своимъ родителямъ гробъ еще при жизни послѣднихъ, и это считается лучшимъ подаркомъ.

[2]) На ночь посты ставятся внизу, потому что снизу виднѣе.

ихъ, поѣхали навстрѣчу... смотримъ, вотъ это-то у нихъ бѣлое[1]) (показываетъ на мою шашку), мы—за ними, а они—отъ насъ, такъ и ускакали...

Донесъ объ этомъ командиру. Извѣстіе хорошее: если разъѣздъ непріятеля въ 10 верстахъ, то пѣхота—въ переходѣ, а это значило—ночь пройдетъ спокойно. Когда совсѣмъ стемнѣло, я залѣзъ подъ натянутую для меня изъ 4-хъ полотнищъ солдатскую палатку, намѣреваясь вздремнуть немного, но спать не удалось. Въ половинѣ 12-го—получилъ одну за другой двѣ записки, отъ командира полка и полкового адъютанта; они писали: «Стягивайте посты къ заставамъ и отходите къ штабу полка; въ $2^1/_2$ ч. ночи выступаемъ въ Вафандіанъ».

Изъ двухъ бывшихъ въ моемъ распоряженіи конныхъ охотниковъ, одинъ оказался съ куриной слѣпотой, поэтому на ближайшую заставу послалъ пѣшій дозоръ съ приказаніемъ Грудзинскому, снявъ посты, идти ко мнѣ. Стянулись мои посты, привелъ свой взводъ Мыловъ; Грудзинскаго нѣтъ. Посылаю узнать, почему медлитъ. Докладываютъ, что тамъ не могутъ найти поста Шумакова.

Ошибка Грудзинскаго: посты на ночь спустились сверху внизъ, къ подошвѣ горы, а онъ не догадался заставить дозорныхъ пройти засвѣтло отъ заставы къ новымъ ихъ мѣстамъ. Скоро часъ ночи. Въ половинѣ третьяго—выступленіе въ Вафандіанъ. Приказываю горнисту съ дозоромъ отойти шаговъ 500 по направленію заставы Грудзинскаго и сыграть, повторивъ три раза, сигналы: «2-я рота», «сборъ» и «бѣгомъ». Отчетливо, рѣзко раздавшіеся звуки рожка далеко разнеслись среди полной тишины ночи. Дѣлать этого не полагалось. Командиръ полка, когда услыхалъ мой сигналъ, выразилъ неудовольствіе, какъ потомъ

[1]) У японцевъ—сабли съ металлическими ножнами.

передавали товарищи, сказавъ: «Что это Ивановъ тамъ трубитъ? Онъ наведетъ на насъ японцевъ», хотя самъ онъ, спустя двое сутокъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ сдѣлалъ то же самое. Явился, наконецъ, Грудзинскій и доложилъ, что Шумакова съ постомъ все нѣтъ, но что онъ, навѣрное, теперь скоро придетъ, такъ какъ сигналъ былъ слышенъ хорошо и далеко. Чтобы Шумаковъ не сбился съ пути, на мѣстѣ заставы Грудзинскій оставилъ трехъ человѣкъ.

Оставивъ въ свою очередь Грудзинскаго со взводомъ на мѣстѣ главной заставы ожидать прихода Шумакова, я съ тремя взводами пошелъ къ штабу полка. Подхожу къ высотамъ передъ нашей деревней—мертвая тишина; шумъ нашихъ шаговъ услыхали, окликаютъ:

— «И. Е.,—это вы?—по голосу узнаю командира баталіона»,—«остановите роту!»

Остановилъ, подхожу ближе,—кучка офицеровъ, говорятъ вполголоса, по срединѣ командиръ; докладываю ему объ оставленномъ взводѣ.

— «Ну, что-жъ, подойдутъ»,—отвѣчаетъ онъ и объясняетъ мнѣ положеніе: «Вы съ ротой встанете на лѣвомъ флангѣ, тамъ, гдѣ поперекъ долины канава; путь отступленія по этой лощинѣ; вы назначаетесь въ арріергардъ, ваша рота будетъ отходить послѣдней. Надѣюсь на роту—поддержитъ. Сейчасъ пріѣзжалъ казачій офицеръ и сообщилъ, что большая колонна изъ трехъ родовъ оружія наступаетъ на насъ, она верстахъ въ 9-ти, къ разсвѣту надо ждать сюда...».

Получивъ приказаніе, занимаю вырытые нами на подобный случай на кладбищѣ окопы, высылаю впередъ и въ сторону дозоры съ надежными унтеръ-офицерами и, чувствуя, что необходимо хоть часъ да уснуть, ложусь между двумя могилками, завернувшись въ бурку.—«Вотъ тебѣ»,—думаю «и движеніе на Вафандіанъ; впрочемъ, хорошо: Грудзинскій теперь, навѣрное, не отстанетъ, да и вздремнуть не мѣ-

шаетъ!.. Но, какъ это обыкновенно бывало со мной послѣ сильной усталости и нервнаго возбужденія, заснуть не могъ, да и перспектива съ японскою колонною изъ трехъ родовъ оружія привлекала мое вниманіе, мѣшая забыться; потомъ пришелъ Грудзинскій со взводомъ; поворочавшись съ полчаса съ боку на бокъ, я всталъ, приказалъ приготовить чай и началъ ходить между могилками... Время близилось къ разсвѣту, верхи горъ посвѣтлѣли; тишина полная... Вдругъ мнѣ почудился конскій топотъ; сердце сильно забилось, слухъ напряженно ловитъ каждый звукъ... Топотъ ближе и ближе; не было сомнѣнія,—по ущелью, откуда ожидались японцы, скакалъ одиночный всадникъ.

— Стой, кто ѣдетъ?!—заоралъ не своимъ голосомъ часовой.

— Казакъ, съ приказаніемъ отъ командира бригады—гдѣ командиръ полка?

Въ запискѣ, которую привезъ казакъ, командиръ бригады спрашивалъ командира полка, почему полкъ, несмотря на категорически отданное приказаніе, не выступилъ своевременно въ 2½ часа пополуночи, и вторично приказывалъ выступать немедленно.

Тронулись со всѣми мѣрами предосторожности по ущелью, откуда прискакалъ казакъ; но на всемъ пути отъ Цюйдзятуня до Вафандіана (верстъ 18-ть) не встрѣтили не только японской колонны, но даже ихъ разъѣзда [1]).

Одинъ японецъ все-таки попался. Подъ самымъ Вафандіаномъ у желѣзнодорожнаго моста, смотрю, двое солдатъ ведутъ подъ руки, повидимому, японца.

— Откуда, вы, молодцы, взяли его?—интересуюсь.

[1]) Такъ и не добились, кто это былъ казачій офицеръ, сообщившій о колоннѣ; вѣроятно, это былъ офицеръ изъ разъѣзда, но откуда онъ взялъ непріятельскую колонну?

— Изъ-подъ моста, ваше высокоблагородіе, — ѣхали подполковникъ Котюжинскій, увидали его тамъ и приказали узнать, что за человѣкъ?—Говоритъ — рыбу ловилъ, а удочки нѣтъ; «шляпой, что ли ловишь?» спрашиваемъ, сняли шляпу—анъ косы-то и нѣтъ. Ведемъ теперь къ пограничникамъ [1]).

Японецъ, одѣтый въ европейское платье, называлъ себя китайцемъ, объясняя, что онъ служилъ «бойкой» у русскаго инженера, уѣхавшаго теперь въ Ванделинъ.—«А почему косы нѣтъ?»—спросилъ я,—«косу обрѣзалъ, чтобы легче было...» Отвѣтъ неправдоподобный,—у китайцевъ косы рѣжутъ только каторжникамъ. Видимо,—большими усиліями желѣзной силы воли японецъ сдерживалъ свое волненіе, легкіе судороги пробѣгали по лицу, но все же глаза его такъ и впивались въ нагруженныя зарядными ящиками и двуколками платформы проходившаго поѣзда.

У ст. Вафандіанъ [2]) расположились бивакомъ нашъ 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и 2-й Восточно-Сибирскій полки съ одной батареей 1-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады. Тутъ же стояли прибывшіе ранѣе Приморскій драгунскій полкъ и три казачьихъ полка Сибирскаго войска.

Всѣ эти части въ данное время составляли авангардъ 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта барона Штакельберга. Начальникомъ авангарда былъ назначенъ Начальникъ Сибирской казачьей дивизіи генералъ-лейтенантъ Симоновъ.

[1]) Пограничная стража исполняла также и жандармскія обязанности.

[2]) Станція Вафандіанъ находится верстахъ въ 150 къ сѣверу отъ Артура.

Ночной бой при деревняхъ Ліудагоу—Ліудатунь.

На другой день, 29-го мая, въ 4 часу пополудни получено приказаніе—одному баталіону 1-го полка съ эскадрономъ драгунъ отправиться за 12 верстъ къ востоку отъ ст. Вафандіанъ къ деревнямъ Ліудагоу—Ліудатунь, откуда стоявшій тамъ эскадронъ былъ оттѣсненъ японскою кавалеріей, поддержанною пѣхотой[1]. Нашъ баталіонъ долженъ былъ, въ свою очередь, оттѣснить японцевъ и выставить сторожевыя заставы. Силы непріятеля предполагались въ числѣ одного—двухъ эскадроновъ и одной роты. Русскій баталіонъ противъ одной японской роты посылался, вѣроятно, въ виду отдаленности расположенія заставъ отъ ст. Вафандіанъ и возможности наткнуться ночью на сильнѣйшаго противника...

Сводный[2] баталіонъ съ 4-мъ эскадрономъ Приморскаго драгунскаго полка, подъ общею командой командира 1-го баталіона подполковника Котюжинскаго, выступилъ въ 7-мъ часу вечера со сборнаго пункта на станціи. Вскорѣ попался намъ на встрѣчу взводъ казаковъ; они возвращались какъ разъ оттуда, куда мы шли. Спрошенный начальникъ разъѣзда—офицеръ на вопросъ: «есть ли японцы?»—отвѣтилъ: «Японцевъ у Ліудатуня нѣтъ—попадаются только кое-гдѣ въ окрестностяхъ небольшія заставы да мелкіе разъѣзды»...

Версты за двѣ не доходя до Ліудагоу, уже въ темно-

[1] Японцы имѣли обыкновеніе, особенно въ сторожевой цѣпи, поддерживать кавалерію пѣхотными частями.

[2] Баталіонъ составился изъ 2, 4 и 6 ротъ 1-го полка и одной роты 2-го полка, потому что остальныя роты 1-го полка были въ сторожевомъ охраненіи.

тѣ, встрѣтили заставу 6-го эскадрона. По указанію офицеровъ[1]) этого эскадрона, пошли дальше...

Когда пришли въ д. Ліудагоу, то отрядъ пріостановился, пока начальникъ отряда подполковникъ Котюжинскій съ драгунами—офицерами, разспрашивая[2]) жителей и разсматривая карту, оріентировался на мѣстности...

Былъ 11-й часъ... Ночь безлунная, небо звѣздное; окружающія деревню сопки[3]) обрисовывались неясными силуэтами на горизонтѣ...

Притомившіеся солдатики примолкли, только ржаніе драгунскихъ лошадей, да шумъ подтягивавшагося обоза (патронныя и лазаретныя двуколки да солдатскія походныя кухни) нарушали тишину...

Вдругъ справа на высотахъ замелькали огоньки—короткими сухими звуками затрещали выстрѣлы и нѣсколько десятковъ пуль съ тихимъ шумомъ, похожимъ на шелестъ проволоки, пролетѣли надъ головой... Съ десятокъ лошадей шарахнулись отъ выстрѣловъ въ сторону...

Люди совсѣмъ притихли.

— Сними, молодцы, шапки, перекрестись — первыя японскія пули пролетѣли, говорю я.

Еще выстрѣлъ...

— И. Е., вышлите полуроту въ цѣпь,—приказываетъ мнѣ командиръ баталіона.

По моему приказанію, полуротные командиры заводятъ свои полуроты лѣвымъ плечомъ впередъ, становя ихъ, такимъ образомъ, лицомъ къ непріятелю. 1-я полурота, какъ

[1]) Они также не знали ничего положительнаго о количествѣ японцевъ, занимавшихъ деревни Ліудагоу—Ліудатунь.

[2]) Разспрашивалъ я, какъ слушатель Восточнаго Института, отчасти знакомый съ китайскимъ языкомъ.

[3]) Такъ называются въ Сибири остроконечныя отдѣльныя горы вулканическаго происхожденія.

авангардная, стояла шаговъ на 150 впереди. Затѣмъ я командую: „По 1-му взводу, 1-й и 2-й взводы въ цѣпь, направленіе по 1-му взводу на выстрѣлы". Взводный унтеръ-офицеръ 2 взвода, видимо взволнованный, спуталъ команду...

Предлагаю офицеру, командиру 1-ой полуроты [1]), поправить его...

Прошли по новому направленію шаговъ 300; стрѣльба японцевъ прекратилась: должно быть, ихъ сторожевые посты, обстрѣлявъ насъ, отошли...

По приказанію командира баталіона, я остановилъ роту, выславъ впередъ и въ стороны сильные дозоры. Прежде чѣмъ начать дальнѣйшее наступленіе, рѣшено было покормить людей. Подвезли кухни, роздали ужинъ; стрѣлки, проголодавшись, поѣли съ большимъ аппетитомъ, и мы, офицеры, сидя на землѣ около роты, похлебали изъ солдатскаго котелка [2]) солдатскими ложками такъ называемой «пробы» [3])—щей изъ сушеной зелени [4]).

Послѣ ужина кухни отослали назадъ въ деревню, гдѣ онѣ оставались подъ прикрытіемъ полуроты 2-го полка. Баталіонъ же ($3^1/_2$ роты) двинулся на горы, направляясь на высокій пикъ, темнѣвшій вдали; роты шли, имѣя по взводу [5]) въ цѣпи и по три—въ резервѣ (во взводной

[1]) Шт.-кап. Мыловъ.

[2]) Въ число предметовъ снаряженія входитъ мѣдный или въ послѣднее время аллюминіевый котелокъ для варки пищи и кипяченія воды.

[3]) Каждый разъ какъ пища готова, дежурный унтеръ-офицеръ приноситъ командиру роты пищу для „пробы".

[4]) На случай, если нельзя будетъ купить овощей, въ обозѣ возится опредѣленное количество продуктовъ, между прочимъ и сушеной зелени.

[5]) Рота дѣлится на двѣ полуроты. Каждая полурота — на два взвода. Полуротами командуютъ обыкновенно офицеры, взводами—унтеръ-офицеры.

колоннѣ) на тѣсныхъ интервалахъ и дистанціяхъ, направляющая рота 2-я. Пошли сначала по косогору, спустились въ оврагъ, поднимаемся на другой берегъ...

Непріятельскій залпъ—въ упоръ,—наше «ура»—опять залпъ — «ура», «ура». Мы—наверху; все перемѣшалось. Останавливаемъ людей, съ большимъ трудомъ приводимъ ихъ въ порядокъ, и—дальше, вслѣдъ за отбѣжавшими японцами. Изъ-за земляныхъ стѣнокъ-заборовъ садовъ и огородовъ деревни замелькали огоньки выстрѣловъ... Полетѣли снова пули.

Между ногъ солдатъ проскользнули какія-то фигуры...

Солдаты кричатъ другъ другу: «Лови, лови—японцы». Я съ фельдфебелемъ и горнистомъ отсановился случайно подъ деревомъ; вдругъ дерево зашаталось, затряслось, что-то съ него спрыгнуло и пошло на-утекъ...

Какъ потомъ оказалось, на деревьяхъ сидѣли японскіе стрѣлки.

Утромъ на этомъ мѣстѣ (на другихъ также) нашли подвязанныя на полотенцахъ къ деревьямъ патроны. Стрѣльба японцевъ продолжается; мы не стрѣляемъ—уже кое-кто изъ нашихъ, какъ бы споткнувшись, упали — не то раненые, не то убитые, — разглядывать некогда. Бѣжимъ дальше по переулку на выстрѣлы... Бѣжимъ и кричимъ «*ура!..*». Только бѣжимъ да кричимъ, но сами не стрѣляемъ, потому что въ темнотѣ можно перестрѣлять своихъ.

Вотъ въ углу, у дома человѣка три моихъ кого-то колютъ штыками... Слышенъ стонъ. Подбѣгаетъ стрѣлокъ Ламиза и своимъ ломанымъ языкомъ (онъ грузинъ), запыхавшись, докладываетъ: «Я, ваше высокоблагородіе, хотэлъ схватить ружье, а онъ менэ штыкомъ въ ногу — штыкъ толстый, короткій»...

— Значитъ, ты раненъ?

— Не могу знать, ногу жжетъ... отвѣчаетъ онъ и исчезаетъ въ темнотѣ...

На наше новое *«ура»* вспыхиваютъ новые огоньки и слышится около какъ бы шелестъ проволоки: то уже знакомые звуки японскихъ пуль...

Выходитъ, — чѣмъ больше мы кричимъ *«ура»*, тѣмъ больше въ насъ стрѣляютъ. Запрещаю[1]) кричать *«ура»* и постепенно сбираю роту за уступъ горы во «взводную колонну»...

Давъ людямъ немного передохнуть и предупредивъ, чтобы соблюдали безусловную тишину, посылаю ихъ гуськомъ по одиночкѣ на близкую уже отъ насъ вершину, ту самую, на которую указалъ направленіе командиръ баталіона; рядомъ съ переднимъ стрѣлкомъ пошелъ командиръ 1-й полуроты штабсъ-капитанъ Мыловъ. Я — въ серединѣ этой непрерывной цѣпи людей, пропустивъ сначала мимо себя по-одиночкѣ каждаго стрѣлка 1-й полуроты. Шествіе замыкаетъ командиръ 2-й полуроты, подпоручикъ Грудзинскій, сдѣлавшій со своею 2-й полуротой то же, что я—съ 1-й, то-есть пропустившій ее предварительно мимо себя...

Наконецъ, мы на вершинѣ...

Грудзинскаго съ 3-мъ взводомъ посылаю шаговъ на 200 вправо къ темнѣющейся не то башнѣ, не то кумирнѣ; за ней оврагъ; по немъ могутъ насъ обойти японцы...

Внизу, въ долинѣ, въ деревнѣ, гдѣ мы только что были, идетъ стрѣльба и слышны крики *«ура...»*.

Тамъ еще воюетъ 4-я рота...

Немного погодя, подошла и встала лѣвѣе насъ 6-я рота... Какъ старшій, принимаю командованіе надъ двумя ротами (своею и 6-й)...

[1]) Разумѣется, это мнѣ удалось не сразу.

Высылаю во всѣ стороны секреты...[1]).

Часть японцевъ, слышно, поднимается изъ лощины прямо на участокъ 2 роты...

Хочу принять ихъ молчкомъ въ штыки, но 6-я рота не выдержала и дала залпъ, — на нее также шли снизу японцы; сдѣлавъ нѣсколько безпорядочныхъ выстрѣловъ въ насъ, они обошли гору, направляясь, надо полагать, на мелькавшіе въ горахъ сигнальные огни...

Люди взволнованы въ высшей степени, то и дѣло кто-нибудь поднимается и тревожнымъ шепотомъ докладываетъ:

— Ваше высокоблагородіе, колонна идетъ, прикажите стрѣлять!?

— Только не стрѣлять, а сидѣть смирно и молчать, когда же поднимется, то—въ штыки!

Бѣжитъ изъ секрета унтеръ-офицеръ... Не успѣлъ онъ еще сказать мнѣ ни слова, — вся рота поднялась, какъ одинъ человѣкъ... Слышно щелканье взводимыхъ курковъ.

— Смирно, ложись, кто безъ команды встанетъ, убью на мѣстѣ!... кричу не своимъ голосомъ, и чувствую, что въ состояніи выполнить угрозу на самомъ дѣлѣ...

На правомъ флангѣ стрѣляетъ залпами мой третій взводъ. Посылаю туда дозоръ, узнать, въ чемъ дѣло, и приказаніе ни въ какомъ случаѣ не стрѣлять, а принимать въ штыки... Все затихаетъ на горѣ, — внизу слышны то тамъ, то сямъ отдѣльные выстрѣлы... Кто-то стонетъ... Вызываю охотниковъ и посылаю ихъ отыскать командира баталіона, чтобы дать ему знать о себѣ и войти въ связь съ 4-ю ротою, которая, по моему предположенію, должна

[1]) Секретомъ называется человѣкъ 5 — 10 солдатъ, высылаемыхъ въ подобныхъ случаяхъ шаговъ на 50 впередъ для наблюденія за непріятелемъ.

быть внизу и вправо отъ насъ. Въ предразсвѣтной тьмѣ начинаемъ рыть окопъ на двѣ стороны. Наши роты занимаютъ длинную узкую вершину, которая можетъ быть атакована съ обѣихъ сторонъ.

Понемногу изъ мрака выступаютъ вершины окрестныхъ горъ. Въ долинахъ еще темно—тамъ ничего не видно и теперь ничего не слышно: японцы или всѣ ушли, или притаились... Спѣшимъ хоть какъ-нибудь окончить окопъ... Свѣтаетъ все больше и больше; въ долинѣ, откуда мы поднялись на гору, какъ будто двигается колонна,—не то кусты шевелятся отъ вѣтра...

Внимательно всматриваюсь; теперь уже достаточно ясно видно относительное положеніе горъ и долинъ вокругъ насъ. Мы занимаемъ западную часть отдѣльной подковообразной горы съ глубокою котловиной посрединѣ; на днѣ котловины — маленькая деревенька; своею выпуклою частью, гдѣ стоитъ башня и около нея мой 3-й взводъ, гора обращена къ югу; съ запада и востока, отдѣленныя узкими долинами, идутъ горы; версты полторы южнѣе горы эти расходятся, образуя равнину съ версту шириной, съ рѣчкой посрединѣ; къ югу виднѣются близко одно за другой три деревни; изъ нихъ двѣ послѣднія носятъ одно и то же названіе: Ліудатунь. Судя по картѣ, это тѣ именно деревни, откуда японцы вытѣснили нашихъ драгунъ и куда мы должны выставить свои заставы.

Почти разсвѣло совсѣмъ; пришелъ командиръ баталіона и передвинулъ 6-ю роту на мысокъ нашей горы, южнѣе сторожевой башни; называю эту башню „сторожевой“ потому, что съ нея прекрасно видны окрестности верстъ на 10—15 кругомъ...

И японцы, несомнѣнно, пользовались ею, устроивъ сидѣнье для наблюдательнаго поста на вершинѣ ея и окопы вокругъ; въ описываемое время съ нея наблюдалъ я...

Полосы японскихъ стрѣлковыхъ цѣпей темнѣли по склону противоположной (западной) горы...

Въ лощинѣ, по дорогѣ едва замѣтно двигалась черною лентой колонна, отходя къ югу по направленію къ деревнямъ Ліудатунь...

Разстояніе до колонны не больше версты; до цѣпей меньше...

Подхожу къ командиру 6-й роты и говорю:

— Моей ротѣ стрѣлять нельзя по той вонъ колоннѣ... мѣшаетъ мысокъ, на которомъ вы стоите, попробуйте дать залпъ вашею ротой...

— А что, развѣ въ самомъ дѣлѣ попробовать — говоритъ многоуважаемый С. Т., и спрашиваетъ [1]): А какой тутъ можетъ быть прицѣлъ?

— 1,300 [2]), говорю я.

— 1,500—1,600, говорятъ унтеръ-офицеры...

С. Т. выбираетъ среднее 1.400 и командуетъ залпъ; заранѣе приставивъ къ глазамъ бинокль, смотрю, куда упадутъ пули...

Клубочки пыли отъ ихъ паденія поднимаются вокругъ хвоста непріятельской колонны...

— Хорошо, отвѣчаю на вопросительный взглядъ капитана Федоровскаго.

Еще залпъ — колонна видимо спѣшитъ втянуться въ глубокую впадину, по дну которой пролегаетъ дорога.

[1]) Считаю необходимымъ оговориться, что подобное спрашиваніе практикуется всѣми, потому что прицѣлъ ставится по разстоянію, а разстояніе опредѣляется преимущественно на глазъ. Зрѣніе же, понятно, у однихъ можетъ быть лучше, у другихъ хуже. Совѣтоваться, поэтому, приходится не только съ унтеръ-офицерами, но и съ рядовыми, обладающими острымъ зрѣніемъ.

[2]) 1,300 шаговъ.

Не успѣлъ капитанъ какъ слѣдуетъ окончить команду для третьяго залпа, какъ рой японскихъ пуль пролетѣлъ мимо насъ. Я машинально повернулся и, признаюсь, довольно скоро пошелъ къ своей ротѣ (пошелъ, но не побѣжалъ); отойдя шаговъ 100, пріостановился, потомъ повернулся назадъ къ 6-й ротѣ,—думаю: неловко, подговаривалъ стрѣлять, вертѣлся около, когда японцы не стрѣляли, а когда начали, то удралъ — неловко, что подумаютъ стрѣлки 6-й роты, да и мой 3-й взводъ, что у башни тоже, небось, все видѣлъ. Бодро подхожу (стрѣльба съ обѣихъ сторонъ прекратилась) къ С. Т.

— Ну-ка, еще залпикъ; вонъ, кажется, они вылѣзаютъ изъ щелей.

Треснулъ нашъ залпъ, и мгновенно полетѣли японскія пули... да такъ близко и низко, что, нечего грѣха таить, я, С. Т. и еще одинъ офицеръ легли и отползли немного за гребень назадъ. Наблюдая за колонной внизу, мы упустили изъ виду лежавшія противъ насъ шагахъ въ 1.000 на скатѣ противоположной горы цѣпи японскихъ стрѣлковъ: они прикрывали огнемъ отступленіе колоннъ внизу на дорогѣ и въ то же время сами отходили по горѣ постепенно фланговымъ движеніемъ. Пули летѣли надъ нами низко, низко... Японцы, видимо, цѣлились въ насъ—офицеровъ.

Меня слегка лихорадило, и я былъ въ пальто; пальто очень выдѣляло меня, привлекая вниманіе японцевъ. Раньше много приходилось слышать о томъ, что лучшіе японскіе стрѣлки назначены стрѣлять по офицерамъ. Тутъ на горькомъ опытѣ мы убѣдились въ основательности этого слуха: пули летѣли только надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы, офицеры, лежали, въ стороны же онѣ распространялись не болѣе 5—10 саж.; объ этомъ можно было судить по щелканью пуль въ гребень вершины...

Вонъ одна пуля ударилась шагахъ въ 8 отъ меня, ударилась какъ будто во что-то не столь твердое, какъ каменистая поверхность горы. Солдатикъ, передъ которымъ послышался щелчокъ, вздрогнулъ и поникъ головой; минуты черезъ три, когда прекратилась стрѣльба, подошли къ нему; онъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ сгустокъ крови, величиной въ блинъ. Пуля попала ему въ лобъ и расколола черепъ; подняли подъ руки, бѣднягу. Сначала онъ сдѣлалъ-было нѣсколько шаговъ, затѣмъ опустился какъ мѣшокъ и началъ икать; на перевязочный пунктъ принесли уже, кажется, трупъ.

Залпы 6-й роты не только вызвали отвѣтный огонь японцевъ противъ насъ, но и новые отряды на горы вокругъ, хотя къ намъ они не приближались, а стояли на мѣстѣ...

Перестрѣлка 6-й роты взбудоражила и безъ того перепуганныхъ ночнымъ боемъ жителей близъ лежащихъ деревень; когда я возвращался отъ 6-й роты, то изъ деревни, гдѣ ночью у насъ была стычка съ японцами, на гору къ моей ротѣ быстро поднимался китаецъ съ узломъ за плечами.

Китаецъ, кромѣ того, велъ за руку мальчика, лѣтъ восьми, совершенно голаго [1]), дрожавшаго отъ страха и утренней свѣжести. Китаецъ совсѣмъ запыхался.

Поднявшись, онъ опустился въ полномъ изнеможенiи подлѣ роты и началъ, изрѣдка вставляя русскiя слова, объяснять намъ, съ трудомъ его понимавшимъ, что въ эту ночь японцы у него въ домѣ кого-то «кантами»; [2]) женщинъ «фуръ-фуръ» [3]), что теперь, вотъ, онъ съ сыномъ хочетъ идти туда, гдѣ безопаснѣе.

[1]) Китайцы спятъ обыкновенно голыми.

[2]) „Кантами"—значитъ «убить».

[3]) „Фуръ-фуръ"—изнасиловать.

Китайцу посовѣтовали идти на сѣверъ.

Стрѣлки просятъ разрѣшенія «сварить» чай; приказываю фельдфебелю отправить команду съ ружьями за «гаоляномъ» и водой въ деревню, что подъ нами въ котловинѣ, велю также и себѣ вскипятить чайникъ воды для чая... Затѣмъ взбираюсь на наблюдательную вышку, беру у наблюдавшаго тамъ унтеръ-офицера бинокль и смотрю по направленію отходящихъ японцевъ. Въ бинокль ясно видно, какъ японцы, свернувшись въ длинныя походныя колонны, отходятъ долиной къ югу, по дорогѣ на Бидзево [1]).

Близко по бокамъ шли дозорныя цѣпи изъ одиночныхъ людей на одинаковомъ разстояніи отъ колонны и другъ отъ друга. Позади, т. е. въ нашу сторону, стояла стрѣлковая цѣпь приблизительно изъ полуроты. Столько же было въ поддержкѣ; около цѣпи и колоннъ ѣздили всадники, должно быть офицеры. Подошелъ командиръ баталіона; съ нимъ мы насчитали до 13-ти японскихъ ротъ. Эти 13-ть ротъ, въ томъ числѣ и стоявшія ранѣе на горахъ къ востоку, повидимому, отходили, но каждую минуту могли обратиться противъ нашихъ 4-хъ ротъ и 2-хъ эскадроновъ; эскадроны къ тому же находились гдѣ-то позади, по крайней мѣрѣ, въ данный моментъ мы не видѣли ихъ. Поэтому естественно было видѣть на лицѣ командира баталіона [2]) тревогу и напряженное вниманіе, съ которымъ онъ слѣдилъ все время въ бинокль за отходившими все дальше и дальше японскими ротами... О преслѣдованіи ихъ мы, разумѣется, не могли и думать—несоразмѣрность силъ была слишкомъ велика и очевидна, хотя наши эскадроны подъ конецъ и показались у насъ въ тылу. Подъ прикрытіемъ ихъ разъѣздовъ, пошли санитары съ носил-

[1]) Бидзево—портъ на берегу Корейскаго залива.

[2]) Человѣка, видавшаго виды на своемъ вѣку.

ками отыскивать по оврагамъ и кустамъ раненыхъ и убитыхъ. Убитыхъ оказалось 4, раненыхъ—14. При уборкѣ тѣлъ у одного убитаго стрѣлка обнаружено 20 слишкомъ ранъ, изъ которыхъ многія, по свидѣтельству врача, нанесены холоднымъ оружіемъ уже трупу. Трудно сказать навѣрное, было ли это издѣвательство со стороны японцевъ надъ покойникомъ, или, быть можетъ, въ ночной свалкѣ не замѣчали, кого кололи, живого или уже мертваго...

Одного убитаго стрѣлка японцы волокли (видно было по примятой травѣ) зачѣмъ-то за ноги сажень 50, потомъ бросили; у всѣхъ убитыхъ они пообрѣзывали вещевые мѣшки и унесли съ собой, такъ же какъ и ружья...

Увы! унесли японцы и мой вьюкъ. Когда ночью баталіонъ пошелъ въ атаку, то вслѣдъ за ротой шелъ мой вѣстовой съ осломъ; на ослѣ былъ вьюкъ.

Рота шла прямо черезъ овраги и промоины; на одномъ изъ крутыхъ спусковъ подпруга вьючнаго сѣдла лопнула, и вьюкъ полетѣлъ въ оврагъ; вѣстовому, разумѣется, было не до того, чтобы шарить на днѣ оврага: онъ старался лишь бы не отстать отъ роты.

И вотъ утромъ ко мнѣ вмѣсто одного осла явилось два, потому что, по моимъ словамъ, вѣстовой самъ обратился въ таковаго, бросивъ вещи и приведя животное.

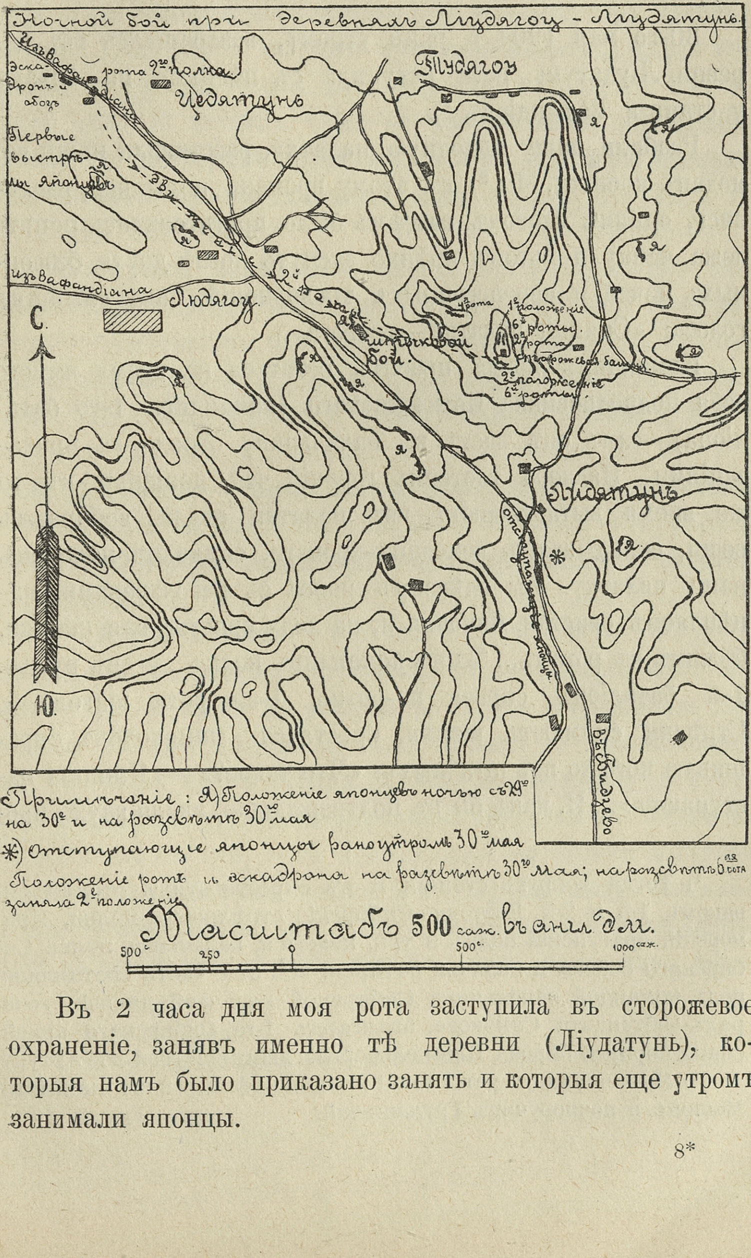
Въ вѣстовомъ сказался, впрочемъ, домовитый крестьянинъ.

— Къ чему бросать скотину, лучше оставить барскія вещи...

Такъ или иначе, въ руки японцевъ достались: моя бурка, шведская куртка, подушка, нѣсколько паръ бѣлья, учебникъ китайскаго языка и *Принципы жизни Китая* Георгіевскаго.

Сколько потеряли убитыми и ранеными японцы, сказать нельзя, потому что, уходя, они всѣхъ подобрали.

Къ ночному бою у д. Лiудягоу—Лiудятунь.

Въ 2 часа дня моя рота заступила въ сторожевое охраненie, занявъ именно тѣ деревни (Лiудатунь), которыя намъ было приказано занять и которыя еще утромъ занимали японцы.

Канунъ Вафангоу.

30-го мая 1904 г. рано утромъ, возвращаясь изъ деревни Ліудатунь, рота вступила съ пѣснями на бивакъ у станціи Вафандіанъ [1]).

Разбили нашу походную палатку, разставили наши чемоданъ-кровати. Мы [2]) къ этому времени помылись, раздѣлись, однимъ словомъ, совсѣмъ было приготовились попить лежа чайку и потомъ крѣпко заснуть послѣ двухъ безсонныхъ ночей и перенесенныхъ треволненій, какъ слышимъ голоса: «Снимай палатки—тревога»...

Командиръ полка проситъ остаться на время вмѣсто себя подполковника Котюжинскаго (командира 1-го баталіона)—самъ онъ ѣдетъ къ начальнику отряда за приказаніями. Наскоро глотаемъ горячій чай, денщики въ то же время вытаскиваютъ изъ палатки сѣдла, собираютъ вещи, складываютъ чемоданъ-кровати, снимаютъ наконецъ нашу палатку. Мы одѣваемъ пояса съ револьверами, нацѣпляемъ свистки, бинокли и, на ходу пристегивая шашки, бѣжимъ къ ротамъ... Ѣдетъ командиръ полка...—«въ ружье, 1-й баталіонъ справа по-ротно, 1-ая рота шагомъ»... Стрѣлки снимаютъ шапки, крестятся... мимоходомъ спрашиваю кого-то изъ штабныхъ: «Что такое?»—«Японцы наступаютъ»... И, какъ бы въ подтвержденіе, вдали глухо про-

[1]) Тогда вокругъ станціи и въ окрестностяхъ стояли бивакомъ 1-й и 2-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки, Приморскій драгунскій полкъ и три, кажется, казачьихъ полка Сибирскаго войска и казачья батарея; всѣ эти части составляли, подъ командой начальника Сибирской казачьей дивизіи генералъ-лейтенанта Симонова, авангардъ 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса барона Штакельберга, двигавшагося къ Артуру.

[2]) Я,—командиръ роты и мои младшіе офицеры: шт.-капитанъ Мыловъ и подпоручикъ Грудзинскій.

звучали орудійные выстрѣлы... Это было въ 1-мъ часу пополудни; напрявляемся къ югу, вдоль полотна желѣзной дороги на виднѣющуюся верстахъ въ 4—5-ти гору. Пройдя версты три, голова колонны пріостанавливается близъ колодца у деревни, чтобы дать подтянуться рядамъ. Подходитъ молодой китаецъ. Судя по разстроенному выраженію лица, по нетвердой походкѣ его, онъ до такой степени взволнованъ, что не старается даже скрыть это, какъ то требуетъ Конфуцій...

«Капитана, капитана—работа есть?» бормочетъ онъ заплетающимся отъ волненія языкомъ.—«Какая, тамъ работа?»—смѣемся мы. Но китаецъ видимо страдаетъ отъ нашего непониманья и умоляющимъ видомъ проситъ понять его... Лексиконъ русскихъ словъ бѣдняги небогатъ; недостатокъ ихъ онъ дополняетъ жестами: тычетъ къ югу рукой со словами: «Ибенъ жинъ, ибенъ жинъ» [1]), а потомъ показываетъ на насъ, приговаривая: «Работа есть, работа есть?» Наконецъ понимаемъ—онъ спрашиваетъ: «будетъ ли сраженіе:».

— Ю, ю, кокойдо [2]) (будетъ, будетъ скоро). Китаецъ срывается съ мѣста, неуклюже бѣжитъ, скрывается въ фанзу [3]) и сейчасъ же выводитъ оттуда миловидную китаянку съ ярко нарумяненными щеками и окрашенными въ пунцовый цвѣтъ губами; нѣжно поддерживая за руку, онъ ведетъ её куда-то за деревню... Ну, думаю,—недалеко уйдешъ ты съ ней, едва ковыляющей на своихъ колченогихъ, изуродованныхъ ножкахъ въ игрушечныхъ башмачкахъ. Можетъ быть, онъ повелъ свою молодую жену спрятать въ какой-либо погребъ или яму, какъ, напримѣръ, вотъ

[1]) Японскіе люди.

[2]) Испорченное русскими китайское слово: Куай-куай-дэ—скорѣе.

[3]) Фанза—домъ.

этотъ другой китаецъ, который тутъ же близъ дороги, воспользовавшись глубокой промоиной, вырылъ въ боку ея пещеру и, чтобы земля не обвалилась, устроилъ даже потолокъ изъ дверей, подперевъ его жердями, снесъ сюда наиболѣе цѣнное имущество и думаетъ здѣсь сидѣть, пока мы будемъ «работать» съ японцами вонъ хоть на той горѣ, куда мы вскорѣ и подошли. Подъ горой полкъ, перестроившись въ баталіонныя колонны, развернулся, затѣмъ роты, за исключеніемъ 2-го баталіона, который пошелъ вправо, въ долину, развернутымъ фронтомъ поднялись почти до самой вершины и залегли, укрытыя гребнемъ ея отъ взоровъ и выстрѣловъ противника...

Мы, офицеры, вылѣзли на самый гребень, вооружились биноклями и, лежа на животѣ, начали разсматривать окружающую мѣстность, напрасно стараясь найти непріятеля; передъ нами разстилалась неширокая долина; виднѣлись деревни; между ними, среди зеленѣющихъ полей, змѣились проселочныя дороги; прямая желтоватая лента желѣзнодорожнаго полотна тянулась къ югу и, постепенно суживаясь, черной черточкой терялась у подножія горъ передъ слѣдующей станціей Пуландянъ. Самой станціи за горами не было видно. Эти горы, мы знали, служили въ настоящее время позиціями для японцевъ, желавшихъ преградитъ доступъ нашему корпусу въ Портъ-Артуръ; на востокѣ по берегу Корейскаго залива темнѣла скалистая гряда горъ; къ нимъ непосредственно примыкала—наша, перегораживая восточную половину долины и отдѣляясь западнѣе отъ горъ, тянущихся по берегу Ляудонскаго залива. Здѣсь въ узкомъ мѣстѣ долины стояли нашъ 2-й баталіонъ и 2-й полкъ.

Такимъ образомъ нашъ отрядъ всталъ на пути вѣроятнаго наступленія японцевъ. Хотя занятую нами гору они врядъ ли рѣшились бы атаковать прямо въ лобъ, наруж-

ный скатъ ея (къ непріятелю) былъ еще круче, чѣмъ внутренній, на которомъ лежали роты; мѣстами крутизна—недоступна даже для отдѣльныхъ людей; хотѣли-было рыть окопы, но скалистый грунтъ не позволилъ; оставалось, ожидая появленія японцевъ, лежать на остромъ гребнѣ вершины, который, какъ костлявый давно не бритый подбородокъ старика, былъ покрытъ какой то желтоватой щетиной—букашка не могла найти тутъ тѣни прохлады. Между тѣмъ на небѣ ни облачка, въ воздухѣ знойная неподвижность. За послѣднюю недѣлю удалось спать въ общемъ не болѣе 10-ти часовъ, а то всё въ походахъ, въ бою, въ сторожевой цѣпи. Распростершись на буркѣ [1]), лежалъ я пластомъ, чувствуя себя совершенно разбитымъ; все во мнѣ ныло, голова кружилась, передъ глазами мелькали какіе-то огненные круги... Переутомленные нервы не воспринимали никакихъ впечатлѣній; ихъ не возбуждали и не будили вниманія рѣдкіе орудійные выстрѣлы и жидкіе ружейные залпы конныхъ частей, вошедшихъ гдѣ-то далеко впереди въ соприкосновеніе съ непріятелемъ... Не будили они и измученныхъ стрѣлковъ, особенно моей 2-й роты; охвативъ ружья руками (на крутомъ спускѣ нельзя было составлять «козлы»), рискую скатиться внизъ, спали они въ повалку рядами. Иногда въ просонкахъ, не открывая глазъ, сморенный солдатикъ шевелитъ рукой, ищетъ манерку, дѣлаетъ глотка два-три мутной, теплой воды (воду надо беречь), и снова впадаетъ въ тяжелое забытье... Солнце печетъ до боли и сквозь кожу сапогъ и сукно брюкъ и черезъ полотно рубашки [2]). Напрасно я вертѣлся

[1]) Взятой у товарища. Моя собственная попала, какъ я упоминалъ уже, въ плѣнъ къ японцамъ въ ночномъ бою съ 29-го на 30-е мая.

[2]) На войнѣ лѣтомъ офицеры носили вмѣсто кителей рубашки.

какъ баранъ на вертелѣ, подставляя жариться то спину, то бокъ, то грудь, стараясь лишь, чтобы избѣжать солнечнаго удара, прикрывать фуражкой по очереди лобъ и затылокъ, заснуть же по примѣру солдатъ я не могъ, пока не попытался новымъ способомъ спастись отъ солнопека и хоть немного подремать: взялъ да завернулся съ головой въ бурку, оставивъ одну отдушину для воздуха. Подъ буркой стало тепло, какъ въ духовомъ шкафу, за то, по крайней мѣрѣ, я не рисковалъ пригорѣть. Наконецъ, мнѣ удалось забыться... Долго ли спалъ, не знаю. Проснулся я отъ какого-то внутренняго толчка и весь мокрый; сбрасываю бурку—на воздухѣ какъ будто посвѣжѣло, но это потому, что изъ-подъ бурки я вышелъ, какъ изъ бани. Солнце скоро дало себя почувствовать, хотя уже не съ прежней силой; оно замѣтно склонилось къ горизонту. Картина—та же; слышится гдѣ-то вдали вялая орудійная стрѣльба... пить хочется нестерпимо; хорошо, что догадливый и расторопный вѣстовой вскипятилъ чайникъ и заварилъ чай. Выпилъ бы все одинъ, да надо подѣлиться съ товарищами: на мою долю досталось $1^1/_2$ стакана — почти что ничего.— Солдатики, видимо, также томятся жаждой; воду, что взяли съ бивака въ бутылкахъ [1]), они давно выпили. Командиры ротъ просятъ черезъ баталіоннаго командира разрѣшенія у командира полка послать команды за водой, неподалеку, въ деревню; командиръ разрѣшилъ. Обвѣшанные бутылками товарищей очередные весело спускаются съ горы—все-таки развлеченіе... Вижу,—командиръ полка и сидѣвшіе около него офицеры взялись за бинокли и направили

[1]) Каждый солдатъ имѣлъ у насъ бутылку, обмотанную, чтобы не билась, сукномъ; бутылки носились на тесемочной перевязи. Въ нихъ передъ выступленіемъ въ походъ наливалась кипяченая вода или чай; только въ рѣдкихъ случаяхъ, подобно описываемому, разрѣшалось набирать—прямо изъ колодца.

ихъ вправо; смотрю туда въ бинокль и я—сотня казаковъ, развернувшись, лавой понеслась куда-то въ боковую долину... Открывшійся-было сильный ружейный огонь пачками скоро затихъ—сотня вернулась. Должно быть, какой-либо значительный непріятельскій разъѣздъ приближался къ нашей сторожевой цѣпи... Казачьи разъѣзды доносятъ, что большія колонны японцевъ двигаются за горами, справа и слѣва. Быть можетъ, онѣ обходятъ насъ. За ними, впрочемъ, зорко слѣдятъ полки сибирскихъ казаковъ...

Когда начало темнѣть, насъ спустили внизъ, оставивъ на вершинѣ пока только часовыхъ... Роты составили ружья «въ козлы»; послали команды съ каптенармусами [1]) за гаоляномъ для варки чая и подстилки; пріѣзжалъ зачѣмъ-то командиръ бригады; говорятъ,—здѣсь будемъ ночевать, не разставляя палатокъ... Выбравъ мѣстечко, спѣшу скорѣе снять шашку, разстегнуть шарфъ, сбросить поясъ съ револьверомъ... Горнистъ стаскиваетъ съ меня сапоги... и я съ чувствомъ облегченія растягиваюсь на разостланномъ пальто; въ головахъ подъ пальто вмѣсто подушки—снопъ гаоляна. Хочется ѣсть, больше — пить, не хочется думать ни о чемъ, лѣнь пошевельнуть пальцемъ.

Вѣстовой разогрѣлъ и раскупорилъ банку консервовъ—«щи съ кашей». Если такихъ «щей съ кашей» поѣсть дня три подъ-рядъ, то и глядѣть на нихъ не будешь; изрѣдка же, особенно съ голоду, консервы [2]) сходили за делика-

[1]) Не разъ строго-на-строго было приказано за все, что̀ бралось у китайцевъ, платить; каптенармусы или старшіе въ командѣ, получивъ деньги отъ артельщика, расплачивались.

[2]) Особенно любили ихъ въ этомъ смыслѣ стрѣлки,—тѣмъ болѣе, что консервы дѣйствительно разнообразили довольно-таки однообразный солдатскій столъ. На походѣ по необходимости приходилось ограничиваться рисомъ и гаоляномъ зимой и салатомъ — лѣтомъ, изъ которыхъ варился супъ съ 1 фунт. мяса; пища прѣсная, несмотря на сдабриваніе ее лимонной кислотой,

тессъ... Порцію раздѣлили по-братски—я и мои товарищи, младшіе офицеры; кромѣ того, мы съѣли еще какого-то американскаго копченаго леща въ маслѣ, тоже консервированнаго, и затѣмъ принялись за чай... Едва успѣлъ сдѣлать нѣсколько глотковъ, какъ, слышу,—подъѣхавшій командиръ полка спрашиваетъ:

— Гдѣ ротный командиръ?

— Мы устроились въ ямкѣ, потому ему не было видно меня.

— Здѣсь, сейчасъ иду, господинъ полковникъ,—кричу я, и, надѣвъ поскорѣе сапоги, одѣваю на-ходу при помощи денщика «амуницію» и спѣшу къ нему...

— Сейчасъ отходимъ на Юдзятунь [1]),—ваша рота въ арріергардѣ, надѣюсь на васъ... — говоритъ командиръ и, пожавъ мнѣ руку, уѣзжаетъ.

— Слушаю...

Роты, мимо которыхъ проѣхалъ командиръ, уже одѣваются.

уксусомъ... Консервы были трехъ сортовъ: гороховый супъ съ мясомъ, жареное (рагу) съ картофельнымъ пюрэ и щи съ кашей, также съ мясомъ; выдавались они по порціи (вполнѣ достаточной для одного человѣка) на обѣдъ и $1/2$ порціи на ужинъ въ банкахъ или прямо на руки, когда нельзя было готовить для всѣхъ, или артельщикъ выдавалъ кашевару по числу довольствующихся изъ котла. Консервы назначались для замѣны обыкновенной пищи, когда по обстоятельствамъ не было возможности достать мяса (что случалось рѣдко), или когда полкъ или роты не могли, находясь, напримѣръ, въ бою или слишкомъ близко отъ непріятеля, подвести къ себѣ кухни (что также случалось очень рѣдко, — порціи мяса приносились иногда въ стрѣлковую цѣпь, а кухни подъѣзжали къ самымъ позиціямъ). Однимъ словомъ, употребленія консервовъ по возможности избѣгали, потому что при болѣе или менѣе постоянномъ пользованіи ими легко развивались желудочныя заболѣванія.

[1]) Деревня Юдзятунь была серединой нашей главной Вафангоуской позиціи.

— Одѣваться ротѣ и строиться!—приказываю я; но фельдфебель докладываетъ:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, позвольте доложить...

— Да, говори чертъ тебя побери... скорѣе.

Фельдфебель у меня—очень хорошій, но любилъ выражаться пространно и деликатно.

— Позвольте доложить: команда съ гаоляномъ еще не вернулась...

— Послать за ними; вѣдь недалеко—бросить гаолянъ и бѣгомъ!..

Пользуясь минуткой, самъ бѣгу допить чай... и еще издали кричу вѣстовому:

— Катать пальто, сѣдлать лошадь!..

Услышавъ это, мой товарищъ переливаетъ чай изъ чайника въ фляжку—сообразительно... Дѣлаю то же... Подходитъ подполковникъ Котюжинскій и ворчливо высказываетъ удивленіе:

— Что это за новая манера у командира передавать приказанія ротнымъ командирамъ помимо командира баталіона...

— Вѣроятно, у командира было основаніе [1]) такъ по-

[1]) Дѣло потомъ объяснилось: командиръ полка, проѣзжая по фронту стоявшихъ въ одну линію ротъ, приказывалъ каждой ротѣ отходить въ указанномъ направленіи самостоятельно, не дожидаясь прочихъ, чтобы сведеніемъ въ батальоны и вообще излишними въ данномъ случаѣ построеніями не возбуждать вниманія китайцевъ сосѣднихъ деревень, среди которыхъ всегда было много японскихъ шпіоновъ, дававшихъ знать своимъ о малѣйшемъ нашемъ движеніи. Команды за гаоляномъ были посланы также съ цѣлью ввести китайцевъ въ заблужденіе насчетъ нашихъ намѣреній: необходимо было, пользуясь наступившей темнотой, отойти неожиданно для противника возможно дальше назадъ; командиръ бригады, оказывается, и пріѣзжалъ отдать приказаніе объ отступленіи.

ступить: вы вѣдь знаете, какой онъ педантъ въ отношеніи дисциплины,—успокоиваю я моего глубокоуважаемаго начальника и товарища, дисциплинированнаго офицера, человѣка твердой воли, однимъ словомъ истиннаго военнаго [1]). Покамѣстъ собирались, совсѣмъ стемнѣло. Предстояло ночное движеніе вблизи непріятеля, съ переутомленными и не выспавшимися людьми, слѣдовательно, при обстановкѣ и условіяхъ, наиболѣе возбуждающихъ впечатлительность.

Окутывающій окрестность сумракъ полонъ таинственности; слухъ и зрѣніе напряжены въ высшей степени; подозрительны каждый шорохъ, звукъ, такъ же, какъ каждый чернѣющій своей тѣневой стороной предметъ, съ неясными какъ бы колеблющимися при слабомъ сіяніи здѣздъ очертаніями — не то прирѣчные кусты отъ вѣтра шевелятся, не то двигается, крадучись, непріятельская колонна... Воображеніе разыгрывается, вездѣ чуется скрытый врагъ... Тутъ достаточно двухъ, трехъ десятковъ выстрѣловъ со стороны, чтобы всё пришло въ смятеніе; — особенно, если роты не обстрѣляны и мало выдержаны, каковыми онѣ и были въ данное время. Всё это я зналъ по опыту китайской войны, а потому и принялъ, разъ навсегда, за правило для успокоенія людей при ночныхъ отступныхъ движеніяхъ находиться самому позади роты [2]), т. е. ближе къ непріятелю; въ такомъ случаѣ позади меня шелъ обыкновенно дозоръ изъ трехъ человѣкъ; со мной рядомъ

[1]) Еще будучи портупей-юнкеромъ (по теперешнему—подпрапорщикомъ), Евгеній Яковлевичъ Котюжинскій участвовалъ въ прошлую русско-турецкую войну въ славной защитѣ Шипки, гдѣ получилъ солдатскій Георгій. Въ эту войну онъ получилъ офицерскій Георгіевскій крестъ.

[2]) Къ тому же, зная, что я позади, люди стѣснялись лишній разъ выбѣгать изъ фронта, въ чемъ не могло быть особенной надобности въ виду дѣлаемыхъ по командѣ остановокъ съ опредѣленной цѣлью.

шли: фельдфебель и, какъ полагается, ротный линейный (на ружьѣ у него ротный значокъ) и сигналистъ. Одному изъ младшихъ офицеровъ (когда они были, а нѣтъ—такъ фельдфебелю), поручалъ итти впереди и наблюдать, чтобы поддерживалась связь съ впереди идущей ротой [1]). Такимъ способомъ движеніе роты регулировалось; она была, такъ сказать, заключена въ коробку изъ офицеровъ и унт.-офицеровъ, шедшихъ по бокамъ на своихъ уставныхъ мѣстахъ. Такъ мы двигались и теперь въ полной ужъ темнотѣ. Я шелъ пѣшкомъ, на каждомъ шагу спотыкаясь, и съ наслажденіемъ и съ сахаромъ, который бралъ изъ кабура (нѣсколько кусочковъ удалось запихать туда вмѣстѣ съ револьверомъ), пилъ изъ фляжки чай, еще не успѣвшій остыть; пилъ рѣдкими глотками, чтобы продлить наслажденіе и чтобы лучше понемногу утолять мучившую меня жажду послѣ дневной жары и—русскихъ «щей съ кашей», да еще съ американскимъ копченымъ лещомъ.

Нечего было и думать садиться на лошадь: шли по цѣлинѣ, перелѣзая черезъ промоины, спускаясь въ овраги, поднимаясь на кручи, пока, обогнувъ ст. Вафангоу, не вышли на грунтовую дорогу и не слились съ общимъ потокомъ двигавшихся въ перемѣшку ротъ, эскадроновъ, обозовъ, сотенъ, батарей... Части между собой перемѣшались, но каждая въ отдѣльности шла въ полномъ порядкѣ. То протискиваясь между двуколками, то сходя съ дороги, чтобы пропустить орудія, еле-еле продвигаемся впередъ; людямъ велимъ итти кучнѣе: немудрено потерять въ та-

[1]) Надо видѣть людей, идущихъ въ хвостѣ этой роты; иначе, если бы голова моей роты, допустимъ, замедлила шагъ и потеряла бы изъ виду хвостъ впереди идущей, то могла бы, уклонившись въ сторону, заплутаться... Можно итти по слуху, но идутъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ съ соблюденіемъ возможной тишины и, разъ оторвавшись, легко можно взять направленіе по шумъ какой-либо другой двигающейся части или обозамъ.

кой толпѣ оторвавшійся взводъ или полуроту... Наѣзжаетъ нашъ охотникъ, разыскивавшій насъ, и докладываетъ, что командиръ полка остался назади,—полкъ поручилъ вести командиру 2-го баталіона полковнику А. Спрашиваемъ:

— Гдѣ полковникъ А?

— Поѣхали впередъ.

— А 2-й баталіонъ?

— Не знаю.

— А 3-й?

— Впереди.

Продолжаемъ итти и натыкаемся на остановившуюся роту Его Величества со знаменемъ (она ушла раньше трехъ остальныхъ ротъ баталіона); рядомъ, въ сторонѣ отъ дороги, стягивается 2-й баталіонъ...

Отдохнувъ, пошли дальше; порядку на пути стало больше: артиллерія проѣхала впередъ, обозы заняли мѣста при своихъ частяхъ...

— Ваше высокоблагородіе—докладываетъ фельдфебель: Сидоренковъ заболѣлъ...

— Что съ нимъ?

— Жалуется на голову—говоритъ,—не можетъ итти...

— Посадить въ лазаретную линейку, — съ досадой говорю фельдфебелю.

— Линейки уѣхали впередъ [1]).

— Ну, такъ взять у него ружье, а самого бросить—чортъ съ нимъ, пусть попадетъ въ плѣнъ къ японцамъ»...—нарочно возвышаю голосъ я,—«то и дѣло отстаетъ, показываетъ дурной примѣръ ѣздить въ линейкѣ—лодырь. Вѣдь, онъ—изъ россійскихъ» [2])!?

[1]) По положенію, въ отступномъ порядкѣ линейки идутъ впереди части.

[2]) Взамѣнъ взятыхъ передъ самой войной изъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ по ротѣ изъ каждаго на

— Такъ точно, изъ нашихъ, даже изъ молодыхъ, никто не отстанетъ,—такъ же громко и въ тонъ мнѣ отвѣчаетъ фельдфебель.

Идемъ.—Немного погодя спрашиваю фельдфебеля:

— Ну, что, какъ Сидоренко?

— Ничего, идетъ,—говоритъ: полегчало...

— То-то, японцы-то, знать, не свой братъ... а ружье?

— И ружье несетъ—улыбается фельдфебель.

Въ рядахъ слышенъ смѣхъ. Кто-то куритъ.

— Эй, не курить, кто тамъ куритъ? Вѣдь приказано не курить,—чего смотрятъ унтеръ-офицеры?

Ночь безлунная, темно,—каждая искорка замѣтна издалека; вонъ какой-то огонекъ ярко мелькаетъ въ сторонѣ; еще дальше, оттуда, куда мы идемъ—другой, какъ бы въ отвѣтъ ему...

Присматриваюсь: мельканіе огоньковъ, или, вѣрнѣе, мгновенныя вспышки, напримѣръ, магнія отчетливо видны по обѣимъ сторонамъ дороги въ разныхъ мѣстахъ и чередуются такъ, что, когда мелькаетъ ближній огонекъ, то дальняго не видно, когда же перестаетъ мелькать ближній, то начинаетъ дальній... При этомъ интервалы между вспышками въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ то короче, то длиннѣе... Самыя вспышки то вдругъ зачастятъ, сыплютъ, какъ искры, то длящійся свѣтъ виденъ долго... Потомъ опять вспышки, но съ рѣдкими промежутками...

Ясно, что изъ чередованія мельканій и промежутковъ, то короткихъ, то длинныхъ, составляются слова, фразы... и что чьи-то искусныя руки работаютъ на приспособленныхъ къ ночному дѣйствію геліографахъ. Повидимому, сигнализиціонные аппараты (геліографы) находились въ

сформированіе 9-й Восточно-сибирской стрѣлковой дивизіи, прислали старо-служащихъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Россіи; присланные люди были со всячинкой...

деревняхъ по обѣ стороны дороги и при помощи ихъ передавалось о нашемъ движеніи... Не знаю, обращали ли вниманіе на эти подозрительныя мельканія огоньковъ и пытались ли узнать причину ихъ наши боковые и тыльные разъѣзды, на обязанности которыхъ лежало охранять наше движеніе отъ нечаянныхъ нападеній противника и вмѣстѣ съ тѣмъ не допускать его тѣмъ или другимъ способомъ наблюдать за нами. Не думаю, — съ нами были второочередные полки сибирскихъ казаковъ, врядъ ли имѣвшихъ понятіе о сигнализаціи, да еще ночью, посредствомъ геліографовъ [1])...

По крайней мѣрѣ сигнализированіе продолжалось безпрепятственно во всё время нашего пути; послѣдній аппаратъ работалъ въ деревнѣ у подножія горы, входившей въ составъ нашей позиціи; такимъ образомъ, непріятель подавалъ сигналы своимъ, можно сказать, изъ середины нашихъ войскъ... Было что-то жуткое въ этомъ таинственномъ мельканіи во мракѣ огоньковъ... Чувствовалось, что врагъ тутъ—близко, что онъ слѣдитъ за каждымъ нашимъ движеніемъ, пересчитываетъ насъ, готовится къ чему-то для насъ неожиданному... Я былъ радъ, когда, наконецъ сторожевая цѣпь загородила нашъ полкъ отъ всякихъ поползновеній вражескихъ соглядатаевъ. Часу въ 12-мъ ночи встали бивакомъ на узкой полосѣ пустопорожней земли между полотномъ желѣзной дороги и горой. Встали тѣсно. Хочется ѣсть... Хоть бы «пробу» поскорѣе принесли.

[1]) Въ нашихъ восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полкахъ сигнализированіе введено давно, и я лично когда-то завѣдывалъ обученіемъ команды геліографистовъ; аппаратъ состоитъ изъ системы зеркалъ, изъ которыхъ одно, приводимое въ колебаніе ударами пальца, какъ по кнопкѣ телеграфнаго аппарата, производитъ мельканіе (зайчиковъ) отраженныхъ солнечныхъ лучей; аппараты были взяты и въ этотъ походъ, но они были денные, не приспособленные для ночного употребленія.

Спрашиваю у дежурнаго по ротѣ:

— Гдѣ кухни?

— Еще далеко позади—за ними послали...

Посылаю въ собраніе узнать, скоро ли ужинъ?

— Ужина не начинали готовить...

Въ ожиданьи хочу уснуть; завертываюсь съ головой въ пальто и ложусь прямо на землю рядомъ съ спящими уже солдатами своей роты... Задремалъ было... Вдругъ, чувствую, что кто-то чуть не наступилъ мнѣ на голову и, во всякомъ случаѣ, препорядочно толкнулъ въ бокъ. Обозленный, вскакиваю и бросаю комомъ земли вмѣстѣ съ крѣпкимъ словомъ вслѣдъ удаляющейся въ темноту фигурѣ... Не успѣлъ улечься,—снова опять кто-то прошелъ близко, потомъ другой, третій...—Смотрю солдаты.

— Что вы тутъ шляетесь?!..

— Такъ что пришла нашей роты кухня...

— Что—за ужиномъ...

Выходило, не они мѣшали мнѣ, а я легъ поперекъ дороги имъ. Направляюсь къ командиру 4-й роты, капитану Добржанскому; у него въ изголовьяхъ валикъ передъ канавой, которая при нуждѣ могла защитить если не отъ наступленія японцевъ, то отъ—солдатскихъ ногъ на голову... Укладываясь подлѣ капитана Добржанскаго, съ удовольствіемъ прислушиваюсь, какъ онъ, напоминая своего земляка—гоголевскаго Петра Петровича Пѣтуха, заказываетъ завтракъ:

(Въ мою сторону).—Слышите, И. Е! (потомъ къ денщику).

— Такъ ты приготовь побольше, чтобы хватило всѣмъ господамъ; когда будутъ бить скотину[1]), возьми филэ: скажи, что для гг. офицеровъ 1-го баталіона; потомъ — языкъ; языкъ, ты знаешь съ картошкой хорошо—къ завтраку, такъ вотъ понимаешь...

[1]) Скотъ роты получали на походѣ изъ полка, но били сами.

У меня начинаютъ, что называется, течь слюньки, даже какъ будто сонъ проходитъ, но я все-таки заснулъ бы, если бы не появилась на флангѣ цѣлая рота; она была въ прикрытіи къ обозу и теперь шла на свое мѣсто вдоль канавки, а крайняя шеренга ея, перескочивъ черезъ канавку, шла по валику, отрясая прахъ ногъ своихъ на наши головы... Рѣшительно встаю и иду на свѣтъ къ собранскимъ двуколкамъ.

При тускломъ свѣтѣ фонаря съ разбитыми стеклами около буфетной двуколки возилась собранская прислуга—трое солдатъ: одинъ рѣзалъ хлѣбъ большимъ ножомъ на передкѣ двуколки; другой копошился у деревяннаго ящика изъ-подъ вина: отодравъ доску отъ крышки и засовывая руку въ прокладку изъ сѣна, онъ вытаскивалъ то бутылку пива, то обернутый въ газетную бумагу свертокъ, то початый фунтъ чаю,—бутылку вина въ соломенномъ колпакѣ... Кругомъ валялась солома, обрывки газетной бумаги... Третій солдатикъ невдалекѣ раздувалъ самоваръ... Тутъ же у двуколки постлана на траву скатерть; ближе къ одному концу ея, тамъ, гдѣ сидятъ, двѣ свѣчи въ садовыхъ подсвѣчникахъ слабо освѣщаютъ небольшое пространство; не примятая трава буграми топорщитъ скатерть, приподнимая края симметрично разставленныхъ тарелокъ; около положены ножи, вилки, ложки, посрединѣ тарелки съ чернымъ хлѣбомъ, потертый и помятый никелированный судокъ съ баночкой засохшей горчицы, съ пустыми бутылочками изъ-подъ уксуса, масла... Столъ «сервированъ», но ужина еще не подавали; кругомъ сидятъ, кто на подостланномъ пальто или буркѣ, кто на скатанной солдатской шинели, человѣкъ пять офицеровъ, два доктора и командиръ полка [1]); лица ихъ въ тѣни. Командиръ сидѣлъ прямо на землѣ, обхва-

[1]) Полковникъ Сергѣй Спиридоновичъ Хвастуновъ.

тивъ руками колѣни согнутыхъ передъ собою ногъ, въ высокихъ запыленныхъ сапогахъ—(ему такъ удобнѣе, онъ высокаго роста). Съ свойственой ему манерой говорить просто и занимательно, командиръ, хотя, видимо, утомленный, не безъ юмора разсказывалъ, какъ онъ собиралъ 5-ю роту со сторожевыхъ постовъ: «...Казалось, всѣхъ собралъ,—смотрю, изъ-за скалы выходитъ стрѣлокъ и рапортуетъ о благополучіи поста. «Уходите говорю, къ своей ротѣ, вонъ туда».—Слушаю-съ; только, вотъ, придетъ и смѣнитъ взводный: онъ разставлялъ насъ.—«Ладно, взводному я самъ скажу, а вы идите... не то, попадете японцамъ въ руки». Пошли...—«Еще, можетъ быть, гдѣ-нибудь есть посты?»—кричу въ догонку.—Такъ точно, правѣе, на сопкахъ два нашихъ поста»... Искалъ, искалъ—не могу найти. Приказалъ сигналисту играть сигналъ «5-ая рота» и «сборъ»... Думаю, что̀ изъ этого выйдетъ: русскіе или японцы. Ну, да пусть, свои, все-таки узнаютъ, въ чемъ дѣло. Поджидая, зашелъ на станцію; тамъ встрѣтился съ Немировичемъ-Данченко. Онъ мой старый знакомый по Петербургу, въ буфетѣ нашлась бутылка пива (буфетчикъ укладывался уже). Выпили, вспомнили общихъ знакомыхъ... Я и говорю: «Теперь въ Петербургѣ время обѣда, какъ хотѣлось бы побывать мнѣ въ кругу своихъ»...

Голосъ командира при этихъ словахъ какъ будто дрогнулъ. Вообще замѣтно было, что онъ находился въ размягченномъ настроеніи. Натура нервная, чуткая, онъ, быть можетъ, предчувствовалъ, что его конецъ недалекъ, и что ему не суждено больше увидать своихъ близкихъ... Ужина все не подавали; было далеко за полночь; аппетитъ, какъ будто, прошелъ... Взявъ въ буфетѣ про запасъ бутылку краснаго вина и предупредивъ буфетчика-солдата, чтобы онъ не забылъ записать на меня, я ушелъ къ баталіону; выбралъ тамъ мѣсто для спанья, по счету третье; мѣсто

это было ничѣмъ не хуже и не лучше двухъ прежнихъ, но на немъ спали крѣпкимъ сномъ двое моихъ товарищей; постлалъ между ними непромокаемую накидку и легъ, завернувшись съ головой въ пальто; засыпая на голодный желудокъ, мечталъ о завтрашнемъ языкѣ... Вотъ хорошо, что Владиміръ Александровичъ Добржанскій знаетъ языки... т. е. языки—готовить...

Голоса и ходьба разбудили меня. Чувствую, не выспался, тѣло—разбито. Едва свѣтаетъ. Въ предразсвѣтномъ сумракѣ различаю кучки солдатиковъ; они ѣдятъ изъ котелковъ,—значитъ, въ нѣкоторыхъ ротахъ вчера не успѣли сварить ужинъ, такъ продукты пошли на завтракъ. Весело потрескиваютъ костры изъ гаоляна; вокругъ нихъ поѣвшіе уже люди, сидя на корточкахъ, дожидаются, когда закипитъ въ котелкахъ вода для чаю...

Добржанскій сидитъ хмурый.

— Гдѣ же, спрашиваю,—шашлыкъ и языкъ?

Онъ показываетъ свой — «все забрали въ офицерское собраніе — тамъ сегодня языкъ съ картофельнымъ пюрэ»...

— Ну, все равно, поѣдимъ въ собраніи...

Но этого языка такъ и не удалось увидать... Вѣстовой приготовилъ мнѣ на завтракъ чай и принесъ котелокъ съ «пробой», хлѣбомъ же онъ не догадался запастись съ вечера въ собраніи.—Поѣлъ съ сухарями. Черезъ полчаса полкъ двигался на позицію.

1-й день Вафангоу—1-е іюня.

I.

Верстахъ въ восьми къ югу отъ станціи Вафангоу лежитъ близъ желѣзной дороги деревня Юдзятунь.

Если вообразить прямую линію, которая проходила бы черезъ эту деревню и пересѣкала бы полотно желѣзной дороги подъ прямымъ угломъ, то эта воображаемая линія, продолженная на востокъ и западъ, пройдетъ какъ разъ по горамъ бывшихъ русскихъ позицій такъ называемаго Вафангоускаго боя. Горы здѣсь не составляютъ сплошного цѣлаго: онѣ раздѣлены узкими долинами, изборождены вдоль и поперекъ ущельями и оврагами; поверхность ихъ безлѣсна, слабо покрыта травой; мѣстами — обнаженная скала; лѣтомъ общій колоритъ сѣро-зеленый; по своей небольшой высотѣ горы въ большинствѣ доступны даже артиллеріи, но скалистый грунтъ не вездѣ позволяетъ рыть укрѣпленія. По одной изъ поперечныхъ узкихъ долинъ пролегаетъ желѣзная дорога и рядомъ съ ней—грунтовая; по другимъ направленіямъ, отъ деревни до деревни, между горами также идутъ проселочныя дороги.

Позиція[1]) простиралась на 11 верстъ отъ деревни Лункоу на западѣ, мимо деревень Тофаньшинъ, Юдзятунь и Вафанопенъ до дер. Гуинъ на востокѣ. Когда мы

[1]) Говорили, что позиція слишкомъ растянута, что де и было причиной неудачнаго боя; вообще Вафангоуская позиція подверглась жестокой критикѣ гг. корреспондентовъ, надо замѣтить, пѣвшихъ съ чужого и притомъ фальшиваго голоса, потому что имъ, какъ людямъ штатскимъ, было бы странно «смѣть свои сужденія имѣть» въ такомъ спеціально военномъ дѣлѣ, какъ выборъ позиціи. Писали они, разумѣется, со словъ военныхъ, которые, подъ впечатлѣніемъ неудачнаго боя, не могли говорить о

проходили мимо Юдзятуня, то наша 2-я бригада (3-й и 4-й Восточно-Сибирскіе стрѣлковые полки) съ артиллеріей стояли уже на своихъ участкахъ, въ окопахъ по вер-

немъ хладнокровно и, отыскивая причины неудачи, видѣли ихъ не тамъ, гдѣ слѣдовало. По моему мнѣнію, разбирать достоинства и недостатки Вафангоуской позиціи, какъ избранной для оборонительнаго боя всему корпусу, нельзя. Всѣмъ было извѣстно, что корпусъ барона Штакельберга шелъ на выручку Артура... а не для того, чтобъ обороняться гдѣ-либо въ 8-ми верстахъ южнѣе Вафангоу. Если здѣсь и была выбрана позиція и даже укрѣплена,—работалъ тутъ, между прочимъ, и 1-й полкъ, когда стоялъ въ Цюйдзятунѣ,—то это дѣлалось на случай наступленія японцевъ до сосредоточенія всего корпуса. На подвозъ по желѣзной дорогѣ всего корпуса потребовалось до двухъ недѣль—съ 19-го мая по 1-ое іюня. Въ этотъ промежутокъ времени все могло случиться, и командиръ корпуса не могъ не озаботиться заблаговременнымъ выборомъ позиціи гдѣ-либо южнѣе Вафангоу, занявъ которую, передовыя части могли бы прикрывать высадку безпрерывно прибывавшихъ съ сѣвера на ст. Вафангоу войскъ. По сборѣ же всѣхъ частей корпусъ долженъ былъ стремиться къ своей цѣли—выручкѣ Артура, то-есть, двигаться впередъ. Такъ и было: 2 іюня изъ 9-ти наличныхъ полковъ (не считая сибирскаго Тобольскаго пѣхотнаго полка, прибывшаго подъ конецъ боя) пять перешли изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и повели атаку противъ японскаго праваго фланга. Ясное доказательство, что баронъ Штакельбергъ выбиралъ позицію на случай наступленія японцевъ на головныя части до прибытія главныхъ силъ корпуса.

Гг. корреспонденты вмѣсто того, чтобы стоять на безпристрастной точкѣ зрѣнія объективныхъ отношеній къ описываемымъ событіямъ, упрекали ген. Штакельберга въ непослѣдовательности: «сперва началъ обороняться, а потомъ вздумалъ наступать», писали они. Полагаю, что сказаннаго выше достаточно, чтобы упрекъ въ непослѣдовательности отпалъ самъ собой.

Что корпусу пришлось наткнуться на цѣлую армію Оку, это также врядъ ли справедливо ставить въ вину командиру корпуса; могутъ возразить, что у него были глаза и уши — кавалерія, которая должна была все видѣть и слышать... Она и дала знать о движеніи новыхъ обходныхъ непріятельскихъ колоннъ, что̀ и побудило генерала Штакельберга отдать приказъ объ отступленіи, когда нѣкоторыя части 1-й Восточно-Сибирской стрѣлко-

шинамъ горъ. Командиръ полка уѣхалъ къ начальнику дивизіи; полкъ велъ старшій изъ баталіонныхъ командировъ по указанію нашихъ офицеровъ, рекогносцировавшихъ путь; эти офицеры, будучи высланы заблаговременно въ штабъ дивизіи, узнали тамъ, черезъ какіе пункты и куда

вой дивизіи находились на послѣдней стрѣлковой позиціи, то-есть шагахъ въ 300—150 отъ противника.

Правда, 1-й Восточно-Сибирскій армейскій корпусъ проигралъ сраженіе подъ Вафангоу, понесъ большія потери и отступилъ, но едва ли основательно оцѣнивать результаты боя подъ Вафангоу только со стороны тактическаго неуспѣха,—они должны разсматриваться и въ отношеніи стратегическомъ, а въ этомъ послѣднемъ—успѣхъ былъ, какъ показали послѣдствія. Корпусъ, отступая на сѣверъ, потянулъ за собою всю амію Оку. Легко себѣ представить, что произошло бы, если бы Оку, вмѣсто того, чтобы двигаться вслѣдъ за нашимъ корпусомъ, направился къ Артуру, укрѣпленія котораго тогда далеко не были закончены... и который врядъ ли устоялъ бы передъ открытымъ штурмомъ соединенныхъ армій Ноги и Оку... Могутъ возразить на это: «Да, успѣхъ былъ отъ похода корпуса на югъ и отъ боя при Вафангоу, но успѣхъ, такъ сказать, отрицательный,—корпусъ отступалъ; за нимъ наступала армія Оку... что же тутъ особеннаго?» Отступленіе отступленію рознь. На путь отъ Вафангоу до Ляояна, то-есть на проходъ разстоянія въ 210 верстъ, корпусъ употребилъ 73 дня (со 2-го іюня по 16 августа). Слѣдовательно отступалъ въ среднемъ по три версты въ сутки, задерживая противника непрерывными арріергардными дѣлами, иногда большими сраженіями, какъ, напримѣръ, при Кайджоу, Дачепу и Ташичао...

Корпусъ отступалъ шагъ за шагомъ, съ позиціи на позицію, самъ терялъ ежедневно десятки, сотни, иногда и тысячи людей, до вмѣстѣ съ тѣмъ заставлялъ терять столько же, если не больше и противника; главное же,—заставлялъ его терять золотое время на постоянное развертываніе (для боя) и свертываніе (для похода) своихъ колоннъ въ то время, когда изъ Россіи прибывали къ Ляояну все новыя и новыя войска. Полагаю, что заслуга корпуса (совершенно въ такомъ же положеніи дѣлалъ то же самое и въ то же самое время 2-й Восточно-Сибирскій армейскій корпусъ генерала Засулича, отступая послѣ Тюренчена подъ натискомъ арміи Куроки...) не состоитъ изъ одныхъ отрицательныхъ свойствъ.

*

долженъ былъ итти полкъ, проѣхали черезъ эти пункты и, возвратившись къ полку, указывали дорогу. Шли мы долго; итти приходилось далеко, на самый крайній лѣвый флангъ, гдѣ полкъ предназначался въ резервъ нашей дивизіи, которая должна была составить лѣвый флангъ общаго боевого расположенія корпуса. Придя на мѣсто, мы не сразу установились, — получались все новыя и новыя донесенія отъ разъѣздовъ о движеніи японцевъ; сообразно этимъ движеніямъ, передвигали и насъ, останавливая то тамъ, то здѣсь.

Помню одну изъ такихъ остановокъ.

Солнце уже было высоко; жара начинала донимать. Насъ опять почему-то остановили. Только что успѣли составить ружья въ «козлы», какъ усталые люди сейчасъ же повалились; большинство запрокинулось, опираясь на подложенные подъ спину вещевые мѣшки и на упертые въ землю локти... обыкновенная поза для короткаго отдыха при случайныхъ остановкахъ. Мое пальто было скатано и приторочено къ сѣдлу,—я попробовалъ лечь прямо на землю... Твердая и сухая, она была горяча, какъ натопленная печка— поджаривало даже. Тогда взялъ у стрѣлка скатанную шинель, свернулъ ее вдвое и сѣлъ, какъ на стулъ.

Невдалекѣ такъ же сидѣли рядомъ командиръ полка и командиръ бригады, вообще не ладившіе другъ съ другомъ. Бригадный высказывалъ неудовольствіе по поводу неправильной, по его словамъ, покупки нашимъ завѣдывающимъ хозяйствомъ какихъ-то быковъ, которыхъ завѣдывающій будто бы купилъ у китайцевъ насильно, другими словами: взялъ быковъ, а китайцу далъ деньги, правда, хорошія; но китайцу деньги не нужны были: ему были необходимы быки, рабочій скотъ, тѣмъ болѣе, что была пора для полевыхъ работъ; крестьянинъ-китаецъ приходилъ жаловаться къ генералу. Командиръ полка защищалъ завѣды-

вающаго, оправдывая его поступокъ невозможностью инымъ путемъ [1]) достать мяса для полка...

— «Вотъ», думаю, «нашли время для хозяйственныхъ разговоровъ—сію минуту тотъ или другой или оба вмѣстѣ могутъ быть убиты, а они тутъ волнуются изъ-за какихъ-то быковъ, не обращая даже вниманія на участившіеся орудійные выстрѣлы къ сторонѣ праваго фланга».

Пріѣхалъ ординарецъ съ приказаніемъ—и насъ опять перевели на другое мѣсто, въ узкую долину подъ скалу. Отсюда командиръ выслалъ влѣво и впередъ роту Его Величества для наблюденія за дорогой, по которой могли итти японцы; мою 2-ю роту—влѣво на холмы; за ними, по донесеніямъ казаковъ, двигались обходныя непріятельскія колонны. Занявъ холмъ, указанный мнѣ издали командиромъ полка, я увидѣлъ передъ собой шагахъ въ 1,000 другой такой же; что̀ дѣлалось за нимъ, съ перваго холма не было видно; тогда я взялъ взводъ и повелъ его туда... Но пріѣхавшій ординарецъ вернулъ назадъ обѣ роты, сказавъ, что наблюдать останутся пластунская и охотничья команды. Когда возвратились къ своимъ, то мы уже не застали тамъ 3-го баталіона: онъ ушелъ на позицію на гору, что̀ позади только что оставленныхъ нами холмовъ. Захотѣлось очень пить...

Держась правила еще съ китайской войны не пить въ Манчжуріи холодной воды по возможности ни при какихъ обстоятельствахъ, я приказалъ вѣстовому вскипятить чайникъ, разсчитывая, что японцы дадутъ на это время. Бондаренко (вѣстовой) побѣжалъ за водой къ колодцу въ деревню, по направленію къ холмамъ, и, противъ обыкно-

[1]) Этотъ путь пріобрѣтенія скота отъ населенія—путь насильственной покупки, къ сожалѣнію, дѣйствительно иногда бывалъ единственнымъ, когда полки неожиданно передвигались, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ.

венія, очень скоро появился назадъ; за нимъ въ припрыжку и тоже съ чайниками бѣжали солдаты... Спрашиваю:

— Ну что, набралъ воды?

— Такъ точно, и гаоляну снопъ прихватилъ...

— Что это ты—да и стрѣлки такъ улепетывали?...

— Такъ что насъ командиръ полка прогнали оттуда.

— Почему, вы что-нибудь съ китайцами?...

— Никакъ нѣтъ, японцы съ горъ стрѣляютъ...

— Ну, кипяти скорѣе, пить смерть какъ хочется, можетъ успѣешь...

— Слушаю.

Черезъ минуту затрещалъ уже костеръ, и Бондаренко, сидя на корточкахъ, держалъ надъ нимъ чайникъ, поддѣтый за ручку на крѣпкій гаоляновый стволъ...

Въ то же время послышались характерные звуки, похожіе на шелестъ въ вѣтеръ телеграфной проволоки: первыя японскія двухлинейныя пули упали передъ полкомъ... 2-й баталіонъ зашевелился; люди подтягивали ремни, поправляли амуницію..... Баталіонъ пошелъ, по приказанію командира полка, влѣво на позицію, къ 3-му баталіону. Японцы, удлиняя свой правый флангъ, охватывали насъ слѣва... Ни убитыхъ, ни раненыхъ еще не было, хотя пули чаще и чаще пронизывали воздухъ надъ нашими головами; больше и больше падало ихъ передъ баталіономъ; ударявшіяся въ твердую почву, пули взбивали слегка пыль, какъ градины или крупныя капли рѣдкаго дождя вздымаютъ клубочки пыли, падая на сухую пыльную дорогу. Уменьшая дистанціи между ротами, баталіонъ все ближе прижимался къ скалѣ, какъ бы спасаясь подъ ея отвѣсной стѣной отъ захлестывавшаго съ боку косого дождя...

Между тѣмъ Бондаренко принесъ чай; я налилъ себѣ стаканъ, товарищамъ — младшимъ офицерамъ роты — въ кружки, взятыя ими у солдатъ, и мы, обжигаясь, съ жад-

ностью принялись пить, на зависть офицерамъ другихъ ротъ, которые не были такъ запасливы и не имѣли такихъ расторопныхъ вѣстовыхъ, какъ мой молодецъ — Бондаренко. Увидавъ насъ за чаемъ, подошелъ полковой адъютантъ, подпоручикъ Владиміръ Прохоровичъ Драгославъ-Надточинскій [1]), царство ему небесное, симпатичная личность, превосходный товарищъ, прекрасный полковой адъютантъ, счастливо сочетавшій въ своихъ отношеніяхъ къ товарищамъ-офицерамъ дружбу со службой. Онъ еще и потому возбуждалъ къ себѣ участіе и симпатію офицеровъ, что покинулъ для войны свою молодую жену всего лишь послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни.

— Дайте, И. Е., стаканъ чаю,—очень пить хочется.

— Пожалуйста, Владиміръ Прохоровичъ! отвѣтилъ я и подалъ ему.

То былъ послѣдній выпитый имъ на бѣломъ свѣтѣ стаканъ... черезъ пять минутъ бѣдняги не стало...

Судя по полету пуль, японцы продолжали охватывать насъ, — пули летѣли уже почти вдоль долины, въ узкомъ входѣ въ которую мы стояли, прикрываясь скалой; долѣе оставаться здѣсь нельзя было — скала прикрывала только отъ косыхъ выстрѣловъ; подполковникъ Котюжинскій попросилъ у командира полка разрѣшенія занять небольшую гору напротивъ. Командиръ полка приказалъ...

Такимъ образомъ, мы должны были сначала отходить и потомъ уже, взойдя на гору, повернуться снова лицомъ къ непріятелю. Выражаясь военнымъ языкомъ, мы занимаемъ позицію съ отходомъ назадъ. Отъ скалы до подошвы горки разстояніе въ этомъ мѣстѣ не болѣе 1,000 шаговъ, да до вершины по довольно отлогому скату надо было пройти столько же; скатъ этотъ, очень похожій на искус-

[1]) По національности сербъ.

ственно раздѣланный въѣздъ, велъ на сѣдловину; перева-ливъ черезъ сѣдловину на ту сторону горы, роты должны были устроиться подъ ея прикрытіемъ и потомъ—цѣпями залечь за гребнемъ вершины для стрѣльбы.

На прохожденіе отъ скалы до гребня требовалось времени отъ 5 до 7-ми минутъ для одной роты, столько же для другой и т. д., потому что ограниченный съ обѣихъ сторонъ отвѣсными скалами подъемъ, шаговъ 200 — 300 шириной, не допускалъ итти болѣе широкимъ фронтомъ, хотя бы двумя ротами сразу; можно было бы одной или двумъ ротамъ подняться тутъ, остальнымъ же, принявъ влѣво, попытаться тамъ взобраться, но съ мѣста, гдѣ мы стояли, не было видно той части горы: скалистый выступъ скрывалъ ее отъ насъ; если бы было время, слѣдовало бы осмотрѣть, но осмотрѣть уже было некогда, надо было исполнять приказаніе — итти, и мы пошли...

Можно было бы, конечно, взбѣгать на гору по-ротно бѣгомъ; для этого потребовалось бы времени на каждую роту отъ 2-хъ до 3-хъ минутъ, но мы занимали позицію съ отходомъ назадъ, то-есть отходили; по уставу же от-ходить полагается шагомъ и притомъ медленно... Кромѣ того всѣ офицеры желали показать другъ другу и солда-тамъ свою храбрость, и потому мы отходили тихимъ ша-гомъ, разстрѣливаемые чуть ли не въ упоръ; не въ упоръ— лишь потому, что покамѣсть подставляли противнику вмѣ-сто груди спину... Здѣсь въ теченіе какихъ-либо 5 — 7 минутъ полкъ (собственно 1-й баталіонъ и штабъ полка) понесъ больше потери, чѣмъ въ остальныя полутора су-токъ Вафангоускаго боя... Если бы движеніе было произ-ведено бѣгомъ, то, несомнѣнно, мы потеряли бы значи-тельно меньше, но по глубокому убѣжденію моему—офи-цера, отбывшаго три кампаніи, контуженнаго и раненаго, такъ и слѣдовало итти шагомъ, а не бѣжать. Части, ко-

торыя отступаютъ съ позиціи подъ выстрѣлами противника шагомъ, медленно, никогда, какъ бы силенъ напоръ врага ни былъ, не оставятъ своихъ позицій безъ приказанія...

И такъ, мы отходили шагомъ. Первою пошла рота Его Величества, разсыпавшись по полуротно въ цѣпь; стрѣлки шли въ одну шеренгу на дистанціи двухъ—трехъ шаговъ одинъ отъ другого... Впереди шла 2-я полурота, за ней шагахъ въ 40—1-я; между полуротами ѣхалъ командиръ роты капитанъ Тучковъ.

Какъ только первая линія стрѣлковъ показалась на скатѣ, какъ сію же минуту впереди, позади и между ними стали появляться клубочки пыли... Японцы, замѣтивъ движеніе, осыпали пулями весь скатъ, правда, еще издалека и пока—лишь ружейными. Чаще и чаще ударяютъ пули въ каменный грунтъ, какъ бы подгоняя идущихъ, но цѣпь движется медленно, сохраняя интервалы и дистанцію, какъ будто на смотру у генерала Леневича гдѣ либо подъ гор. Никольскомъ - Уссурійскимъ... Вотъ уже головная полурота поднялась на одну треть подъема, всѣ идутъ; вдругъ одинъ стрѣлокъ упалъ, какъ бы споткнувшись; его подхватили товарищи-сосѣди и поволокли кверху... Другой присѣлъ, разсматриваетъ ногу; этого также взяли подъ-руки и ведутъ... Товарищъ, который поддерживаетъ его справа, самъ захромалъ,—упирается на ружье... упалъ еще стрѣлокъ... Полковые музыканты, шедшіе на правомъ флангѣ роты Его Величества, бросились отъ нея кучей въ сторону; часть уже успѣла, добѣжавъ, спрятаться въ канаву подъ выступомъ скалы, другіе съ тяжелыми инструментами еще неуклюже бѣгутъ... одинъ остался на дорогѣ: ярко блеститъ около него мѣдная труба...

Рота идетъ спокойно; капитанъ Тучковъ ѣдетъ по серединѣ,—вдругъ онъ что-то зашевелился въ сѣдлѣ, потомъ принялъ обычную осанку; только нога у него держится

какъ-то странно прочь отъ сѣдла, на отлетѣ... Рота Его Величества—на половинѣ подъема; люди продолжаютъ падать, нѣкоторые ползутъ... настаетъ моя очередь... Что есть силы, припускаюсь въ сторону отъ баталіона, къ скалистому выступу, чтобы посмотрѣть, нельзя ли за нимъ, влѣво, подняться на гору,—можно; бѣгомъ возвращаюсь къ ротѣ и говорю командиру баталіона:

— Евгеній Яковлевичъ, разрѣшите моей ротѣ принять влѣво: я поднимусь на гору вонъ за тѣмъ выступомъ; подъ его прикрытіемъ можно безопасно подняться, а то, посмотрите, что́ дѣлается въ ротѣ Его Величества... моей ротѣ все равно придется встать лѣвѣе...

— Очень хорошо; я и другія роты двину за вами, идите съ Богомъ...

Рота перестроена въ полуротную колонну; завожу ее немного правымъ плечомъ впередъ, чтобы поставить лицомъ не въ затылокъ поднимающейся наверхъ ротѣ Его Величества, а по новому направленію къ упомянутому выступу скалы... Объясняю полуротнымъ командирамъ, куда надо идти и приказываю, разсыпавъ полуроты на мѣстѣ (по линіи въ цѣпь), двигаться... 2-ая полурота пошла подъ командой своего командира, подпоручика Грудзинскаго... 1-ая же полурота, разсыпавшись, измѣнила направленіе, данное мною захожденіемъ правымъ плечомъ на скалу... Люди сами по себѣ, машинально, повернулись на роту Его Величества... Приказываю командиру полуроты шт.-капитану Мылову, прежде чѣмъ начать движеніе, исправить сначала ошибку на мѣстѣ... Сажусь на лошадь; ѣду за 2 полуротою и вижу, что 3-й взводъ, направляющій (по которому подравниваются), идетъ правильно, но 4-й взводъ, оторвавшись отъ него, потянулся за ротой Его Величества... Скачу, чтобы заставить переменить направленіе; но тутъ же соображаю: «взводъ уже обстрѣливается; если я буду

производить перемѣну направленія, то потеряю минуты двѣ... вмѣстѣ, пожалуй, съ десяткомъ убитыхъ и раненыхъ...».

Махнувъ рукой офицерамъ, чтобы они вели остальные взводы, какъ указано, самъ я поѣхалъ вслѣдъ за 4-мъ, то-есть по пути, по которому шла рота Его Величества, добравшаяся теперь уже до верху...

Намъ остается пройти еще шаговъ 700—800,—минуты двѣ-три ходу, такъ и взлетѣлъ бы, если бы не стрѣлки... нагруженные, они двигаются убійственно медленно... Лошадь же, такъ, совсѣмъ, кажется, готова остановиться; трогаю ее слегка каблуками, чтобы подогнать; трогаю слегка, чтобы не очень скоро пошла: сзади, знаю, на меня смотрятъ товарищи съ командиромъ полка; они слѣдятъ за малѣйшимъ моимъ движеніемъ такъ, какъ я самъ слѣдилъ за Тучковымъ... Такимъ образомъ, я находился подъ дѣйствіемъ двухъ силъ: японскія пули подгоняли меня, взоры командира и товарищей удерживали.

Какія чувства преобладали во мнѣ?

Держась въ сѣдлѣ въ пол-оборота и какъ бы сжимаясь, чтобы моя фигура представляла наименьшую площадь пораженія для японскихъ пуль, я такъ же и внутренно сжался въ комокъ, стараясь не думать, не чувствовать [1]... Я не боялся, хотя вниманіе отмѣчало каждую пролетѣвшую мимо или падавшую у ногъ лошади пулю, вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе говорило, что для лучшихъ японскихъ стрѣлковъ, видѣвшихъ во мнѣ, въ конномъ, начальника, я представляю изъ себя прекрасную цѣль... Ощущенія отъ звуковъ пролегавшихъ и щелкавшихъ пуль не сопровождались какими-

[1]) Этотъ способъ замораживанія себя я практиковалъ всегда, когда находился въ бездѣйствіи подъ пулями. При извѣстной сноровкѣ силой воли всегда можно низвести до минимума душевныя движенія, когда они мѣшаютъ...

либо чувствованіями; душевное состояніе было, можно сказать, свободнымъ отъ всякаго чувства: все во мнѣ какъ бы замерло... Передо мною мелькали пыльные сапоги шагавшихъ въ гору солдатъ; безучастно смотрѣлъ я на своихъ людей...

До вершины шаговъ 150... Свистъ, шелестъ пули у самаго уха, мозгъ пронизываетъ мысль,—куда, въ затылокъ, въ спину ударитъ? Внутри меня все напрягается, ощущеніе—какъ бы я приготовился получить ударъ... Близко, близко, Господи, донеси до верху... Тамъ уже мѣдно-красными кругами загорѣлыхъ солдатскихъ лицъ обозначилась цѣпь роты Его Величества; приготовляясь къ стрѣльбѣ, стрѣлки безъ малѣйшей тѣни страха и лишь съ любопытствомъ смотрѣли въ сторону непріятеля; среди нихъ, на открытомъ мѣстѣ, подъ градомъ пуль, съ раздраженно-злымъ выраженіемъ лица и раной въ ногѣ, стоялъ верхомъ на конѣ командиръ роты Его Величества капитанъ Владиміръ Александровичъ Тучковъ [1]); черезъ минуту пуля пронизала ему шею, задѣвъ пищеводъ и какую-то артерію... Перенесенный на перевязочный пунктъ, онъ прожилъ не болѣе часа, постоянно спрашивая, какъ идутъ дѣла, какъ дѣйствуетъ его рота:

— О, они молодцы, мои не сдадутъ... были послѣднія слова, сказанныя имъ уже въ агоніи.

За 4-мъ взводомъ 2-й роты пошла и 3-я рота; за ней поѣхалъ командиръ полка со штабомъ: полковымъ адъютантомъ подпоручикомъ Драгославъ-Надточинскимъ, подпоручикомъ Плосконнымъ, назначеннымъ для описанія дѣйствій полка, завѣдывающимъ охотничьею командой

[1]) Потомокъ тѣхъ знаменитыхъ по 12-му году Тучковыхъ, изъ которыхъ одинъ, проявивъ частную иниціативу, спасъ цѣлую русскую армію отъ пораженія своимъ дѣломъ при Валутиной горѣ во время отступленія изъ Смоленска.

штабсъ-капитаномъ Каукинымъ, его помощникомъ подпоручикомъ Сапожниковымъ, штабъ-горнистомъ и нѣсколькими ординарцами и конными охотниками.

Командиръ и сопровождавшіе его составляли слишкомъ замѣтную группу, чтобъ японцы, опредѣливъ въ ней начальниковъ, не обратили на нихъ своего особеннаго вниманія.

Въ данную минуту они стрѣляли не изъ однихъ уже ружей, но и изъ пулеметовъ и пушекъ, которые успѣли къ этому времени установить. Командиру полка пуля ударила въ лопатку и, пройдя насквозь, вышла около ребра; отхаркивая хлынувшую изъ горла кровь и захлебываясь ею, онъ черезъ 10 минутъ умеръ; ѣхавшій непосредственно за командиромъ полковой адъютантъ упалъ съ лошади, наповалъ убитый[1]) пулей, поразившей его въ затылокъ; разрывается шрапнель, осколки и пули ея сыплются вокругъ, ранятъ подпоручика Плосконнаго и лошадь подъ нимъ...

[1]) Глубоко жаль обоихъ; про полкового адъютанта я говорилъ уже; что же касается командира полка, то потеря его въ первомъ же бою была для полка невознаградимою и незамѣнимою...

Будучи еще прапорщикомъ Московскаго гвардейскаго полка, онъ участвовалъ въ Русско-Турецкую войну, между прочимъ, при взятіи Горнаго Дубняка, гдѣ почти весь Московскій полкъ славно легъ костьми! Изъ числа немногихъ уцѣлѣвшихъ какимъ-то чудомъ полка былъ и прапорщикъ Хвастуновъ и тамъ не слѣзавшій съ лошади (онъ былъ баталіоннымъ адъютантомъ). Объ этомъ покойный любилъ вспоминать: «мы боялись, чтобы кто-либо изъ насъ не подумалъ о другомъ, какъ о трусѣ,—мы всѣ хотѣли быть и казаться храбрыми...», говорилъ въ назиданіе намъ мой дорогой и незабвенный командиръ Сергѣй Спиридоновичъ Хвастуновъ. Проникнутый чувствомъ долга, онъ желалъ и намъ внушить такое же понятіе о долгѣ... Ведя полкъ въ бой, полковникъ Хвастуновъ горѣлъ священнымъ огнемъ, какъ свѣчка передъ Господомъ Богомъ...

Какъ бы непрерывная струя металла ударила около лошади подпоручика Сапожникова, какъ горохъ забарабанили о каменную почву пули изъ пулемета... лошадь испугалась, метнулась въ сторону и грохнулась о земь вмѣстѣ съ офицеромъ... Къ счастью, лошадь и всадникъ остались цѣлы, отдѣлавшись ушибами и легкими царапинами: отшатнувшись и сдѣлавъ прыжокъ въ сторону, лошадь спасла себя и Сапожникова,—въ противномъ случаѣ, пули пулемета пронизали бы ихъ, какъ игла швейной машины пронизываетъ ткань...

Обо всемъ этомъ я узналъ хотя въ этотъ же день, но значительно позже; только о Сапожниковѣ обогнавшій меня верхомъ штабсъ-капитанъ Каукинъ сообщилъ, что онъ убитъ: онъ видѣлъ его падавшимъ съ лошадью и полагалъ убитымъ. Самъ Каукинъ, сдерживая, видимо, волновавшія его чувства, былъ въ состояніи сильнаго напряженія... На немъ, какъ говорится, лица не было, а онъ не принадлежалъ къ трусливому десятку...

Хотя мы лицъ не теряли (по-китайски фраза «потерять лицо» значитъ: «потерять честь»), но, думаю, что на многихъ изъ насъ лица не было, между прочимъ и на мнѣ...

Правда, когда я ѣхалъ въ гору по «узкому и тѣсному пути», по которому многіе изъ нашего полка отправились на тотъ свѣтъ, заставляя себя силою воли меньше думать и чувствовать, я не боялся, какъ не боялся и теперь [1])... но когда мой младшій офицеръ штабсъ-капитанъ Мыловъ (командиръ 1-й полуроты), также возбужденный, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—«Извините меня, И. Е.,—я виноватъ предъ вами»...,—то, не спросивъ его, въ чемъ

[1]) Въ данную минуту, впрочемъ, нечего было бояться,—вершина укрывала насъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

онъ считаетъ себя виновнымъ предо мною и не давая себѣ почти отчета въ томъ, что́ говорю, я машинально отвѣтилъ ему:

— Да, вы—виноваты.

Потомъ уже стало ясно мнѣ: Мыловъ считалъ себя виноватымъ въ томъ, что не пошелъ со своею полуротой за мной, а—по указанному мною направленію, т. е. извинялся за исполненіе моего приказанія.

Привелъ насъ въ чувство подполковникъ Котюжинскій (командиръ баталіона), обратившись ко мнѣ съ упрекомъ: «Вѣдь вы хотѣли идти влѣво, гдѣ вы были, что́ вы тутъ дѣлаете...?» говоритъ онъ. Въ его голосѣ мое ухо улавливаетъ какія-то подозрительныя интонаціи; какое-то сомнѣніе слышится въ нихъ (c'est le ton qui fait la musique)— «ужъ не думаетъ ли онъ, что я прячусь»,—пронеслось у меня въ головѣ. Сдержаннымъ сухимъ тономъ, взявъ руку подъ козырекъ, докладываю: «Господинъ подполковникъ,— хотѣлъ идти влѣво, да не вышло: три взвода пошли правильно, одинъ отбился, я поѣхалъ за нимъ, теперь»,— указываю ему,—«взводъ этотъ въ резервѣ [1]), 1-я полурота на мѣстѣ, гдѣ ей и слѣдуетъ быть; 3-й взводъ немного оторвался, такъ онъ сейчасъ перейдетъ—ему тутъ все равно стрѣлять нельзя»...

— Ну, хорошо, хорошо, — отвѣчаетъ, смягчившись, Евгеній Яковлевичъ, строгій прежде всего къ себѣ, а потомъ уже къ намъ,—вы тутъ останетесь начальникомъ участка надъ вашей и 4-й ротой; я пойду къ ротѣ Его Величества; кажется, Тучковъ убитъ...

[1]) Взводъ этотъ, 4-й, переваливъ со мною вмѣстѣ черезъ перевалъ и такимъ образомъ укрывшись отъ разстрѣла, повернулъ и остановился, дойдя до того мѣста, гдѣ, по моему предположенію, должна была быть разсыпана цѣпь изъ остальныхъ моихъ трехъ взводовъ... въ это время и происходилъ вышеприведенный мною разговоръ.

Между моими 1-ю полуротой и 3-мъ взводомъ значительный интервалъ; приказываю подпоручику Грудзинскому передвинуть 3-й взводъ вправо—ближе къ полуротѣ: за камнями это можно сдѣлать безъ потерь.

— Знаете, говоритъ съ оживленнымъ и радостнымъ лицомъ Грудзинскій, прибѣжалъ я со взводомъ на гору, поднялись такъ, какъ вы указали, положилъ людей за камни... Смотрю, бѣжитъ цѣпь съ холмовъ, куда мы ходили; подумалъ сначала, что это наши пластуны; потомъ думаю: нѣтъ—оттуда летятъ пули. Взялъ бинокль—японцы... Командую прицѣлъ 1,800—залпъ; недолетъ; 2,000—залпъ: нѣсколько черныхъ фигурокъ упало,—заканчиваетъ онъ довольный первымъ самостоятельнымъ дѣломъ.

Прошелъ по взводамъ, кое-что измѣнилъ въ расположеніи; такъ, напримѣръ, передъ фронтомъ роты крутой довольно скатъ горы спускался уступами, окаймленными по краямъ камнями. Камни эти представляли прекрасное закрытіе для стрѣлковъ; туда спустилъ взводъ, получилась двухъ-ярусная оборона; на верху люди разсыпанныхъ въ цѣпь взводовъ лежали тамъ, гдѣ ихъ застала команда: «ложись»; нѣкоторые поэтому лежали совсѣмъ открыто, несмотря на камни или ямки шагахъ въ пяти отъ нихъ, изъ-за которыхъ и изъ которыхъ можно было съ удобствомъ и относительно безопасно стрѣлять лежа или съ колѣна [1]). Указалъ на это полуротнымъ и взводнымъ и приказалъ лучше размѣстить стрѣлковъ.

[1]) Дѣлали они такъ не потому, что были не грамотны или не были пріучены къ примѣненію къ мѣстности, а потому, что и основательно обученный солдатъ или офицеръ, будь онъ хоть семи пядей во лбу и съ высшимъ образованіемъ, не будетъ, находясь въ первый разъ въ бою, спокойно соображать, слѣдовательно и не будетъ толково примѣнять свои знанія подъ непрерывнымъ свистомъ пуль. Всякимъ военнымъ и не военнымъ критикамъ, не нюхавшимъ пороха и судящимъ о войнѣ изъ пре-

Цѣпь открыла огонь еще до моего прихода; стрѣляли одиночнымъ огнемъ—безъ толку, часто, а по комъ и по чёмъ не было видно, хотя рѣдкія, повидимому, еще случайныя, пули летѣли уже съ противоположной горы. Приказываю прекратить одиночный огонь и стрѣлять лишь залпами, если цѣль будетъ ясно видна; взводные зачастили залпы; подбѣгаетъ фельдфебель (Ѳедоръ Денисовичъ Туровецъ [1]) и не своимъ голосомъ (онъ былъ «не въ себѣ», по выраженію солдатъ) говоритъ: «Ваше высокоблагородіе, прикажите не стрѣлять, прикажите не стрѣлять, ваше высокоблагородіе—ничего не видно».—«Ну, а если они видятъ»... — «никакъ нѣтъ, извольте посмотрѣть въ бинокль».

— А ты смотрѣлъ?

— Такъ точно, смотрѣлъ: ничего не видно; иногда будто видны отдѣльные люди дѣйствительно...

— Ну, ладно, продолжай смотрѣть въ бинокль и чуть что́ покажется, докладывай мнѣ.

краснаго далека, слѣдовало бы въ погонѣ за дешевою популярностью воздерживаться отъ такихъ фразъ: «мы терпѣли неудачи, потому что японцы всѣ грамотны, а мы—нѣтъ; потому что японцы культурны, а мы—нѣтъ». Такимъ фразамъ цѣна грошъ, а не 10 копѣекъ или 20 копѣекъ строчка. И не потому, что онѣ были бы ложны. У японцевъ, дѣйствительно, солдаты, кажется, всѣ грамотны и вообще японцы кое въ чемъ культурнѣе насъ (подразумѣваю матеріальную культуру). Культура и грамотность имѣютъ, разумѣется, значеніе и на войнѣ, но далеко не рѣшающее (да развѣ ужъ такъ велика разница въ культурѣ и грамотности между нами и японцами?)... Суворовскіе чудо-богатыри и Наполеоновскіе маршалы, — многіе выслужившіеся изъ простыхъ солдатъ,— развѣ отличались культурой? Даже самая фраза Бисмарка: «Францію побѣдилъ школьный учитель» сказана имъ, думаю, больше для популярности: развѣ французы менѣе культурны, чѣмъ нѣмцы...

[1]) По происхожденію сынъ унт.-офицера; окончилъ Рижскій учебный баталіонъ, три раза раненъ (подъ Вафангоу, Ляояномъ и Мукденомъ). Получилъ «Георгія» и заурядъ-прапорщика.

Стрѣльбу залпами прекратили; приказалъ стрѣлять только лучшимъ стрѣлкамъ. Фельдфебель блѣдный, исхудалый, едва держался на ногахъ; онъ, бѣдняга, измучился за послѣднюю недѣлю больше меня, къ тому же боленъ инфлуэнцой; посылалъ вчера въ околотокъ: «не пойду—говоритъ—передъ боемъ»... и теперь не шелъ, хотя былъ раненъ въ ступню. Только къ вечеру почти силой удалось мнѣ спровадить его на перевязочный пунктъ.

Ознакомившись со своимъ участкомъ позиціи и устроивъ на немъ роту, я внимательно оглядѣлся кругомъ. Самая высокая часть нашей горки состояла изъ глыбъ разрушившейся подъ вліяніемъ атмосферы скалы; въ передней части вершины эти куски скалы, въ видѣ отдѣльныхъ стѣнокъ, представляли превосходное закрытіе, но были слишкомъ высоки для стрѣльбы, изъ-за нихъ стрѣлять можно было только въ промежуткахъ; задній край вершины покрывала густая поросль низкаго, какъ вездѣ здѣсь, орѣшника... Лѣвѣе (восточнѣе) обломковъ скалы по гребню перевала лежала цѣпью рота Его Величества вплоть до скалистаго обрыва, которымъ въ этомъ направленіи оканчивается горка; узкою каменистою щелью она отдѣляется отъ другой, служившей позиціей для нашихъ 2-го и 3-го баталіоновъ. Правѣе (западнѣе) вершины начинается сходящій на нѣтъ спускъ; ближе къ вершинѣ спускъ усѣянъ камнями; за ними поодиночкѣ и группами размѣстились стрѣлки моей роты. Правѣе 2-й роты лежали цѣпью совершенно открыто три взвода 4-й роты; камней тутъ не было, и скалистый грунтъ не допускалъ рытья окоповъ...

Потомъ уже вечеромъ и ночью 4-й ротѣ удалось смастерить изъ мелкихъ камней и наносной земли кое-какіе окопы, правда, не важные, но все же прикрывавшіе отъ ружейныхъ пуль большую часть тѣла при стрѣльбѣ лежа; 3-я рота въ качествѣ баталіоннаго резерва расположилась

подъ горой за серединой боевой линіи. Занятая нами горка была позиціей какъ разъ для одного баталіона. Затерянная среди скалъ и горъ южной части Ляодуна, но памятная отнынѣ для 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка, она стоитъ отдѣльно, раздѣляя собою довольно большую долину на двѣ неравныя части, меньшую спереди (къ югу) и—большую позади ея (къ сѣверо-западу), соединяющіяся къ западу отъ горки полосой шаговъ въ 200 шириной; тутъ проходитъ проселочная дорога; долина эта обставлена со всѣхъ сторонъ горами; съ юго-востока, начиная отъ скалы, подъ которою въ началѣ боя полкъ стоялъ въ резервномъ порядкѣ, ее окаймляетъ цѣпь небольшихъ, изрѣзанныхъ оврагами и расщелинами горъ; горы эти, отдѣляясь ущельемъ, идутъ на юго-западъ мимо высотъ, составлявшихъ лѣвый флангъ главной позиціи и ограничивающихъ равнину съ запада; на сѣверо-западѣ высятся горы съ ущельями-проходами къ желѣзной дорогѣ и къ деревнѣ Цюйдзятунь (путь нашего отступленія) и, наконецъ, на сѣверо-востокѣ рядъ отдѣльныхъ невысокихъ горъ (къ нимъ примыкаетъ наша горка) замыкаетъ неправильный четыреугольникъ равнины...

На этихъ послѣднихъ невысокихъ горахъ, какъ я уже сказалъ, стояли уступомъ наши два баталіона; они составляли уступъ относительно 1-го баталіона; мы, въ свою очередь, служили уступомъ для лѣваго фланга главной позиціи, которую нашъ полкъ, расположившись такимъ образомъ, обезпечивалъ отъ обхода противника. Если бы японцы успѣли занять наши мѣста, то они открыли-бы огонь не только во флангъ, но даже частію въ тылъ центра... Съ этою именно цѣлью,—цѣлью противодѣйствія охвату японцевъ, начальникомъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлко-

вой дивизіи генералъ-майоромъ Гернгроссомъ [1]) и былъ поставленъ у скалы въ резервномъ порядкѣ нашъ 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ, когда еще нельзя было предвидѣть, куда ударитъ непріятель.

Полкъ удачнымъ занятіемъ позиціи и послѣдующимъ боемъ въ теченіе дня 1 іюня блестяще выполнилъ задачу, заставивъ противника пріостановить обходъ, хотя понесъ при этомъ невознаградимую потерю въ лицѣ доблестнаго своего командира, полковника Хвастунова, павшаго смертію храбрыхъ.

II.

Прекративъ движеніе, японцы постепенно занимали горы противъ нашей позиціи; огонь разгорался съ обѣихъ сторонъ: влѣво, къ сторонѣ 2-го и 3-го баталіоновъ, трещала перепалка; отъ скалы, лѣвѣе которой трахала залпами рота Его Величества, неслись какіе-то странные звуки: та-та-та... какъ-будто скалу сверлила и прострачивала игла гигантской машины; это, какъ потомъ я сообразилъ, работали японскіе пулеметы [2]). Вправо, 4-я рота вела стрѣльбу залпами по-взводно; у меня поддерживали рѣдкій одиночный огонь лучшіе стрѣлки. До гребня противоположной горы, укрывавшаго, по моему предположенію, разсыпанныхъ японскихъ стрѣлковъ, разстояніе большое—отъ 2000 до 2400 шаговъ; даже въ бинокль трудно было что-

[1]) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и командиръ 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса.

[2]) Какое громадное количество пуль и съ какою быстротою выбрасываетъ пулеметъ, можно судить по тому, что, какъ бы быстро ни поворачивали стволъ пулемета (онъ вращается и въ горизонтальной и въ вертикальной плоскости) при обстрѣливаніи, напримѣръ, двигающейся цѣли, все-таки нѣсколько пуль попадаютъ въ одну точку.

либо разглядѣть: изрѣдка лишь появлялись перебѣгающія фигурки—цѣль малозамѣтная, однако стрѣльбу надо было поддерживать, чтобы удовлетворить желанію большинства стрѣлковъ «пострѣлять» и не дать погаснуть у нѣкоторыхъ сознанію необходимости подвергать себя непріятельскимъ выстрѣламъ. Солдатики любятъ вообще пострѣлять: «пуля де виноватаго найдетъ»—и это истина: на войнѣ ранятъ и убиваютъ преимущественно шальныя пули, а не прицѣльныя... разумѣется, при подобной стрѣльбѣ необходимо соблюдать мѣру (дисциплину огня), иначе при появленіи, напримѣръ, вдругъ обозначившейся непріятельской батареи, колонны, перебѣгающей цѣпи, трудно заставить стрѣлять по новой цѣли стрѣлковъ, оглушенныхъ безтолковой трескотней, при которой они не столько попадаютъ въ непріятеля, сколько одурманиваютъ себя шумомъ и трескомъ пальбы, заглушая зарождающееся чувство страха. Съ другой стороны, пассивное сидѣнье за закрытіями очень скоро пріучаетъ солдатъ цѣнить такое пріятное и удобное положеніе вещей; потомъ уже многимъ изъ нихъ бываетъ трудно высунуться для стрѣльбы. Поэтому, я время отъ времени приказывалъ то одному, то другому взводу обстрѣлять пятью залпами (пятью патронами сразу заряжается наше магазинное ружье) какую-либо вершинку, внимательно наблюдая, чтобы всѣ стрѣлки стрѣляли... Вонъ, одинъ, забравшись въ глубокую ямку и согнувшись тамъ въ три погибели, лежитъ, не замѣчаемый командующимъ залпы взводнымъ унтеръ-офицеромъ; унтеръ-офицеру не видно, а онъ лежитъ, несмотря на то, что товарищъ рядомъ приподнялся для стрѣльбы; подозвалъ его къ себѣ — запасный, — громко выбранилъ; стрѣлки смѣются; стыдно ему, да и простоялъ онъ предо мной совершенно открыто подъ пулями минуты три... Больше прятаться уже навѣрное не будетъ. Стрѣльбу надо было

вести съ расчетомъ еще и потому, что могло не хватить патроновъ, — не откуда было пополнять. До ночи оставалось по крайней мѣрѣ часа четыре, а наши патронныя двуколки были кѣмъ-то по ошибкѣ угнаны за 8 верстъ, въ д. Цюйдзятунь, къ остальному обозу; за ними послали, но во-время онѣ могли и не возвратиться... Говорили, что такое странное приказаніе — итти имъ въ Цюйдзятунь — отдалъ завѣдывающій хозяйствомъ; другіе винили завѣдывающаго оружіемъ, подпоручика Труфанова, не понявшаго будто бы приказанія. Такъ или иначе, полкъ въ рѣшительную минуту могъ оказаться безъ патроновъ [1]). Приходилось, слѣдовательно, пулю беречь; стрѣлять же хочется, да и какъ утерпѣть не стрѣлять, — непріятельскія пули летятъ: нашихъ ранятъ и убиваютъ... Подходитъ ко мнѣ мой вѣстовой Бондаренко. Онъ до этого сидѣлъ подъ горой, въ безопасномъ мѣстѣ. — «Что тебѣ?» — «Ваше высокоблагородіе, разрѣшите пострѣлять...» — «А какъ убьютъ тебя, кто тогда будетъ чай варить мнѣ?» — «Никакъ нѣтъ, меня не убьютъ, — я только пострѣляю». — «Ну, ладно, валяй, чтобы только черезъ часъ чай былъ готовъ» [2]). Между тѣмъ японскія пули чаще и чаще выводятъ людей изъ строя; то тамъ, то сямъ, смотришь, ковыляетъ стрѣлокъ, опираясь съ одной стороны на ружье, съ другой — на товарища... санитары тащатъ на носилкахъ тяжело раненаго, или прямо волокутъ — это мертвыхъ... Въ ротѣ потери, покамѣстъ, небольшія, во время движенія изъ взвода, съ которымъ я шелъ (остальные три подня-

[1]) Съ патронами, впрочемъ, обошлось благополучно: патронныя двуколки вскорѣ возвратились, но для Труфанова, до котораго, вѣроятно, дошли порицанія товарищей-офицеровъ, инцидентъ этотъ оказался роковымъ.

[2]) Это не единственный вѣстовой, просившійся пострѣлять; бывало нерѣдко такъ: раненъ «баринъ», раненъ и «денщикъ».

лись безъ потерь), выбыло трое убитыми, трое тяжело ранеными [1]) и человѣкъ семь легко ранеными. Одинъ изъ нихъ (Мандрыка) уже вернулся съ подвязанной щекой (пуля попала ему въ щеку) и коробкой патроновъ подъ мышкой.—«Ты зачѣмъ вернулся?—спрашиваю. «Такъ, мнѣ перевязали, я и пришелъ, и вотъ патроны принесъ, ваше высокоблагородіе...»—тянетъ онъ, неправильно выговаривая слова своимъ сувалкско-русскимъ нарѣчіемъ; солдатикъ—полячокъ Сувалкской губерніи, на службѣ съ 1903 года, т. е. взятъ въ солдаты всего за нѣсколько мѣсяцевъ до войны.—«Ну, молодецъ, [2]) спасибо».—«Радъ стараться, ваше высокоблагородіе!» Мой младшій офицеръ, подпоручикъ Грудзинскій (тоже полякъ), фельдфебель, стрѣлки смотрятъ одобрительно и съ видимымъ сочувствіемъ на толстаго увальня съ подвязанной щекой, когда онъ переваливающейся походкой идетъ на мѣсто, въ цѣпь... Изъ раненыхъ уже на горѣ стрѣлковъ моей роты двое были ранены, лежа рядомъ со мной, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Спустя такъ полчаса послѣ того, какъ люди въ цѣпи окончательно размѣстились и самъ я за серединою 3-го взвода усѣлся за камень, защищавшій меня отъ пуль, летѣвшихъ прямо спереди,—вижу, что изъ-за горы на правый флангъ 4-й роты, цѣпь которой, какъ я уже объяснилъ, спускалась по скату къ долинѣ, вышелъ подполковникъ Котюжинскій; онъ прошелъ туда, повидимому, позади горы; командиръ 4 роты встрѣтилъ его и теперь оба они идутъ вдоль цѣпи, медленно поднимаясь въ гору; я всталъ и въ свою очередь встрѣтилъ командира баталіона, когда онъ подошелъ

[1]) Въ томъ числѣ вольноопредѣляющійся.

[2]) Мандрыка былъ представленъ мною къ Георгіевскому кресту, полагавшемуся ему по статуту. Въ статутѣ, между прочимъ, сказано: «знакъ отличія военнаго ордена дается и тѣмъ, кто послѣ перевязки возвратится въ строй».

къ моей ротѣ. Подполковникъ Котюжинскій сообщилъ, что, такъ какъ командиръ полка убитъ, а полковникъ Андреевъ[1]) заболѣлъ..., то онъ принялъ командованіе полкомъ и что я, какъ старшій капитанъ въ баталіонѣ, долженъ принять 1-й баталіонъ, сдавъ роту старшему по мнѣ субалтернъ-офицеру (штабсъ-капитану Мылову).— «Да гдѣ у васъ тутъ ротный фельдшеръ?» — спрашиваетъ Евгеній Яковлевичъ. — «Кажется, вонъ тамъ подъ горкой»... «Велите, пожалуйста, позвать его, только чтобы пришелъ съ сумкой[2])... Послалъ за фельдшеромъ. «А что?» — интересуюсь, — «да вотъ...» и, показавъ рукой, какъ говоритъ Гоголь, пониже спины... онъ пошелъ въ кусты... «Зачѣмъ», думаю, «понадобился ему фельдшеръ... капли что ли... Неужели Е. Я. заболѣлъ... уже не съ желудкомъ ли у него что̀ приключилось — онъ подверженъ такимъ заболѣваніямъ...». Тѣмъ временемъ иду къ своему камню; не успѣлъ еще сѣсть за него, какъ будто что-то чокнуло справа и стрѣлявшій изъ-за камня рядомъ съ моимъ— солдатикъ поникъ головой: пуля попала ему въ голову; безчувственнымъ отнесли его на перевязочный пунктъ. Такъ какъ мѣсто, на которомъ онъ былъ раненъ и хорошо укрывало и представляло удобство для стрѣльбы, то сюда сейчасъ же перебѣжалъ другой стрѣлокъ, лежавшій дотолѣ сравнительно открыто. Разсказавъ офицерамъ новости и передавъ Мылову командованіе 2-й ротою, я пошелъ по ротамъ въ качествѣ баталіоннаго командира, чтобы сообщить о своемъ назначеніи, а главное, чтобы лучше ознакомиться съ ихъ расположеніемъ и посмотрѣть, что у нихъ тамъ дѣлается; между прочимъ, въ ротѣ Его

[1]) Полковникъ Андреевъ былъ переведенъ къ намъ въ полкъ изъ гвардейской артиллеріи, у насъ онъ командовалъ 2-мъ баталіономъ.

[2]) Сумка съ медикаментами.

Величества узналъ, что кромѣ убитаго ротнаго командира капитана Тучкова выбылъ изъ строя раненымъ и младшій офицеръ, штабсъ-капитанъ Шмидгофъ... Возвращаюсь назадъ, выхожу изъ-за скалы, приближаюсь къ камню... только что хотѣлъ опять сѣсть за него, рядомъ съ Грудзинскимъ, какъ стрѣлокъ, который легъ на мѣсто раненаго, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и смотритъ на меня какимъ-то недоумѣвающимъ страннымъ взглядомъ, какъ бы желая что-то сказать...—«Что, братъ, ранило?!»—«Такъ точно». «Куда?»—«Въ плечо...»—«Ползти не можешь?»—«Кажись, не могу...» Солдатикъ попробовалъ опереться на руки и повалился на бокъ—лицо выразило страданіе. «Ну, такъ не вставай, вишь пули, катись лучше—поворачивайся съ боку на бокъ, вотъ такъ...». И раненый откатился за гору; тамъ его подобрали санитары. Изъ моихъ больше никто не пожелалъ лечь на это мѣсто; хотя охотникъ на него все-таки нашелся. Черезъ полчаса примѣрно времени подходитъ незнакомый стрѣлокъ и говоритъ: «Ваше высокоблагородіе, разрѣшите пострѣлятъ съ вашей ротой». «Сдѣлай одолженіе,—а ты изъ какихъ будешь?»—«Я, я — 3-й роты — Тюринъ... наша рота въ резервѣ все сидитъ, такъ, вотъ я...». По погонамъ вижу—ефрейторъ.—«А ротный командиръ что скажетъ? Ты спрашивался...» [1])—«Такъ что мы все сидимъ...»—начинаетъ онъ опять свое, не отвѣчая прямо и, видимо, пытаясь замять непріятный для него вопросъ.— «Ну, да ладно, такъ и быть, я самъ скажу твоему ротному командиру». Тюринъ мнется, не зная куда лечь. «Ложись, братъ, сюда,—мѣсто счастливое, двухъ ранило на немъ», говорю я, указывая

[1]) 3-я рота находилась въ какихъ-либо 200-хъ шагахъ тутъ же сзади подъ горой, и Тюринъ, строго говоря, не могъ даже считаться отлучившимся...

на камень рядомъ со мной. Ложится; рубашка у него вздернулась—видно голое тѣло; конфузливо поправляетъ ее, кладетъ не торопясь ружье на камень, какъ на упоръ; спросивъ у сосѣда высоту прицѣла[1]), внимательно ставитъ прицѣлъ... Какъ это обыкновенно при стрѣльбѣ лежа, ерзаетъ нѣкоторое время туловищемъ, шевелитъ ногами, плечами, придавая тѣлу и локтямъ удобное и устойчивое положеніе... наконецъ, прицѣлившись, замираетъ... Этотъ уцѣлѣлъ; что же касается первыхъ двухъ, то, полагаю, что пули, попавшія въ нихъ, предназначались для меня. Стрѣлки, въ выкрашенныхъ въ дикій цвѣтъ рубашкахъ, такъ подходили подъ цвѣтъ окружающей ихъ мѣстности, такъ сливались съ обломками скалъ и камней, за которыми они укрывались, что съ 2,000—2,500 шаговъ разстоянія, раздѣлявшаго насъ, японцы даже и въ бинокль врядъ ли могли отличить людей отъ камней. Движущійся же по вершинѣ горы человѣкъ виденъ хорошо съ такого разстоянія простымъ глазомъ. Въ горахъ вообще лучше видно, чѣмъ на равнинной мѣстности, въ разрѣженномъ горномъ воздухѣ предметы какъ бы увеличиваются. Мнѣ не разъ приходилось наблюдать такое явленіе: люди и лошади на вершинахъ горъ, проэктируясь на ясный горизонтъ, особенно при такъ называемомъ тыльномъ свѣтѣ, казались съ извѣстнаго разстоянія больше своей нормальной величины. Но хотя съ 2,000—2,500 шаговъ идущаго по вершинѣ горы человѣка можно хорошо видѣть, попасть въ него все-таки очень трудно: стрѣлку, который, прицѣливаясь, смотритъ черезъ прорѣзь прицѣла, такой человѣкъ представляется не больше спички, къ тому же спичка

[1]) Прежде чѣмъ поставить прицѣлъ, необходимо опредѣлить разстояніе до цѣли; въ данномъ случаѣ это уже было сдѣлано стрѣлками моей роты.

эта еще движется... Существуетъ правило, что по движущейся параллельно фронту цѣли надо цѣлить немного впередъ ея... При этомъ сноровистые стрѣлки дѣлаютъ такъ: замѣтивъ впереди цѣли какую-либо точку, мимо которой она должна пройти, камень что ли, они, нацѣливъ ружье въ эту точку (камень), спускаютъ курокъ въ тотъ моментъ, когда идущій, напримѣръ, человѣкъ поравняется съ ней. Такъ могло быть и въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что я выходилъ изъ-за камня и подходилъ къ нему не разъ. Меня запримѣтили, а въ бинокль, можетъ быть, и распознали во мнѣ офицера. Думаю такъ, что японскія пули, предназначавшіяся для меня, какъ для офицера, попали случайно въ стрѣлковъ еще и потому, что за цѣлый почти день изъ цѣпи 2-й роты выбыло всего 4 человѣка[1]), включая и этихъ двухъ. Правило— лучшимъ стрѣлкамъ стрѣлять по офицерамъ не новое, и не японцы его выдумали. Военными уставами всѣхъ поевропейски обученныхъ армій рекомендуется «стрѣльба по начальникамъ». Японцы, быть можетъ, обстоятельнѣе примѣняли это правило (какъ, впрочемъ, и всѣ другія), чѣмъ мы... Говорили, что будто бы ружья ихъ лучшихъ стрѣлковъ, назначенныхъ убивать русскихъ офицеровъ, снабжены приспособленіями въ родѣ маленькихъ биноклей (или что-то въ этомъ родѣ), помогающими имъ цѣлиться издалека въ отдѣльныхъ людей... Насколько это вѣрно, — не знаю,—ружей съ такими приспособленіями не видалъ, но не разъ самъ убѣждался на горькомъ опытѣ въ особомъ вниманіи японскихъ стрѣлковъ ко мнѣ и моимъ товарищамъ. Это же доказываетъ и процентъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ. Количество выбитыхъ изъ строя офицеровъ поразительно непропорціонально сравнительно съ

[1]) Не считая убитыхъ и раненыхъ при занятіи позицій.

потерями нижнихъ чиновъ, даже принимая во вниманіе и нѣкоторыя другія исключительно неблагопріятныя условія въ бою для офицеровъ и вообще для начальствующихъ лицъ, какъ для объектовъ непріятельскаго дѣйствія. Будучи главной опорой боевого порядка, офицеры естественно вызываютъ у непріятеля желаніе поскорѣе выбить эту опору; кромѣ того, офицеры прямо-таки представляютъ изъ себя болѣе выгодную цѣль для непріятельскихъ стрѣлковъ, чѣмъ нижніе чины. Нижній чинъ, какъ въ описываемомъ случаѣ при оборонѣ, разъ легъ за камень или въ канавку, такъ и лежитъ тутъ, покуда не пойдетъ съ ротой впередъ или назадъ. Не то съ офицеромъ. Кто участвовалъ въ бояхъ (особенно современныхъ) и находился подолгу подъ ружейнымъ огнемъ, напримѣръ, въ частномъ резервѣ непосредственно за передовой линіей или въ самой передовой линіи (при оборонѣ), тотъ знаетъ до чего неудержимо прижимаетъ къ землѣ, къ закрытію, это завываніе, этотъ свистъ пуль близко надъ головой; чѣмъ дольше человѣкъ находится въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе силы воли ему надо употребить, чтобы приподняться, чтобы выйти изъ-за закрытія: такъ и кажется, что сейчасъ смерть... При подобныхъ обстоятельствахъ, когда у многихъ, какъ говорится, душа уходитъ въ пятки, не только примѣръ дѣйствіемъ, но много значатъ всякая шутка, всякое мѣткое слово, сказанное кѣмъ-либо изъ товарищей, которыя указываютъ на присутствіе духа въ говорящемъ. Какъ же возвышающе долженъ дѣйствовать въ такую минуту на духъ солдатъ, какъ, такъ сказать, долженъ приподнимать ихъ отъ земли, видъ спокойно идущаго или стоящаго открыто подъ пулями начальника! Слѣдовательно, офицеръ подвергается разстрѣлу не тогда только, когда онъ указываетъ мѣста въ цѣпи, повѣряетъ, однимъ словомъ распоряжается—командуетъ,—ему иногда

необходимо просто постоять открыто или пройтись подъ пулями, чтобы подбодрить своихъ солдатъ. Вонъ, напримѣръ, мой многоуважаемый товарищъ Владиміръ Александровичъ Добржанскій, капитанъ и командиръ 4-й роты, стоялъ въ цѣпи во весь свой видный ростъ, пока пуля не пробила ему ногу; тогда, ковыляя и опираясь на плечо солдата, онъ отправился на перевязочный пунктъ; тамъ его перевязали, и онъ, прихрамывающій, пришелъ назадъ, несмотря на боль, съ коробкой патроновъ подъ мышкой, которую взялъ мимоходомъ изъ патронной двуколки для пополненія патроновъ своей роты. Капитанъ Добржанскій стоять теперь уже не могъ; онъ сѣлъ, но совершенно открыто; черезъ какихъ-либо полчаса вторая пуля попала ему въ раненую ногу... На этотъ разъ понесли на носилкахъ... 4-ю роту принялъ мой младшій офицеръ, штабсъ-капитанъ Мыловъ, а я—опять свою, хотя, строго говоря, я и не покидалъ ее... Около этого времени подошелъ подполковникъ Котюжинскій съ незнакомымъ мнѣ подполковникомъ 4-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка. Это былъ подполковникъ фонъ-Раабенъ; начальникъ дивизіи назначилъ его временно-командующимъ полкомъ вмѣсто Евгенія Яковлевича Котюжинскаго и помимо нашего полковника Андреева... Я въ недоумѣніи... Положимъ, что полковникъ Андреевъ, говорятъ, заболѣлъ [1]) во время боя, но почему, думаю, не Котюжинскій будетъ командовать? Чѣмъ онъ не командиръ? Какъ бы отвѣчая на мою мысль, новый командующій говоритъ: «Евгеній Яковлевичъ, васъ начальникъ дивизіи убѣдительно проситъ лечь на носилки и отправиться на перевязочный пунктъ!!»..—«Что за мистификація?»—мелькаетъ у меня въ головѣ,—«развѣ онъ раненъ...?» — Е. Я. отвѣчаетъ: «Нѣтъ, позвольте мнѣ

[1]) Потомъ онъ оказался контуженнымъ.

остаться здѣсь...»—«Въ такомъ случаѣ», полушутя, полусерьезно продолжаетъ фонъ-Раабенъ, «позвольте передать вамъ приказаніе начальника дивизіи — немедленно отправиться на перевязочный пунктъ!» — «Я уже тамъ былъ», въ свою очередь въ тонъ говоритъ Е. Я. и серьезно добавляетъ: «прошу разрѣшенія начальника дивизіи и — вашего — остаться при баталіонѣ...» — «Ну, какъ знаете, въ такихъ вещахъ не неволятъ», соглашается командующій [1]) полкомъ. Загадка объяснилась. Подполковника Котюжинскаго ранило, когда онъ еще при занятіи позиціи вмѣстѣ съ баталіономъ поднимался въ гору (когда былъ убитъ командиръ полка); обходя первый разъ позицію, онъ спрашивалъ у меня фельдшера не для капель отъ желудка и ушелъ въ кусты не потому, что у него животъ болѣлъ, а чтобы перевязать рану... Пуля попала ему въ мягкую часть пониже спины, тамъ и осталась... [2]). На это мѣсто и указывалъ рукой Е. Я., когда я спросилъ, зачѣмъ ему понадобился фельдшеръ. Командиры ушли, а я, спасаясь отъ усиленно засвиставшихъ пуль, поскорѣе сѣлъ за камень вмѣстѣ съ подпоручикомъ Грудзинскимъ; сидѣли мы все время на его буркѣ [3]) за «моимъ» камнемъ... Камень этотъ самъ по себѣ не представлялъ ничего особеннаго и прикрывалъ онъ очень мало; правѣе были камни

[1]) Подполковникъ фонъ-Раабенъ черезъ недѣлю сдалъ нашъ полкъ новому командиру полка полковнику Лешу, а потомъ былъ убитъ подъ Асяндзяномъ, командуя 4-мъ Восточно-Сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ.

[2]) Такъ пуля и сидѣла тамъ у него, вплоть до Ляояна, безпокоя только иногда при верховой ѣздѣ. Подъ Ляояномъ, командуя уже 4-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ полкомъ, полковникъ Котюжинскій получилъ тяжелую рану въ ногу, былъ положенъ въ госпиталь и только тамъ, кажется, вырѣзали ему эту пулю.

[3]) Моя бурка попала въ плѣнъ въ ночномъ бою съ 29-го на 30-е мая.

выше роста человѣка; за ними можно было чувствовать себя какъ дома, да къ «своему» я уже привыкъ; вначалѣ же выбралъ для своего укрытія именно его, а не другой какой, потому что отсюда была видна вся цѣпь моей роты до одного человѣка и цѣпь 4-й роты, однимъ словомъ—весь мой участокъ, за исключеніемъ резервныхъ взводовъ; съ каждой роты по одному—они лежали тутъ же близко, за гребнемъ; несмотря на японскія пули, туда за гребень бѣгали солдатики изъ цѣпи по своимъ неотложнымъ дѣламъ... Дѣлалось это съ соблюденіемъ особой церемоніи (по инициативѣ самихъ солдатъ): встаетъ солдатикъ, которому уже не въ моготу, подходитъ къ взводному и докладываетъ: «Господинъ взводный, разрѣшите мнѣ сходить по своимъ дѣламъ.....» Взводный, подумавши, посылаетъ ко мнѣ; самъ онъ не считаетъ себя въ правѣ[1]) отпускать во время сраженія по своимъ дѣламъ... Является солдатъ ко мнѣ и съ серьезнымъ лицомъ просится... При этомъ называетъ вещи точно, почти собственными именами... говоритъ такъ не по грубости, а чтобы не подумали его заподозрить въ желаніи хоть на минуту выйти изъ сраженія подъ пустымъ предлогомъ. Ходятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ мало........ и скоро возвращаются, являясь на обратномъ пути опять ко мнѣ, прямо уже вопреки устава[2]);

[1]) Строго по уставу, солдатъ, даже заболѣвъ, не имѣетъ права оставить строй безъ вѣдома командира роты; онъ долженъ доложить черезъ отдѣленнаго начальника взводному, взводный — фельдфебелю, фельдфебель въ свою очередь докладываетъ ротному, который наконецъ и разрѣшаетъ солдату оставить строй; но въ цѣпи, въ бою, гдѣ приходилось лежать цѣлыми днями подъ пулями, такая процедура, разумѣется, была не всегда удобна, хотя желательна.

[2]) По уставу — нижній чинъ изъ отлучки является своему отдѣленному и дежурному...Ротному командиру докладываетъ объ явившемся изъ отпуска фельдфебель при вечернемъ рапортѣ.

но я не дѣлалъ никакихъ замѣчаній, понимая и высоко цѣня руководившее стрѣлками желаніе показать такимъ образомъ своему ротному командиру, что ни одной минуты не было потеряно ими на задней линіи даромъ... Быть можетъ, брезгливый читатель или читательница, прочтя эти строки, упрекнутъ меня въ оскорбленіи чувства изящнаго... Что же дѣлать, если я вижу желанный жемчугъ, хотя бы даже въ навозной кучѣ... На войнѣ у солдатъ героизмъ можетъ проявляться не только среди идущихъ въ атаку, какъ это принято думать, но и въ разныхъ другихъ положеніяхъ при исполненіи ими обязанностей, повидимому, самаго мирнаго свойства. Нельзя было, напримѣръ, не признать извѣстной доли героизма у моей «казенной прислуги» [1]), или попросту у денщика Степана Бондаренко, когда онъ появлялся изъ-подъ горы на гребень, держа на кончикѣ обуглившейся палочки поддѣтый за дужку чайникъ съ кипяткомъ, — въ другой рукѣ у него стаканъ, кружки... подъ мышкой чайница, мѣшочекъ съ сухарями... Пули свистятъ вокругъ Бондаренко... я всматриваюсь въ выраженіе его лица — никакого впечатлѣнія, какъ будто онъ подаетъ мнѣ чай на позиціи гдѣ-либо на маневрахъ подъ г. Никольскъ-Уссурійскимъ. Штабсъ-капитанъ Мыловъ, командующій теперь 4-й ротой, увидавъ Бондаренко съ чайникомъ, вижу, поднялся и идетъ оттуда чай пить, идетъ не въ гости, а къ себѣ домой — хозяйство у насъ общее. Благовоспитанный, скромный, преисполненный чувства долга, Николай Сергѣевичъ Мыловъ, по окончаніи Академіи генеральнаго штаба былъ передъ войной взводнымъ офицеромъ въ Тифлисскомъ юнкерскомъ училищѣ. Началась война. Н. С. перевелся въ нашъ полкъ. Прибывъ въ Манчжурію, онъ

[1]) Офиціальный титулъ денщика

какъ академикъ и имѣвшій вліятельныхъ родныхъ [1]), могъ-бы пристроиться къ какому-либо изъ штабовъ [2]) по примѣру многихъ, не брезговавшихъ при помощи тетенькинаго хвостика расчищать себѣ дорогу къ разнымъ спокойнымъ мѣстамъ, гдѣ тепло и не дуетъ, гдѣ не сѣютъ, не жнутъ, но ордена и чины получаютъ... Николаю Сергѣевичу уже предлагали мѣстечко въ этомъ родѣ, но онъ отказался, сказавъ: «Я пока послужу въ строю». И служилъ по настоящему, вплотную. — «Что это вы, дорогой, чтобы получить стаканчикъ чаю, рискуете получить пулю... въ бокъ или въ високъ...», упрекаю я моего товарища: «отчего вы шли сюда вдоль цѣпи? Спустились-бы за горку, тамъ прошли-бы и поднялись сюда...»—«Я такъ и хотѣлъ...» —«Да пошли прямо... Затѣмъ, что это все стоите или сидите въ цѣпи на самомъ видномъ мѣстѣ... вѣдь Добржанскій такъ раненъ двумя пулями... вы бы лежа наблюдали и командовали-бы лежа — также все видно...» — «Знаете, примѣръ...»—«Примѣръ безъ мѣры не годится... Посмотрите, много ли насъ завтра останется въ баталіонѣ, а вѣдь только начало кампаніи...» — Напившись чаю [3]),

[1]) Онъ сынъ командовавшаго 8-мъ корпусомъ генерала Мылова.

[2]) Какъ окончившій академію по 2-му разряду, онъ не могъ быть переведенъ въ генеральный штабъ; но вообще при штабахъ было очень много прикомандированныхъ.

[3]) Я такъ часто упоминаю о чаепитіи, какъ о чемъ-то заслуживающемъ особаго вниманія,—отчасти оно такъ и есть. Чай сыгралъ въ эту войну, какъ и въ прошедшую китайскую, большую роль въ смыслѣ поддержанія здоровья войскъ. Сырую воду въ Китаѣ надо употреблять съ большою осторожностью, особенно въ большихъ селеніяхъ и городахъ, гдѣ почва загрязнена до послѣдней степени. Бывали случаи, что вновь прибывшія въ Манчжурію части вслѣдствіе неосторожнаго пользованія водой давали громадный процентъ желудочно-кишечныхъ заболѣваній, тогда какъ въ нашихъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полкахъ больныхъ было меньше, чѣмъ даже въ мирное время.

Н. С. ушелъ на свое мѣсто [1]) къ 4-й ротѣ. Смотрю на часы—четыре; до наступленія темноты, когда можно будетъ свободно вздохнуть отъ пуль и отъ жары, осталось еще часа $3^1/_2$. Рѣдкіе орудійные выстрѣлы слышны съ праваго фланга; слѣва—рота Его Величества нѣтъ-нѣтъ да и дастъ залпъ; японцы въ отвѣтъ хлеснутъ по скаламъ изъ пулемета (хлеснутъ впустую) и опять вялая одиночная стрѣльба... На гору къ 4-й ротѣ взбирается какой-то офицеръ; идетъ открыто подъ пулями; по фигурѣ, немного сутуловатой, и дробной мелкой походкѣ узнаю штабсъ-капитана Даирскаго. Ильясъ Девлетовичъ (онъ татаринъ) или, какъ его зовутъ у насъ въ полку и онъ себя такъ часто называетъ,—Илья Николаевичъ, нашъ офицеръ, командированный въ штабъ корпуса для исполненія обязанностей корпуснаго коменданта; его обязанности полицейско-санитарныя въ раіонѣ расположенія корпуса; ему же подчиненъ и обозъ корпусной квартиры...

— «Вотъ и хорошо», думаю, «узнаю, сейчасъ новости: онъ идетъ отъ командира корпуса». Мы расцѣловались; вышло это какъ-то само собой; онъ обрадовался, увидавъ меня живымъ, а я—свѣжему человѣку.

— «Вы зачѣмъ къ намъ... молодцомъ... такъ открыто?»—спрашиваю.—«Слѣжу за уборкой раненыхъ,—это вѣдь тоже моя обязанность [2]); къ вамъ на лѣвый флангъ идутъ Мор-

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣнія, считаю необходимымъ оговориться, что штабсъ-капитанъ Мыловъ, по условіямъ данной минуты боя, могъ притти къ намъ пить чай. Стрѣльба въ 4-ой ротѣ велась одиночными стрѣлками. Непріятель былъ далеко и отъ меня 4-я рота была видна какъ на ладони.

[2]) Корпусный комендантъ обязанъ организовать на полѣ сраженія уборку раненыхъ и слѣдить за ней. По правдѣ сказать, рѣдкіе изъ комендантовъ исполняютъ эту обязанность, предпочитая находиться съ имуществомъ корпусной квартиры гдѣ-либо позади, тѣмъ болѣе, что корпусные коменданты обя-

шанскій и Зарайскій полки—они ударятъ на японцевъ съ фланга... мнѣ надо видѣть командира полка, гдѣ онъ?»

— Я указалъ; Даирскій, видимо, спѣшилъ. Прошло еще битыхъ два часа. Отъ японскихъ горъ протянулись по долинѣ длинныя тѣни. Наша горка снизу до верху ярко освѣщена косыми лучами заходящаго солнца. Потухавшій было ружейный огонь вдругъ вспыхнулъ съ обѣихъ сторонъ съ особенной силой... Свистъ пуль усилился; вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствую, началось ослабленіе моральныхъ силъ, начиналась реакція: приподнятое настроеніе, вызванное первыми потрясающими минутами боя, смѣнялось упадкомъ духа... наступалъ тотъ критическій моментъ, когда, чтобы приподняться изъ-за закрытія, требуется уже употребить силу воли... приподняться-же необходимо, чтобы встрѣтить командира бригады [1]), который, сойдя съ горы, занимаемой 4-мъ полкомъ (лѣвый флангъ главной позиціи), подходилъ теперь къ моему участку. Проходя мимо цѣпи 4-й роты и найдя, что часть ея лежитъ слишкомъ открыто, онъ приказалъ спустить одинъ взводъ немного впередъ на выступъ горы, гдѣ, по его мнѣнію, стрѣлки могли быть лучше укрыты. Командиръ бригады сообщилъ, что ночью полки 2-й и 3-й (нашей дивизіи) пойдутъ впередъ чрезъ долину съ цѣлью атаковать на разсвѣтѣ японскія позиціи противъ насъ; что нашъ полкъ, назначенный въ резервъ, долженъ оставаться на своемъ теперешнемъ мѣстѣ и не спать, чтобы быть готовымъ каждую минуту поддержать наступающихъ. Предупредивъ, чтобы мы въ темнотѣ не приняли своихъ за японцевъ, генералъ прошелъ на лѣвый

заны также заботиться и объ удобствахъ корпуснаго командира,—штаба. Въ нашемъ корпусѣ генералъ Штакельбергъ вытаскивалъ на позицію всѣхъ своихъ штабныхъ, даже, кажется, контролеровъ.

[1]) Генералъ-маіоръ Рутковскій.

флангъ къ начальнику дивизіи.—Значитъ, соображаю, сопоставляя свѣдѣнія, полученныя отъ Даирскаго и бригаднаго, 2-й и 3-й полки атакуютъ японцевъ съ фронта, въ то время, какъ моршанцы и зарайцы ударятъ на нихъ слѣва... Жду съ нетерпѣніемъ темноты. Послѣднія полчаса дня тянутся убійственно медленно... наконецъ, красноватый дискъ солнца, коснувшись краемъ гаризонта, опускается за него замѣтнымъ для глаза образомъ... давно желанныя сумерки, хотя и медленно, наступаютъ... ущелья и долина покрылись сумракомъ, на вершинахъ догораетъ послѣдній свѣтъ, летятъ послѣднія пули... Ружейная перестрѣлка прекратилась, только японская и наша артиллерія, гдѣ-то къ правому флангу, долго еще посылали снаряды другъ къ другу въ совершенной уже темнотѣ, не желая повидимому ни та ни другая первой прекратить стрѣльбу.

Замолкли и орудійные выстрѣлы. Бой 1-го іюня кончился, какъ гора свалилась съ плечъ. Я вздохнулъ свободно,—день прошелъ для меня благополучно; впереди нѣсколько часовъ, если не спокойныхъ, то хоть безопасныхъ, а тамъ что Богъ дастъ.

О какомъ-либо спокойствіи, разумѣется, и думать было нечего. Прежде всего я распорядился, чтобы дежурный по ротѣ сейчасъ же назначилъ отъ взводовъ команды за водой и гаоляномъ для варки чая; кухни изъ Цюйдзятуня могли не прійти, такъ необходимо было, чтобы люди вмѣсто ужина хоть напились бы чаю съ сухарями. Затѣмъ приказалъ выставить немедленно передъ каждымъ взводомъ по три часовыхъ, спустивъ ихъ шаговъ на 50-тъ внизъ по горѣ. Намъ предстояло провести ночь на боевой позиціи лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, когда не было возможности отгородиться отъ него обыкновенной сторожевой цѣпью и когда наша безопасность зависѣла отъ нашей собственной бдительности и готовности къ бою.

Поэтому, собравъ взводныхъ унт.-офицеровъ и фельдфебеля и передавъ сообщеніе командира бригады насчетъ движенія ночью 2-го и 3-го полковъ, я объяснилъ имъ порядокъ ночи. Взводы остаются разсыпанными на тѣхъ же, приблизительно, мѣстахъ, какъ днемъ; съ 9-ти часовъ до $11^1/_2$ ч. ночи можетъ спать 1-ая полурота; съ $11^1/_2$ ч. до 2-хъ пополуночи—вторая. Не спящей полуротѣ запрещается ложиться—должна сидѣть. Наблюдаютъ за смѣнами полуротъ: отъ 9 ч. до $11^1/_2$-ой дежурный по ротѣ, съ $11^1/_2$-ой до 2-хъ—фельдфебель; офицеры дѣлятъ ночь пополамъ: съ вечера до 1 ч. пополуночи не спитъ подпоручикъ Грудзинскій; съ часу и до утра—я. Такой же порядокъ на ночь былъ установленъ мною и въ 4-й ротѣ. Для внѣшняго охраненія противъ возможнаго нечаяннаго нападенія японцевъ были выставлены отъ 2-й и 4-й ротъ (мой участокъ) заставы силою въ 30 человѣкъ каждая. Заставы эти, спустившись въ долину между нами и японцами, встали шагахъ въ 200-хъ отъ подошвы нашей горки. Онѣ должны были, для непосредственнаго своего охраненія и наблюденія за непріятелемъ, заложить впереди себя секреты, а для связи съ заставами сосѣднихъ ротъ—высылать дозоры[1]); для повѣрки же самихъ заставъ были назначены особые дозоры отъ ротъ. Во 2-й ротѣ дозоры эти, передъ уходомъ и возвращаясь, должны были являться въ первую половину ночи къ подпоручику Грудзинскому, во вторую—ко мнѣ.

Съ наступленіемъ темноты на позиціи началась жизнь. Говоръ громче: дѣлятся впечатлѣніями дня; кто всталъ, чтобы, вытянувшись во весь ростъ, расправить члены и

[1]) Напримѣръ, отъ 2-й роты дозоръ доходилъ: влѣво до роты 2-го полка, которая передъ вечеромъ встала между 2-ою ротою и ротою Его Величества, вправо—до 4-й роты; а отъ этой послѣдней правый дозоръ ходилъ къ 4-му полку.

размять ноги послѣ долгихъ часовъ лежанья въ неудобной позѣ; кто съ чайникомъ бѣжитъ въ припрыжку подъ гору къ тому мѣсту, гдѣ весело потрескиваютъ небольшіе костерки гаоляна; оттуда уже тащутъ котелки съ кипяткомъ къ дежурной полуротѣ, бѣгутъ внизъ покурить (на горѣ—запрещено) или просто такъ — провѣтриться... Понесли кипятокъ на заставу, — ушедшіе туда люди не успѣли напиться чаю; прошелъ, примѣрно, часъ времени; стрѣлки, сдѣлавши свои дѣла, угомонились; тогда, продвинувъ цѣпь съ гребня горы немного впередъ, я приказалъ цѣлиться примѣрно внизъ, кому какъ удобнѣе, съ колѣна, лежа, а то такъ и стоя; при этомъ мы съ Грудзинскимъ и унт.-офицеры указывали людямъ, подъ какимъ уклономъ надо было держать ружья, чтобы при выстрѣлахъ пули легли у самой подошвы горы.

Дѣлалось это на случай нечаянной ночной атаки японцевъ. Если бы имъ удалось незамѣтно подкрасться къ подошвѣ горы, а наша цѣпь оставалась бы за гребнемъ, то они были бы тамъ въ безопасности отъ нашихъ выстрѣловъ, потому что передняя выпуклая часть гребня, заслоняя, не позволила бы обстрѣливать какъ самый скатъ, такъ и подошву горы съ нѣкоторымъ пространствомъ передъ ней. Такое необстрѣливаемое пространство, по странной терминологіи на военномъ языкѣ называется «мертвымъ», хотя на немъ, именно, и можно разсчитывать остаться живымъ.

— Въ то же время, когда я устраивалъ и упражнялъ мою роту, мой сосѣдъ слѣва, командиръ роты 2-го полка [1]), налаживалъ своихъ для настильной стрѣльбы по скату и для обстрѣливанія «мертваго» пространства.

— «Ниже дуло, ниже, а ты—выше, вотъ такъ—хо-

[1]) 2-й полкъ выдѣлилъ нѣсколько ротъ къ намъ на помощь.

рошо — ничего... вы у меня молодцы, только, вотъ, подучить васъ немного...». Изъ этихъ словъ я заключилъ, что рота должна была быть изъ вновь прибывшихъ въ составѣ 3-го баталіона; капитанъ, кажется, Лисевичъ говорилъ тихо, не волнуясь, успокаивая и ободряя людей такъ, какъ бы онъ дѣлалъ это на смотру стрѣльбы, напримѣръ, на Ходынскомъ полѣ подъ Москвой.

Окончивъ «репетицію» (на солдатскомъ языкѣ «репетичку) отбитія предполагаемой ночной атаки, мы съ Станиславомъ Каэтановичемъ [1]) поужинали чаемъ съ сухарями (кухня съ ужиномъ для солдатъ такъ и не пришла), потомъ я обошелъ еще разъ роту, чтобы убѣдиться, всѣ ли мои приказанія на ночь исполнены, и легъ спать подъ кустомъ; такъ какъ мнѣ нездоровилось, то солдатики смастерили для меня убѣжище на случай дождя и вѣтра. На землю подъ кустомъ положили немного гаоляну, а сверху натянуля полотнище солдатской палатки; но заснуть такъ и не удалось,—мѣшали дозорные, являвшіеся то и дѣло къ Грудзинскому, который сидѣлъ тутъ же, недалеко отъ меня; не спалось еще и потому, что раздраженные и утомленные продолжительнымъ напряженіемъ нервы не успокаивались; зажегъ спичку, посмотрѣлъ на часы—время подходило къ часу ночи. Сказалъ Грудзинскому, что онъ можетъ спать; въ два часа пошелъ поднимать стрѣлковъ своей и 4-й роты, — по моимъ расчетамъ, скоро должны были итти 2-й и 3-й полки. Чтобы провѣрить, насколько правильно исполняется указанный мною на ночь порядокъ, я нарочно тихонько подошелъ къ своимъ — кому полагалось,—добросовѣстно сидѣли, держа ружья между ногъ, хотя и клевали носомъ.

Велѣлъ фельдфебелю будить спящую полуроту. То же

[1]) Грудзинскій.

было и въ 4-й ротѣ, куда я спустился, спотыкаясь о камни и едва не наступивъ на трупъ убитаго солдата; приказалъ немедленно отнести подъ гору и зарыть. Помню, когда шелъ назадъ, то старательно обошелъ мѣсто, гдѣ лежалъ убитый, что-то отталкивало... на другой день я видѣлъ тутъ лужу запекшейся крови.

Въ ожиданіи, когда пойдутъ полки, опять залѣзъ въ свой шалашъ и усѣлся тамъ, прислонившись спиной къ стволу куста; сѣлъ, а не легъ, чтобы не заснуть, но усталость взяла свое, и я мгновенно заснулъ, какъ убитый.

2-й день Вафангоу.

Сколько времени, я такъ, сидя, спалъ, — не знаю, только сквозь сонъ слышу,—кто-то спрашиваетъ: «гдѣ ротный командиръ». Протираю глаза, чуть брежжетъ; блѣдный предутренній свѣтъ позволяетъ видѣть лишь на небольшое пространство; различаю крупную фигуру генерала и ближніе ряды лежащихъ солдатъ; лица у нихъ заспанныя, помятыя, амуниція сбилась, шаровары вывалены въ землѣ, сапоги въ пыли, ружья лежатъ около, по уставу, рукояткой затвора къ низу; завидѣвъ командира бригады, солдаты осторожно косятся въ сторону генерала, прислушиваясь, что̀ онъ говоритъ. «...Отчего ваши люди спущены внизъ?»—обращается ко мнѣ командиръ бригады. — «Это, это—резервъ», хочу сказать и не говорю, соображая, что, если резервъ, то почему онъ ногами къ непріятелю... да и гдѣ непріятель? Стою къ японцамъ спиной и со сна не могу разобрать, гдѣ тылъ, гдѣ фронтъ.

— «Положите цѣпь за гребень, иначе ихъ всѣхъ тутъ перестрѣляютъ; скоро перейдутъ въ наступленіе 2-й и 3-й полки; вашъ полкъ долженъ ихъ поддержать»,—говоритъ бригадный, уходя къ ротѣ Его Величества. Когда, нако-

нецъ, я очнулся, то первая моя мысль была: «Какъ ночь прошла? А полки еще не прошли черезъ долину!?» Напрасно стараюсь разглядѣть что-либо впереди: лишь темныя очертанія непріятельскихъ горъ выступаютъ изъ бѣлесоватой мглы, покрывающей долину; онѣ загадочно молчатъ. Часы показываютъ половину 4-го, значитъ, черезъ какой-либо часъ будетъ совсѣмъ свѣтло и, слѣдовательно, наши полки пойдутъ въ атаку подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ — за ночь японцы навѣрное установили батареи; представляю себѣ, какими складками мѣстности будутъ пользоваться наши.

Небольшая версты въ полторы шириной долина, ставшая вскорѣ для многихъ долиной смерти, отдѣляла насъ отъ японцевъ; по срединѣ ея лежитъ д. Вафанопэнъ; съ сѣверо-запада входятъ въ нее горы, составлявшія лѣвый флангъ главной позиціи; ихъ занималъ 4-й Восточно-Сибирскій полкъ; за лѣвымъ его флангомъ, уступомъ назадъ, стояла конно-горная батарея пограничной стражи; гору эту я буду называть «Пограничной»; узкій перешеекъ между нею и нашей горкой соединяетъ долину деревни Вафанопэнъ съ лощиной позади этихъ двухъ горъ.

Ближе къ горамъ, занятымъ тогда японцами, течетъ ручей, сначала по долинѣ, потомъ по тѣсному ущелью, отдѣляя ихъ отъ горы 4-го полка. Глинобитные заборы, фанзы и зеленѣющія купы деревьевъ деревни Вафанопэнъ вытянулись вдоль ручья; мой участокъ позиціи находился какъ разъ противъ деревни. Отъ нея къ горкѣ, которую мы занимали, мѣстность поднимается въ видѣ двускатной крыши, стороны которой были испещрены коричневыми четыреугольниками свѣже-вспаханной земли въ перемежку съ полосами зеленыхъ и блѣдно-зеленыхъ всходовъ гаоляна и бобовъ. На нихъ мѣстами чернѣли промоины; правый скатъ окаймляла темною полосою какъ будто канава или

углубленная дорога[1]). Такія дороги служили какъ намъ, такъ и японцамъ превосходными закрытіями; ими пользовались, какъ искусственно вырытыми траншеями. Подъемъ отъ деревни, не доходя вплотную до нашей горки, прерывается у самаго ея подножія неглубокимъ оврагомъ, сообщающимся, повидимому, съ углубленной дорогой... На лѣвомъ скатѣ, ближе къ намъ, виднѣлось осѣненное соснами кладбище, рядомъ съ нимъ—неглубокая, круглой формы, покрытая травой впадина; значительная толща земли отдѣляла оврагъ отъ впадины. Чтобы перебраться изъ оврага въ нее, надо было пройти совершенно открыто шаговъ 200. По краю лѣваго ската въ направленіи деревни темнѣли какіе-то зигзаги, тоже должно быть промоины, очень часто образующіяся здѣсь въ глинистой почвѣ вслѣдствіе періодическихъ дождей.

Всѣ эти канавки, углубленія, бугры могли служить хорошими подступами при движеніи нашихъ полковъ впередъ. Полки, вѣроятно, будутъ выходить въ долину чрезъ проходъ между нашей и «Пограничной» горами; 3-й—изъ-за «Пограничной», 2-й—изъ-за нашей» — соображалъ я— «только бы имъ добраться до деревни; это ихъ послѣдняя стрѣлковая позиція; тамъ они подъ прикрытіемъ домовъ и глинобитныхъ стѣнокъ, могущихъ укрыть не только отъ ружейнаго огня, но и отъ шрапнелей, устроятся, отдохнутъ, чтобы въ одну перебѣжку достичь подошвы скалъ, гдѣ уже мертвое пространство: скалы крутыя, и японскимъ стрѣлкамъ невозможно стрѣлять сверху внизъ, подъ самую скалу...». Вдругъ громкій трескъ орудійнаго залпа прервалъ мои размышленія; за первымъ слѣдовалъ второй залпъ, третій... Гулко раздавались они въ утренней тишинѣ. Стрѣ-

[1]) Во многихъ мѣстахъ Манчжуріи полотно грунтовыхъ дорогъ лежитъ ниже поверхности. Причиной этому—непомѣрно тяжелыя китайскія арбы и повсемѣстно глинистый грунтъ.

ляли наши съ главной артиллерiйской позицiи верстахъ въ 5-ти къ сѣверо-западу...

Японцы отвѣтили не сразу... Тяжелыми, густыми звуками загудѣли ихъ орудiя.—«Осадныя, какъ подъ Тюренченомъ...», ударило мнѣ въ голову и больно отозвалось въ сердцѣ.

«Ну, что Богъ дастъ!» Я снялъ шапку и перекрестился. Гулъ канонады шелъ уже по всему фронту справа.

— «Сними, молодцы, шапки, перекрестись, чтобы Господь помогъ намъ!» обратился я къ стрѣлкамъ, направляя бинокль впередъ. Мгла еще покрывала низины, надъ ручьемъ змѣился тонкой полосой туманъ, но на верхахъ горъ разсвѣло совсѣмъ; ближайшiе къ намъ края ихъ какъ будто были окаймлены тонкими линiями окоповъ. Немного влѣво, на плоской вершинѣ горы, даже невооруженнымъ глазомъ былъ замѣтенъ окопъ; когда же восходившее въ этотъ моментъ солнце освѣтило его сзади, то въ бинокль хорошо можно было разсмотрѣть головы и плечи стоявшихъ за брустверомъ японцевъ—черные силуэты ихъ ясно обрисовывались на ярко освѣщенномъ горизонтѣ; на брустверѣ во весь ростъ стоялъ въ короткой накидкѣ, вѣроятно, офицеръ и тоже, должно быть, смотрѣлъ въ бинокль въ нашу сторону.

— «Унтеръ-офицеры, указать людямъ окопъ влѣво и какое до него разстоянiе?»—предупреждаю и одновременно спрашиваю унтеръ-офицеровъ.—2100, 2500, 2700..., сыплются въ перебой отвѣты унтеръ-офицеровъ. — «Командуйте: влѣво, по окопу, пальба ротою, 2400!»—приказываю подпоручику Грудзинскому; самъ не могу командовать, прокричавши голосъ во время ночной атаки деревень Лiудагоу—Лiудатунь.

Стрѣлки цѣлятся... вижу по штыкамъ, что многiе не туда направляютъ ружья.

— Отставить!—кричу чрезъ силу:

— Унтеръ-офицеры, указать лучше окопъ и направить винтовки....

Послѣ третьяго залпа японскій офицеръ исчезъ съ бруствера.

Рота Его Величества и 4-я также открыли огонь залпами; японцы въ отвѣтъ хлестнули изъ пулемета въ мысокъ, защищавшій 2-ую роту отъ косыхъ выстрѣловъ слѣва; пули зашелестѣли надъ нашими головами, нѣсколько ударилось въ камни... По окончаніи пяти залповъ, приказываю стрѣлять рѣдкимъ огнемъ лучшимъ стрѣлкамъ, продолжая самъ осматривать въ бинокль вершины непріятельскихъ горъ...

Въ чистомъ горномъ воздухѣ ранняго погожаго утра предметы видны на далекое разстояніе; верстахъ въ пяти по прямому направленію отъ нашей позиціи, тамъ, гдѣ за ближними низкими начинались высокія горы, высилась въ голубоватой дымкѣ громадная сѣрая скала; черными продолговатыми точками проэктировались на нее орудія стоявшей впереди батареи.

Скала походила на громадную декорацію съ нарисованными на ней въ раккурсѣ орудіями; я невольно вспомнилъ о деревянныхъ пушкахъ, какими китайцы пытались устрашать японцевъ, воюя съ ними; вспомнилъ и, признаться сказать, подумалъ, — ужъ не декоративная ли и эта батарея [1]).

Ближе къ нашей позиціи, лѣвѣе и ниже стрѣлковаго окопа, по которому рота дала пять залповъ, на террасообразной площадкѣ стояла другая японская батарея; четыре ея орудія отчетливо обозначались на сѣро-зеленой по-

[1]) Впослѣдствіи японцы прибѣгали къ подобнаго рода военной хитрости, выставляя иногда для счету деревянныя болванки вмѣсто пушекъ.

верхности земли каждое тремя точками: двумя длинными по краямъ и одной короткой—по срединѣ; длинныя соотвѣтствовали колесамъ—короткія—дулу; орудія очерчивались въ поперечной профили, слѣдовательно, были наведены въ нашу сторону, хотя еще молчали, несмотря на то, что какъ разъ въ это время 2-й полкъ началъ выходить изъ-за нашей горки, направляясь въ оврагъ передъ участкомъ 4-й роты; одновременно изъ узкой щели, гдѣ, прижавшись къ бокамъ ея, ютились передки батареи пограничниковъ, показались и первые ряды 3-го полка; по мѣрѣ спуска съ «Пограничной» горы, 3-й полкъ втягивался въ канаву (или углубленную дорогу) вдоль праваго ската возвышенности между нашей горкой и деревней; повидмому, какая-то складка мѣстности, незамѣтная для меня покамѣстъ, скрывала отъ японцевъ черезчуръ спокойно двигавшіеся полки: японцы совсѣмъ ихъ не обстрѣливали.

Когда 2-й полкъ[1]) собрался въ оврагѣ, начали подниматься изъ него на открытое мѣсто впередъ роты, назначенныя въ первую линію; сначала показались цѣпи, потомъ—ротныя поддержки; однѣ роты, продвинувшись шаговъ на 200, легли, другія еще двигаются, посреди ихъ отъ одной роты къ другой ходитъ командиръ 2-го полка, полковникъ Озерскій; его легко отличить по высокому росту, по большой сѣдой бородѣ и бѣлому непромокаемому балахону, который надувается вѣтромъ, когда полковникъ, наклонившись, что-то жестами показываетъ стрѣлкамъ, видимо, объясняя, кому, гдѣ и какъ примѣняться къ

[1]) Собственно тутъ было только два баталіона 2-го полка: одинъ баталіонъ (подполковника Гринфельда) этого полка, выйдя въ долину изъ-за роты Его Величества, наступалъ лѣвѣе вмѣстѣ съ нашимъ 2-мъ баталіономъ; дѣйствія ихъ, точно такъ же какъ подошедшихъ потомъ Моршанскаго и Зарайскаго полковъ, мнѣ не были видны изъ-за мыска влѣво.

мѣстности... Вдругъ, трахъ, трахъ, трахъ, трахъ—четыре разрыва шрапнели, какъ разъ надъ этими ротами; чрезъ минуту еще четыре бѣлыхъ клубочка, еще и еще бумъ, бумъ,.. трахъ, трахъ... всѣ, кто бѣгомъ, кто шагомъ, быстро скрываются назадъ въ оврагъ, уводя и унося съ собой раненыхъ; къ оставшимся раненымъ выбѣжали санитары съ носилками — по два: одинъ впереди, другой позади; подобрали ихъ и маршъ скорымъ шагомъ въ оврагъ; по нимъ японцы ни изъ орудій, ни изъ пулеметовъ не стрѣляли, быть можетъ, изъ гуманности или просто разсудили, что не стоитъ тратить зарядовъ... Все исчезло, но тамъ, гдѣ лежали цѣпи, на зеленомъ полѣ темнѣютъ нѣсколько продолговатыхъ пятенъ.

— «Почему ихъ не убираютъ?» проносится у меня въ головѣ,—«пятна—неподвижны, убитые...».

Изъ оврага опять появляются люди, опять мелькаетъ бѣлый балахонъ полковника Озерскаго: роты 2-го полка снова повели наступленіе, толко на этотъ разъ оно выходило затяжнымъ. Выскочатъ человѣкъ 10 (отдѣленіе) и бѣгутъ стремглавъ или влѣво къ круглой ямѣ съ деревьями, или впередъ, къ какой-либо впадинѣ... въ то же время ползутъ и бѣгутъ впередъ одиночные люди; японцы не стрѣляютъ, по крайней мѣрѣ, не видно разрывовъ шрапнели... 3-й полкъ продвигается густыми черными рядами по канавѣ, что вправо (или по углубленной дорогѣ); голова колонны, должно быть, достигла конца углубленія, потому что передняя рота высылаетъ впередъ бѣгомъ одно отдѣленіе за другимъ; этимъ отдѣленіямъ приходится бѣжать по открытому мѣсту больше, чѣмъ отдѣленіямъ 2-го полка;—нѣтъ-нѣтъ, да и рванетъ по нимъ шрапнель или хватитъ пулеметъ... Между тѣмъ въ круглой ямѣ съ деревьями все набиралось, набиралось народу; должно быть собиралъ, поджидая свою полуроту или даже роту полуротный или

ротный командиръ, но и японцы, повидимому, ждали... Какъ только набралось достаточно, по ихъ мнѣнію, въ ямѣ народу, какъ трахъ, трахъ... и шрапнель угодила въ самую яму,—подобно муравьямъ въ развороченной кучѣ закружились, завертѣлись въ ней солдаты; видно было, какъ одни прижались къ переднему краю ямы, другіе, странное дѣло, вмѣсто того, чтобы бѣжать со страху назадъ, по одному скрываются въ узкую зигзагообразную промоину, идущую изъ ямы впередъ, т. е. наступаютъ... Раненые ползутъ открыто назадъ къ оврагу, одинъ изъ нихъ скачетъ смѣшно на одной ножкѣ... выбѣжали опять санитары съ носилками. Не успѣли они подобрать раненыхъ, какъ изъ оврага навстрѣчу имъ бѣгутъ, направляясь къ ямѣ, новыя отдѣленія здоровыхъ... продолжаютъ ползти и перебѣгать прямо впередъ одиночные люди. 3-й полкъ медленно черной лентой двигается по канавѣ; надъ ними то тамъ, то здѣсь появляются въ воздухѣ бѣлые клубочки дыма отъ рвущейся шрапнели...

— «И. Е., разрѣшите посидѣть у васъ... обратился ко мнѣ неожиданно подошедшій подпоручикъ Труфановъ.

— Милости просимъ, Порфирій Александровичъ! Вы поможете намъ командовать: я, какъ видите, охрипъ; одному Станиславу Каэтановичу трудно; командовалъ Хабатулинъ [1]), ну, у него срываютъ... А за трудъ — плата: стаканъ чаю съ двумя кусками сахару за каждые пять скомандованныхъ залповъ... Чаю, небось, вѣдь, не пили?» — «Не пилъ». — «Ну, такъ, вотъ вамъ, если согласны на условіе, въ задатокъ стаканъ чаю, только, повторяю, сахару не больше двухъ кусковъ—у самого на исходѣ...»—шутливо закончилъ я привѣтъ моему товарищу. Подпоручикъ Труфановъ, какъ завѣдывающій оружіемъ, могъ бы быть при

[1]) И. д. фельдфебеля.

патронныхъ двуколкахъ, гдѣ-либо позади, въ безопасномъ, сравнительно, мѣстѣ, но онъ не пожелалъ [1]) оставаться при нихъ, когда мы всѣ подвергались опасности. Очень возможно также, что желаніе оправдаться передъ общественнымъ мнѣніемъ привело его сюда. Какъ было упомянуто, наканунѣ подпоручикъ, получивъ приказаніе отправить обозъ I разряда [2]) въ Цюйдзятунь, увелъ туда же, по недоразумѣнію, и патронныя двуколки, вмѣсто того, чтобы, выдѣливъ ихъ, остаться съ ними за вступавшимъ уже въ бой полкомъ. Такъ какъ полкъ безъ патронныхъ двуколокъ, изъ которыхъ пополняется расходъ патроновъ, могъ, въ случаѣ израсходованія носимаго запаса ихъ, очутиться въ критическомъ положеніи, то офицеры громко высказывали неудовольствіе на такую досадную опрометчивость Труфанова, отнюдь, впрочемъ, не подозрѣвая его въ намѣреніи уклониться отъ опасности, потому что онъ еще въ прошлый китайскій походъ показалъ себя незауряднымъ офицеромъ по храбрости и распорядительности. Вѣроятно, слухъ о неудовольствіи товарищей дошелъ до него... Для честнаго, самолюбиваго юноши даже тѣнь сомнѣнія въ его храбрости была невыносимою, и вотъ Порфирій Александровичъ привелъ двуколки и явился въ цѣпь подъ пули, добавлю,—очень кстати для меня—огонь противника усиливался. То и дѣло рвались въ воздухѣ шрапнели, билъ по землѣ пулеметъ... ружейныя пули засыпали, надо пола-

[1]) Надо сказать къ чести чиновъ нашего полкового штаба, что подпоручикъ Труфановъ не былъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи; наканунѣ завѣдывающій хозяйствомъ капитанъ Плѣшковъ цѣлый день пробылъ въ цѣпи, подвергаясь разстрѣлу наравнѣ съ строевыми офицерами, хотя его ничто къ этому не обязывало, кромѣ чувства военнаго достоинства.

[2]) Обозъ I разряда состоитъ изъ патронныхъ и лазаретныхъ двуколокъ, нѣсколькихъ офицерскихъ (по одной на баталіонъ) и кухонь; онъ слѣдуетъ непосредственно за частью.

гать, всю долину, по которой наступали наши полки, постепенно все ближе и ближе подвигаясь къ непріятельской позиціи, слабо поддерживаемые какъ ружейнымъ, такъ и артиллерійскимъ нашимъ огнемъ. Стрѣльба снизу вверхъ цѣпей, добравшихся, наконецъ, до деревни, не могла быть мѣткою по укрытому на горахъ противнику; залпы издалека нашихъ ротъ также врядъ ли особенно тревожили японскихъ стрѣлковъ, судя по малой дѣйствительности ихъ стрѣльбы по насъ...

«Пограничная» батарея вовсе не стрѣляла по окопамъ на окраинахъ высотъ, гдѣ залегли японскія цѣпи,—она направляла свой огонь исключительно на непріятельскую 4-хъ орудійную батарею, очевидно, мало ее безпокоя, потому что японскія орудія лишь изрѣдка отвѣчали русской батареѣ, сосредоточивъ весь свой убійственный огонь на наступавшей пѣхотѣ; они удивительно быстро и съ поразительной мѣткостью переносили его съ одной цѣли на другую—съ одной перебѣгающей кучки людей на другую, избивая, такимъ образомъ, почти безнаказанно 2-й и 3-й полки.

Чтобы хоть сколько-нибудь парализовать губительное дѣйствіе японской батареи, я рѣшилъ, прекративъ безцѣльную стрѣльбу наугадъ по невидимымъ непріятельскимъ цѣпямъ, попробовать обстрѣлять ее ротою. До японскихъ орудій было слишкомъ двѣ версты—разстояніе, въ концѣ котораго выпущенная изъ нашего трехлинейнаго ружья пуля сохраняетъ еще въ достаточной степени силу пораженія.

Указавъ стрѣлкамъ батарею и попросивъ Труфанова командовать залпы по ней, я въ бинокль наблюдалъ за результатами стрѣльбы.

Послѣ перваго залпа съ прицѣломъ на 2,750 шаговъ (самый высокій прицѣлъ нашихъ ружей) пули, ударившись

снопомъ въ оголенный взлобокъ, на которомъ стояли японскія орудія, подняли пыль шагахъ въ 300—400 передъ ними; когда же рота, взявъ съ тѣмъ же прицѣломъ по моему приказанію другую точку прицѣливанія—виднѣвшуюся позади орудій скалу—дали второй залпъ, то пули легли, какъ показала пыль отъ ихъ рикошетовъ, неподалеку отъ батареи... Теперь, какъ только появлялись на равнинѣ кучки перебѣгавшихъ стрѣлковъ, мы давали залпы по японской батареѣ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда тамъ у нихъ прислуга должна была бросаться къ орудіямъ для стрѣльбы по перебѣгавшимъ... Дѣйствительно, вслѣдъ за нашимъ первымъ или вторымъ залпомъ раздавался залпъ японской батареи—рвалась шрапнель и валилось нѣсколько человѣкъ изъ бѣгущихъ...

Въ это время, когда каждый, даже въ одиночку перебѣгавшій, нашъ стрѣлокъ вызывалъ на себя огонь непріятеля, когда губительный градъ японскихъ пуль, шрапнельныхъ, ружейныхъ, пулеметныхъ засыпалъ равнину, не оставляя живого мѣста, выѣхала изъ-за нашей горы патронная двуколка, направляясь по дорогѣ къ деревнѣ, къ засѣвшимъ въ ней передовымъ частямъ 2-го и 3-го полковъ, лошадь бѣжала крупной рысью; на козлахъ сидѣло два стрѣлка, одинъ за кучера, другой, вѣроятно, инструкторъ;[1]) оба сидѣли на вытяжку, какъ обыкновенно сидятъ на козлахъ въ присутствіи начальства, правящіе лошадьми солдаты; инструкторъ сидѣлъ еще и подбоченившись, руки въ бокъ. Двуколка представляла прекрасную, крупную цѣль для японцевъ... При видѣ ея гулъ одобренія пошелъ по нашимъ рядамъ: «Смотри, смотри... двуколка! вотъ молодцы!»—потомъ все замерло—у самыхъ ногъ лошади за-

[1]) Инструкторъ—ун.-офицеръ, наблюдающій въ ротѣ за оружіемъ; онъ же получаетъ и раздаетъ патроны.

билъ пулеметъ!..—поднялась пыль какъ отъ струи сильнаго насоса по пыльной дорогѣ... двуколка лихо катила... Вдругъ лошадь, рванувшись, круто повернула въ сторону и понеслась вскачь въ гору, хромая передней перебитой ногой... Кучеръ, сдерживая лошадь, видимо, изо всѣхъ силъ натянулъ вожжи, мигомъ соскочившій съ передка инструкторъ схватилъ ее за узцы — лошадь забилась, закружилась,— а пулеметъ такъ и поливаетъ, такъ и поливаетъ... Кажется, вотъ, вотъ—все: лошадь, люди свернутся въ одинъ клубокъ и останутся лежать мертвой кучей; но, слава Богу, удалось справиться—лошадь послушно пошла, инструкторъ на ходу вскочилъ на козлы; вскорѣ они исчезли въ оврагѣ. Минутъ черезъ десять смѣльчаки, сдавъ патроны, какъ ни въ чемъ не бывало, проскакали на хромоногой лошади благополучно за нашу гору.

Шелъ 10-й часъ, солнце начинало припекать. Бондаренко принесъ чай. Попивая чай, Труфановъ съ Грудзинскимъ по очереди командовали залпы по батареѣ.—«Ага!» зашевелились... Посмотрите, И. Е., наши залпы ихъ безпокоятъ», сказалъ наблюдавшій за паденіемъ пуль Труфановъ. Я взялъ бинокль—японцы кучей что-то[1]) тащили въ сторону отъ своихъ орудій.—«Ну, еще залпикъ по нимъ!» — Грудзинскій командуетъ... залпы командовали стоя, потому что такъ слышнѣе команда. Вставалъ офицеръ для команды, вставали и мы, не командовавшіе, не считая удобнымъ сидѣть, когда нашъ товарищъ, вставая, подвергался бо̀льшей опасности... Обыкновенно послѣ пятаго залпа снова садились за нашъ камень. Камень этотъ былъ въ полроста человѣка высотою и аршина въ два шириною; сидѣли мы такъ: впереди, непосредственно

[1]) Какъ оказалось потомъ, это они устанавливали одно орудіе собственно противъ насъ.

за камнемъ—рядовой стрѣлокъ, стрѣлявшій изъ-за него; за стрѣлкомъ—взводный ун.-офицеръ 3-го взвода; за взводнымъ—я. Камень хорошо защищалъ стрѣлка отъ прямыхъ и даже отъ косыхъ непріятельскихъ выстрѣловъ, взводный былъ укрытъ отъ послѣднихъ уже не такъ хорошо, хотя камень вполнѣ укрывалъ его отъ пуль, летѣвшихъ прямо спереди, такъ же, какъ—и меня. Отчасти имъ укрывались сидѣвшіе за мной и на одной со мной буркѣ Грудзинскій съ Труфановымъ. Грудзинскій сидѣлъ немного позади и правѣе меня, касаясь ногами моихъ ногъ; Труфановъ—лѣвѣе; его ноги также упирались въ меня. Онъ сидѣлъ болѣе открыто, чѣмъ мы—всѣ. Необходимо, оговориться, что камень спасалъ насъ до извѣстной степени только отъ ружейныхъ пуль... для шрапнели же, падавшей сверху, мы были совершенно открыты, но японцы по насъ, покамѣстъ, шрапнелью не стрѣляли...

Вдругъ—звукъ орудійнаго выстрѣла; какъ будто что-то сверкнуло, сверху пахнуло жаромъ, какъ изъ печки, посыпался кругомъ песокъ и еще что-то мелкое, твердое, царапающее—задѣло по лицу, обожгло ногу... Мгновенно въ моемъ сознаніи порвалась связь съ предшествовавшими моментами—со мной произошло нѣчто странное: я все видѣлъ, обонялъ какой-то острый запахъ, чувствовалъ ожогъ, но ничего не слышалъ—кругомъ напряженная тишина, въ ушахъ звенитъ, какъ у человѣка, когда онъ приходитъ въ себя послѣ обморока; такое состояніе продолжалось нѣсколько секундъ. Не поворачивая головы, повелъ осторожно глазами по сторонамъ—стрѣлки-сосѣди не дышатъ... замерли. Чувствую, что кто-то сзади и слѣва слегка толкаетъ меня ногою... въ то же время кто-то тронулъ за правое плечо. Оборачиваюсь—Грудзинскій показываетъ глазами на Труфанова. Смотрю Труфановъ, стараясь удержаться на локтяхъ, отваливается назадъ, на спину; го-

лова запрокинулась, глаза закрываются; выраженіе лица какъ будто говоритъ: вотъ и попало, а я—ничего, молодцомъ... По лбу и изъ-подъ глазъ разливается замѣтнымъ на взглядъ образомъ синева... лицо багровѣетъ... въ горлѣ у него клокочетъ, какъ у захлебывающагося; шапка свалилась—на волосахъ кровь, много крови... Крупныя капли ея медленно сползаютъ... Тѣло, содрогаясь, все больше и больше валится назадъ... правая нога, конвульсивно дрыгая, продолжаетъ толкать меня.

Я окончательно пришелъ въ себя. Приказываю 4-мъ стрѣлкамъ отнести Порфирія Александровича на перевязочный пунктъ; они кладутъ его на полотнище палатки, я крещу, Грудзинскій поддерживаетъ ему безпомощно болтающуюся голову... У Грудлинскаго руки въ крови—вытираетъ ихъ о бурку; на буркѣ большіе круглые сгустки крови; Труфанова неловко уносятъ: ноги волочатся, голова болтается... кричу, чтобъ поддерживали... Поднимаю его фуражку—правильная круглая дырка, въ двухкопѣечную монету—шрапнельная пуля... Какъ разъ надъ нами разорвалась въ насъ пущенная шрапнель...

Труфанова убило[1]), насъ съ Грудзинскимъ контузило: его въ плечо, меня въ ноги; двумъ стрѣлкамъ, сидѣвшимъ недалеко впереди и вправо отъ меня, мелкіе осколки

[1]) П. А. Труфановъ умеръ часа черезъ два. Бывшій очевидцемъ его смерти на нашемъ перевязочномъ пунктѣ В. И. Немировчъ-Данченко въ одной изъ своихъ корреспонденцій говоритъ: «Никогда я не забуду голубой епитрахили священника, покрывавшей обмотанную красной отъ просочившейся крови марлей голову Труфанова... голова походила на какой-то кроваво-красный шаръ;—священникъ, склонившись надъ нимъ, прочиталъ отходную, прикладываетъ крестъ къ тому мѣсту шара, гдѣ долженъ быть ротъ—рука Труфанова поднялась, какъ бы желая сотворить крестное знаменье, поднялась было, и безжизненно опустилась!!»

сильно поцарапали пальцы, частью впились въ нихъ... солдатики, повытаскавъ ихъ, какъ занозы, тутъ же перевязали сами себя индивидуальными пакетиками[1]) и остались въ строю; взводный ун.-офицеръ 2-го взвода, лежавшій шагахъ въ 10-ти въ сторонѣ, показалъ расколотую шрапнельной пулей ложу своей винтовки...—Какъ потомъ я узналъ, «стаканъ» (дно) шрапнели, перелетѣвъ черезъ вершину, ударилъ въ спину фельдфебеля бывшей въ резервѣ подъ горой 3-й роты; къ счастью, «стаканъ» былъ на излетѣ и угодилъ въ надѣтую черезъ плечо скатанную шинель, а то не сдобровать бы[2]) фельдфебелю...

Мою правую ногу жгло; снялъ сапогъ — спереди, въ нижней части, голень посинѣла, опухоль, ссадины, царапины, немного крови... Въ общемъ пустяки, хотя—больно... Наученные горькимъ опытомъ, мы уже больше не вставали, чтобы не привлекать на себя вниманія; теперь Грудзинскій по очереди съ Хабатулинымъ командовали залпы, опустившись на одно колѣно.

Между тѣмъ наступленіе 2-го и 3-го полковъ шло своимъ чередомъ, и очень, очень медленно, задерживаемое искусной стрѣльбой японской батареи; пограничныя орудія все не могли справиться съ ней: видно было, какъ ихъ снаряды продолжали рваться далеко позади и влѣво отъ японскихъ орудій.

Хотя японская батарея стрѣляла по «пограничной» въ короткіе промежутки времени, когда прекращала стрѣльбу

[1]) У каждаго солдата и офицера былъ такой пакетикъ дезинфецированной марли.

[2]) Потомъ командиръ 3-й роты, капитанъ Холево II-й разсказывалъ: «Мой фельдфебель послѣ этого «стакана» совсѣмъ ошалѣлъ—говорю—не понимаетъ... Когда мы вчера поднимались на горку, ему тоже въ спину и тоже въ скатанную шинель хватили двѣ пули, да, по счастью для него, застряли въ «скаткѣ», а тутъ еще этотъ «стаканъ».

по русской пѣхотѣ, все же она заставила «пограничниковъ» сняться съ позиціи и отойти; можетъ быть, также приближеніе японской пѣхоты побудило ихъ къ этому. Орудія по одиночкѣ начали выскакивать изъ ущелья шагахъ въ 700-хъ отъ меня,—видно какъ на ладони: выскочитъ и мчится во весь опоръ по задней долинѣ на новую позицію. Японцы какъ будто ожидали этого момента, заранѣе наведя свои орудія на опредѣленное мѣсто,—не успѣло первое наше орудіе проскакать шаговъ 500—600, какъ японская шрапнель повалила обѣихъ лошадей перваго уноса и одну—второго. Хватившіеся со всего маху о земь вмѣстѣ съ лошадьми ѣздовые сейчасъ же поднялись; орудіе остановилось, ѣздовые и соскочившая съ передка и лафета прислуга принялись рубить постромки, оттаскивать бившихся, искалѣченныхъ лошадей въ сторону... молодецъ фейерверкеръ впрягаетъ свою — въ замѣнъ подбитой второго уноса... шрапнель снова всѣхъ окатываетъ — двое падаютъ; ихъ подхватываютъ, кладутъ на лафетъ и орудіе спасается вскачь на четырехъ лошадяхъ... второму — удалось проскочить благополучно,—шрапнель его не догнала; но вотъ карьеромъ несется третье — только пыль столбомъ идетъ. Низко сверкнули надъ нимъ разрывы четырехъ шрапнелей—стремглавъ летятъ на землю ѣздовые, и мгновенно люди, лошади, орудіе съ передкомъ: все смѣшалось, все свернулось въ одинъ клубокъ. Черезъ минуту человѣкъ пять изъ оставшихся цѣлыми побѣжали прочь, назадъ въ ущелье. Движеніе батареи «пограничниковъ» пріостановилось на нѣкоторое время, потомъ остальная ея часть отошла безъ потерь. Вниманіе японскихъ артиллеристовъ было отвлечено въ другую сторону. Съ крайняго нашего лѣваго фланга раздалось тяжелое буханье русскихъ орудій, подошедшихъ вмѣстѣ со 2-ю бригадой 35 дивизіи. Показались, наконецъ, давно ожидаемые Моршанскій и За-

райскій полки... На японской батареѣ засуетились... Два орудія перемѣнили фронтъ, чтобы стрѣлять по вновь появившимся частямъ. Русскіе снаряды оттуда ложатся хорошо—рвутся надъ самой японской батареей; всѣ ея орудія поворачиваются въ ту сторону. Пользуясь передышкой, которую даетъ японская батарея, отовсюду—изъ овраговъ, промоинъ, разныхъ складокъ мѣстности показались цѣпи, поддержки, полковые резервы 2-го и 3-го полковъ; они двигаются почти открыто, несмотря на продолжающійся сильный огонь пулеметовъ и ружей,—имъ лишь бы поскорѣе пройти обстрѣливаемое орудіями пространство и наверстать потерянное медленнымъ наступленіемъ время. Однако, какъ ни отвлечено вниманіе 4-хъ японскихъ орудій обходнымъ движеніемъ Моршанскаго и Зарайскаго полковъ, они нѣтъ, нѣтъ да и хлестнутъ шрапнелью, какъ плетью, поперекъ двигающихся линій людей; послѣ каждаго такого удара на зеленой поверхности поля остается слѣдъ въ видѣ темныхъ пятенъ, неподвижныхъ или шевелящихся... Неподвижные—неудержимо привлекаютъ мое вниманіе,—ихъ дѣлается все больше и больше... хотя все, что̀ не лежитъ, то идетъ или бѣжитъ впередъ.

Поразительно дѣйствуетъ японская батарея; она успѣваетъ стрѣлять по этимъ, отгрызается отъ «пограничныхъ» орудій, которыя, занявъ новую позицію, посылаютъ ей снарядъ за снарядомъ; горячо отвѣчаетъ лѣвофланговой 8-ми орудійной батареѣ, пришедшей съ моршанцами и зарайцами; бьетъ по нимъ... и все это дѣлаютъ четыре орудія; злость и восхищеніе беретъ, глядя на искусство и мужество этой маленькой вражеской батареи. Наконецъ ей становится не подъ силу выдерживать огонь болѣе чѣмъ втрое сильнѣйшаго по числу орудій противника—она рѣже стрѣляетъ, по временамъ долго молчитъ... Голова (цѣпи) 2-го и 3-го полковъ почти у самой подошвы горъ, заня-

тыхъ японской пѣхотой, Моршанскій и Зарайскій полки наступаютъ—видны ихъ длинныя цѣпи... служа имъ связью со 2-мъ полкомъ, наступаютъ также цѣпи нашего 2-го баталіона...

Но слишкомъ поздно подошли Моршанскій и Зарайскій полки, въ блужданіи потерявъ драгоцѣнное время. Несмотря на видимый успѣхъ на нашемъ флангѣ, въ центрѣ и на правомъ флангѣ творится что-то неладное. Я навелъ бинокль вправо и назадъ, въ сторону нашей главной артиллерійской позиціи,—туда, гдѣ на предгоріяхъ въ голубоватой дали неясно виднѣлись линіи батарей; онѣ, видимо, подвергались жестокому разстрѣлу японской артиллеріи, такъ много и часто стрѣлявшей въ нихъ, что дымъ отъ разрывовъ шрапнелей, расплываясь въ воздухѣ, не исчезалъ, а, постоянно дополняемый новыми разрывами, какъ бы висѣлъ въ видѣ сплошной спускающейся сверху гигантской кисейной занавѣси свѣтлодымчатаго цвѣта съ симметричными на ней рядами болѣе густого цвѣта узорчатыхъ прошвъ; эти узоры образовывались отъ все новыхъ и новыхъ разрывовъ въ одной вертикальной плоскости на разныхъ высотахъ.

На этотъ адскій огонь наши отвѣчали вяло, какъ это бываетъ въ страстномъ спорѣ одного человѣка со многими: утомленный, охрипшій отъ долгаго неравнаго спора, теряя мало-по-малу увѣренность, не договаривая фразъ, путаясь въ словахъ, сбитый напослѣдокъ съ толку, онъ сконфуженно замолкаетъ. Такъ и наши орудія стрѣляли жидкими недружными залпами, неувѣренно, сбиваясь, то смолкая, то опять начиная... Чувствовалось, что тянулись изъ послѣднихъ силъ; за то, тѣмъ побѣднѣе, тѣмъ громче звучали раскаты залповъ японскихъ батарей, покрывая слабые звуки теперь уже одиночныхъ русскихъ орудійныхъ выстрѣловъ. Наконецъ наши орудія тамъ совсѣмъ замолкли.

Зато на горѣ, занятой 4-мъ полкомъ, неожиданно разразилась страшная ружейная перестрѣлка; стрѣляли пачками; всю гору заволокло дымомъ; перестрѣлка, продолжавшаяся не болѣе 10-ти минутъ оборвалась также сразу, какъ началась...

«Неужели 4-й полкъ отступилъ?»—думаю: «недаромъ пограничная батарея ушла оттуда»... Какъ бы въ подтвержденіе моего предположенія, вдоль нашей горки прожужжали пули, предупреждая, что наша позиція разорвана въ точкѣ наименьшаго сопротивленія и что тамъ, гдѣ былъ 4-й полкъ, находятся японскіе стрѣлки, т. е. всего въ какихъ-нибудь въ 800-хъ—1000 шагахъ сбоку отъ насъ... Въ то же время надъ нашими головами заревѣли снаряды новыхъ подошедшихъ къ японцамъ на ихъ правый флангъ батарей; онѣ били по отступавшему 4-му полку и добивали «пограничную» батарею... Эта молодецкая батарея[1]) не оставалась въ долгу, посылая японцамъ черезъ наши головы снарядъ за снарядомъ изъ своихъ послѣднихъ, оставшихся еще неподбитыми, орудій. Пролетая высоко надъ нами, особенно сильно гудѣли японскіе снаряды, должно быть болѣе крупнаго калибра, чѣмъ наши. Они разрѣзали воздухъ съ шумомъ, похожимъ на треніе одного металла о другой; получалось впечатлѣніе,—какъ будто надъ нашими головами въ воздухѣ ходилъ паровозъ по новымъ неукатаннымъ рельсамъ...

По всѣмъ признакамъ положеніе наше становилось критическимъ.

— Ваше высокоблагородіе, васъ проситъ къ себѣ командиръ баталіона,—доложилъ подошедшій ко мнѣ стрѣлокъ. Гдѣ они?

[1]) Батарея эта погибла славною смертью: орудія были всѣ подбиты, прислуга перебита и переранена и командиръ ея шт.-ротмистръ Галченковъ, тяжело раненый, попался въ плѣнъ.

— У роты Его Величества.

Пошелъ. Справа, т. е. съ передней непріятельской позиціи и вслѣдъ мнѣ съ бывшей позиціи 4-го полка летѣли японскія пули, шелестя, какъ проволока въ вѣтеръ... Не оставалось сомнѣнія,—наша горка была подъ перекрестнымъ огнемъ...

Командира баталіона около роты Его Величества я не засталъ; ротою Его Величества командовалъ младшій офицеръ 3-й роты шт.-капитанъ Верещагинъ; это былъ уже третій временно командующій ротою,—оба младшихъ офицера роты Его Величества: шт.-капитанъ Ингманъ и шт.-капитанъ Шмидгофъ, послѣдовательно командовавшіе послѣ смерти капитана Тучкова, были одинъ за другимъ ранены. Отъ Верещагина я узналъ, что приказано отступать, что командиръ баталіона пошелъ къ намъ передать это приказаніе и что командующій дивизіей генералъ-маіоръ Гернгроссъ раненъ пулей въ щеку. Генералъ Гернгроссъ съ начальникомъ штаба дивизіи, полковникомъ генеральнаго штаба Новосельскимъ, все время находились въ передовой линіи; генералъ былъ раненъ недалеко отъ роты Его Величества; его тутъ же перевязали и онъ, не покидая позиціи, продолжалъ распоряжаться...

Возвращаюсь къ своей ротѣ; навстрѣчу идетъ Мыловъ.

— Посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать,—говоритъ онъ: у меня начинается паника...

— То есть какъ паника?—недоумѣваю я.

Признаться сказать, я сначала подумалъ, что у него у самого начинается паника. «Чѣмъ же тутъ помочь, развѣ лавровишневыми каплями...» Всматриваюсь въ его лицо—утомленное, разстроенное, но паники на немъ не замѣтно... Мыловъ объясняетъ:

— У меня убѣжалъ взводъ, который въ резервѣ...

— То есть какъ такъ убѣжалъ? А Силверстрюкъ (фельдфебель) гдѣ?

— Онъ еще вчера раненъ.

— Вы видѣли, какъ убѣжалъ взводъ?

— Нѣтъ, но онъ ушелъ безъ приказанія... прихожу— его нѣтъ.

— Ну, а цѣпь?

— Цѣпь—на мѣстѣ, я въ цѣпь и ходилъ, когда взводъ ушелъ... Японцы насъ обошли, тамъ Сукманъ[1]) загнулъ флангъ...

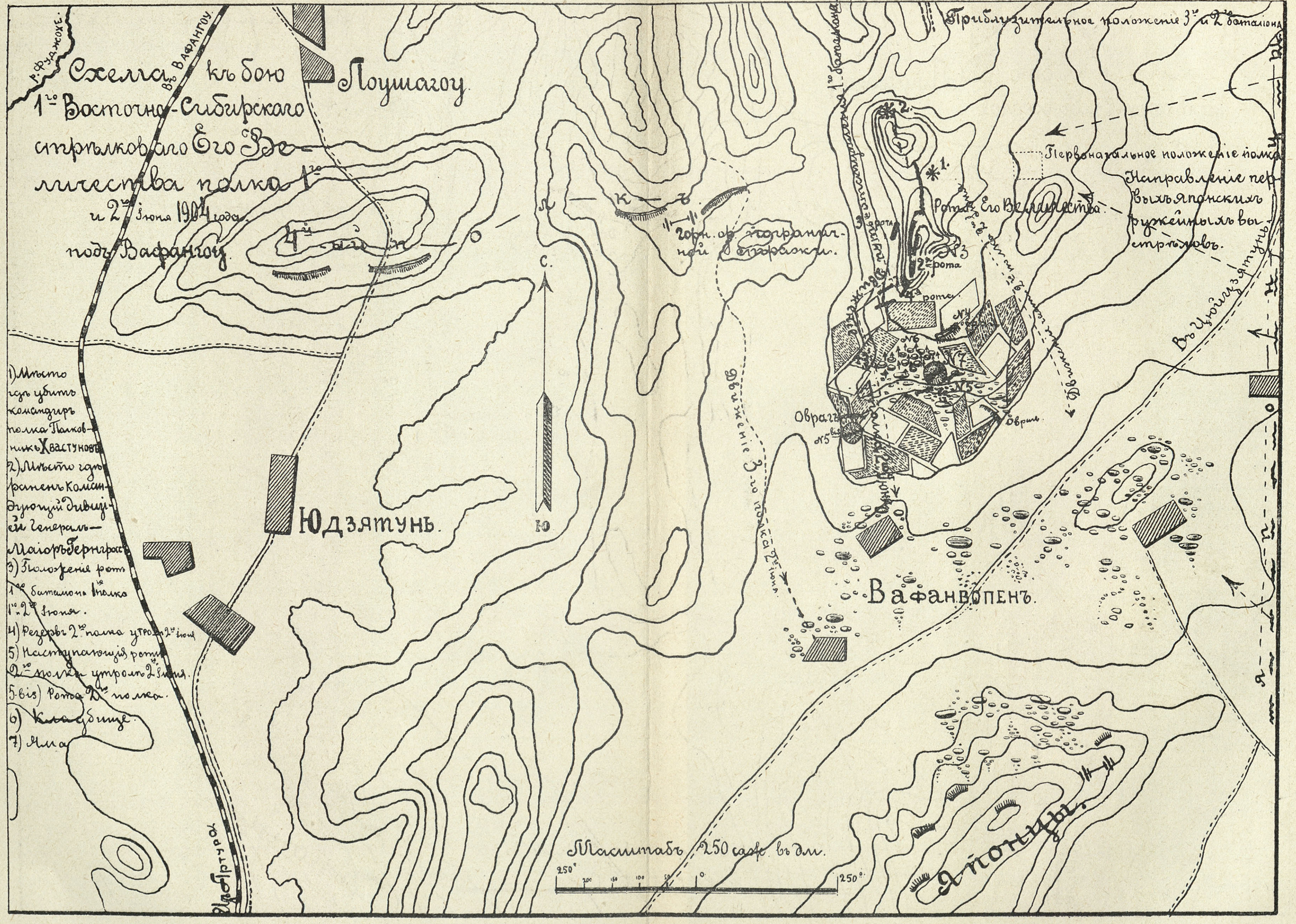
Начинаю понимать...

— Успокойтесь,—говорю: приказано отступать; до нихъ дошелъ, должно быть, слухъ объ отступленіи, ну, они и отступили; положимъ, что—скверню, самовольно...

Подошедшій командиръ баталіона подтвердилъ мою догадку; онъ, дѣйствительно, послалъ въ 4-ую роту приказаніе отступать; такъ какъ въ резервномъ взводѣ не оставалось ни фельдфебеля, ни офицера, то стрѣлки, узнавъ о приказаніи отступать и видя, что японцы обходятъ ихъ съ фланга, отступили, т. е. попросту удрали, хотя не всѣ—часть съ унтеръ-офицерами, отойдя немного назадъ, залегла за камни и открыла стрѣльбу по японцамъ на горѣ, съ которой отступилъ 4-й полкъ.

Командиръ баталіона приказалъ отступать: сначала должна была отойти рота Его Величества, потомъ моя—2-ая и послѣдней—4-ая. Онъ и Мыловъ ушли. Мыловъ вскорѣ былъ раненъ, а Сукманъ убитъ. Бѣдный юноша: онъ добросовѣстно, какъ на тактическомъ ученьѣ или на маневрахъ, загибалъ флангъ своей цѣпи въ виду обходнаго движенія непріятеля, только что сбившаго съ позиціи

[1]) Подпоручикъ Сергѣй Ивановичъ Сукманъ, младшій офицеръ 4-й роты.

р. Фуджохе.
Въ Вафангоу.
Схема къ бою 1-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка 1-го и 2-го Іюня 1904 года подъ Вафангоу.
Поушагоу
Юдзятунь
Вафанвопенъ
Японцы.
1) Мѣсто гдѣ убитъ командиръ полка Полковникъ Хвастуновъ
2) Мѣсто гдѣ раненъ Командующій дивизіей Генералъ-Маiоръ Бернграфъ
3) Положенія ротъ 1-го батальона 1-го полка 1-го и 2-го Іюня.
4) Резервъ 2-го полка утромъ 2-го Іюня
5) Наступающія роты 2-го полка утромъ 2 Іюня.
5 bis) Рота 2-го полка.
6) Кладбище.
7) Яма
Приблизительное положение 3-го и 2-го батальона
Первоначальное положенiе полка
Направленiе первыхъ японскихъ ружейныхъ выстрѣловъ.
Рота Его Величества
2-я рота
Въ Юдзятунь
Масштабъ 250 саж. въ дм.

цѣлый полкъ! Когда же получилъ приказаніе отступать, то, вѣроятно, дѣятельно руководилъ цѣпью, сдерживалъ шагъ людей, указывалъ направленіе куда отходить, куда стрѣлять... Его замѣтили и пуля, пущенная навѣрняка лучшимъ японскимъ стрѣлкомъ съ разстоянія 600 — 700 шаговъ, уложила его на мѣстѣ.

Миръ праху твоему, дорогой и славный юноша!

Отступленіе.

I.

Когда настало время отходить 2-й ротѣ, я отправилъ внизъ, подъ гору, резервный взводъ съ Грудзинскимъ; къ нему пристраивались постепенно спускавшіеся съ горы стрѣлки изъ цѣпи; изъ предосторожности, чтобы непріятель не замѣтилъ очищенія нами горки, отходили поодиночкѣ, согнувшись; наши роты отходили назадъ, а впереди въ разныхъ мѣстахъ долины отдѣльныя кучки стрѣлковъ продолжали перебѣгать, наступать; до нихъ, очевидно, не дошло еще приказаніе отступать...[1])

Бросивъ прощальный взглядъ на долину, каждая пядь земли которой была облита кровью стрѣлковъ и офицеровъ доблестныхъ 2-го и 3-го полковъ и запечатлѣна вы-

[1]) Мы начали отступать въ 12-мъ часу дня, а въ 3 ч. пополудни, къ двумъ ротамъ 3-го полка, лежавшимъ у самой подошвы занятыхъ непріятелями горъ (одной изъ ротъ командовалъ шт.-капитанъ Мельниковъ), подскакалъ баталіонный адъютантъ поручикъ Семеновъ (Василій) съ приказаніемъ отступать.—«Что вы тутъ стоите?»—обратился онъ къ офицерамъ—«уходите скорѣе,—4-й полкъ давно уже отступилъ... развѣ вы не получали приказанія? Я—четвертый»... При этихъ словахъ двѣ пули поразили поручика въ грудь. Когда его снимали съ лошади и клали на носилки, — онъ проговорилъ: «Хоть отступаемъ, да съ честью».

сокими подвигами ихъ духа, я съ грустью вмѣстѣ съ последними стрѣлками спустился къ ротѣ. Пошли во взводной колоннѣ на заднюю шеренгу; отступая подъ непріятельскимъ огнемъ, особенно послѣ всего только что переиспытаннаго и перечувствованнаго въ продолженіе полутора сутокъ боя, когда вслѣдъ за подъемомъ моральныхъ силъ наступаетъ обыкновенно упадокъ ихъ, солдаты склонны были, подобно тѣлу, двигающемуся по наклонной плоскости, увеличивать скорость движенія, которая легко могла превратиться въ бѣгство. Чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ удержать роту въ рукахъ, необходимо было, по крайней мѣрѣ первое время, вести ее въ кучкѣ, а не разбросанно и—такъ, чтобы впереди находился офицеръ или нѣсколько надежныхъ унтеръ-офицеровъ, которые регулировали бы движеніе, не позволяя никому обгонять себя...

На этотъ разъ впереди шелъ Грудзинскій съ фельдфебелемъ, я—позади, волнуемый разнородными чувствами... Мы отступали разбитые въ первомъ же дѣлѣ... Больно было сознавать это, но въ то же время въ глубинѣ души копошилось другое смутное чувство...

Энтузіазмъ, порывъ—состоянія духа скоропроходящія—давно уже уступили мѣсто чувству долга. Только одно оно удерживало насъ на позиціи въ непрестанномъ напряженномъ ожиданіи смерти; само собою разумѣется, неестественно было бы, если бы къ горечи отъ неудачи не примѣшивалось чувство облегченія, когда мы получили приказаніе объ отступленіи, избавлявшее насъ отъ этого тягостнаго ожиданія, хотя до безопасности было еще далеко: пули то и дѣло свистѣли надъ нашими головами, подгоняя къ виднѣвшемуся невдалекѣ ущелью, куда неудержимымъ потокомъ стремились только теперь замѣченные мною стрѣлки разныхъ частей. Поодиночкѣ, небольшими кучками шли

они безъ всякаго строя... Передо мной одна за другою развертывались картины, характеризующія безпорядочное отступленіе. Вонъ вправо, на косогорѣ, какой-то лысый капитанъ кричитъ что̀ есть мочи, махая фуражкой: «2-й полкъ сюда, сюда 2-й полкъ!..» Это, кажется, командиръ стоящей невдалекѣ роты со знаменемъ; но призывъ капитана остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: понуро опустивъ головы, идутъ люди мимо, какъ бы ничего не видя и не слыша; у всѣхъ гвоздемъ засѣла одна мысль: «уйти бы поскорѣе, да подальше».

Тутъ перемѣшались обрывки разныхъ полковъ, ротъ; стрѣлки идутъ безъ своихъ офицеровъ, изрѣдка—офицеръ безъ своихъ стрѣлковъ. Идетъ одинъ подполковникъ, недавно прибывшій къ намъ въ дивизію изъ Европейской Россіи; рослый, статный, съ великолѣпными бакенбардами, онъ, вѣроятно, очень эффектенъ передъ своимъ баталіономъ на смотрахъ и парадахъ; теперь же подполковникъ идетъ не только безъ своего баталіона, но даже безъ шапки и револьвера; всю эту амуницію онъ, надо полагать, потерялъ для облегченія... Видъ у него такой, что онъ могъ бы, какъ Францискъ I послѣ Павіи, воскликнуть: «Все пропало, кромѣ чести» и еще добавить отъ себя: «даже—штаны». Почтенный штабъ-офицеръ, должно быть, сокращая путь, скатился гдѣ-либо съ горы, что называется, на собственныхъ салазкахъ... Вслѣдствіе такой экскурсіи у него пониже спины висѣлъ отодравшійся большой клокъ брюкъ, обнаруживая невыразимое...

Идемъ по ущелью. Дорога, поднимаясь постепенно, неожиданно оканчивается передъ отдѣльной фанзой; дальше въ гору—только тропинки; тутъ стоитъ съ десятокъ брошенныхъ патронныхъ двуколокъ [1]); нѣкоторыя изъ нихъ

[1]) Конюха, отрубивъ постромки, ускакали.

съ ружьями отъ убитыхъ и раненыхъ. Около одной двуколки кучка солдатъ, слышны крики... Подъѣзжаю—въ двуколкѣ сидитъ окровавленный стрѣлокъ съ ружьемъ въ рукахъ и неистово кричитъ: «Не подходи—убью!..»

— Что такое?—спрашиваю.

— Помѣшавшись, вишь, раненый... везли, да дальше нельзя... хотѣли взять,—нести на перевязку, а онъ не дается; «не подступайсь—говоритъ—убью...» думаетъ, что японцы въ плѣнъ забираютъ...

Когда мы поднялись на гору, то передъ нами открылась холмистая долина; по ней длинными сѣрыми лентами тянулись группы стрѣлковъ, отступавшихъ съ разныхъ участковъ позиціи. Они шли по цѣлинѣ, напрямикъ къ ущелью, черезъ которое пролегала наша дорога на Цюйдзятунь. Это ущелье прорѣзываетъ гряду невысокихъ горъ, окаймляющихъ сѣверо-западную часть долины; по нимъ двигались японцы, направляясь, повидимому, также къ ущелью, чтобы, занявъ его, отрѣзать путь отступленія нашимъ частямъ. Густыя цѣпи ихъ, спустившись въ долину съ бывшей позиціи 4-го полка, преслѣдовали огнемъ отступавшихъ по ней. До японцевъ, которые двигались въ обходъ намъ по горамъ, разстояніе было слишкомъ двѣ версты, причемъ оно постепенно уменьшалось, потому что японцы и мы шли по линіямъ, сходившимся подъ угломъ въ одной точкѣ—въ ущельѣ. До цѣпей—не могло быть болѣе полутора верстъ. Подъ перекрестнымъ огнемъ (съ горъ также стрѣляли по долинѣ) не представлялось болѣе возможности итти колонной, да необходимо было хотя отчасти задерживать наступленіе непріятельскихъ цѣпей; разсыпавъ всю роту въ цѣпь, я отводилъ ее такимъ порядкомъ: когда, положимъ, отходила, отстрѣливаясь, 2-я полурота, то 1-я, остановившись на удобномъ для стрѣльбы мѣстѣ и повернувшись лицомъ къ непріятелю, открывала

по немъ огонь... Когда же 2-я полурота, отойдя назадъ шаговъ 300—400, занимала позицію и стрѣляла, въ свою очередь отступала 1-я полурота, также стрѣляя. Чередуясь такимъ образомъ, отходили съ одной возвышенности на другую; до ущелья надо было пройти версты три. Сначала все шло хорошо, но чѣмъ ближе подходили къ ущелью, тѣмъ больше наваливалось на насъ отступавшихъ въ безпорядкѣ. Они закрывали фронтъ полуротъ, мѣшая имъ стрѣлять, прорывались сквозь цѣпь, лѣзли съ фланговъ въ промежутокъ между полуротами, угрожая разстроить боевой порядокъ роты, смять ее и обратить въ безпорядочную толпу. Не говоря уже о томъ, что выпущенная хотя бы на кратчайшій срокъ изъ рукъ рота, обращаясь въ ничто, переставала служить сдерживающей силой для непріятеля, самъ по себѣ фактъ подобнаго обращенія строевой части въ толпу могъ создать опасный прецедентъ для будущаго: въ сознаніи стрѣлковъ легко могла укорениться мысль, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ возможно и притомъ безнаказанно выходить изъ-подъ команды начальниковъ. Слѣдовательно, необходимо было напречь всѣ силы, принять всѣ мѣры, чтобы не позволить этому охваченному паническимъ страхомъ людскому стаду увлечь насъ... Уговоры, разумѣется, тутъ не помогали. Поэтому я съ коня нагайкой, унтеръ-офицеры, по моему приказанію, прикладами отбивали натискъ обезумѣвшей толпы. Нашъ отпоръ производилъ на-время нѣкоторое отрезвляющее дѣйствіе: изъ среды толпы слышались урезонивающіе окрики на своихъ: «Куда прешь, развѣ не видишь—рота отступаетъ въ порядкѣ». Просились встать въ строй, пронести раненыхъ.

— Ваше высокоблагородіе, дозвольте въ серединку,—мы съ раненымъ!

— Пропустить ихъ.

— Ваше высокоблагородіе, позвольте встать въ вашу цѣпь.

— Валяй на флангъ!

Но прибывали новыя толпы, и снова приходилось отбиваться врукопашную... Помню, какъ одинъ стрѣлокъ, получивъ ударъ нагайкою, сдѣлалъ было противъ меня угрожающее движеніе ружьемъ, но, сдержавшись, отошелъ въ сторону съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ.

Эти минуты были для меня однѣми изъ самыхъ тяжелыхъ за всю кампанію. Сумятицу еще больше увеличили выскочившія откуда-то патронныя двуколки: онѣ на всемъ скаку промчались сквозь цѣпь... Шумъ, крики, брань, оглушающій надъ самымъ ухомъ трескъ сухихъ, короткихъ звуковъ выстрѣловъ своихъ; свистъ, шипѣнье непріятельскихъ пуль... Къ довершенію ужаса, надъ нами начала рваться шрапнель... Все неудержимо ринулось въ близкое уже ущелье...

Спертыя, сдавленныя съ боковъ и сзади, обѣ мои полуроты одна за другой были втиснуты въ него. Остановивъ ихъ, приказываю Грудзинскому выстроить двухвзводную колонну, а самъ съ нѣсколькими стрѣлками поскорѣе поднимаюсь на верхъ пологаго бока ущелья,—посмотрѣть, гдѣ—японцы. На противоположной вершинѣ, шагахъ въ 1,000 отъ меня, появляются отдѣльныя людскія фигурки, идутъ медленно, неувѣренно, останавливаются, оглядываются по сторонамъ, назадъ... это ихъ цѣпь наступаетъ, распространяясь влѣво... Посылаю внизъ стрѣлка съ приказаніемъ 1-й полуротѣ возможно скорѣе подняться наверхъ въ цѣпь... Разсыпавшись, 1-я полурота открыла огонь по японскимъ стрѣлкамъ; тѣ остановились, легли и также начали стрѣлять; тѣмъ временемъ 2-я полурота съ Грудзинскимъ, отойдя шаговъ 300 по ущелью и взобравшись наверхъ, также открыла стрѣльбу; пользуясь этимъ, 1-я полурота спустилась немного за гребень, чтобы укрыться отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, прошла позади 2-й и,

отойдя отъ нея шаговъ 300—400, поднялась на вершину, чтобы снова вступить въ перестрѣлку съ японской цѣпью.

Въ такомъ порядкѣ полуроты по очереди отходили по ущелью, прикрывая тянувшуюся черезъ него кишку людей, здоровыхъ и раненыхъ; раненыхъ несли на носилкахъ, тащили такъ, волокли... нѣкоторые изъ нихъ тащились сами, опираясь на свое ружье или—плечо товарища.

— Ваше высокоблагородіе! прикажите взять раненаго!— обратился ко мнѣ фельдшеръ, указывая на стрѣлка, котораго онъ велъ до сихъ поръ.

Высокій, красивый солдатъ, изъ молодыхъ, видимо, терялъ сознаніе; мертвенная блѣдность покрывала его лицо, взглядъ полуоткрытыхъ глазъ мутнѣлъ... Животъ былъ забинтованъ широкимъ марлевымъ бинтомъ, просачивавшаяся изъ раны около пупка кровь окрашивала повязку... Фельдшеръ поддерживалъ раненаго, бережно прислоняя его къ утесу...

— Отчего же ты не попросилъ своихъ, чтобы взяли его? спросилъ я фельдшера.

— Просилъ, да не берутъ, не бросать же его въ самомъ дѣлѣ...

Приказалъ двумъ проходившимъ стрѣлкамъ—однополчанамъ раненаго помочь фельдшеру нести его; тѣ нехотя подошли...

Идетъ 7-я наша рота во взводной колоннѣ; подгоняемые и обгоняемые кучками чужихъ, стрѣлки невольно увеличиваютъ шагъ... Впереди идетъ командиръ роты, капитанъ Іосифъ Владиславовичъ Холево І-й; чувствуя, что охваченная общимъ потокомъ рота можетъ быть увлечена имъ каждую минуту, онъ внѣ себя бросается то въ ту, то въ другую сторону, жестикулируетъ руками съ сжатыми кулаками, крича охрипшимъ голосомъ:

— Меньше шагъ, тише! не лѣзь—равняйсь на меня!

Видно было, что внутри его все ходуномъ ходитъ.

— Ну, Іосифъ Владиславовичъ! Смѣняйте меня, теперь ваша очередь; видите... надо пропускать... на той сторонѣ ущелья подожду васъ... говорю, обращаясь къ нему.

— Хорошо, — отвѣчаетъ мой дорогой товарищъ, останавливая свою молодецкую 7-ю роту и разсыпая въ полномъ порядкѣ головную полуроту въ цѣпь на смѣну моихъ... Смѣнившись, 2-я рота пошла въ глубь ущелья; здѣсь пологіе бока его, становясь круче, сходятся и образуютъ узкій коридоръ съ скалистыми, почти отвѣсными стѣнами; скоро впереди влѣво блеснулъ просвѣтъ; подъѣзжаю—лѣвая стѣна въ этомъ мѣстѣ прерывается, коридоръ дѣлаетъ короткій поворотъ влѣво, какъ бы выходъ...

Стоятъ кучки солдатъ, не рѣшаясь итти впередъ и опасливо заглядывая за уголъ, откуда свистятъ пули, щелкая въ скалу. Чтобы добраться до закрытаго съ обѣихъ сторонъ продолженія ущелья, необходимо пробѣжать нѣсколько десятковъ саженъ по открытому слѣва пространству, обстрѣливаемому съ самаго близкаго разстоянія.

Посылаю впередъ Грудзинскаго съ приказаніемъ сбирать роту по ту сторону ущелья, гдѣ-либо на выгодной позиціи, не отходя, однако, болѣе 800-1000 шаговъ. За нимъ кучками подвое, потрое, предварительно перекрестившись, пускаются, какъ говорится, «во всю ивановскую» мои стрѣлки... По счастію, за исключеніемъ пяти раненыхъ, которыхъ вынесли, всѣмъ удалось проскочить благополучно; придерживая одною рукой за ножны шашку, чтобы не болталась между ногъ, другою — кабуръ съ револьверомъ, чтобы не колотился о бедро, вслѣдъ за послѣдними припускаюсь и я со скоростью, надо полагать, не менѣе 40 зайцевъ въ минуту; за мной, слышу, бѣгутъ, громыхая «инструментами», мои тѣлохранители — линейный и горнистъ [1]). Стараюсь не смотрѣть влѣво, но притягивающая

[1]) Оба съ сигнальными рожками.

сила чего-то ужаснаго повернула туда мою голову помимо воли—я взглянулъ... жуткое чувство охватило меня; зажмурившись и какъ-то весь сжавшись, мгновенно отвернулся. Казалось, близко, близко по гребню горы чернѣли какіе-то кружки. «Японцы»—проносится у меня въ головѣ. Рѣзнули слухъ пули, съ шипящимъ стукомъ впиваясь въ скалу и обдавая меня брызгами мелкихъ осколковъ, но, слава Богу, я—въ безопасномъ мѣстѣ; еле дыша, тяжело перевожу духъ за выступомъ скалы... Передо мной на землѣ сидитъ офицеръ, шт.-капитанъ Марковъ; его поднимаютъ двое солдатъ; блѣдный, съ измученнымъ видомъ, онъ не дается, говоря:

— Оставьте меня, бросьте... все равно... не могу, не трогайте—больно!! Раненъ въ пахъ, рана не перевязана, рубашка, брюки—все залито кровью...

— Что это вы, Константинъ Константиновичъ, говорите:—бросить. Какъ можно бросить—развѣ можно бросать... вѣдь вы нашъ бригадный адъютантъ. Помните, какъ мы съ вами воевали вмѣстѣ подъ ст. Ньючуангомъ [1])...

По моему приказанію, горнистъ и сигналистъ помогли нести Маркова до конца ущелья, тамъ сдали другимъ; потомъ я видѣлъ его уже сидящимъ на неосѣдланной лошади, безъ сапогъ, въ однихъ noскахъ; неопоясанная рубашка надувалась на спинѣ парусомъ... Выраженіе лица у него было, какъ у ребенка, когда тотъ, поплакавъ послѣ ушиба, начинаетъ уже успокаиваться, но все еще полегоньку жалостно всхлипываетъ...

Больше мы съ К. К. Марковымъ не встрѣчались:

[1]) Во время боксерскаго возстанія гор. Старый-Ньючуангъ, былъ занятъ съ боя 11 сентября (1900 г.) колонной генералъ-маіора Флейшера, когда главныя силы южно-манчжурскаго отряда, подъ начальствомъ генералъ - лейтенанта Суботича вели бой подъ Асяндзяномъ.

излѣчившись отъ этой раны, онъ возвратился въ строй и былъ убитъ подъ Асяндзяномъ.

Догналъ своихъ; они занимали горку передъ выходомъ изъ ущелья; подождали 7-ю роту, пропустили ее и начали отходить; японцы, видимо, прекращали преслѣдованіе: ихъ не видно и пуль ихъ почти не слышно... Вскорѣ разразилась гроза съ сильнѣйшимъ ливнемъ, промочившимъ насъ до костей: не спасла меня даже очень хорошая бурка, кѣмъ-то брошенная и мною подобранная; весь путь былъ усѣянъ вещевыми мѣшками, сапогами, «скатками» [1]) и другими предметами солдатскаго снаряженія, которое бросали, облегчая себя, отступавшіе...

Свистъ непріятельскихъ пуль совсѣмъ прекратился, — свертываю роту въ колонну рядами. Нагоняетъ временно-командующій полкомъ, подполковникъ фонъ-Раабенъ. Онъ безпокоится о знамени. Успокаиваю его—нѣтъ основанія къ безпокойству: полкъ отступаетъ въ относительномъ порядкѣ и знамя, вѣроятно, при знаменной ротѣ...

Подходятъ другія роты нашего полка. Не вижу своего командира баталіона, подполковника Котюжинскаго; говорятъ—снова раненъ; видѣли, какъ его безчувственнаго сажали на лошадь... Опять принимаю командованіе баталіономъ. Чѣмъ дальше идемъ, тѣмъ меньше попадается идущихъ въ разбродъ; группируются по полкамъ, по ротамъ... сводятся въ баталіоны; у Цюйдзятуня стройными рядами стоятъ Моршанскій и Зарайскій полки, громко отвѣчая на привѣтствіе генерала Штакельберга; корпусный—благодаритъ ихъ за службу и, какъ менѣе потерпѣвшихъ, назначаетъ въ арріергардъ. Генералъ Штакельбергъ объявилъ, что онъ самъ будетъ командовать арріергардомъ.

Полки занимаютъ ту самую тыловую позицію, которую

[1]) Скатанными шинелями.

укрѣпляли мы, стоя здѣсь, и съ которой пошли къ Вафангоу...

Тутъ только, при видѣ нашей бывшей стоянки, началъ я приходить въ себя. Во мнѣ шевельнулись человѣческія чувства — до боли въ сердцѣ, до слезъ мнѣ стало жаль моихъ товарищей и стрѣлковъ: командира, Труфанова, Надточинскаго, Тучкова и другихъ... вынувшихъ первыми роковой жребій судьбы...

Какихъ-нибудь пять сутокъ тому назадъ ночью на этой позиціи обсуждали они, какъ защищать ее, а теперь трупы нѣкоторыхъ[1]) изъ нихъ валяются неубранными далеко отъ этого мѣста, которое мы также покидали, быть можетъ, навсегда...

...— Ваше высокоблагородіе! —обратился ко мнѣ какой-то стрѣлокъ 2-го полка, шедшій рядомъ съ моимъ вѣстовымъ Бондаренко,—шт.-капитанъ Сильверстовъ убитъ...

— Ты почему меня знаешь?

— Какъ же—вы съ бариномъ въ Институтѣ во Владивостокѣ вмѣстѣ были, ну, и я тамъ былъ, васъ помню...

— Такъ, убитъ—говоришь—твой баринъ?

— Такъ точно.

— Ну, царство ему небесное... Много убитыхъ... вашъ полкъ молодцомъ дрался...

[1]) Удалось похоронить командира, Надточинскаго и Тучкова; командира съ Надточинскимъ положили въ одинъ гробъ (большой китайскій ящикъ). Впрочемъ съ увѣренностью не могу сказать, что ихъ обоихъ положили въ одинъ гробъ: вѣрно только то, что тѣла ихъ, или оба вмѣстѣ, или порознь, положены въ гробъ; что же касается Тучкова, то тѣло его, обернутое въ полотнища палатокъ, было похоронено рядомъ съ ними, а всѣ они — около 4-хъ крестовъ, поставленныхъ надъ могилами еще до войны умершихъ здѣсь четырехъ желѣзнодорожныхъ служащихъ; кладбище это находится на правой сторонѣ при выходѣ со станціи Вафангоу по направленію къ Артуру.

Солдатики поуспокоились, съ моего разрѣшенія закурили, заговорили; довольны, что остались живы.

Идемъ по какому-то, должно быть, заповѣдному парку; по сторонамъ насыпные валы, внутри нѣтъ ни построекъ, ни пашенъ; въ тѣни великановъ-деревьевъ пріютился лазаретъ, развѣвается Красный Крестъ; отъ палатокъ отдѣлились и подошли къ намъ двѣ сестры милосердія. По всему видно было, что это не профессіональныя сестры,— что-то неуловимое въ жестахъ, въ манерѣ держать себя, говорить, въ интонаціи голоса указывало на принадлежность ихъ къ другому, высшему кругу, несмотря на скромный (хотя кокетливый) костюмъ сестеръ милосердія. Одна— брюнетка, другая—блондинка; обѣ молоды, обѣ красивы.

— Скажите пожалуйста,—спросила меня брюнетка—говорятъ, будетъ сраженіе—лазарету приказано остановиться...

— Врядъ ли, отступленіе полное—арріергардныя дѣла могутъ быть, — отвѣтилъ я, пріятно изумленный такой встрѣчей.

Ангелами Божьими показались мнѣ прелестныя незнакомки [1]); своей красотой и жизнерадостностью онѣ какъ бы призывали насъ къ жизни, къ радостямъ ея...

Усталые, разбитые, встали полки глубокой ночью на би-

[1]) Послѣ мнѣ сказали, что одна изъ нихъ была супруга одного изъ командировъ полковъ (не помню хорошо, Моршанскаго или Зарайскаго), полковника М.

Злые языки говорили, что бравый полковникъ, потому будто сбился съ истиннаго пути и не привелъ полкъ во-время, куда слѣдуетъ, въ бою при Вафангоу, что держалъ въ мысляхъ постоянно направленіе на свою красавицу супругу, бывшую неподалеку съ лазаретомъ...

Мнѣ кажется, что подобное предположеніе не болѣе какъ злостная выдумка: вѣдь шло вмѣстѣ два полка, было, слѣдовательно, два командира: если одинъ изъ нихъ, допустимъ, сбивался съ пути, то другому необязательно было за нимъ слѣдовать, да кромѣ того надъ ними стоялъ начальникъ—командиръ бригады, который собственно и велъ полки.

вакъ, верстъ 8-мь не доходя до ст. Ванделинъ. Размѣстились на узкомъ промежуткѣ земли между полотномъ желѣзной дороги и подошвой горы, палатокъ не разбивали. Измученные стрѣлки тѣсными рядами повалились прямо на мокрую отъ дождя холодную землю за линіями составленныхъ въ «козлы» ружей и сію же минуту заснули какъ убитые.

Завернувшись съ головой въ бурку и не разбирая, сыро или сухо подо мною, а заботясь лишь о томъ, чтобы въ тѣснотѣ да въ темнотѣ меня не затоптали, я легъ передъ знаменемъ у самыхъ ногъ часового, наказавъ ему, чтобы при малѣйшей тревогѣ будилъ меня и наблюдалъ, чтобы по мнѣ не ходили.

II.

Отъ холода проснулся рано мокрый и окончательно простуженный; за ночь отсырѣлъ отъ мокрой одежды, не просохшей еще отъ вчерашняго дождя.

Солнце только что взошло; отъ земли подымается паръ, косые негрѣющіе лучи едва проникаютъ сквозь него; холодно, сыро, прохватываетъ дрожь... Смотрю,—Евгеній Яковлевичъ Котюжинскій сидитъ на скатанной солдатской шинели и что-то ѣстъ съ дѣтскимъ выраженіемъ въ лицѣ... ожилъ, значитъ—думаю [1]); солдатики тоже ѣдятъ изъ котелковъ, пьютъ чай... Мой сосѣдъ, офицеръ, такъ пьетъ даже чай съ свѣжимъ бѣлымъ хлѣбомъ... Зависть взяла меня къ такому чужому благополучію; ѣсть захотѣлось до смерти:

— Откуда вы достали такую благодать—бѣлый, свѣжій хлѣбъ?—спрашиваю чуть не со злостью.

[1]) Оказалось, онъ вчера не былъ раненъ вторично, а ему сдѣлалось дурно отъ первой раны; вотъ почему его и везли верхомъ на лошади.

— Вѣстовой со станціи принесъ...

— О, чортъ... мой не догадался... Дайте-ка кусочекъ...

Товарищъ благодушно и молча отломилъ мнѣ довольно большой кусокъ, очень пригодившійся къ чаю... Чрезъ четверть часа полкъ уже былъ на походѣ. За Ванделиномъ остановились было на привалъ, чтобы пообѣдать; разставили палатки, команды съ котелками пошли къ кухнямъ за обѣдомъ, но пріѣхавшій командиръ корпуса, поблагодаривъ полкъ за «молодецкій» бой, приказалъ немедленно отступать—наступали японцы.

Шли безостановочно остальную часть дня и большую часть ночи; чтобы не итти въ одной общей длинной колоннѣ, части двигались по нѣсколькимъ параллельнымъ дорогамъ; путаясь по проселкамъ ночью въ незнакомой мѣстности, наша колонна заблудилась... Кружили, кружили, наконецъ, остановились... Когда немного отдохнули, командиръ бригады, взявъ мою 2-ю и роту Его Величества, пошелъ съ нами отыскивать дорогу; прежде всего необходимо было найти проводника; къ счастію, скоро наткнулись на деревню; стучимъ въ одну фанзу, въ другую—не отпираютъ; внутри фанзъ мертвая тишина, зато собаки на дворахъ заливаются во всю... «Добились»-таки; дали намъ проводника; насилу втолковали сонному, перепуганному «ходѣ» [1]), куда насъ вести, сказавъ въ заключеніе: «Лу-тэйла—дчэн-на-ю!—машинка-ю,—кантами-ю» [2]); показали на всякій случай деньги и выразительный жестъ по горлу, какъ символическое дополненіе къ сказанному.

Возвратившись къ своимъ, мы скоро при помощи проводника вышли на настоящую дорогу. Идемъ. Ночь темная, зги не видно,—небо покрылось тучами, сбиралась

[1]) «Ходя»—ласкательное слово—товарищъ, милый.

[2]) Дорога хорошая будетъ—деньги будутъ; мошенникъ будешь—зарѣжемъ.

гроза... Вдали вспыхивали огни: не то зарницы играли, не то непріятельскія суда освѣщали прожекторами берегъ, отыскивая наши колонны... Въ насыщенномъ электричествомъ воздухѣ душно, тяжело дышать, тяжело итти; время за полночь... Усталъ до такой степени, что не только каждый суставъ, каждый мускулъ былъ болѣзненно напряженъ, но ныла каждая капля крови; отъ сидѣнья въ сѣдлѣ разломило ноги, итти—нѣтъ силъ; слѣзу, пройду шаговъ двѣсти, опять сажусь, еле влѣзая на лошадь...

Если мнѣ, верхомъ, имѣвшему на себѣ не болѣе 20-ти фунтовъ тяжести, было невыносимо, то каково было стрѣлкамъ, съ ихъ двухъ-пудовой ношей. За исключеніемъ немногихъ, кое въ чемъ облегчившихъ себя, большинство добросовѣстно тащили всю положенную «амуницію»...

Шли безъ приваловъ; только изрѣдка, когда кишка безформенной колонны слишкомъ вытягивалась, головную роту останавливали минутъ на пять, чтобы дать возможность подтянуться заднимъ.

Никогда съ такимъ нетерпѣніемъ не ждалъ я воскреснаго отдыха, разсчитывая хорошо выспаться послѣ утомительной недѣли лѣтнихъ занятій, напримѣръ, стрѣльбы, съ какимъ—ждалъ теперь 5-ти-минутной остановки...

«Стой!»—слышится впереди; «стой!»—повторяю, машинально слѣзая съ лошади и думая: полминуты на слѣзанье, полминуты на то, чтобы выбрать мѣсто... и спать... цѣлыхъ четыре минуты!... Успѣваю еще проговорить горнисту, который принялъ отъ меня лошадь: «не торчи, а садись [1]) тоже!»—перебираюсь на другую сторону придорожной неглубокой канавки и сажусь подъ кустомъ спиной къ дорогѣ, засыпаю... Но тутъ случилось нѣчто не-

[1]) Изъ чувства особенной деликатности, что ли, солдаты держатъ командирскихъ лошадей обыкновенно стоя.

обычайное—какъ будто вихрь пронесся надо мной, кустъ пригнулся, надавливая меня; перескочила, кажется, лошадь, задѣвъ копытомъ мою голову... По счастью, должно быть, ударъ пришелся не прямо по головѣ, а по сучьямъ, которыя лошадь, перескакивая, примяла надо мной...

«Японцы!—ну, отлично—проскочили, меня не замѣтили,»—мелькаютъ отрывочныя мысли. Впрочемъ, объ этомъ моментѣ у меня осталось смутное представленіе; очнулся я, когда выскочилъ изъ-подъ куста на дорогу; протираю глаза, всматриваюсь, вслушиваюсь...

Налѣво слышенъ шумъ отъ скачущихъ по кустамъ лошадей; позади вдали—пальба, крики «ура!»; вокругъ меня никого и ничего; ни роты, ни лошади; бѣгаю взадъ и впередъ по дорогѣ, отыскивая ихъ...

Между тѣмъ конскій топотъ удаляется, крики «ура!» затихаютъ, пальба мало-по-малу прекращается... щелкаютъ отдѣльные рѣдкіе выстрѣлы... На нихъ отвѣчаютъ голоса: «Не стрѣляй—свои; свои, не стрѣляй!..». Начинаю понимать, въ чемъ дѣло...

Откуда-то изъ темноты вывернувшійся казачій урядникъ спрашиваетъ:

— Ваше высокоблагородіе! нашъ сотникъ оставили тутъ шашку, такъ позвольте получить ее...

— Что!? шашку сотникъ оставили!.. прислалъ сотникъ за шашкой!... Ступай, скажи твоему сотнику, чтобы онъ самъ пришелъ сюда за шашкой, а то не дамъ... (казачьей шашки у меня не было);—и вдругъ, ни съ того ни съ сего, даю казаку здороваго тумака по шеѣ... Вотъ тебѣ шашка! Ступай, я вотъ пики къ генералу отнесу (а для чего—и къ какому генералу—самъ не знаю)—срамъ, шашку потерялъ...

За что попало уряднику — не знаю; опомнился, — стыдно стало.

Видя меня съ пиками [1]), которыхъ я, бѣгая по дорогѣ, набралъ зачѣмъ-то цѣлую охапку, урядникъ въ простотѣ души вообразилъ, надо полагать, что я занимаюсь спеціально подбираніемъ брошеннаго казачьяго оружія...

Продолжая отыскивать роту, по слуху скоро набрелъ на часть ея, собранную фельдфебелемъ; потомъ отыскалась и другая половина, она собралась съ Грудзинскимъ; лошадь также нашлась. Началъ повѣрять людей... Слышу, командиръ б-на командуетъ: «По 1-й ротѣ баталіонъ въ резервную колонну стройся». Спѣшу окончить повѣрку, но Евгеній Яковлевичъ «проситъ», чтобы я «не копался...»

Послушно веду роту... Построили колонну; Е. Я. самъ лично выслалъ по два дозора шаговъ на 50-ть впередъ, на всѣ четыре стороны, приказалъ ротамъ сѣсть, скомандовалъ: «Смирно!» и затѣмъ, обратившись къ людямъ, сказалъ: «Успокойтесь, кругомъ наши дозоры и никакихъ японцевъ нѣтъ...»

Хотя насчетъ нападенія японцевъ я давно уже пересталъ безпокоиться, но, откровенно говоря, чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко послѣ довольно глупаго одиночества на дорогѣ, да и вообще всѣ мы были немного сконфужены происшедшимъ. Какъ это случилось, объясняли различно. Говорили, что лошадь сорвалась, что порціонный быкъ шарахнулся, а сонному солдату померещилась наскочившая японская кавалерія, и онъ выпалилъ... Другимъ показалось, что японцы стрѣляютъ—отвѣтили... Испуганные выстрѣлами казачьи лошади, повыдергавъ поводья изъ рукъ дремавшихъ казаковъ, понеслись, топча сонныхъ стрѣлковъ, раздались крики, и пошла перепалка; хорошо, что еще никого не убили и не ранили. Передряга встрях-

[1]) Пики потомъ передали въ нашу охотничью команду; дня четыре охотники ѣздили, вооруженные ими на срамъ казакамъ; потомъ возвратили по принадлежности.

нула отрядъ, сонъ пропалъ, явилась даже нѣкоторая бодрость духа; окончательно освѣжилъ и привелъ всѣхъ въ чувство дождь, окатившій насъ, какъ изъ ведра; проѣхалъ командиръ корпуса генералъ Штакельбергъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ всадниковъ, въ числѣ ихъ я различилъ при блескѣ молніи французскаго военнаго агента въ его форменномъ кэпи, задорно торчавшемъ, несмотря на сильнѣйшій дождь. Насъ протащили еще версты три и, наконецъ, остановили, разрѣшивъ поспать часа два на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ застала команда «стой». Утромъ подошли къ Сеньючену, сдѣлали привалъ, пообѣдали, отдохнули часа три и, пройдя потомъ верстъ восемь къ сѣверу, расположились на ночлегъ. Эта ночь съ 4-го на 5-ое іюня была первая за послѣднія 8 сутокъ, въ которую полкъ спалъ спокойно и достаточное число часовъ. На слѣдующій день безъ дальнѣйшихъ приключеній дошли до Кайджоу, гдѣ встали на бивакъ.

7-го іюня въ 4 ч. пополудни къ намъ пріѣхалъ командующій арміей, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ; для его встрѣчи роты безъ оружія выстроились передъ палатками, имѣя на правомъ флангѣ оставшихся въ строю раненыхъ и контуженныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

— Вотъ командиръ 1-го б-на, подполковникъ Котюжинскій, раненъ въ ногу, пуля въ ногѣ,—доложилъ начальникъ дивизіи.

— Берете примѣръ съ вашего начальника дивизіи,—ласково сказалъ генералъ Куропаткинъ, указывая на перевязанную, раненую щеку генерала Гернгросса...

Объѣхавъ и поблагодаривъ полки, командующій приказалъ представить ему вечеромъ на станціи по 4 человѣка съ роты изъ наиболѣе отличившихся нижнихъ чиновъ для награжденія ихъ знакомъ отличія военнаго «ордена».

Уже въ сумеркахъ выстроились на дебаркадерѣ противъ поѣзда командующаго арміей команды «храбрыхъ»,

избранныхъ[1]) самими стрѣлками; тутъ же находились командиры ротъ, баталіоновъ, полковъ и другія начальствующія лица избранниковъ.

Поѣздъ командующаго, особенно вагонъ-столовая, вагонъ-салонъ горѣли огнями, блестѣли зеркальными стеклами, электрическимъ освѣщеніемъ, составляя яркій контрастъ съ окружающей темнотой, окаймленной вдали мерцавшими бивачными огнями.

Скомандовали «смирно!», вышелъ командующій арміей, поздоровался и, подойдя къ правофланговому стрѣлку роты Его Величества, прикололъ ему на грудь крестъ, сказавъ: «Именемъ Государя жалую тебя, молодецъ».

Эту фразу генералъ-адъютантъ Куропаткинъ повторялъ передъ каждымъ награждаемымъ стрѣлкомъ.

Затѣмъ, когда кресты были розданы, онъ обратился ко всѣмъ получившимъ со словами: «Помните, молодцы, вы получили кресты какъ за ваши заслуги, такъ и за заслуги вашихъ товарищей; будьте же достойны ихъ впредь; носить крестъ нелегко — надо быть съ нимъ всегда впереди, чтобы подавать примѣръ. Такъ поступать вы обязаны предо мною и вашимъ начальствомъ, зато вамъ будетъ честь во всей Руси, и тогда, когда вы возвратитесь домой, Богъ дастъ, тамъ въ деревняхъ вы будете примѣромъ для вашихъ дѣтей и внуковъ!»

Раздалось громкое «ура», заиграла музыка, и первые

[1]) «Знакъ отличія военнаго ордена», или въ просторѣчіи георгіевскій крестъ, дается нижнимъ чинамъ или по назначенію, или по выбору всей роты (батареи, эскадрона); въ данномъ случаѣ, согласно желанія командующаго арміей, стрѣлки сами выбирали наиболѣе достойныхъ, что не исключало права командировъ представлять другихъ къ наградѣ по своему усмотрѣнію. Изъ 2-й роты были представлены: фельдфебель Туровецъ, молодецъ взводный ун.-офицеръ 1-го взвода Марченко и рядовые стрѣлки Мандрыка и Ламппза.

георгіевскіе кавалеры нашего корпуса стройными рядами прошли мимо командующаго арміей.

Прощаясь съ провожавшими его генералами и командирами отдѣльныхъ частей, генералъ Куропаткинъ, обнявъ за талью командира 2-го Вост.-Сибир. стрѣлк. полка полковника Озерскаго[1]), между прочимъ, сказалъ: «Я на васъ, полковникъ, взираю съ упованіемъ...»

Актомъ раздачи георгіевскихъ крестовъ закончился походъ[2]) 1-го Сибирскаго армейскаго корпуса на югъ къ Артуру; заканчивались его дѣйствія какъ самостоятель-

[1]) Полковникъ Озерскій былъ потомъ смертельно раненъ въ сраженіи подъ Ляояномъ при Янтайскихъ копяхъ.

[2]) Потери корпуса по первымъ оффиціальнымъ даннымъ слѣдующія:

1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи:

Раненъ командующій дивизіей генералъ-маіоръ Гернгроссъ;

Офицеровъ убито	15
» ранено	49
» осталось на полѣ сраженія неизвѣстно: убитыми, ранеными или попавшими въ плѣнъ	12
Всего выбыло изъ строя офицеровъ	77
Нижнихъ чиновъ убито	385
» » ранено	992
» » осталось на полѣ сраженія неизвѣстно: убитыми, ранеными или попавшими въ плѣнъ	568
Всего выбыло изъ строя нижнихъ чиновъ	1945

Примѣчаніе. Наиболѣе пострадали полки 2-й и 3-й. Въ 1-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ Его Величества полку выбыло изъ строя убитыми и ранеными около 200 стрѣлковъ и 20 офицеровъ (въ томъ числѣ командиръ полка убитъ).

Изъ полковъ 1-й дивизіи наименьшій уронъ понесъ 4-й, потерявшій своего командира полка полковника Мерчанскаго, который раненымъ попался въ плѣнъ.

наго отряда. Съ этого времени нашъ корпусъ началъ нести службу авангарда постепенно образовывавшагося южнаго фронта арміи.

Въ 33-мъ, 34-мъ и 36-мъ полкахъ (9-я Вост.-Сибир. стрѣлк дивизія)

офицеровъ убито	1
« ранено	19
Итого выбыло изъ строя офицеровъ . . .	20

Въ томъ числѣ раненъ въ грудь на вылетъ командиръ 34 полка, полковникъ Дубельтъ.

нижнихъ чиновъ убито	120
» » ранено	604
» » осталось на полѣ сраженія .	96
Всего выбыло изъ строя нижнихъ чиновъ . .	820

Въ 9-мъ Сибирскомъ пѣхотномъ Тобольскомъ полку:

офицеровъ убито	1
» ранено	1
Итого выбыло изъ строя офицеровъ . . .	2
нижнихъ чиновъ убито	3
» » ранено	40
» » осталось на полѣ сраженія .	3
Итого	46

Въ 139-мъ пѣхотномъ Моршанскомъ полку:

офицеровъ убитыхъ нѣтъ	
» ранено . .	6
Итого . . .	6
нижнихъ чиновъ убито	11
« » ранено	131
» » осталось на полѣ сраженія .	8
Итого	150

Въ 1-й Вост.-Сиб. артиллерійской бригадѣ:

офицеровъ убито и ранено	10
нижнихъ чиновъ	103

Въ 9-й Вост.-Сиб. артиллерійской бригадѣ:

офицеровъ убито и ранено	10
нижнихъ чиновъ	25

Общій уронъ корпуса:

генераловъ	1
офицеровъ	124
нижнихъ чиновъ	3089

ОТЪ КАЙДЖОУ ДО АСЯНДЗЯНА.

Кайджоу-Дачепу.

I.

Подъ Кайджоу прибылъ нашъ новый [1]) командующій полкомъ полковникъ Лешъ и съ нимъ вмѣстѣ 12-ть новыхъ офицеровъ, взамѣнъ выбывшихъ изъ строя.

Какъ старшій капитанъ въ баталіонѣ и старый офицеръ полка, я принялъ роту Его Величества, сдавъ, скрѣпя сердце, свою 2-ю, которой командовалъ 10 лѣтъ.

Назначеніе командовать ротою Его Величества считается почетнымъ и отъ него, разумѣется, не отказываются, но, откровенно говоря, мнѣ тяжело было разставаться со 2-й ротою. Большинство унтеръ-офицеровъ (за исключеніемъ запасныхъ) и рядовыхъ стрѣлковъ были мои воспитанники; да и запасные, проживши со мной пять мѣсяцевъ военного похода, имѣли время и случай узнать меня, точно такъ же, какъ и я—ихъ. На основаніи взаимнаго пониманія и довѣрія между мною и людьми роты установилась и въ бояхъ укрѣпилась та необходимая внутренняя связь начальника съ подчиненными, которая служитъ залогомъ успѣха на войнѣ.

[1]) Какъ я уже упоминалъ ранѣе, подполковникъ фонъ-Раабенъ принялъ въ командованіе 4-й полкъ.

Утѣшеніемъ служило то, что, замѣняя часто въ командованіи 1-мъ баталіономъ подполковника Котюжинскаго, командовавшаго временно то тѣмъ, то другимъ полкомъ[1]) нашей дивизіи, я такимъ образомъ продолжалъ оставаться начальникомъ и 2-я роты, какъ временно-командующій баталіономъ.

Съ 8-го по 25-е іюня 1-й Сибирскій армейскій корпусъ занималъ проходы въ горахъ, тянущихся отъ Ляодунскаго залива къ востоку вдоль праваго берега рѣки Нан-до-хэ.

При своемъ движеніи съ юга на сѣверъ японцы не могли миновать этихъ ущелій, черезъ которыя проходятъ дороги изъ Ляодунскаго полуострова въ Южную Манчжурію; изъ нихъ три главныя: по берегу Ляодунскаго залива—въ Инкоу; въ двухъ, примѣрно, верстахъ къ западу отъ города Кайджоу—желѣзная дорога и между ней и городомъ—Мандаринская, черезъ перевалъ Шаолиндзы; она идетъ на городъ Ляоянъ и далѣе къ Мукдену. Къ западу отъ Кайджоу до Инкоу стояли полки 9-й дивизіи, имѣя впереди себя конныя части генерала Самсонова, выдвинутыя къ Сеньючену. 1-я дивизія охраняла проходы въ окрестностяхъ города Кайджоу. 1-я бригада (1-й и 2-й полки) была расположена въ ущельѣ перевала Маолиндзы, параллельномъ Шаолиндзы, верстахъ въ полутора отъ послѣдняго.

Здѣсь [2])полки, пользуясь относительнымъ спокойствіемъ,

[1]) За отсутствіемъ больныхъ или раненыхъ командировъ полковъ.

[2]) Здѣсь вслѣдствіе нѣкотораго временнаго ослабленія внутренняго порядка въ частяхъ, которое происходило, вѣроятно, отъ общаго переутомленія какъ оставшагося въ живыхъ командного состава, такъ и рядовыхъ нижнихъ чиновъ, въ связи съ большимъ количествомъ вновь прибывшихъ запасныхъ и начавшимися дождями, появились желудочно-кишечныя заболѣ-

отдохнули, привели въ порядокъ матеріальную часть и укомплектовались прибывшими запасными.

25-го іюня отъ разъѣздовъ получено было извѣстіе о начавшемся общемъ наступленіи японцевъ на нашъ фронтъ. Такъ какъ серьезнаго сопротивленія оказывать имъ не предполагалось, то нашъ и 2-й полкъ отошли съ вечера назадъ на тыловыя позиціи противъ переваловъ Маолиндзы и Шаолиндзы, чтобы на другой день утромъ прикрывать отступленіе полковъ 9-й дивизіи, которые должны были, пе-

ванія; при нестрогомъ соблюденіи санитарныхъ мѣръ, заболѣванія эти грозили принять эпидемическій характеръ. Поэтому начальникъ дивизіи, генералъ Гернгроссъ, требуя, чтобы было обращено самое серьезное вниманіе на колодцы и отхожія мѣста, приказалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ преслѣдовать за нарушеніе правилъ пользованія ими. Съ своими стрѣлками мы сладили скоро, но, при всемъ моемъ уваженіи къ артиллеристамъ, долженъ сказать, что ихъ нижніе чины любятъ «посидѣть» на вольномъ воздухѣ въ неуказанномъ для отправленія естественныхъ надобностей мѣстѣ. Будучи разъ назначенъ начальникомъ дежурной части, состоявшей изъ моей роты и двухъ орудій подъ командой офицера, я первымъ дѣломъ, обходя участокъ, на которомъ располагалась дежурная часть, указалъ какъ своимъ, такъ и артиллеристамъ отхожее мѣсто въ оврагѣ шагахъ въ 300-хъ передъ правымъ флангомъ. За исполненіемъ моего приказанія долженъ былъ слѣдить дежурный по ротѣ. Каково же было мое изумленіе, когда, поднявшись на вершину пригорка, на склонѣ котораго стояла моя палатка и палатка артиллерійскаго офицера (отъ палатокъ до вершины было шаговъ 20-ть не болѣе), я увидѣлъ шагахъ въ 70-ти передо мной артиллерійскаго солдата, занявшаго позицію «открытымъ тыломъ» ко мнѣ; немедленно приказываю дежурному «сбить» его съ этой позиціи. Произошло «столкновеніе», окончившееся жалобой фейерверкера (это былъ фейерверкеръ) на меня; фейерверкеръ, ссылаясь на какой-то пунктъ приказанія моего предшественника, не признавалъ себя виновнымъ въ нарушеніи «черты осѣдлости» и обвинялъ меня въ насиліи надъ личностью. Пустяшный самъ по себѣ случай осложнялся, потому что затрогивалось самолюбіе части, сталкивались два рода оружія — пѣхота и артиллерія... На мое счастье (хотя какое уже тутъ счастье), часа черезъ

реваливъ черезъ перевалъ, пройти мимо насъ и занять позиціи позади, чтобы дать возможность, въ свою очередь, намъ отходить подъ ихъ прикрытіемъ. Нашъ полкъ ночевалъ и утромъ окопался, насколько позволилъ грунтъ, на отдѣльной высокой горкѣ въ верстѣ съ небольшимъ въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ выхода изъ ущелья; 2-й полкъ съ батарей стояли также на горкѣ, но западнѣе ущелья и ближе къ нему. Съ разсвѣтомъ 26-го іюня затрещала перестрѣлка въ горахъ по ту сторону перевала Шаолиндзы, наши роты, приготовившись, лежали укрыто за гребнемъ, не занимая покамѣстъ вырытыхъ на всякій случай окоповъ, чтобы раньше времени не обнаруживаться.

Одни офицеры, лежа на вершинѣ съ биноклями въ рукахъ, внимательно наблюдали за переваломъ Шаолиндзы и покинутымъ наканунѣ ущельемъ Маолиндзы, которое отсюда также было видно. Изъ Шаолиндзы сначала длинными вереницами тянулись обозы; кончились они, показались сомкнутыя части. Одинъ баталіонъ свернулъ съ дороги, построился покоемъ около мѣста, гдѣ давно уже что-то копали, подошли и встали кучкой офицеры, что-то принесли, офицеры сняли фуражки, баталіонъ взялъ ружья «на караулъ»... Очевидно, кого-то хоронили. Похоронили,

два послѣ непріятнаго объясненія съ артиллерійскимъ офицеромъ, когда я шелъ въ сопровожденіи фельдфебеля и дежурнаго по ротѣ зачѣмъ-то къ командиру баталіона, снова наткнулся на подобную описанной сцену: солдатъ-артиллеристъ примостился въ вымоинѣ шагахъ въ 40 отъ моей палатки и шагахъ въ 100 отъ палатки командира баталіона.

— Ты что тутъ дѣлаешь?

Солдатъ быстро приподнялся, приподнимая штаны.

— Я... я... гуляю.

— Гуляешь, а штаны зачѣмъ спущены?..

Приказалъ фельдфебелю отвести его къ артиллеристу-офицеру и доложить ему о такой странной манерѣ его солдатъ «гулять...» Инцидентъ тѣмъ и закончился.

баталіонъ ушелъ, на зеленой четыреугольной полосѣ гаоляна остался слѣдъ—темная неправильной формы полоска свѣже-взрытой земли...

Части, выходя изъ ущелья, не шли больше колоннами, а развернувшись и разомкнувшись вправо и влѣво отъ дороги медленно длинными сѣрыми линіями двигались они мимо насъ по равнинѣ. Показались послѣднія арріергардныя роты, онѣ идутъ рѣдкою цѣпью... разстояніе между ними и выходомъ изъ ущелья, откуда долженъ появиться непріятель, увеличивалось все больше и больше. Выстрѣловъ не слышно, наступила полная тишина... охватываетъ знакомое тревожное чувство напряженнаго ожиданія опасности. Гдѣ-то вдали раздалось громкое «бууммъ»... Страшный ударъ потрясъ землю, всѣ вздрогнули: взвился громадный столбъ темнокоричневаго дыма—недалеко передъ нами разорвалась шимоза, за ней другая — подальше, третья... Снаряды бьютъ въ пустую; вдругъ наша, дотолѣ молчавшая батарея, дала залпъ по ущелью... Всѣ бинокли направились туда... что-то чернѣло въ устьѣ ущелья, какъ будто какое-то чудовище выползало оттуда, расширяясь и удлиняясь; опять оглушительный залпъ нашихъ 8-ми орудій и 8-мь бѣлыхъ клубочковъ появились въ воздухѣ какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ущелье дѣлаетъ поворотъ въ сторону горки, съ которой стрѣляла батарея. Наши стрѣляли, очевидно, съ заранѣе измѣреннаго разстоянія и въ опредѣленную точку и потому чрезвычайно удачно: видно было, какъ послѣ разрыва шрапнели непріятельская пѣхота бѣгомъ бросилась назадъ въ ущелье и больше не появлялась... за то шимозы засыпали все пространство между нашими горками и ущельемъ; японцы старались «нащупать» батарею. Прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса, шимозы рвались кругомъ, не принося намъ никакого вреда... Но вотъ столбъ дыма

поднялся на краю горы, занятой батареей, другая шимоза ударила въ середину между орудіями... Японскіе сигналисты, взобравшись къ этому времени на горы, успѣли разсмотрѣть русскую батарею... Мы получили приказаніе отходить; съ замираніемъ сердца смотримъ на нашихъ товарищей—2-й полкъ и батарею. Они также очищаютъ свою горку: орудія увозятъ, пѣхота спускается внизъ... и пора!

Полки 9-й дивизіи заняли позиціи, а шимозы рвутся теперь по всей горѣ, поднимая воронкообразные столбы темнокоричневаго дыма на мѣстахъ, гдѣ стояли орудія и баталіоны...

Самыми послѣдними выстрѣлами ранено до 20-ти стрѣлковъ и артиллеристовъ, раненъ подполковникъ 2-го полка Гринфельдъ и убитъ капитанъ генеральнаго штаба графъ Ниродъ. Ранено, кромѣ того, 9 человѣкъ санитаровъ изъ летучаго отряда петербургскаго Сельскохозяйственнаго общества, когда они подбирали раненыхъ. Этимъ отрядомъ руководилъ г. Нитке. Ранено также, кажется, нѣсколько человѣкъ санитаровъ изъ отряда шталмейстера Родзянко.

Арріергардный бой 26-го іюня по справедливости можетъ быть названъ образцово выполненнымъ маневромъ типичнаго отступленія частей перекатами однѣхъ черезъ другія. Стояли мы, сдерживая наступленіе непріятеля, проходили сквозь наши позиціи полки 9-й дивизіи. Начинали отступать мы, задерживала японцевъ 9-я дивизія...

II.

Японцы не преслѣдовали насъ; удовлетворившись занятіемъ проходовъ, они ограничились въ направленіи Дачепу [1]) горками, на которыхъ наканунѣ вела бой наша

[1]) Большая деревня Дачепу лежитъ на половинѣ, примѣрно, разстоянія между Ташичао и Кайджоу.

бригада и гдѣ они выставили теперь свои передовыя сторожевыя части.

Переночевавъ въ Дачепу, нашъ полкъ [1]) продвинулся снова верстъ на пять къ югу и расположился на аррiергардной позицiи изъ двухъ невысокихъ параллельныхъ горокъ удлиненной яицеобразной формы, обращенныхъ узкимъ концомъ къ югу; каждая—понижаясь къ югу, имѣетъ три вершины; восточная—выше западной; разстоянiе между ними не больше версты; обѣ отдѣляются неширокой, версты въ полторы, долиною отъ горокъ [2]), закрывающихъ выходы изъ ущелiй Маолиндзы—Шаолиндзы. Между горками проходитъ грунтовая дорога изъ Шаолиндзы. Къ западу отъ нихъ по равнинѣ пролегаетъ сначала Мандаринская и далѣе—желѣзная дорога; къ сѣверу, отдѣленный оврагомъ, возвышается небольшой холмъ съ башней; за холмомъ—лощина. Въ ней обыкновенно располагался баталiонъ, назначенный въ резервъ. На холмѣ за башней жилъ командиръ полка, рядомъ за другимъ холмомъ стояла батарея; западную горку занялъ 1-й баталiонъ; восточную—3-й, 2-й всталъ въ резервѣ.

Баталiонъ располагался на горкѣ въ такомъ порядкѣ: за южной (ближайшей къ непрiятелю) вершинкой становилась днемъ сторожевая рота; она высылала впередъ наблюдательные посты; позади второй вершинки — непо-

[1]) Нашъ 1-й полкъ, 4-й полкъ, батарея и нѣкоторыя конныя части образовали аррiергардъ подъ начальствомъ нашего командира полка полковника Леша; стрѣлки съ пѣшими батареями, расположившись къ востоку въ горахъ, наблюдали за выходами изъ ущелiй; кавалерiя къ западу—за равниной.

Примѣчанiе. Я употребляю здѣсь не выраженiе авангардъ (часть, находящаяся впереди во время наступательныхъ дѣйствiй), а аррiергардъ (часть, прикрывающая отступленiе), потому что въ исполненiе плана мы все время отступали.

[2]) На нихъ именно стояли съ 26-го iюня японскiя передовыя сторожевыя части.

средственно за сторожевой ротой, въ полной готовности поддержать ее—находилась дежурная рота. Укрываясь за третьей вершиной, отдыхали [1]) остальныя двѣ роты баталіона, ведя обычную бивачную жизнь. Ночью порядокъ нѣсколько измѣнялся: по долинѣ, отдѣлявшей насъ отъ японцевъ, одна рота выставляла сторожевую цѣпь, начиная отъ горки 3-го баталіона до Мандаринской дороги. Дежурная и отдыхавшія роты, хотя и спали, но одѣтыми, только послѣднимъ двумъ—разрѣшалось снимать сапоги.

Въ несеніи службы роты чередовались. Смѣнившись какъ-то съ ночной сторожевой службѣ, лежалъ я въ палаткѣ. Музыка, крики «ура» мѣшали мнѣ заснуть. Во 2-мъ баталіонѣ раздавали подарки Государыни Александры Ѳеодоровны. У меня въ ротѣ подарки [2]) эти

[1]) Это удавалось имъ, впрочемъ, рѣдко, потому что то та, то другая назначались совмѣстно съ ротами, взятыми изъ резерва, для дневныхъ демонстрацій противъ японцевъ. Демонстраціи происходили такъ: рота, двѣ или три, съ двумя орудіями сначала шли по дорогѣ прямо на японцевъ, потомъ роты разсыпали цѣпь, орудія открывали огонь. Все это, понятно, тревожило японцевъ, вызывая ихъ отвѣтные выстрѣлы, ранившіе и убивавшіе «демонстрантовъ».

[2]) Всѣ офицеры и нижніе чины бывшихъ тогда на театрѣ войны частей войскъ получили отъ Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны въ подарокъ по тючку, въ которомъ заключались: бѣлье, теплая рубашка, мыло, чай, сахаръ, письменныя принадлежности, марки. Къ полезному было присоединено и пріятное: табакъ, папиросы, а для некурящихъ сласти, напримѣръ (для офицеровъ) печенье. Все было очень хорошаго качества и, несмотря на дальнюю дорогу, дошло въ свѣжемъ, не помятомъ видѣ. Солдатики радовались какъ дѣти, разбираясь подолгу въ гостинцахъ, присланныхъ Матушкой Царицей. Подарки съ письмами офицерамъ и нижнимъ чинамъ присылались также совершенно посторонними лицами (взрослыми и дѣтьми), обществами, учебными заведеніями. Помимо матеріальной цѣнности, они имѣли для насъ большое моральное значеніе, напоминая намъ на далекой чужбинѣ въ виду грознаго врага о милой родинѣ, гдѣ не забывали насъ, а съ болью

были розданы еще два дня тому назадъ. Шумъ во 2-мъ баталіонѣ прекратился; я задремалъ. Сквозь сонъ слышу французскую фразу: «Monsieur le commandant...», потомъ кто-то ломанымъ русскимъ языкомъ спрашиваетъ «офицера»... Шаги направляются къ моей палаткѣ; догадываюсь—пріѣхали «гости», или иностранные корреспонденты, или военные агенты. Кричу: «J'y suis, à l'instant même...» Торопливо одѣваюсь, застегиваюсь, открываю палатку и... мнѣ рекомендуется: «Raymond Recouly, correspondant de guerre du «Temps». Представился и я въ свою очередь. Желая осмотрѣть передовую позицію, m-eur Recouly проситъ моего разрѣшенія пройти дальше.

— Вы стоите на передовой позиціи,—говорю ему.

— Какъ на передовой позиціи?—изумляется m-eur Recouly, а музыка... да и вообще ничто не указываетъ на близость непріятеля.

Предложилъ пройтись къ сторожевой ротѣ. Тамъ люди были готовы каждую минуту встрѣтить японцевъ. Французъ осмотрѣлъ въ бинокль непріятельскія горки, на которыхъ никого и ничего не было замѣтно, порывался итти дальше, но мы не пустили, объяснивъ, что не можемъ поручиться за дальнѣйшую его безопасность: до горокъ не болѣе полутора верстъ, а японскія ружья берутъ на двѣ; видимое же безлюдье на горкахъ обманчиво, потому что японскія сторожевыя части такъ же, какъ наши, укрываются за гребнемъ. Кромѣ того, въ долинѣ лежатъ, вѣроятно, подобно нашимъ, японскіе се-

въ сердцѣ, со страхомъ и надеждой слѣдили за нами. Къ сожалѣнію, по условіямъ военнаго времени, мы не всегда могли поблагодарить письмами лицъ, присылавшихъ подарки. Поэтому теперь отъ себя лично и отъ имени моихъ бывшихъ подчиненныхъ нижнихъ чиновъ я приношу сердечную благодарность всѣмъ тѣмъ, кто своимъ участіемъ облегчалъ тяжелую, полную лишеній и опасностей походно-боевую жизнь солдата.

креты, наблюдая, чтобы даже одиночный человѣкъ съ нашей стороны не могъ прокрасться къ ихъ позиціямъ. M-eur успокоился. Возвратились ко мнѣ; передъ палаткой на разостланной буркѣ кипѣлъ уже самоваръ, стояли кое-какія закуски и между ними—очень пригодившееся присланное Императрицей эйнемовское печенье съ солью. M-eur Raymond Recouly просидѣлъ у меня долго, очень довольный, что пилъ чай изъ «русскаго» самовара [1]) на самой передовой русской позиціи и—тѣмъ, что могъ говорить со мной. Чтобы удовлетворить въ предѣлахъ возможнаго его любопытство, я подѣлился съ нимъ воспоминаніями о прошломъ китайскомъ походѣ и о вафангоускомъ боѣ, объясняясь хотя съ трудомъ, но понятно по-французски или, какъ выразился по этому поводу m-eur Recouly: «Dans un français pénible, mais juste, cherchant mes mots et les trouvant» (затрудняясь, но правильно отыскивая слова и ихъ находя). Въ благодарность за привѣтъ и ласку, любезный французъ посвятилъ мнѣ страницу своихъ воспоминаній [2]).

[1]) Изъ этого онъ заключилъ, что на войнѣ каждый русскій офицеръ имѣетъ самоваръ. Такое заключеніе указываетъ на присущую почти всѣмъ такъ называемымъ спеціальнымъ корреспондентамъ склонность къ обобщеніямъ, проистекающую, по моему мнѣнію, изъ желанія обнять необъятное.

[2]) Находясь впослѣдствіи въ госпиталѣ Великаго Князя Михаила Михаиловича въ Каннѣ (Cannes), я познакомился съ бывшимъ въ южной Манчжуріи французскимъ военнымъ агентомъ m-eur Chaminot, который далъ мнѣ экземпляръ: «Dix mois de guerre en Mandchourie impressions d'un témoin» (Десять мѣсяцевъ войны въ Мандчжуріи, впечатлѣнія очевидца) Raymond Recouly. На стран. 159—160 онъ говоритъ: «Au sortir de Poulifou, je pousse jusqu'à la crête prochaine, ou quelques bataillons sont campés. Les Japonais sont tout près de là; on peut voir, à la jumelle, les travaux de fortification qu'ils exécutent. Les sentinelles des deux armées l'observent réciproquement. Un jour, on distribuait aux soldats russes les cadeaux que l'Impératrice envoie

2-й баталіонъ смѣнялъ по очереди 1-й и 3-й баталіоны, чтобы дать намъ возможность отдохнуть. Но не всегда удавалось воспользоваться жданнымъ и желаннымъ отдыхомъ.

Какъ-то, смѣнившись, пришелъ нашъ баталіонъ подъ вечеръ на мѣсто отдыха. Всѣ начали разставлять палатки, а моего Чумака (постоянный вѣстовой) съ осломъ нѣтъ; на ослѣ навьючены: палатка, постель, самоваръ; накрапываетъ дождь,—злюсь.

— Что тамъ Чумакъ такъ долго возится съ вьюкомъ? спрашиваю солдатъ:—видѣли вы его?

à tout combattant: dans un sac bien emballé, quelque linge, chemise, caleçon, mouchoirs, du savon, du tabac, du thé en briques, du sucre. Les compagnies assemblées poussèrent trois fois en l'honneur de la Souveraine une formidable acclamation. Puis au pied d'une vieille tour coréenne, la musique du régiment joua, et certainement les Japonais l'entendirent. Le capitaine Ivanof me fait asseoir dans sa tente, me confie ses impressions de campagne.! Hâlé, furieusement Hâlé, car la casquette russe est une protection bien insuffisante contre le dur soleil mandchou, le capitaine vit dans le pays depuis quatre ans. Pendant la révolte des Boxers son régiment vint par mer, de Vladivostok à Port-Arthur, puis, par chemin de fer, jusqu'à Iang-ye-Tcheng. Il enleva de force Kaiping. Dans un français pénible, mais juste, cherchant ses mots et les trouvant, il me parle de Oua-fan-gou, de la mort de son intime ami qu'un schrapnel tua raide à son côté. Grave, sérieux, le capitaine Ivanof est le type du bon officier de ligne: l'amour de la patrie, le dévouement à l'Empereur qui est le colonel honoraire de son régiment, la religion, tout cela constitue un corps de principes, au dessus non seulement de toute discussion, de toute critique, mais même de toute pensée de doute. Tandis que nous causons, le soldat a allumé le samovar. Car, en quelque lieu qu'il aille, à deux pas de l'ennemi, tout officier a toujours avec lui son samovar. Quand il n'y a pas de voiture pour le porter on le corde au bât d'un mulet, et si le pain, la viande manquent, le samovar, lui, fournit toujours à pleines tasses la brûlante et délicieuse boisson.

— Такъ точно; онъ совсѣмъ собрался, да курица у него улетѣла.

— Какая курица!? Вспоминаю,—дѣйствительно Чумакъ купилъ мнѣ надняхъ курицу для супа: «Она несется, такъ вотъ онъ и жалѣетъ ее»,—поясняетъ горнистъ.

Этого еще недоставало,—ждать курицу. Положимъ, свѣжія яица мнѣ же идутъ, но мокнуть подъ дождемъ—слуга покорный. Выбранилъ появившагося наконецъ Чумака (съ курицей), а курицу, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, велѣлъ завтра же зарѣзать и сварить. Огорченный Чумакъ принялся разставлять палатку.

— Не разбивайте палатку-то, И. Е., предупредилъ меня командиръ баталіона,—напрасный трудъ.

— А что?

— Сейчасъ отъ командира полка пріѣзжалъ ординарецъ съ приказаніемъ назначить двѣ роты въ поддержку охотничьихъ командъ; онѣ пойдутъ ночью съ подполковникомъ Андреевымъ [1]) тревожить японцевъ. Очередь итти вашей ротѣ и 2-й; поведете вы. Распорядитесь, чтобы роты успѣли поужинать.

Ругнулъ въ душѣ [2]) подполковника Андреева, иниціатора этой тревоги, и приказалъ ротамъ ужинать, какъ только будетъ готовъ ужинъ. Такъ бывало постоянно: придешь на отдыхъ на сутки, на двое—смотришь баталіонъ цѣликомъ или по-ротно участвуетъ въ какомъ-либо ночномъ предпріятіи, иногда въ явную неочередь съ другими баталіонами.

[1]) Офицеръ генеральнаго штаба.

[2]) Потому что, имѣя, согласно приказа по корпусу, въ своемъ распоряженіи всѣ охотничьи команды для цѣлей развѣдки, онъ на этотъ разъ отъ себя уже частнымъ образомъ выхлопоталъ у нашего командира полка, какъ начальникъ арріергарда, еще двѣ роты на всякій случай.

— Доложите командиру полка,—говорили мы не разъ полковому адъютанту, что это все насъ да насъ посылаютъ... разумѣется, мы всегда готовы исполнить приказаніе, но, согласитесь, «хорошенькаго понемножку» все-таки лучше было бы.

— Что дѣлать, господа!—отшучивался въ такихъ случаяхъ нашъ милѣйшій адъютантъ, поручикъ Никитинъ:—вы имѣете честь и счастье служить подъ командой лучшаго командира баталіона, и сами виноваты, что начальство на васъ особенно надѣется, считая вашъ баталіонъ во всѣхъ отношеніяхъ первымъ.

Что нашъ командиръ баталіона, подполковникъ Котюжинскій, былъ выдающійся баталіонный командиръ, это было вѣрно; что на насъ начальство надѣялось, считая нашъ баталіонъ первымъ не по нумеру только, это было лестно, и сознавать все это было пріятно, но отъ такого сознанія не уменьшалась ни тяжесть ни опасность службы. Передъ небольшими арріергардными стычками и во время ихъ мы переживали такіе же психологическіе процессы, какъ наканунѣ и во время большихъ сраженій, приходили въ такое же настроеніе, какое вызывается чувствомъ ожиданія получить пулю въ лобъ, какъ это случилось съ нашимъ начальникомъ охотничьей команды шт.-кап. Каукинымъ.

8-го іюля подъ вечеръ наша охотничья команда отправилась все съ тѣмъ же подполковникомъ Андреевымъ на развѣдку къ востоку отъ перевала Маолиндзы, въ горы, на которыхъ команда бывала уже не разъ. Японцы занимали обыкновенно тонкой, но распространенной линіей южный край довольно широкой въ этихъ мѣстахъ толщи горъ; наши выставляли сторожевые посты по сѣверной сторонѣ. По дорогѣ охотники спросили казачій разъѣздъ:

— Нѣтъ ли японцевъ на нашей сторонѣ?

— Нѣтъ, тамъ наши — махнулъ неопредѣленнымъ жестомъ казакъ.

Дѣло было, какъ я сказалъ, подъ вечеръ; сѣверные склоны въ тѣни. Подъѣхали охотники къ подошвѣ одной горки—наверху стоитъ часовой—не разберешь, нашъ или японскій: фигура черная, солнце освѣщаетъ сзади. Наши смотрятъ вверхъ на часового, часовой на нихъ внизъ. Постояли, постояли. Часовой не стрѣляетъ; рѣшили, что «нашъ»; отдали лошадей коноводамъ, полѣзли наверхъ Андреевъ, Каукинъ и человѣкъ десять охотниковъ; лѣзутъ и разсуждаютъ: «нашъ или не нашъ». Гора крутая, до верху осталось шаговъ 300; часовой нагнулся впередъ и что-то машетъ руками — «Нашъ, разумѣется». Лѣзутъ дальше. Вдругъ къ часовому подскочили товарищи и хватили залпомъ по нашимъ. Каукину пуля угодила въ голову, убивъ его наповалъ; тѣло, перекувырнувшись, сдѣлало нѣсколько оборотовъ внизъ, зацѣпилось за камень и остановилось; Андреевъ [1]), съ пробитой шеей, кубаремъ скатился съ горы—на лошадь и былъ таковъ; ранило еще двухъ стрѣлковъ; охотники отскочили отъ горы. Когда же японскій караулъ скрылся, они, пользуясь наступившей темнотой, подобрали тѣло своего командира.

Оказалось, что японскій часовой, смотря на охотниковъ впередъ, знаками подзывалъ своихъ сзади; наши же приняли его маханье какъ призывъ поскорѣе подниматься.

Каукина похоронили на холмѣ рядомъ съ башней, поставивъ надъ нимъ крестъ.

Хотя тяжелы были подобнаго рода развѣдки и демонстраціи съ роковымъ для нѣкоторыхъ изъ участниковъ

[1]) Одинъ изъ выдающихся офицеровъ генеральнаго штаба подполковникъ Андреевъ былъ потомъ убитъ.

исходомъ, но онѣ были необходимы, потому что сбивали съ толку и вводили въ заблужденіе японцевъ насчетъ нашихъ намѣреній.

Наши постоянныя развѣдки и нападенія на ихъ передовыя части японцы могли считать за подготовку къ общему наступленію, за желаніе прикрыть стягиваніе и передвиженіе для этой цѣли силъ.

Не довѣряя донесеніямъ китайцевъ и желая удостовѣриться въ расположеніи и количествѣ сосредоточенныхъ въ этомъ мѣстѣ нашихъ войскъ, японцы прибѣгли къ героическому средству, къ которому они обыкновенно обращались въ затруднительныхъ случаяхъ.

Лежитъ однажды на вершинѣ животомъ къ землѣ [1]) капитанъ Федоровскій, командиръ 6-й роты, бывшей въ этотъ день—сторожевой, и смотритъ въ бинокль въ сторону непріятеля; видитъ онъ, что изъ-за горки, за которой стояли японскія сторожевыя части, вышелъ японецъ, военный; японецъ шелъ медленно въ нашу сторону, по временамъ останавливаясь и осматривая въ бинокль наши позиціи... Пройдя шаговъ 400—500, онъ скрылся за холмомъ.

Федоровскій удвоилъ вниманіе. Вскорѣ изъ-за холма появился китаецъ, направляясь прямо по дорогѣ къ намъ... Капитанъ Федоровскій распорядился незамѣтно выслать въ засаду дозоры; китайца схватили, привели къ нему, осмотрѣли—косы нѣтъ; «японецъ?»—спрашиваютъ его, «нѣтъ—китаецъ».

— Почему косы нѣтъ?

Китаецъ мотаетъ головой: не понимаю, молъ, вашихъ разспросовъ; отправили въ штабъ дивизіи. Тамъ такая же сцена; изъ штаба дивизіи приказали казаку отвезти «китайца» въ штабъ корпуса, гдѣ былъ переводчикомъ сту-

[1]) Поза, часто принимавшаяся командиромъ сторожевой роты.

дентъ Восточнаго института; подъ арестованнаго дали лошадь. Показалось ли казаку, что арестованный медленно садится на лошадь или такъ, просто захотѣлось поозорничать, только онъ и хлестни нагайкою его.

— Не смѣй бить: я — штабъ-офицеръ, — сказалъ порусски мнимый китаецъ.

Кровь самурая [1]) сказалась: лучше смерть, чѣмъ оскорбленіе. Эта фраза, произнесенная на чистомъ русскомъ языкѣ, стоила ему жизни: для военныхъ, переодѣтыхъ въ штатское платье, въ случаѣ поимки и обнаруженія ихъ личности, прямая дорога на висѣлицу, какъ для шпіоновъ.

9-го іюля нашъ баталіонъ стоялъ на горкѣ; моя рота была дежурной. Вечеромъ командиръ баталіона предупредилъ, что въ 1 ч. ночи мимо насъ пойдетъ впередъ пластунская команда [2]) и чтобы мы не приняли ихъ за непріятеля. Пластуны должны были напасть на разсвѣтѣ на японскіе сторожевые посты.

Ночью меня разбудила стрѣльба. Одѣлся, вышелъ изъ палатки—кругомъ темно, свѣжо и сыро. Рота уже поднялась; стрѣлки безшумно шевелятся: кто пьетъ чай, кто возится съ амуниціей, подготовляясь одѣваться... Впереди слышна горячая перестрѣлка, не похожая на обыкновенную стычку... Денщикъ принесъ самоваръ; я вмѣстѣ съ вольноопредѣляющимся Корниловымъ [3]) напился наскоро чаю. Начинало свѣтать, перестрѣлка затихла.

[1]) Самурай—потомственный дворянинъ.

[2]) Съ капитаномъ Вискуновымъ и шт.-капитаномъ Прокофьевымъ.

[3]) Внукъ знаменитаго севастопольскаго адмирала Федоръ Аркадьевичъ Корниловъ, окончивъ въ 1904 г. петербургскій Александровскій лицей, поступилъ къ намъ въ полкъ вольноопредѣляющимся. Въ полкъ онъ прибылъ въ началѣ іюня вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по лицею Зноско-Боровскимъ, также поступившимъ къ намъ въ полкъ, по окончаніи въ этомъ году лицея.

— Катать палатки!—закричалъ съ задней горки командиръ баталіона, — изъ сторожевой цѣпи дали знать, что наступаютъ японцы...

Свѣтлѣетъ все больше и больше. Видно, какъ бывшая въ сторожевой цѣпи 3-я рота бѣгомъ отходитъ съ передней вершинки за гору вправо... Стрѣльба прекратилась совсѣмъ и разсвѣло; наступила жуткая тишина. Теперь между моей ротой и японцами нѣтъ никого (пластуны также отошли вправо); рота залегла въ окопъ; Корниловъ съ одной стороны, фельдфебель—съ другой смотрятъ въ бинокли впередъ, лежа на животѣ.

— Японская батарея выѣзжаетъ на позицію,—докладываетъ Корниловъ,—вонъ на ту горку, гдѣ былъ 2-й полкъ, гдѣ деревья.

Командую: «Прямо по горкѣ, по деревьямъ, 2750 — рота пли!»

Треснулъ рѣзкимъ сухимъ звукомъ первый залпъ.

— Пуль не видно, батарея остановилась,—говоритъ Корниловъ.

Продолжаю командовать. Хотя до горки около двухъ верстъ, но, какъ я уже объяснялъ, наши ружья бьютъ на большее разстояніе, чѣмъ то указываетъ прицѣлъ; при этомъ пуля сохраняетъ поражаемость въ достаточной степени.

— Ваше высокоблагородіе,—докладываетъ въ свою очередь фельдфебель, — изъ-за горки, влѣво, перебѣгаютъ японцы въ деревню.

До этого мѣста разстояніе было измѣрено и дальномѣромъ и шагами.

— По углу горки, внизъ, 2400, пальба ротою, рота—пли!..

Орудійный выстрѣлъ съ японской стороны; надъ головою прогудѣла граната, нажимая на воздухъ и пригибая насъ къ землѣ... она разорвалась гдѣ-то далеко по-

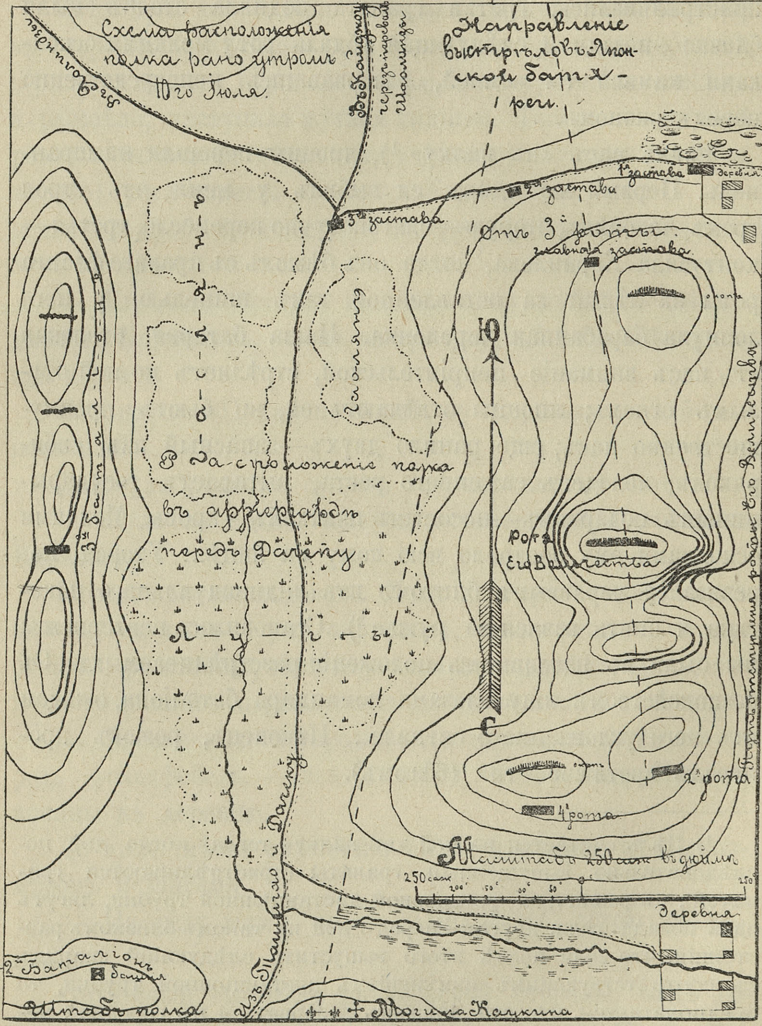
зади... Почти одновременно открыла огонь и наша батарея со своей позицiи, рядомъ съ башнею; второй непрiятельскiй снарядъ ударился въ землю впереди насъ — японцы пристрѣливались. Третья граната подняла столбъ пыли близко—позади и слѣдующая обдала роту мелкими осколками камней съ землей, разорвавшись непосредственно передъ окопомъ.

Взявъ насъ «въ вилку» [1]), японцы перешли на шрапнель. Первый же ударъ ея выбилъ у меня изъ строя трехъ человѣкъ, вторую—благополучно перенесло, третья—контузила Корнилова, когда онъ бѣжалъ съ праваго фланга роты на лѣвый за оставленной тамъ шинелью; у него лопнула барабанная перепонка. Наша батарея, отвлекая отъ насъ вниманiе непрiятельской, стрѣляетъ по ней бѣглымъ огнемъ; японцы отвѣчаютъ ей, но бьютъ преимущественно насъ; еще ранило двухъ—запасный изъ сибиряковъ, молодецъ саженнаго роста, вытираетъ государынинымъ подаркомъ—носовымъ платкомъ—кровь. Мелкими осколками ему ободрало всю кожу на лицѣ... Утерся, перевязался марлевымъ бинтомъ изъ индивидуальнаго пакетика и опять взялся за ружье [2]). Становилось невтерпежъ: мы были въ пассивномъ положенiи разстрѣливаемыхъ. Съ безпокойствомъ ищу глазами командира баталiона, ожидая отъ него условленнаго сигнала... Наконецъ, рожокъ проигралъ протяжно «ти» (бѣгомъ).

[1]) Цѣль считается взятой «въ вилку» тогда, когда двѣ последовательно выпущенныя гранаты (пристрѣливаются гранатой), съ различной установкой дистанцiонной трубки, лягутъ одна позади цѣли, другая—передъ ней на такомъ близкомъ разстоянiи, что если послѣ этого выпустить слѣдующiй снарядъ съ соотвѣтствующимъ измѣненiемъ дистанцiонной трубки, то предполагается, что онъ долженъ разорваться въ серединѣ между двумя прежними разрывами, т. е. попасть въ цѣль.

[2]) Потомъ я представилъ его къ Георгiевскому кресту.

Дачепу.

Схема расположенія полка рано утромъ 10го Іюля.
Направленіе выстрѣловъ Японской батареи.
3я застава
2я застава
1я застава
Деревня
Отъ 3й роты главная застава
Гаолянъ
Ю
С
Расположеніе полка въ арьергардъ передъ Дачепу.
Лугъ
Рота Его Величества
2я рота
4 рота
Масштабъ 250 саж. въ дюймѣ
Деревня
2й Баталіонъ
Штабъ полка
Могила Каукина

По моему приказанію, 1-я полурота быстро скрывается въ глубокую промоину—щель вправо; сдѣлавъ послѣднія пять залповъ, уходитъ за ней—2-я. Цѣпляясь за неровности, прыгая съ одного выступа на другой, спускаемся внизъ. Здѣсь люди подъ отвѣснымъ, какъ стѣна, глинистымъ бокомъ промоины въ относительной безопасности; устраиваю роту, даю немного отдохнуть и вывожу на дорогу. Японцы, не замѣтивъ нашего отхода, продолжали стрѣлять вдоль горки, осыпая ее шрапнелью, тогда какъ въ это время мы совершенно спокойно двигались въ колоннѣ рядами у ея подошвы въ какихъ-нибудь 300-хъ шагахъ отъ поражаемаго мѣста.

Наступленіе японцевъ не было для насъ неожиданностью: они выставили сторожевыя цѣпи, гдѣ ранѣе не выставляли (например, тамъ, гдѣ былъ убитъ Каукинъ), заняли второстепенные перевалы, которыхъ ранѣе не занимали; въ послѣднее время усиленно занимались развѣдкой (попавшійся въ плѣнъ японскій офицеръ) и, по донесеніямъ дальнихъ разъѣздовъ, подтягивали войска. На случай возможнаго наступленія непріятеля, мы получили еще наканунѣ соотвѣтствующее приказаніе объ отступленіи.

Какъ и раньше подъ Кайджоу, принимать бой здѣсь не предполагалось. Убѣдившись въ рѣшительномъ наступленіи японцевъ и давъ время нашимъ обозамъ вытянуться на дорогу, мы, исполняя приказаніе, должны были отступать къ Ташичао.

Отступленіе къ Ташичао.

Выйдя изъ-за горы, мы пошли по гаоляновымъ полямъ, съ трудомъ пробираясь черезъ нихъ.

Гаолянъ укрываетъ такъ же, какъ лѣсъ, но въ лѣсу просторнѣе, виднѣе. Чтобы не растерять людей, сомкнулъ

цѣпь и свернулъ роту во взводную колонну [1]). Идя впереди и раздвигая руками и плечами толстые высокіе стебли гаоляна, я кричалъ и велѣлъ сопровождавшимъ меня горнисту и линейному [2]) кричать во все горло: «2-я рота сюда, 2-я рота сюда!..»

Когда гаолянъ смѣнялся полосой низкорослыхъ хлѣбовъ—чумизы, пайзы [3]) или бобовъ, я приводилъ роту въ порядокъ, оріентируясь на гору, на которую было указано командиромъ б-на, входилъ въ связь съ сосѣдними ротами (онѣ направлялись по моей) и, давъ направленіе ротѣ заходомъ праваго или лѣваго плеча впередъ, углублялся въ новую полосу гаоляна...

Надо было итти такъ, чтобы не попасть подъ выстрѣлы своей батареи и не слишкомъ уклониться отъ нея.

Мы и батарея отступали по очереди: мѣняли позицію орудія — мы стояли, стрѣляла батарея — отходили роты. Роты отступали не всѣ сразу, а перекатами. Переднія начинали отходить тогда, когда заднія останавливались и занимали позицію для боя. Онѣ пропускали мимо себя отступавшихъ и отходили, когда тѣ, въ свою очередь, останавливались позади...

Ружейнаго огня непріятель по насъ не открывалъ; теперь мы, кажется, уходили и отъ шрапнелей, двигаясь за горами и въ гаолянѣ внѣ поля зрѣнія японскихъ батарей; все свое вниманіе онѣ сосредоточили на 4-й батареѣ [4])

[1]) При такомъ порядкѣ рота представляетъ почти равносторонній четыреугольникъ; люди идутъ плотно другъ къ другу въ затылокъ.

[2]) Линейный носитъ ротный значокъ.

[3]) Чумиза и пайза—сорта пшена.

[4]) 4-я батарея 1-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады первый разъ принимала участіе въ дѣлѣ послѣ неудачнаго дебюта при Вафангоу, гдѣ она подъ командою подполковника Яжинскаго потеряла всѣ свои орудія.

1-й Восточно-Сибирской артил. бригады, толково прикрывавшей наше отступленіе.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили мы за бѣлыми клубочками отъ разрывавшихся высоко въ воздухѣ шрапнелей надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ по расчетамъ японцевъ должна была находиться наша батарея, шагахъ въ 800-хъ отъ насъ и почти на одной линіи съ нами... эти клубочки каждую секунду могли появиться надъ нашими головами, стоило только японцамъ взять немного влѣво. Вотъ почему я съ удовольствіемъ услыхалъ приказаніе командира полка, переданное ординарцемъ командиру баталіона: въ 1-ую линію назначенъ 2-й баталіонъ; 1-му баталіону продолжать отходить на шоссе, свернуться въ колонну и итти въ Ташичао. Это значило: мы уходимъ изъ-подъ разстрѣла.

То раздвигая стебли руками, то нажимая на нихъ ногами, солдаты прокладывали себѣ путь, теряя послѣднія силы въ густой, душной чащѣ гаоляна. Въ такой гущинѣ не могло быть ни малѣйшаго движенія воздуха, между тѣмъ полуденные лучи іюльскаго солнца, свободно проникая сверху, накаляли его.

Когда, обливаясь потомъ, тяжело нагруженные люди, наконецъ, выбирались на дорогу, то силы, видимо, оставляли ихъ; по сторонамъ начали попадаться отсталые; въ одиночку и цѣлыми кучами лежали они въ полузабытьи или въ полномъ безпамятствѣ.

Виднѣвшееся изъ-подъ разстегнутыхъ воротовъ рубахъ красно-багровое тѣло, мокрыя мѣдно-красныя лица, запекшіяся губы, помутившійся взглядъ... указывали, что это жертвы тепловыхъ и солнечныхъ ударовъ...

— Какой роты? спрашиваю стрѣлковъ, оставленныхъ для наблюденія за отставшими.

— 3-й... 4-й, отвѣчаютъ, сами едва дыша, дневальные.

— Не мои.

Но вотъ мой фельдфебель и фельдшеръ остановились около присѣвшаго на краю придорожной канавы солдатика. Подъѣзжаю—молодой, совсѣмъ выбившійся изъ силъ, Христомъ Богомъ проситъ капельку воды; фельдшеръ вливаетъ ему изъ фляжки въ ротъ; солдатикъ, захлебываясь, жадно глотаетъ.

— Еще Христа-ради, шепчетъ онъ; но фельдшеръ не даетъ—воды мало, отсталыхъ много. Солдатикъ мирится.

— Я пойду г. фельдфебель, только минуточку вотъ посижу, больно ужъ сморило, говоритъ онъ съ поникшей головой, какъ бы оправдываясь въ своемъ безсиліи.

— Эй, Сидоренко (дневальный), останься съ нимъ... приказываетъ фельдфебель и, забравъ ружье слабаго—догоняетъ роту.

Фельдфебель [1]) тащитъ уже два ружья, другое онъ взялъ еще раньше у стрѣлка, который еле-еле плетется. Здоровякъ—горнистъ, не имѣющій своего ружья, самъ, по собственному желанію, тащитъ тоже два ружья, взятыя имъ у слабыхъ, да навѣсилъ сверхъ своей—еще двѣ скатки [2]) чужихъ, облегчая изнемогавшихъ слабосильныхъ; командиръ б-на, подполковникъ Котюжинскій, вооружился двумя винтовками и ѣдетъ такъ; у меня въ рукахъ тоже винтовка и на сѣдлѣ спереди и сзади висятъ вещевые солдатскіе мѣшки, отягчая лошадь и мѣшая ей итти. Ей тяжело, надо бы слѣзть,—не могу, чувствую—не хватитъ силъ итти. Солдаты продолжаютъ валиться; съ безпокойствомъ оглядываясь назадъ, верстахъ въ двухъ позади, на ясной синевѣ неба появляются, какъ бы сами собой зарождаясь, бѣлые клубочки. Появятся вдругъ четыре такихъ клубочка, подержатся немного и таютъ—расплываясь въ воздухѣ...

[1]) Фельдфебелямъ и горнистамъ ружей не полагается: они вооружены револьверами, фельдфебеля, кромѣ того, еще и шашками.

[2]) Скатанныя шинели.

Далеко до нихъ; мы, очевидно, вышли изъ сферы огня и скоро можно будетъ въ безопасности отдохнуть вонъ, вѣроятно, за той горой, что недалеко передъ нами. Это Ташичавскія позиціи. Окопы на горѣ унизаны солдатами, готовыми дать стойкій отпоръ врагу; покамѣстъ же они съ любопытствомъ смотрятъ на развертывающуюся передъ ними картину арріергарднаго боя.

Мы отступаемъ, а навстрѣчу намъ, какъ бы на смѣну, наступаетъ странная конная армія: съ флажками, съ значками, съ красными крестами на рукавныхъ перевязяхъ, въ англійскихъ тропическихъ бѣлыхъ шлемахъ, въ прусскихъ военныхъ фуражкахъ; блестятъ свѣтлыя пуговицы, слышится разноязычный говоръ, до моего слуха долетаютъ нѣмецкія слова и еще какія-то—въ родѣ нѣмецкихъ, должно быть голландскія; —какъ будто союзная армія подходитъ къ намъ на помощь. Это шли русскіе и иностранные летучіе санитарные отряды подбирать раненыхъ; они стремились впередъ, не обращая никакого вниманія на валявшихся безъ чувствъ солдатъ. Надо полагать,—пораженные солнечными ударами заслуживали, по мнѣнію персонала летучихъ отрядовъ, менѣе состраданія и нуждались въ меньшей помощи, чѣмъ павшіе отъ непріятельскихъ снарядовъ и пуль. Я не разъ замѣчалъ такую кровожадность у летучихъ: подавай имъ непремѣнно раненыхъ, даже когда ихъ нѣтъ или мало, какъ было въ данномъ случаѣ, и ихъ давно подобрали войсковыя лазаретныя двуколки. Сколько ни просили мы, офицеры, взять тѣхъ лишившихся чувствъ, которымъ дальнѣйшее пребываніе на припекѣ и безъ воды грозило смертью—ихъ не брали.—«Нѣтъ», былъ одинъ отвѣтъ:—«мы беремъ только раненыхъ, а не больныхъ и отсталыхъ».

Изъ всей летучей арміи нашелся лишь одинъ сердобольный студентъ.—Вонъ онъ, подобравъ солдатика и усадивъ

его на свою лошадь, одной рукой управляетъ ею, другой—поддерживаетъ больного; толстый, разомлѣвшій молодой солдатъ почти уже пришелъ въ себя, но глазъ не открываетъ,—ему хорошо такъ, и онъ съ хитрой, блаженной улыбкой покачивается въ сѣдлѣ, соображая, вѣроятно, слѣдуетъ ли приходить окончательно въ себя или нѣтъ: пожалуй, чего добраго, лишишься настоящаго благополучія.

Своихъ отсталыхъ мы все-таки подобрали. Командиръ баталіона настоялъ, чтобы лазаретныя двуколки, шедшія далеко впереди полка[1]), были высланы назадъ. За горой въ деревнѣ полкъ остановился на четверть часа; у колодцевъ люди напились и набрали въ бутылки воды, я успѣлъ даже попить чаю,—расторопный горнистъ умудрился въ какихъ-нибудь пять минутъ вскипятить чайникъ.

Прошли еще версты двѣ и остановились на большой привалъ. Палатокъ, не желая терять времени, не разбивали; для защиты же отъ палящаго солнца люди устроили себѣ наскоро навѣсы изъ полотнищъ палатокъ, натянувъ ихъ, какъ попало, на воткнутыя въ землю стойки.

Между тѣмъ, орудійная стрѣльба прекратилась. Японцы остановились на почтительномъ разстояніи передъ ташичавскими позиціями, за которыя продолжали отходить наши арріергардныя части. Съ удовольствіемъ растянулся я на буркѣ, покрывавшей импровизованную въ палаткѣ постель изъ двухъ сноповъ гаоляна. Денщикъ съ осломъ[2])

[1]) По уставу, при наступленіи, обозъ 1-го разряда (въ томъ числѣ и лазаретныя двуколки) идетъ позади, при отступленіи—впереди; въ послѣднемъ случаѣ подбирать отсталыхъ затруднительно; на первое требованіе командира баталіона выслать двуколки назадъ старшій врачъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на уставной порядокъ, потомъ уже прислалъ. Послѣ командиръ полка сдѣлалъ распоряженіе, чтобы лазаретныя двуколки всегда шли за баталіономъ, все равно—въ отступномъ или наступномъ порядкѣ шелъ полкъ.

[2]) Многіе офицеры имѣли такихъ ословъ.

являлся обыкновенно изъ обоза I разряда, какъ только полкъ останавливался на большой привалъ или на ночлегъ; онъ живо вскипятилъ воду, заварилъ чаю, раскупорилъ коробку какихъ-то рыбьихъ консервовъ; солоно, да что подѣлаешь, больше нечего. Правда, принесли скоро «пробу», подъѣхали походныя кухни съ солдатскимъ обѣдомъ; супъ можно было бы ѣсть, если бы онъ не надоѣдалъ своимъ однообразіемъ; за невозможностью достать другіе продукты, пищу готовили почти исключительно то изъ риса, то изъ китайскаго салата [1]) или наконецъ изъ того и другого вмѣстѣ, кладя въ котелъ по фунту мяса на человѣка и добавляя лимонной кислоты; получался какой-то особенный приторный вкусъ. Ѣсть, впрочемъ, и не хотѣлось, было лишь сознаніе подкрѣпить свои силы. Чувствовалось полное изнеможеніе; нажженныя солнцемъ, разутыя теперь ноги горѣли; все тѣло ныло отъ истомы; голова туманилась; натянутыя пережитыми впечатлѣніями и усталостью нервы гудѣли какъ струны, не позволяя забыться; палатка защищала отъ палящаго зноя, но не отъ духоты; движенія воздуха никакого, мокрое отъ пота бѣлье прилипало къ тѣлу; жгло внутри: хотѣлось пить и пить. Денщикъ принесъ чай. Солдатики, пообѣдавъ, также занялись приготовленіемъ чаепитія. Несмотря на усталость, раздобыли гаоляну; очередные командами сходили къ колодцамъ и теперь, сидя на корточкахъ, кипятили въ котелкахъ воду или, вѣрнѣе, «варили» чай, насыпавъ его прямо въ холодную воду. Такимъ образомъ, солдатское выраженіе «сварить» чай надо понимать буквально.

Пріятная неожиданность: въ палатку влѣзаетъ шт.-капитанъ Мыловъ, мой бывшій по 2-й ротѣ субалтернъ.

[1]) Китайскій салатъ своимъ строеніемъ и вкусомъ напоминаетъ нашъ, а величиной—нашу капусту.

— Здравствуйте, радъ васъ видѣть; во—время явились: завтра, вѣроятно, бой; жаль только, служить намъ вмѣстѣ не придется: я принялъ роту Его Величества да и вы думаю, будете командовать 4-й ротой, тамъ, покамѣстъ, поручикъ, офицеровъ мало...», говорю ему.

Шт.-капитанъ Мыловъ явился въ полкъ вторымъ послѣ излѣченія раны, полученной имъ въ ногу подъ Вафангоу 2-го іюня. Первымъ прибылъ еще раньше шт.-капитанъ Ингманъ, младшій офицеръ роты Его Величества, раненый тоже подъ Вафангоу. Напились чаю, отдохнули. Къ вечеру полкъ, назначенный въ корпусный резервъ, отошелъ немного назадъ и расположился на террасообразной площадкѣ горы. Палатокъ не разбивали, но людямъ разрѣшено было спать, разувшись, не снимая однако поясныхъ ремней съ сумками и патронташей... Чтобы сберечь ноги стрѣлковъ, разрѣшалось, и даже требовалось, по крайней мѣрѣ у насъ въ 1-мъ баталіонѣ, при малѣйшей къ тому возможности снимать сапоги.

Бой при Ташичао 11-го іюля.

Ночь провели спокойно. Я проснулся, потому что сбоку что-то треснуло въ гору; гудѣла канонада...

Денщикъ притащилъ чай, далъ умыться; умываясь, всматриваюсь въ людей; они видимо выспались, одѣлись и «подготовились»: надѣты пояса съ патронными сумками; чрезъ плечо передѣты патронташи и запасныя сумочки; кое-кто «варитъ» въ сторонкѣ чай; другіе уже пьютъ; большинство сидятъ кучками, ничего не дѣлая за составленными въ «козла» ружьями, подъ которыми лежатъ правильными рядами сложенные вещевые мѣшки и скатки; настроеніе у людей относительно спокойное, они понимаютъ, что мы въ безопасности, какъ находящіеся въ резервѣ;

съ любопытствомъ слѣдятъ они за интересной картиной боя. Такое состоянiе благодушнаго любопытства будетъ длиться до первой гранаты или пули, которыя пролетятъ надъ головами, тогда на лицахъ появится строгое выраженiе напряженнаго ожиданiя опасности.

Напившись чаю, я пошелъ осмотрѣться на край площадки, на которой мы теперь стояли. Слѣва она ограничивается отвѣсной скалистой стѣной; по ту сторону скалы наверху грохотала наша батарея, посылая свои снаряды куда-то влѣво[1]); на этой батареѣ находился начальникъ участка позицiи, нашъ начальникъ дивизiи генералъ Гернгроссъ. Спереди площадка обрывается отвѣснымъ уступомъ въ долину съ версту шириной и деревней посрединѣ; въ этомъ мѣстѣ долина отдѣляетъ гору, которую мы тогда занимали, отъ двухъ соединенныхъ сѣдловиной довольно высокихъ холмовъ. Желто-зеленая вершина холма противъ насъ была какъ бы переплетена коричневыми лентами, какими представлялись валы и рвы построенныхъ тамъ редутовъ, окоповъ и крытыхъ ходовъ; въ нихъ сидѣлъ 3-й полкъ. Холмъ лѣвѣе также прорѣзывали въ разныхъ направленiяхъ темныя линiи укрѣпленiй. Еще дальше влѣво едва обозначался редутъ на вершинѣ третьяго отдѣльнаго холма; за нимъ, за долиной, темнѣли далекiя горы, оттуда стрѣляла артиллерiя охватывавшихъ насъ японцевъ.

Вправо отъ холмовъ, вплоть до моря, разстилается здѣсь широкая плоская равнина. Поля покрывавшаго ее высокаго гаоляна перемежались полосами низкорослыхъ хлѣбовъ: чумизы, пайзы, бобовъ. Тамъ и сямъ виднѣлись купы деревьевъ, указывая на осѣняемыя ими, невидныя за гаоляномъ деревни.

1) Къ японцамъ, огибавшимъ дугой нашъ лѣвый флангъ, гдѣ дрался 4-й Сибирскiй корпусъ генерала Зарубаева.

Къ югу, на краю равнины неясно очерчивались въ сизоватой дымкѣ возвышенности Дачепу—позиціи японцевъ (вчерашнія наши); изъ-за нихъ поднималось солнце; съ какимъ-то красноватымъ оттѣнкомъ оно казалось больше обыкновенной величины, свѣтило жидкимъ свѣтомъ и слабо грѣло. Неподвижный воздухъ былъ сухъ, на небѣ ни облачка, день обѣщалъ быть, какъ наканунѣ, знойно-жаркимъ.

Въ ясной синевѣ неба надъ холмами появлялись и исчезали бѣлые клубочки. Въ общемъ гулѣ канонады сливались отдѣльные звуки орудійныхъ выстрѣловъ и разрывовъ снарядовъ.

Сначала японцы засыпали холмъ впереди насъ шрапнелью, потомъ начали бросать туда шимозы; воронкообразные высокіе столбы темнокоричневаго дыма то и дѣло поднимались надъ вершиной холма; казалось,—все живое должно было тамъ погибнуть—побитое и засыпанное осколками снарядовъ. Японцы обратили свое особенное вниманіе на этотъ холмъ, вѣроятно, потому, что замѣтили на немъ корпуснаго командира, генерала Штакельберга, объѣзжавшаго со свитой укрѣпленія; или, быть можетъ, они хотѣли сбить поскорѣе этотъ нашъ передовой форпостъ на правомъ флангѣ, препятствовавшій имъ наступать по равнинѣ вправо вдоль дороги; можетъ быть, они предполагали, что на холмѣ находилась артиллерія,—24 орудія 1-й Восточно-Сибирской артиллерійской бригады, поставленныя въ линію по долинѣ за холмомъ, отступя саженъ 100 отъ подошвы его, стрѣляли черезъ него. Стрѣльба корректировалась при посредствѣ угломѣровъ офицерами, наблюдавшими съ вершины холма за паденіемъ снарядовъ. Это былъ первый опытъ постановки орудій не на высотѣ, а за высотой вопреки прописныхъ правилъ тактики и по примѣру японской артиллеріи, давшей хорошій урокъ подъ

Вафангоу [1]) этимъ же самымъ батареямъ; и, надо отдать справедливость, урокъ не пропалъ даромъ: теперь наши батареи, не позволяя японскимъ двинуться шагу впередъ, почти не несли потерь, будучи настолько хорошо укрыты мѣстностью, что японцы никакъ не могли открыть ихъ.

Въ началѣ кампаніи японцы обыкновенно пользовались услугами китайцевъ, которые за извѣстное вознагражденіе служили имъ сигнальщиками. Забравшись на горы, такіе сигнальщики, махая флажками или подавая другіе знаки, указывали [2]) японскимъ артиллеристамъ паденіе ихъ снарядовъ и расположеніе русскихъ батарей, благодаря чему японская артиллерія, быстро пристрѣливаясь, очень скоро и навѣрняка разстрѣливала—русскую.

Подъ Ташичао же японцы не могли установить подобнаго рода сигнализацію: наученные опытомъ, наши войска снимали пулями всѣхъ китайцевъ, появлявшихся [3]) на вершинахъ окрестныхъ горъ. Но доблестные японскіе офиферы съ измѣненіемъ обстоятельствъ измѣняли и средства для достиженія намѣченной цѣли. Не останавливаясь ни передъ какими препятствіями, они беззавѣтно приносили себя въ жертву долгу.

[1]) Подъ Вафангоу почти вся 1-я Восточно-Сибирская артиллерійская бригада подъ командою командира ея генерала Лучковскаго стояла на высотахъ, тогда какъ большинство японскихъ батарей стрѣляло изъ-за горъ; результатъ былъ печальный: 4-и батарея подполковника Яжинскаго потеряла всѣ орудія, 3-я—8 штукъ.

[2]) Напримѣръ, подъ Вафангоу во время боя видѣли на вершинахъ горъ китайцевъ, сигнализировавшихъ флажками.

Кстати скажу, что сами по себѣ китайцы очень свѣдущи въ сигнализаціи. Въ китайскомъ походѣ намъ не разъ приходилось наблюдать, какъ сигнализировали китайскія регулярныя войска, боксеры и хунхузы. Днемъ они пользовались для этой цѣли флажками, ночью—цвѣтными огнями.

[3]) О воспрещеніи подниматься во время боя на горы жители своевременно были оповѣщаемы черезъ китайскихъ властей.

Артиллерійскій бой продолжался уже нѣсколько часовъ. Видя безрезультатность стрѣльбы, японскій офицеръ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ сопровожденіи китайца, указывавшаго ему путь, прямо къ русскимъ позиціямъ, чтобы посмотрѣть, гдѣ стоятъ русскія орудія... Ему удалось благополучно добраться по гаоляну почти до линіи нашихъ батарей, но тутъ, выѣхавъ изъ чащи гаоляна на полосу низкорослаго хлѣба, которая пересѣкала ему путь и которую миновать было нельзя, онъ попалъ въ плѣнъ, нарвавшись на одинъ изъ разъѣздовъ уральскихъ казаковъ, поддерживавшихъ связь между отдѣльными участками позиціи.

Японцы такъ и не узнали расположенія нашихъ батарей. Предполагая, однако, что орудія стоятъ гдѣ-либо въ долинѣ за холмами и что за ними тутъ же гдѣ-нибудь эшелоны зарядныхъ ящиковъ, они, по обыкновенію, не жалѣя снарядовъ, засыпали шимозами пространство между нашей горой и холмами, принудивъ дѣйствительно находившіеся тутъ эшелоны зарядныхъ ящиковъ отъѣхать назадъ и встать восточнѣе насъ, внѣ выстрѣловъ, чѣмъ затруднилась доставка снарядовъ на батареи.

Въ деревнѣ посрединѣ долины остались только какіе-то одиночные верховые, ординарцы или разъѣзды. Видно было, какъ, держа въ поводу лошадей, они сидѣли на корточкахъ, прижавшись спиной вплотную къ глинобитнымъ стѣнкамъ фанзъ и заборовъ въ то время, когда кругомъ рвались шимозы; вонъ, одна ударилась неподалеку въ фанзу, поднялся огромный столбъ темнокоричневаго дыма и пыли... Оттуда выскочилъ чудомъ уцѣлѣвшій китаецъ и пошелъ куда глаза глядятъ... Фигуры сидѣвшихъ подъ заборами очень напоминали людей, которые укрываются отъ проливного дождя подъ навѣсами. И на самомъ дѣлѣ, кругомъ опустѣло, какъ въ грозу.

Такъ бывало всегда, когда начиналось настоящее дѣло,— все лишнее куда-то быстро исчезало. Я сидѣлъ на краю обрыва террасообразной площадки, какъ прикованный, не будучи въ силахъ оторвать глазъ отъ потрясающаго зрѣлища; земля сотрясалась отъ ударовъ и разрывовъ шимозъ, въ воздухѣ гудѣло...

Ударъ—и какъ бы изъ-подъ земли полыхнетъ желтое пламя съ зеленоватымъ ободкомъ, поднимется фонтаномъ высокій столбъ густого темнокоричневаго дыма и брызги мелкихъ твердыхъ частицъ почвы долетаютъ до меня; со мной рядомъ сидѣлъ нашъ капельмейстеръ; онъ поднялъ и показалъ упавшее около него какое-то мѣдное кольцо, очевидно, ободокъ снаряда. Солнце палило, въ воздухѣ пахло гарью; чувствовался удушливый запахъ ядовитыхъ газовъ; казалось, земля разверзалась сама собою, извергая пламя и дымъ.

Картина разрывовъ шимозъ напоминала огнедышащій вулканъ съ многими дѣйствующими кратерами или, вѣрнѣе,—исландскіе гейзеры, какъ ихъ изображаютъ въ учебникахъ географіи. Между воронкообразными столбами извержeній неслись во всю прыть зарядные ящики, скакали верховые, иногда, вдругъ, останавливаясь; издали казалось, что всадники какъ будто выбирали болѣе твердыя мѣста на колеблющейся почвѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ они выжидали, когда японцы перенесутъ огонь съ одного участка площади на другой и, улучивъ моментъ, мчались, что есть духу, къ батареямъ.

По счастью, ни одинъ всадникъ не свернулся съ коня, ни одна повозка не опрокинулась, хотя носилки съ ранеными тянулись отъ холмовъ. За однѣми носилками вели верховую, видно, офицерскую лошадь. Какъ потомъ я узналъ, это несли раненаго начальника артиллеріи корпуса генерала Шишковскаго; его ранило, когда онъ сидѣлъ, тамъ

впереди, на укрѣпленномъ холмѣ вмѣстѣ съ командиромъ корпуса генераломъ Штакельбергомъ.

Потрясенный, съ разбитыми нервами и подавленной психикой отъ созерцанія въ продолженіе 3-хъ часовъ страшной картины гибели и разрушенія, я, наконецъ, поднялся и ушелъ къ кучкѣ товарищей-офицеровъ. Тутъ собрались офицеры двухъ полковъ, нашего и, кажется, 35-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго, составлявшихъ въ данный моментъ корпусный резервъ. Нѣкоторые, не видавшись съ начала войны, встрѣтились здѣсь въ первый разъ послѣ кровавыхъ сраженій; слѣдовательно, было чѣмъ подѣлиться; но если и говорили, то—о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, не касаясь войны, особенно настоящаго дѣла, о немъ какъ бы избѣгали говорить; по временамъ замолкали... нервныя тѣни пробѣгали по лицамъ; разговоръ не клеился; сидѣли больше молча, угощая другъ друга чѣмъ Богъ послалъ: кому принесли «пробу», кому денщикъ приготовилъ чай.

На солдатахъ менѣе отражалось тревожное ожиданіе; большинство изъ нихъ лежало въ повалку за «козлами» ружей, многіе преспокойно спали прямо на припекѣ. Они не вполнѣ сознавали близость опасности: пули не летятъ (главное пули), шрапнели не рвутся—значитъ, безопасно. Офицеры же отлично понимали, что лишь какая-нибудь четверть часа отдѣляла ихъ отъ смертельной опасности. Подайся впередъ на одну позицію японскія батареи, угоди шимоза сюда въ середину, въ густыя колонны и—на мѣстѣ здоровыхъ людей—изуродованные трупы, оторванныя части тѣла, лужи крови...

Страшный ударъ потрясъ нашу площадку; казалось, гора задрожала на своемъ каменномъ остовѣ. Шимоза ударилась въ край гранитнаго утеса, около котораго я сидѣлъ передъ этимъ; поднялся черный столбъ дыма... Всѣ насторожились, стараясь не глядѣть другъ на друга и внутренно

сжимаясь въ комокъ... Убійственно-медленно тянутся минуты томительнаго ожиданія. Натянутые, какъ струны, нервы ждутъ новаго удара по нимъ... Но, слава Богу, покамѣстъ нѣтъ ничего; видно, случайно какая-нибудь долетѣла: японская артиллерія не перемѣнила еще позиціи,— иначе шимозы взрыли бы всю нашу площадку.

Мѣня снова потянуло къ обрыву поближе посмотрѣть, что дѣлается въ долинѣ. Наши орудія оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Къ нимъ присоединилась вставшая довольно открыто на правомъ флангѣ 4-я батарея 1-й В.-С. стрѣлк. арт. бригады.

Потомъ говорили, что эта батарея[1]) была вызвана изъ резерва и поставлена на этомъ мѣстѣ по особому приказанію генерала Штакельберга, желавшаго дать личному составу ея возможность испробовать свои силы стрѣльбою изъ новыхъ орудій, которыя батарея недавно получила взамѣнъ утерянныхъ подъ Вафангоу. Всѣ четыре батареи (вся бригада) бойко перекидывались съ японской артиллеріей. Батареи находились какъ бы въ заколдованномъ кругу; окруженныя огненнымъ кольцомъ рвавшихся бризантныхъ снарядовъ (шимозъ), которые къ нимъ въ середину не попадали, онѣ почти не несли потерь, поражая между тѣмъ убійственнымъ перекиднымъ огнемъ непріятеля,—принужденные русскими, японскія батареи иногда замолкали на долгіе промежутки времени. Стоявшія за горой (за исключеніемъ двухъ-трехъ правофланговыхъ) наши орудія были совершенно укрыты отъ взоровъ противника, тогда какъ, наоборотъ, японскія батареи были очень хорошо видны. На потемнѣвшихъ уже сѣверныхъ склонахъ высотъ близъ Дачепу часто вспыхивали огоньки, ясно обозначая длинную линію японскихъ батарей. Вслѣдъ за вспышками

[1]) Батарея подполковника Яжинскаго.

тамъ мгновенно гремѣли наши батареи, чтобы успѣть захватить прислугу у непріятельскихъ орудій. Вправо, стоя на отлетѣ, стрѣляла въ полъ-оборота забайкальская казачья батарея войскового старшины Гаврилова. Раздѣливъ батарею на двѣ полубатареи, онъ передвигалъ ихъ по очереди то вправо, то влѣво: когда стрѣляла одна, то двигалась другая, сбивая этимъ съ толку непріятельскихъ артиллеристовъ, которые за весь день не могли пристрѣляться къ этой батареѣ.

Наступили сумерки, но стрѣльба продолжалась. Видно было, какъ въ темнотѣ на высотахъ Дачепу цѣлые снопы пламени вырывались изъ жерлъ непріятельскихъ орудій. Послѣдними выстрѣлами противники обмѣнялись, когда уже совершенно стемнѣло. Я вздохнулъ съ облегченіемъ послѣ цѣлаго дня напряженнаго состоянія. Несомнѣнно, сегодня первая наша удача; пріятно сознавать это; пріятно также, что остался живъ и невредимъ, но сознаніе это отравляется мыслью, что успѣхъ не полный [1]...

Чувство нѣкотораго удовлетворенія было не настолько велико, чтобы поднять упавшія во время боя моральныя силы. Сердце сжималось при мысли о завтрашнемъ днѣ.

[1]) Правда, мы не отступили ни на шагъ назадъ, но вѣдь и японцы остались на своихъ мѣстахъ, хотя понесли, какъ наступающіе, гораздо большій уронъ, чѣмъ мы.

Нашъ корпусъ потерялъ всего около 100 человѣкъ убитыми и ранеными, преимущественно изъ состава артиллеріи и 3-го Восточно-Сибирскаго стрѣлк. полка.

На лѣвомъ флангѣ въ 4-мъ Сибирскомъ корпусѣ уронъ былъ значительно больше, потому что японцы, ограничившись артиллерійскимъ огнемъ противъ насъ, направили ударъ главныхъ силъ на славный корпусъ генерала Зарубаева. Тамъ особенно пострадали и вмѣстѣ съ тѣмъ отличились полки Тобольскій, Томскій, командиръ котораго полковникъ Успенскій былъ раненъ, и Барнаульскій (командиръ полка полковникъ Добротинъ). Барнаульцы не выходили изъ-подъ шрапнелей, выдержали штыковой бой и понесли наиболѣе потерь.

II.

Приказано на ночь оставаться на своихъ мѣстахъ. Мнѣ разставили палатку и приготовили чай. Едва успѣлъ выпить стаканъ, какъ слышу голосъ командира баталіона: «Гг. офицеры 1-го баталіона къ командиру полка на правый флангъ 4-й роты». Собрались, взяли подъ козырекъ...

— Опустите ваши руки, господа! — говоритъ командиръ полка.—Господа! 1-й баталіонъ назначается...

— Господинъ полковникъ...—неожиданно для меня перебиваетъ нашъ не въ примѣръ прочимъ дисциплинированный баталіонный, взявъ почтительно руку подъ козырекъ.

Полковника это не удивило; онъ, видимо, сразу понялъ, что и почему хочетъ сказать подполковникъ Котюжинскій.

— Знаю, знаю и вполнѣ вамъ сочувствую, но это—не отъ меня—командиръ бригады лично назначилъ въ сторожевую цѣпь именно 1-й баталіонъ... Я докладывалъ ему... но ваша слава мѣшаетъ вашему спокойствію...—объясняетъ, улыбаясь, командиръ полка.

Другими словами, несмотря на то, что нашъ баталіонъ только что передъ боемъ провелъ трое сутокъ въ дежурной части передъ Дачепу, теперь мы снова должны были итти не въ очередь въ сторожевую цѣпь, благодаря вниманію начальства къ нашимъ заслугамъ и способностямъ. Лестно и... непріятно.

Польщенный, но не убѣжденный словами командира полка, подполковникъ Котюжинскій, «faisant bonne mine à mauvais jeu», могъ лишь сказать: «слушаю».

Командиръ полка продолжаетъ далѣе:

— Господа! вашъ баталіонъ назначается въ сторожевую цѣпь, лѣвѣе будетъ 3-й полкъ, правѣе—4-й. Вамъ при-

дется занять линію Дачепу,—тутъ командиръ отыскиваетъ съ фонаремъ на картѣ деревню и называетъ ее.

— Но, г. полковникъ, — докладываетъ подполковникъ Котюжинскій, — тамъ теперь какъ разъ японскія главныя силы, а ихъ сторожевое охраненіе продвинулось, вѣроятно, версты на три ближе къ намъ... какъ же быть?

— Не знаю, — отвѣчаетъ командиръ,—вотъ приказъ— сторожевой цѣпи, продвинувшись возможно дальше впередъ, занять линію деревень Дачепу...—а!.. по возможности... но все-таки несообразность: до Дачепу 6—7 верстъ...

Стало быть, наша сторожевая цѣпь должна встать на линіи непріятельскихъ батарей, соображаю я и пристально всматриваюсь въ командира, стараясь по выраженію лица, по едва уловимой игрѣ глазъ угадать то, на что намекаетъ интонація его голоса. У командира есть какая-то задняя мысль, онъ что-то скрываетъ, не договариваетъ; я уже привыкъ къ нему, наблюдая его не разъ при подобныхъ же обстоятельствахъ; онъ что-то черезчуръ спокоенъ (хотя командиръ вообще спокойный человѣкъ) и даже чѣмъ-то доволенъ... и ужъ если спокоенъ и доволенъ, то не потому, что завтра бой. Мы всѣ, и командиръ также, до такой степени устали душой и тѣломъ, что намъ просто-на-просто хотѣлось отдохнуть. «Войска рвались въ бой»—фраза, которую очень часто говорятъ и пишутъ о рѣдкихъ случаяхъ, когда войска дѣйствительно рвались въ бой, забывая, что войска, состоя изъ людей, дѣйствуютъ въ пространствѣ и во времени. Великій полководецъ и великій военный психологъ Наполеонъ I сказалъ: «Не всякій храбръ въ два часа ночи», давая этимъ понять, что силамъ человѣческимъ положенъ предѣлъ.

Когда я выслушалъ приказаніе, то былъ почти увѣренъ, что въ Дачепу мы не пойдемъ и сторожевого охраненія выставлять не будемъ. Если же и пойдемъ впередъ, то лишь чтобы тревожить непріятеля. Такое предположеніе

подтвердилось и позднимъ часомъ выступленія: оно было назначено въ $11^1/_2$ ч. ночи—время слишкомъ позднее для начала разстановки сторожевого охраненія. Но если сторожевого охраненія не выставляли, то это значило, что войска не сбирались отдыхать, а готовились или къ наступленію или къ отступленію...

Собравъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ, я приказалъ имъ предупредить стрѣлковъ о необходимости соблюдать полнѣйшую тишину во время движенія и не курить. Затѣмъ самъ лично подтвердилъ людямъ еще разъ то же самое. Такъ какъ вмѣстѣ съ разстановкой цѣпи предполагалось тревожить японцевъ, отыскивая ихъ сторожевые посты и нападая на нихъ, то я вызвалъ охотниковъ.

Желающихъ оказалось болѣе половины роты. Пришлось назначить, отдавая предпочтеніе наиболѣе ловкимъ и хладнокровнымъ. Пообѣщалъ вольноопредѣляющемуся Зноско-Боровскому [1]) послать и его въ охотники. Взволнованный юноша съ радостно блестѣвшими глазами горячо поблагодарилъ меня. Онъ и его товарищъ Корниловъ давно просили послать ихъ «туда, гдѣ больше опасности». Къ моему удовольствію, стрѣлки приняли извѣстіе о движеніи впередъ съ оживленіемъ; они успѣли поужинать, даже напиться чаю, а за день—выспаться... теперь не прочь были промяться... Да и самое движеніе интересовало ихъ; это не то, что цѣлый день сидѣть въ кучѣ и ждать каждую минуту смерти, не имѣя возможности ничѣмъ проявить свою волю. Къ тому же полкъ не успѣлъ еще, такъ сказать, износиться духомъ. Достаточно было сознанія хотя бы

[1]) Онъ только что сегодня возвратился въ строй изъ лазарета, проболѣвъ недѣли двѣ лихорадкой. Корниловъ послѣ контузіи подъ Дачепу также принужденъ былъ лечь въ лазаретъ, откуда, впрочемъ, скоро возвратился, не вполнѣ оправившись.

Зноско-Боровскій—извѣстный шахматистъ.

небольшой удачи, чтобы въ немъ явилось свойственное хорошей воинской части стремленіе къ подвигу, а одиночныхъ людей охватило чувство отваги и удали, вообще присущихъ здоровымъ организмамъ, въ природѣ которыхъ есть потребность въ острыхъ ощущеніяхъ, вызываемыхъ опасностью. Разумѣется, не всѣ чувствовали подъемъ духа, но слабые, какъ всегда бываетъ, подчинялись сильнымъ, бывшимъ той закваскою, которая приводила въ броженіе всю роту.

Бодрое настроеніе роты передалось и мнѣ. Всякую усталость какъ рукой сняло.

Предположенія мои оправдались: передъ самымъ выступленіемъ командиръ баталіона объявилъ намъ:

— Господа, я получилъ дополнительную инструкцію: въ Дачепу мы не пойдемъ; сторожевого охраненія выставлять не будемъ; охотничьи команды [1]) будутъ тревожить японцевъ; нашъ баталіонъ назначенъ поддерживать охотниковъ. Пойдемъ сначала прямо по дорогѣ, когда же поравняемся вонъ съ той горой—она, какъ вы знаете, занята 3-мъ полкомъ,—баталіонъ разойдется вправо отъ дороги по-ротно въ одну линію... въ той, вонъ, деревнѣ, которая чернѣетъ вправо (ближайшая), находятся охотники 4-го полка...

Свѣтъ склонявшагося тонкаго серпа луны да мерцаніе звѣздъ слабо освѣщали мѣстность, позволяя, однако, оріентироваться. Прямо въ полутора верстахъ передъ нами обрисовывался силуэтъ холма 3-го полка. Вправо (къ западу) темнѣли неясными очертаніями купы деревьевъ въ деревнѣ, гдѣ находились охотники 4-го полка; немного дальше расплывалось въ окружающемъ мракѣ какое-то черное пятно, тоже какъ будто деревня. Ограниченная съ юга

[1]) Конныя.

черной каймой недалекаго ночного горизонта и съ одной стороны—холмомъ 3-го полка, съ другой—деревней съ охотниками 4-го полка, разстилалась равнина — мѣсто нашихъ предстоящихъ дѣйствій. Слабый мягкій свѣтъ луны и звѣздъ покрывалъ ее серебристо-матовой пеленой; по ней мѣстами чернѣли полосы: то могли быть рѣчка, канавы, овраги, вообще какіе-либо мѣстные предметы. Отъ нашей горы уходила въ равнину бѣлесоватая полоса дороги, теряясь во мракѣ вдали. Шелъ 12-й часъ ночи; мы тихо спустились внизъ; пошли по дорогѣ, перешли мостъ; поравнявшись съ горой 3-го полка, баталіонъ остановился. Здѣсь, отдавая послѣднее приказаніе, командиръ баталіона сказалъ намъ, ротнымъ командирамъ:

— 3-я рота останется на этомъ мѣстѣ въ резервѣ, я буду при ней; 4-я рота пойдетъ прямо по дорогѣ и, отойдя шаговъ 800—1000, остановится; 2-я и 1-я пойдутъ вправо. Вы, И. Е., начальникъ праваго участка, который займутъ эти роты, идите за искусственными препятствіями и, когда отойдете шаговъ 500, пусть 2-я рота выйдетъ изъ-за нихъ и продвинется впередъ шаговъ на 1000. Вы съ своей ротой, пройдя вдоль линіи еще шаговъ 500, также выйдете передъ искусственныя препятствія и тоже пройдете шаговъ 1000 впередъ. Какъ только встанете на мѣста, такъ и пошлите другъ другу дозоры для связи; 4-й ротѣ, кромѣ того, необходимо войти въ связь съ 3-мъ полкомъ (ихъ сторожевые посты должны быть вонъ тамъ, за горой), а ротѣ Его Величества—съ охотниками 4-го полка—они, вонъ, въ той деревнѣ. Безъ моего приказанія ротамъ ни впередъ ни назадъ не двигаться. Когда же получите приказаніе отходить, то выходите на дорогу, сюда, къ 3-й ротѣ.

Разошлись. Минуя проволочныя загражденія и пробираясь между волчьими ямами, мимо пластунской команды 4-го полка, стоявшей у бруствера, вышли мы въ поле. Я

остановилъ роту, выслалъ впередъ дозоры, предупредивъ, чтобы они держались отъ роты не далѣе 50-ти шаговъ, останавливались бы по временамъ, прислушиваясь — не слышно ли чего впереди, по бокамъ и идетъ ли за ними рота... Двинулись. Поле мѣстами бобовое, мѣстами гаоляновое, гаолянъ поломанъ; какъ ни стараемся итти тихо, но 180 паръ ногъ даютъ знать о себѣ—гаолянъ трещитъ. Рота идетъ во взводной колоннѣ [1]); я — впереди; впереди меня—дозоры. Пристально смотрю впередъ, чтобы не терять ихъ изъ вида, но они, какъ блуждающія тѣни, скоро сливаются съ полумракомъ слабо освѣщенной равнины, даже слухъ не можетъ уловить ни одного звука: дозоры скрадываютъ свои шаги, съ другой стороны шумъ, хотя и небольшой, отъ движенія роты заглушаетъ всѣ другіе, болѣе слабые звуки...

Неожиданно для себя я закричалъ во все горло: «Дозорные, стой!» Сорвалось это какъ-то нечаянно у меня.

Остановилъ роту. «Ваше высокоблагородіе, мы здѣсь!» послышался очень близко таинственный шопотъ. Дозорные стояли шагахъ въ 60; въ промежутокъ между ними и ротой поставилъ два звена, изъ двухъ человѣкъ каждое; получилась цѣпь—щупальцы; выслалъ по дозору вправо и влѣво, подтвердивъ всѣмъ дозорнымъ еще разъ, чтобы прислушивались внимательнѣе къ движенію роты: рота идетъ— они идутъ, затихъ шумъ — они останавливаются. Пошли дальше щупальцами впередъ... Впереди различаю дорогу. Судя по направленію, она ведетъ отъ деревни съ охотниками къ большой дорогѣ и должна итти параллельно линіи искусственныхъ препятствій, отъ которыхъ мы отошли 900 шаговъ, какъ доложилъ мнѣ унтеръ-офицеръ, считавшій шаги.

[1]) Это, когда четыре равныя части роты поставлены близко одна за другой въ затылокъ.

Дойдя до дороги, остановилъ и посадилъ роту; послалъ влѣво дозоръ для связи со 2-й ротой и вправо—по дорогѣ въ деревню—къ охотникамъ 4-го полка; послѣдній дозоръ скоро возвратился и доложилъ, что видѣлъ ихъ. Желая самъ провѣрить направленіе дороги, я пошелъ по ней—къ сторонѣ большой дороги, гдѣ стояли 3-я и 4-я роты. Дорога направлялась къ высившемуся впереди сплошной черной массой холму 3-го полка; вправо отъ меня, въ черной каймѣ, которая ограничивала къ югу горизонтъ, я скорѣе угадывалъ, чѣмъ различалъ, неясныя очертанія возвышенностей Дачепу; тамъ главныя силы японцевъ... а гдѣ ихъ передовыя части?.. Полная роковой таинственности и тишины полоса мрака отдѣляла насъ отъ нихъ; послѣ дневного грома и рева орудій было какъ-то особенно тихо...

Отъ сознанія, что, быть можетъ, гдѣ-либо очень близко притаился врагъ и выслѣживаетъ наше малѣйшее движеніе, готовый ежеминутно броситься на насъ, захватывало духъ, обострялись чувства: слухъ жадно ловилъ каждый едва замѣтный звукъ, шорохъ... Вдругъ мнѣ показалось, что близко, близко кто-то ползетъ, подкрадываясь... Мгновенно выхватываю шашку и бросаюсь туда—нѣтъ никого... Сильно бьется сердце, въ вискахъ стучитъ, едва дышу... Луна закатилась; въ 10 шагахъ ничего нельзя разглядѣть; блѣдное сіяніе звѣздъ слабо освѣщаетъ неровную поверхность поломаннаго гаоляна; свѣтъ скользитъ по верху, не проникая во внутрь; глаза напрасно силятся что-либо разобрать; едва освѣщенныя верхушки и какъ бы застрявшіе внизу между стеблями клочья мрака образуютъ причудливыя формы... отдѣльно торчащія кучки надломленныхъ, но не примятыхъ къ землѣ стеблей кажутся человѣческими фигурами. Воображеніе разыгрывается, возбуждаемое окружающей тишиной; она загадочна... навѣрное японцы—подобно намъ—притаились гдѣ-либо тутъ близко...

Каждый шорохъ подозрителенъ: зашелестѣлъ сухой листъ гаоляна — мышь пробѣжала полевая... но вотъ явственно хрустнула вѣтка — я насторожился и, повернувшись назадъ, — обмеръ: предо мной, въ какихъ-нибудь 10-ти шагахъ, появилась человѣческая фигура; она молча, тихо надвигалась на меня... Мурашки забѣгали у меня по спинѣ, волосы на головѣ зашевелились—я поднялъ револьверъ, нажимая на спускъ...

— Это я, ваше высокоблагородіе; вы одни пошли, я пошелъ за вами—какъ бы чего не случилось...

— Спасибо. Ну и напугалъ же ты меня, братъ, Кибикъ. Ступай, возьми дозоръ и приведи сюда; мнѣ кажется, что тутъ кто-то есть—надо поискать...

Фельдфебель безшумно скрылся. Я опять остался одинъ среди поля..

Гдѣ-то вдали лаяли собаки—почуявъ чужихъ... нарушая тишину, рѣзкимъ сухимъ звукомъ, треснулъ одиночный ружейный выстрѣлъ, за нимъ другіе... та—та—та, та, та, та—та, какъ-то неувѣренно, поодиночкѣ, стукали выстрѣлы; потомъ посыпались, какъ горохъ въ рѣшето: открылась пальба пачками. Стрѣляли подъ горой 3-го полка; тамъ «работали» молодцы, братья Горностаевы—два штабсъ-капитана, одинъ начальникъ охотничьей команды, другой — его помощникъ; они, должно быть, наткнулись на японцевъ. Я пошелъ къ своимъ. Рота лежала—не шелохнувшись; за 20 шаговъ нельзя было догадаться объ ея присутствіи; ходившій ко 2-й ротѣ дозоръ возвратился и доложилъ, что она стояла сначала тутъ близко, теперь ушла къ большой дорогѣ... самой роты дозорные не видали, а узнали объ этомъ отъ встрѣтившихся имъ дозорныхъ 2-й роты, которые были посланы къ намъ. Ничего не понимаю: если 2-я рота получила приказаніе отходить, то и мы должны были бы получить, но пока—ничего нѣтъ.

рѣшилъ отвести своихъ шаговъ на 300 ближе къ деревнѣ. Только что поднялъ роту, какъ надъ нашими головами засвистали пули... стрѣляли въ насъ, хотя ничего не было видно, — стрѣляла, повидимому, на слухъ и не густо, застава, человѣкъ этакъ, въ 20—30 не болѣе...

По полету пуль стараюсь опредѣлить направленіе, откуда стрѣляютъ;—спереди и справа — осторожно и тихо отходимъ влѣво и скоро выходимъ благополучно изъ-подъ пуль; одного все-таки прихватило за руку—пуля раздробила ему кисть руки; молодчина—хоть бы пикнулъ; на ходу забинтовали руку марлей изъ индивидуальнаго пакетика.

Наѣзжаетъ вплотную на нашу роту всадникъ.

— Стой, кто ѣдетъ?—шепотомъ спрашиваютъ его.

— И. Е.—это вы?

По голосу узнаю нашего баталіоннаго адъютанта, подпоручика Никилева.

— Да, я, А. И.—Откуда это васъ Богъ принесъ?!

— Искалъ-искалъ васъ, да и наѣхалъ на японцевъ.

— Такъ это вы навели на насъ огонь—у меня одного ранило.

— Э... чортъ... я самъ едва ускакалъ... подъѣхалъ къ деревнѣ—смотрю, какіе-то люди стоятъ подъ заборомъ... Спрашиваю — не отвѣчаютъ, молчкомъ приближаются ко мнѣ, фигуры какъ будто не наши—я тягу; они и сыпнули мнѣ въ догонку, да ускакалъ... Приказано отходить къ 3-й ротѣ.

— Какъ же это вы, Александръ Иннокентьевичъ, попали къ японцамъ,—вѣдь охотники 4-го полка занимаютъ вонъ ту деревню, вонъ она чернѣется.

— Темно—невѣрно взялъ направленіе...

Когда весь баталіонъ собрался, пошли по дорогѣ назадъ. Миновавъ поворотъ къ нашей горѣ, пошли по де-

ревнѣ; на дворахъ засѣдланныя казачьи лошади жевали овесъ, заданный имъ въ торбахъ; одѣтые казаки спали или сидѣли тутъ же, около костровъ; въ разныхъ мѣстахъ, изъ-за заборовъ, выглядывали китайцы, внимательно наблюдая за двигавшимся баталіономъ... повернули въ переулокъ, вышли на какую-то площадку. Къ командиру баталіона подъѣхали наши охотники; старшій изъ нихъ что-то доложилъ; охотники поѣхали впереди, указывая намъ дорогу. Вскорѣ присоединилась, поджидавшая, повидимому, насъ, пулеметная рота; она въ составѣ 8-ми пулеметовъ недавно прибыла изъ Россіи и сегодня первый разъ участвовала въ бою.

Проходя по гати чрезъ болото, пулеметы въ одномъ мѣстѣ застряли; пришлось остановиться и ждать, пока они выберутся изъ грязи.

Тронулись дальше. Начинало свѣтать. Въ ближней деревнѣ рѣшили немного отдохнуть; послали команды очередныхъ за гаоляномъ и водой для варки чая; пробродивъ всю ночь, сонные люди кучами валились на землю, тотчасъ же засыпая; прилегъ и я прямо на голую землю, завернувшись съ головою въ пальто, пытаясь хоть немного вздремнуть; но голосъ подъѣхавшаго офицера развлекъ меня; онъ говорилъ командиру баталіона:

— Слава Богу, нашелъ васъ—искалъ долго... Полкъ стоитъ на бивакѣ, верстахъ въ 7-ми отсюда. Командиръ полка проситъ васъ вести туда баталіонъ немедленно...

Вернули бѣгомъ команды, посланныя за гаоляномъ; построились, пошли...

Когда проходили мимо станціи Ташичао, то интендантскіе чиновники бывшихъ тутъ складовъ и полевыхъ хлѣбопекаренъ раздавали нашимъ стрѣлкамъ бѣлый хлѣбъ, заготовленный для лазаретовъ; солдатики съ удоволь-

ствіемъ нагружались имъ, закусывая на ходу. Подъѣхалъ товарищъ и подалъ бутылку пива.

— Вотъ, возьмите—не знаю, понравится ли?—сказалъ онъ.—Былъ на станціи, тамъ буфетчикъ все распродаетъ за «полцѣны»—сдѣлалъ запасъ.

Обгоняя насъ въ коляскѣ, корпусный командиръ поблагодарилъ баталіонъ за «молодецкую» службу... Совсѣмъ разсвѣло... Сонъ у людей пропалъ — зашагали бодро... Далеко позади глухо прогремѣли японскія орудія, имъ отвѣтили наши — изъ арріергарда, прикрывавшаго отступленіе.

Мы отступали...

Во исполненіе плана командующаго арміей, войска отступили къ Хайчену, откуда вскорѣ отступили безъ боя къ Асяндзяну. Здѣсь, при переходѣ полка съ одного участка позиціи на другой, командующій арміей, генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, встрѣтилъ полкъ, пропустилъ его мимо себя и, поблагодаривъ стрѣлковъ за молодецкій видъ, обратился къ командиру полка, полковнику Лешу, съ слѣдующими словами:

— Вы должны быть очень счастливы, получивъ такой полкъ. Какія славныя лица у вашихъ людей: рѣдко такія можно встрѣтить.

Первое празднованіе дня рожденія Наслѣдника Цесаревича въ Манджурской арміи.

«По приказанію Командира полка сообщаю Вашему Высокоблагородію, что рота Его Величества въ составѣ 96 рядовъ назначена завтра 1-го августа на парадъ по случаю рожденія Наслѣдника; недостающее число рядовъ коман-

диръ полка приказалъ пополнить по вашему усмотрѣнію [1]) изъ 2-й роты; одѣтымъ быть въ караульной амуниціи. Ротѣ съ хоромъ музыки прибыть къ переѣзду черезъ желѣзную дорогу къ 8 ч. утра. Младшими офицерами въ роту назначены шт.-капитанъ П. и поручикъ А. Въ прочтеніи прошу расписаться.

«Полковой адъютантъ поручикъ Никитинъ.

1904 г. Іюля 30. д. Джялотунь».

— Къ переѣзду... Къ какому? Ихъ два; одинъ сѣвернѣе, другой южнѣе ст. Асяндзянъ. Смотрю на часы—1-й часъ ночи; посылаю вѣстового за фельдфебелемъ... Извѣстіе о рожденіи Наслѣдника—радостное, и что именно рота Его Величества, а не другая, назначена въ парадъ въ такой достопамятный день, понятно,—на то она и рота Его Величества, но назначеніе все-таки непріятное... Лучше бы послали сдѣлать ночное нечаянное нападеніе на сторожевую японскую цѣпь...

Полкъ нашъ съ Вафангоу, т. е. съ 1-го іюня,—постоянно въ арріергардѣ; только съ недѣлю какъ штабъ полка и два баталіона (2-й и 3-й) поставлены въ резервъ, на отдыхъ, въ д. Джялотунь, верстахъ въ двухъ отъ станціи Асяндзянъ. 1-й же баталіонъ лишь вчера пришелъ съ передовыхъ позицій; слѣдовательно не успѣли ничего привести въ порядокъ: ни поправить амуниціи, ни починить, ни почернить, ни смазать сапогъ... Да и ничего нѣтъ. Завтра собирались послать за смазкой, ваксой, кожей и пр. въ Ляоянъ.

Въ моемъ воображеніи мелькаютъ потертые поясные ремни, заскорузлые и порыжѣвшіе отъ дождей сапоги...

Пришелъ фельдфебель; лицо у него вытянулось: онъ уже знаетъ, что завтра парадъ.

[1]) Я—командиръ роты и въ то же время временно-командующій баталіономъ.

— Ну, такъ, вотъ, братъ, какъ же быть? И амуниція и сапоги никуда не годятся, а парадъ вѣдь въ присутствіи командующаго арміей, будутъ, вѣроятно, и иностранные агенты... Рота же Его Величества выйдетъ оборванцами.—Вазелиноваго полусала нѣтъ? [1]).

— Никакъ нѣтъ.

— Можетъ занять въ другихъ ротахъ сапогъ, да тоже, чай, плохи... Во 2-й ротѣ взять 24 ряда въ добавокъ, скажи Туровцу (фельдфебелю), чтобы назначилъ такихъ-то и такихъ-то... Да, чтобы помогъ тебѣ, — сейчасъ же разбуди его... Людей больно рано не буди... хотя, пожалуй, не успѣешь, но все-таки не ранѣе 4-хъ часовъ... Ну, ступай съ Богомъ... Рота чтобы была выстроена къ $6^1/_2$ ч.—я приду, провѣрь пріемъ «на-караулъ»... Гг. офицерамъ дай знать, да чтобы люди непремѣнно напились чаю...

Фельдфебель ушелъ. Взволнованный, я долго не могъ заснуть. Рота стояла бивакомъ[2]) неподалеку на площадкѣ, между фанзами во фруктовомъ саду; шумъ сотенъ голосовъ разбудилъ меня чуть свѣтъ; въ $6^1/_4$ ч. дежурный доложилъ, что рота готова и гг. офицеры прибыли. Вышелъ, поздоровался, поздравилъ съ рожденіемъ Наслѣдника. Съ замираніемъ сердца обошелъ шеренги, осматривая каждаго стрѣлка съ ногъ до головы...

Одного запаснаго, совсѣмъ не имѣвшаго солдатскаго вида, пришлось выгнать изъ строя, кое-кого переставилъ изъ передней шеренги въ заднюю... въ общемъ же, къ моему изумленію, рота была хоть куда — ни потертыхъ

[1]) Употребляется для смазки сапогъ.

[2]) Полкъ былъ расположенъ квартирно-бивачнымъ порядкомъ.

ремней, ни рыжихъ сапогъ... [1]) Смущали немного погоны: ихъ густо-малиновый (стрѣлковый) цвѣтъ отъ дѣйствія солнца и дождя обратился въ цвѣтъ моченой малины; металлическіе вензеля на нихъ также потускнѣли... Десяткамъ тремъ старыхъ стрѣлковъ какими-то судьбами удалось (должно быть у каптенармуса нашлись) достать свѣжіе погоны съ блестящими вензелями...

Воспитаніе, данное ротѣ покойнымъ Тучковымъ, сказалось,—люди, твердо помня внушенное имъ правило: солдатъ не долженъ терять воинскаго вида ни при какихъ обстоятельствахъ—особенно солдатъ роты Его Величества, которая должна служить примѣромъ для другихъ, приложили всѣ усилія, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, и вышли на парадъ въ такой торжественный день, какъ подобаетъ государевымъ стрѣлкамъ.

На полѣ за станціонными постройками, близъ поѣзда командующаго арміей, гдѣ на мѣстѣ парада былъ разбитъ церковный наметъ, подравнивая роту, я ревниво оглядывалъ щеголевато одѣтыя роты чужихъ частей, только что прибывшихъ изъ Россіи. Онѣ были во всемъ новенькомъ; зато у меня въ рядахъ было уже нѣсколько раненыхъ, возвратившихся въ строй по излѣченіи вафангоускихъ ранъ, да и въ передней шеренгѣ блестѣло съ десятокъ бѣленькихъ крестиковъ... Между прочими георгіевскими кавалерами на флангѣ роты стояли: взводный ун.-офицеръ 1-го взвода Пинчукъ, получившій подъ Вафангоу сквозную рану въ плечо, и правофланговый громаднаго роста мрачнаго вида ефрейторъ—хохолъ, раненый тамъ же въ ногу.— Пріѣхалъ и поздоровался назначенный командовать пара-

[1]) Какъ люди ухитрились добыть себѣ смазки для сапогъ, до сихъ поръ не понимаю: въ другихъ ротахъ занять не могли, потому что тамъ тоже ничего не было. Одно можно допустить—въ этотъ день каша въ ротѣ была не очень масляная.

домъ начальникъ 1-й Восточно-Сибирской стрѣлковой дивизіи генералъ-лейтенантъ Гернгроссъ; по выраженію его лица было замѣтно, что онъ остался доволенъ видомъ людей, несмотря на общій сѣрый колоритъ роты, одѣтой въ «дикаго» цвѣта рубахи. Самъ генералъ былъ также въ рубахѣ сѣраго цвѣта изъ чесунчи; на груди у него блестѣлъ офицерскій георгіевскій крестъ [1]). Сѣрая рубашка боевого генерала выдѣлялась темнымъ пятномъ среди блиставшихъ бѣлизной и свѣжестью кителей штабныхъ главной квартиры; русская ихъ форма скромнымъ покроемъ и отсутствіемъ разныхъ пестрыхъ украшеній въ свою очередь составляла контрастъ съ формой военныхъ агентовъ иностранныхъ державъ. Они стояли отдѣльно группою въ своихъ, на нашъ взглядъ, маскарадныхъ костюмахъ. Цвѣтныя епанчи-накидки; красные, синіе, узкіе рейтузы съ галунными лампасами; расшитыя золотыми и серебряными шнурами венгерки; на головныхъ уборахъ перья, блестящіе, черные лакированные или цвѣтные пушистые помпоны напоминали оперныхъ героевъ изъ «Карменъ» или «Гугенотовъ». Впрочемъ, кое на комъ изъ нихъ были надѣты простыя, цвѣта «хаки», морскія матерчатыя тужурки.

Тутъ и французъ [2]) безъ военный выправки, но все-же съ воинскимъ видомъ, и «себѣ на умѣ» нѣмецъ съ выпяченной колесомъ грудью, подбородокъ подобранъ; англичанинъ съ очень умнымъ лицомъ, итальянецъ, испанцы и еще иностранные офицеры, не разберешь какой націо-

[1]) Какъ я упоминалъ уже разъ, генералъ получилъ этотъ крестъ за защиту Харбина въ 1902 г. отъ возмутившихся китайскихъ регулярныхъ войскъ и боксерскихъ шаекъ, когда онъ, въ чинѣ полковника, былъ начальникомъ сѣвернаго отдѣла охранной стражи манчжурской желѣзной дороги.

[2]) Суда по его обращенію съ штабными, онъ, видимо, чувствуетъ себя, какъ представитель союзной націи, ближе къ главной квартирѣ, чѣмъ его коллеги.

нальности. Лица всѣхъ ихъ выражаютъ безучастно приличное отношеніе къ чуждому имъ богослуженію. Обѣдня уже началась.

Служилъ соборне съ полковымъ духовенствомъ главный священникъ дѣйствующей арміи о. Голубевъ. Подошли высшія начальствующія лица, великій князь Борисъ Владиміровичъ и послѣ всѣхъ—командующій арміей генералъ-адъютантъ Куропаткинъ. Началъ накрапывать дождь, ординарецъ прапорщикъ милиціи, «черкесъ съ солдатскимъ Георгіемъ» подалъ ему дождевую накидку. Генералъ Куропаткинъ стоялъ передъ церковью-шатромъ впереди всѣхъ.

Онъ, какъ и всегда во время богослуженій, стоялъ, опустивъ руки, ровно и твердо на обѣихъ ногахъ, не отставляя ихъ и не сгибая въ колѣнѣ; изрѣдка отчетливыми движеніями онъ дѣлалъ маленькія крестныя знаменія. Свѣтлыя парчевыя облаченія духовенства, теплившіяся передъ иконами разноцвѣтныя лампады, металлическіе подсвѣчники съ едва мерцавшими при дневномъ свѣтѣ огоньками свѣчъ—вся эта привычная съ дѣтства и давно невиданная обстановка церкви здѣсь, на поляхъ Манчжуріи, вмѣстѣ съ возгласами священника и стройными напѣвами небольшого, но хорошаго, привезеннаго изъ Россіи хора пѣвчихъ, вызывала въ воображеніи картины милой далекой родины, гдѣ въ этотъ день во всѣхъ храмахъ, начиная отъ столичныхъ соборовъ, придворныхъ церквей и до послѣдней бѣдной сельской церкви, чувства Царя и народа слились въ горячей благодарственной молитвѣ Творцу за дарованіе Россіи давно жданнаго, давно желаннаго Наслѣдника Престола.

Обѣдня кончилась, парадъ взялъ «на-караулъ». Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, поздравивъ войска съ рожденіемъ Наслѣдника, громко и отчетливо, по обыкнове-

нію, произнося слова, сказалъ: «Его Величество Государь Императоръ ввѣряетъ своего Первенца Манчжурской арміи, назначивъ Его Шефомъ 12-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка... [1]) Постараемся оправдать своими дѣлами эту новую Монаршую милость къ Манчжурской арміи—мы должны побѣдить или умереть,—да поможетъ намъ Богъ! За здоровье Государя Императора, Государынь Императрицъ, Наслѣдника Престола и весь Царскій домъ «ура!». Раздалось громкое, не казенное, воодушевленное «ура»... Я взглянулъ мелькомъ на лица солдатъ — глаза и лица горѣли воодушевленіемъ.

Услыхавъ радостную вѣсть изъ устъ любимаго вождя, они, казалось, клялись безъ словъ лечь здѣсь костьми, чтобы не посрамить земли русской — и сдержали свою клятву! Въ настоящее время изъ всѣхъ бывшихъ на томъ парадѣ, дай Богъ, чтобы остался въ живыхъ десятый человѣкъ, а невредимыхъ, вѣроятно, нѣтъ: послѣ мукденскаго боя въ телеграммѣ генерала Куропаткина на имя Государя, между прочимъ, сказано: «... 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Вашего Величества полкъ вышелъ изъ боя со знаменемъ всего въ составѣ 3-хъ офицеровъ и 126 нижнихъ чиновъ...» [2]). И это уже изъ 2-го комплекта: первый весь погибъ въ кровопролитныхъ бояхъ подъ Шахэ, при Сандепу и еще раньше подъ Ляояномъ.

[1]) Этотъ полкъ особенно отличился въ прошлую русско-китайскую войну при защитѣ Тяньцзина и въ настоящую—подъ Тюренченомъ.

[2]) Изъ 60-ти офицеровъ и 3.000 слишкомъ нижнихъ чиновъ.

ЛЯОЯНСКІЯ СРАЖЕНІЯ.

Канунъ Ляояна.

Съ 11-го по 16-ое августа бои велись исключительно въ раіонѣ окрестностей Асяндзянъ—Ляоянъ на лѣвомъ берегу рѣки Тайдзыхэ. Передовые отряды постепенно стягивались къ главнымъ позиціямъ Ляояна, которыя представляли три послѣдовательныя линіи обороны. Первая находилась на линіи холмовъ, образующихъ почти прямой уголъ съ линіей желѣзной дороги въ 8—9 верстахъ южнѣе города. Слѣдующая была расположена въ одной верстѣ сзади, ближе къ городу, и, наконецъ, третья примыкала къ самому предмѣстью Ляояна. Наиболѣе сильной была первая линія, тянувшаяся въ видѣ полудуги съ запада на востокъ. Эту линію опредѣляли д. Маѣтунь на крайнемъ правомъ флангѣ, дд. Сяонсы, Кудядзы и Мындяфанъ въ центрѣ и д. Сяпу—на лѣвомъ флангѣ. Она состояла изъ пяти отдѣльныхъ высотъ, соединенныхъ между собою низкими сѣдловинами. На правомъ флангѣ возвышалась обрывистая, скалистая, въ формѣ треугольника, гора, высотою до 600 футовъ. Здѣсь было организовано общее руководство боемъ (собственно праваго фланга) и артиллерійскимъ огнемъ. Устроены были приспособленія для сигнализаціи, отчего гора получила названіе «Сигнальной».

На эту-то позицію и велъ свои безумныя атаки Оку въ теченіе 17-го и 18-го августа. Цѣль атакъ заключалась въ томъ, чтобы привлечь на себя главное вниманіе нашей арміи и тѣмъ дать возможность арміи Куроки, усиленной частью арміи Нодзу, переправиться на правый берегъ рѣки Тайдзыхэ и отрѣзать намъ путь отступленія.—13-го, 14-го и 15-го августа 1-й Восточно-Сибирскій армейскій корпусъ [1]) генералъ-лейтенанта барона Штакельберга отступалъ [2]) съ боемъ отъ Асяндзяна къ Ляояну.

[1]) Нашъ корпусъ послѣ боя подъ Вафангоу 1-го и 2-го іюня въ продолженіе двухъ слишкомъ мѣсяцевъ медленно шагъ за шагомъ отходилъ, останавливаясь на каждой позиціи, чтобы давать отпоръ арміи Оку. Въ такомъ же положеніи и въ то же время былъ корпусъ генерала Засулича, отступавшій отъ Ялу послѣ Тюренченскаго боя. Подъ защитой этихъ двухъ заслоновъ на югѣ и востокѣ сосредоточивались подъ Ляояномъ прибывавшія изъ Россіи войска.

[2]) При отступленіи отъ Асяндзяна убитъ нашъ командиръ бригады генералъ-маіоръ Рутковскій, когда онъ командовалъ арріергардомъ. Отступая, часть орудій завязла въ непролазной грязи дороги, испортившейся отъ недавнихъ дождей. Чтобы дать время вытащить ихъ, генералъ Рутковскій задержалъ на асяндзянскихъ высотахъ арріергардныя части, въ томъ числѣ и 4-й В.-с. стр. полкъ; японскія батареи съ послѣдней позиціи засыпали снарядами высоты; генералъ Рутковскій, подполковникъ фонъ-Раабенъ, командовавшій 4-мъ полкомъ, одинъ адъютантъ и завѣдывавшій летучимъ санитарнымъ отрядомъ петербургскаго общества сельскаго хозяйства г. Нитке сѣли закусывать. Они сидѣли на скатѣ, обращенномъ въ нашу сторону, около фанзы, отчасти прикрываясь ею отъ японскихъ выстрѣловъ. Только что генералъ взялъ на вилку кусокъ какой-то закуски, кажется ветчины, и хотѣлъ положить въ ротъ, какъ въ это мгновеніе «стаканомъ» разорвавшейся надъ ними шрапнели снесло ему черепъ. Кровь и мозгъ генерала забрызгали лицо г. Нитке... сброшенное ударомъ тѣло, свалившись съ кручи, упало посреди казаковъ, продолжая, къ ужасу ихъ, щелкать зубами... Въ то же время шрапнельная пуля смертельно ранила въ шею подполковника фонъ-Раабена, пробивъ ему пищеводъ и какую-то артерію. Онъ вскорѣ скончался...

Подъ вечеръ 15-го полки 1-й Восточно - Сибирской стрѣлковой дивизіи встали бивакомъ за высотами, составлявшими правый флангъ 1-й линіи обороны, позади участковъ своихъ позицій. Нашъ 1-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый Его Величества полкъ разбилъ свои палатки на внутреннихъ крутыхъ склонахъ «Сигнальной». Пока рыли площадку подъ нашу палатку, мы закусили немного, и въ ожиданіи чая я задремалъ на разостланной по каменистому выступу буркѣ...

Сквозь сонъ слышу голосъ фельдфебеля:

— Ваше высокоблагородіе, роты нашего баталіона приказано отправить съ младшими офицерами рыть дорогу.

— Какую дорогу? Куда?

— Вонъ туда, на гору,—тамъ инженерный офицеръ покажетъ...

— Люди успѣли пообѣдать?

— Такъ точно!

— А чай пили?

— Пьютъ еще.

— Ну, пусть не копаются. Доложи поручику, что я прошу ихъ вести роту. Самъ я пойду прямо черезъ гору и тамъ встрѣчу васъ.

Однако, думаю, достается сегодня людямъ: двадцать верстъ переходъ, да еще верстъ десять взадъ-впередъ ходили [1]), и сейчасъ доканчивать дорогу... Полѣзъ мимо втесанной въ скалу кумирни, цѣпляясь за камни и кусты, съ выступа на выступъ прямо на гору... Хотѣлось засвѣтло осмотрѣться кругомъ съ вершины «Сигнальной» горы.

Солнце уже садилось. На вершинѣ стояла будка те-

[1]) Нашъ полкъ, придя на мѣсто бивака, былъ двинутъ налегкѣ назадъ для поддержки арріергардныхъ частей. Пройдя верстъ пять и вызвавъ на себя артиллерійскій огонь, мы были возвращены.

лефонной станціи; солдаты - саперы рубили, пилили, строя еще какую-то будку; дѣлали они не спѣша, съ прохладцемъ, обыкновеннымъ на казенныхъ работахъ. — Это его дымки-то, а это—ближе, наши, должно быть? слышалось изъ кучекъ стрѣлковъ, забравшихся сюда посмотрѣть, какъ и я.

Отсюда вся окружающая мѣстность—какъ на ладони. «Сигнальная» гора съ ея крутыми, мѣстами отвѣсными боками представляетъ какъ бы самой природой созданное исполинское, открытое съ горжи [1]) укрѣпленіе изъ двухъ фасовъ, южнаго и западнаго, соединяющихся почти подъ прямымъ угломъ. По внутреннимъ скатамъ и на треугольной возвышенной между ними площадкѣ расположился, какъ я уже говорилъ, нашъ полкъ, далѣе вся ближайшая часть равнины по направленію къ Ляояну была заставлена безчисленными рядами двуколокъ, а къ востоку, въ тылу позиціи, виднѣлись биваки... Арріергардные полки только еще отходили...

Снаружи, вдоль западнаго, болѣе длиннаго фаса, проходитъ желѣзная дорога, у самой подошвы южной стороны горы раскинулась обширная д. Маѣтунь; западная часть ея, отдѣляясь отъ «Сигнальной» двумя небольшими горками, уклоняется немного къ югу. Шагахъ въ 800-хъ къ сѣверо-западу отъ Маѣтуня, по ту сторону желѣзной дороги, лежитъ другая большая деревня—Гу-дзядзы. Обѣ онѣ могли служить для японцевъ подступами, а для насъ, слѣдовательно, передовыми пунктами. Далѣе къ западу и югу темнѣли своими глинобитными постройками ближнія деревни и обозначались купами деревьевъ — дальнія. Всю равнину покрывали сплошныя желтозеленыя поля гаоляна, чумизы, бобовъ... Прямая, какъ стрѣла, узкая полоса тем-

[1]) Открытымъ съ горжи называется такое укрѣпленіе, у котораго тыльная часть открыта—не защищена.

ножелтаго съ черными каемками рельсъ желѣзнодорожнаго полотна прорѣзывала ихъ, насколько хваталъ глазъ къ югу. Ближайшая къ востоку отъ «Сигнальной» высота выступаетъ впередъ своимъ западнымъ краемъ, сливаясь съ общей линіей подъ тупымъ угломъ. Покатую, обращенную къ намъ сторону ея плоской зеленой вершины бороздили коричневыя полосы окоповъ, должно быть, для резервовъ... За ней рядъ невысокихъ вершинъ, чередуясь съ сѣдловинами, уходитъ постепенно къ сѣверо-востоку; тамъ уже начинался восточный фронтъ позицій противъ арміи Куроки. Въ восточныхъ долинахъ около деревень между нашими высотами и занятыми теперь японцами горами задымились биваки казачьихъ и японскихъ передовыхъ частей, надъ низинами и рѣчками потянулись туманы... Солнце незамѣтно для меня закатилось; горизонтъ потемнѣлъ; сумерки, сгущаясь, приближались къ вершинѣ, слабо освѣщаемой послѣдними отблесками дневного свѣта. Пора было уходить. Съ горы я спустился по прекрасной военной дорогѣ мимо блиндажей, устроенныхъ для высшаго начальства; роты съ работъ уже ушли; внизу дежурный по ротѣ доложилъ мнѣ, что командиръ полка проситъ къ себѣ гг. ротныхъ командировъ. У ставки командира полка при едва мерцавшемъ въ темнотѣ фонарѣ пріѣхавшій вмѣстѣ съ начальникомъ штаба начальникъ дивизіи [1]) объяснялъ командиру и собравшимся офицерамъ положеніе какъ другихъ полковъ дивизіи вообще, такъ и нашего—въ особенности, которое мы должны были принять на случай ночного наступленія японцевъ. Начальникъ дивизіи уѣхалъ. Немедленно 3-й баталіонъ, по приказанію командира полка, снялся и пошелъ на «Сигнальную» въ окопы (откуда я только что возратился) въ дежурную часть...

[1]) Генералъ-лейтенантъ Гернгроссъ и начальникъ штаба дивизіи полковникъ Новосельскій.

— Ну, а вы! обратился ко мнѣ командиръ полка— принимайте 1-й баталіонъ... и теперь, вѣроятно, уже надолго [1]). Роту сдайте, пока, Верещагину; подполковникъ Котюжинскій назначенъ командовать 4-мъ полкомъ. Завтра вашъ баталіонъ и 2-й пойдутъ въ 4 часа ломать гаолянъ... мѣста покажу я самъ...

16-го съ ранняго утра баталіонъ ломалъ гаолянъ передъ д. Маѣтунь; привычные къ этой работѣ люди, надламливая примѣрно на $^3/_4$ аршина отъ земли толстые сажени въ $1^1/_2$ высотою стебли гаоляна, ловко и быстро пригибали ихъ къ землѣ, направляя немного въ бокъ и въ сторону непріятеля. Сколько-нибудь правильное и быстрое движеніе по полю съ поломаннымъ такимъ образомъ гаоляномъ невозможно: ноги, не будучи въ состояніи силой своего движенія разорвать переплетшіеся крѣпкіе, гибкіе стебли, запутываются въ нихъ, и человѣкъ чувствуетъ себя тогда, какъ птица въ силкахъ...

По временамъ, съ стѣсненнымъ чувствомъ ожидаемой опасности, я косился невольно на сосѣднюю слѣва выступавшую впередъ гору—позицію 3-го полка, рядомъ съ которой мы работали;—надъ ней чаще и чаще стали появляться бѣлые клубочки разрывовъ шрапнели шагахъ въ 600-хъ отъ насъ...

Вонъ одинъ снарядъ, перелетѣвъ черезъ нее, разорвался надъ восточнымъ спускомъ нашей «Сигнальной». Это японцы пустили по камандиру корпуса генералу Шта-

[1]) Не считая китайской, я въ эту кампанію принималъ баталіонъ 4-й разъ, потому что командиръ 1-го баталіона подполковникъ Котюжинскій командовалъ поочередно всѣми полками дивизіи вмѣсто убитыхъ, раненыхъ или заболѣвшихъ командировъ полковъ; на этотъ разъ онъ принялъ полкъ послѣ убитаго подполковника фонъ-Раабена; относительно меня предположеніе командира, къ сожалѣнію, не оправдалось—баталіономъ я прокомандовалъ очень недолго.

кельбергу, объѣзжавшему со свитой позиціи. Вскорѣ ординарецъ привезъ мнѣ записку отъ командира полка; въ ней было сказано: «Командиръ корпуса приказалъ прекратить ломку гаоляна и немедленно приступить по указанію инженернаго офицера къ приведенію д. Маѣтунь въ оборонительное положеніе». Деревню, собственно постройки, приспособили къ оборонѣ скоро, часа въ два времени, пробивъ бойницы въ переднихъ глинобитныхъ стѣнкахъ и заборахъ и проломавъ ходы сообщенія въ промежуткахъ и на задахъ. Оставалось докончить ранѣе вырытый окопъ, опоясывавшій всю деревню по южной опушкѣ ея, и сдѣлать надъ нимъ изъ готовыхъ плетней блиндажи (козырьки) отъ шрапнели. 2-й часъ пополудни, нестерпимый зной, люди измучились—приказалъ подвезти поближе кухни и раздать обѣдъ, разрѣшилъ также «варить» чай... На работу, покамѣстъ, встали роты 2-го баталіона, пришедшія къ намъ на помощь; онѣ уже пообѣдали; мы, офицеры, тоже сѣли подкрѣпиться, чѣмъ Богъ послалъ... Кстати только что пріѣхали два выздоровѣвшихъ офицера [1]) и привезли кое-что изъ припасовъ. Не успѣли какъ слѣдуетъ закусить, какъ пріѣхалъ отъ командира полка ординарецъ съ приказаніемъ: «Гг. баталіоннымъ командирамъ пожаловать къ командиру». Командира полка и другихъ баталіонныхъ я нашелъ на горкѣ, правѣе деревни.

— Господа! — обратился къ намъ командиръ: — Сигнальная гора нашъ участокъ; та выдавшаяся впередъ, надъ ней теперь рвутся шрапнели, — 3-го полка; далѣе идутъ позиціи Зарубаева [2]). Правый флангъ нашей полковой позиціи, онъ же самый крайній правый флангъ всей Ляоянской позиціи, это—д. Гу-дзядзы—видите, позади

[1]) Шт.-капитанъ Верещагинъ и подпоручикъ Грудзинскій.
[2]) 4-го Сибирскаго армейскаго корпуса.

насъ... Правѣе по равнинѣ—только конныя части. Въ этой деревнѣ встанетъ 1-й баталіонъ и пулеметы; (обращаясь ко мнѣ) задача вашего баталіона охранять правый флангъ и поддерживать 2-й баталіонъ, который расположится въ д. Маѣтунь, занявъ окопы. Д. Маѣтунь—наша передовая линія; въ нее же входитъ и окопъ, вонъ правѣе желѣзнодорожной полуказармы; его будутъ защищать двѣ охотничьихъ команды пограничной стражи,—онѣ подчиняются также мнѣ. 3-й баталіонъ въ резервѣ; онъ остается пока на мѣстѣ, въ окопахъ на горѣ. 1-й баталіонъ, захвативъ съ собой пулеметы, отойдетъ въ д. Гу-дзядзы по окончаніи работъ. Такое расположеніе полка я назначаю на сутки. Черезъ сутки баталіоны будутъ мѣняться мѣстами, если, впрочемъ, японцы дадутъ намъ время на это,—закончилъ шутливо командиръ.

Съ горки, гдѣ мы стояли, участокъ нашего полка былъ отлично виденъ [1]). Я постарался запечатлѣть его въ своей

[1]) На правомъ флангѣ уступомъ, шаговъ 1,000 назадъ—деревня Гу-дзядзы; она, если смотрѣть на югъ, лежитъ по правую сторону полотна желѣзной дороги, отдѣленная отъ него ничѣмъ незасѣянной шаговъ въ 300 полосой; на этой полосѣ чернѣла какая-то канава, оказавшаяся потомъ ручьемъ, раздувшимся отъ послѣднихъ дождей въ цѣлую рѣчку. Желѣзная дорога, какъ я уже упоминалъ, идетъ вдоль западнаго ската горы, то приближаясь къ подошвѣ ея шаговъ на 200, то удаляясь шаговъ на 400. Между горой и желѣзной дорогой проходитъ грунтовая дорога; по ней мы сегодня шли съ бивака на ломку гаоляна. Скатъ горы тутъ крутой, разрѣзанный узкими оврагами, расщелинами также съ крутыми, мѣстами отвѣсными боками. Въ одной изъ такихъ щелей стояли теперь наши пулеметы. Деревня Маѣтунь, своимъ правымъ (западнымъ) концомъ начинаясь у самаго угла «Сигнальной» (гора тутъ круто поворачиваетъ къ востоку), заполняетъ промежутокъ между ней и горкой, на которой мы стояли; спускаясь къ западу, горка эта доходитъ до желѣзной дороги,—разстояніе отъ вершины ея до дороги шаговъ 400. Съ юга она соединяется съ другой еще меньшей горкой. Деревня

памяти, особенно мѣстность, ближайшую къ горкамъ, какъ бы предчувствуя, что именно на этихъ горкахъ и около нихъ первый баталіонъ, обливаясь кровью, дастъ жестокій отпоръ врагу. Часу въ 6-мъ пополудни баталіонъ, окончивъ работы, отошелъ подъ западный склонъ «Сигнальной» горы къ тому мѣсту, гдѣ оставались пулеметы и куда подъѣхали къ этому времени кухни изъ обоза. Людямъ роздали ужинъ, офицеры также велѣли принести себѣ котелокъ съ солдатскимъ ужиномъ... Приказавъ командиру 4-й роты отнести съ полуротой на гору бывшее при насъ знамя, чтобы сдать его тамъ 3-му баталіону, и поручивъ старшему по мнѣ капитану вести баталіонъ въ д. Гу-дзядзы, какъ только поужинаютъ люди, я вмѣстѣ съ командиромъ пулеметной роты, капитаномъ Суринымъ, поскакалъ туда, желая засвѣтло успѣть осмотрѣть деревню и выбрать мѣста для ротъ и пулеметовъ на случай боя.

Маѣтунь охватываетъ своими постройками и маленькую горку. Эта часть Маѣтуня образуетъ какъ бы отдѣльную деревеньку По южной опушкѣ ея, обсаженной деревьями, былъ вырытъ окопъ полной профили (можно изъ него стрѣлять стоя). Конецъ. этого окопа отстоялъ отъ желѣзной дороги всего шаговъ на 100. Шагахъ въ 500—600 впереди него по правую сторону дороги рядомъ съ полуказармой былъ тотъ именно окопъ пограничниковъ, о которомъ упоминалъ командиръ полка. Его за гаоляномъ не было видно; будучи далеко вынесеннымъ впередъ изъ общей линіи и на отлетѣ, онъ на другой день подвергся жестокой атакѣ японцевъ, обошедшихъ его справа и слѣва по гаоляну, хотя сами японцы понесли при этомъ еще болѣе жестокія потери, попавъ подъ фланговый огонь изъ деревни Гу-дзядзы и ближняго окопа деревни Маѣтунь. Лѣвымъ (восточнымъ) концомъ деревни Маѣтунь ограничивался нашъ полковой участокъ. Между нами и 3-мъ полкомъ, за восточнымъ пологимъ скатомъ «Сигнальной», стояла артиллерія близъ проходящей здѣсь Мандаринской дороги. Орудія находились шаговъ на 400 влѣво и—700 назадъ отъ нашего лѣваго фланга; они стояли по ту сторону гребня и потому не были видны отъ насъ.

Деревня, раздѣленная улицами съ юга на сѣверъ (слѣдовательно въ направленіи удобномъ для движенія нашего резерва), была окаймлена со всѣхъ сторонъ сплошнымъ глинобитнымъ заборомъ въ ростъ и выше человѣка, достаточно толстымъ, чтобы служить хорошимъ прикрытіемъ для стрѣльбы изъ-за него; ломаная подъ прямыми углами линія его давала возможность обстрѣливать перекрестнымъ огнемъ приближающагося противника. Чтобы окончательно приспособить заборъ къ оборонѣ, надо было лишь придѣлать коегдѣ съ внутренней стороны ступеньки и пробить бойницы. Приспособленія эти роты сдѣлали своевременно, частью на другой день, частью въ этотъ же вечеръ. 1-я, 2-я и 3-я роты и пулеметы успѣли занять свои участки еще засвѣтло, расположившись биваками на огородахъ подъ защитою глинобитныхъ стѣнокъ забора. Безпокоилъ меня только гаолянъ. Въ этомъ мѣстѣ вокругъ деревни его ломали роты 4-го полка, съ наступленіемъ сумерекъ онѣ ушли. По моему мнѣнію полоса сломаннаго ими гаоляна была очень узка, шаговъ 300—400, надо же было, по крайней мѣрѣ шаговъ 600, чтобы японцы, прикрываясь имъ, не подошли слишкомъ близко незамѣченными; доломать гаолянъ я разсчитывалъ на слѣдуюшій день своими ротами, думалъ даже успѣть кое-что сдѣлать и сегодня, предполагая назначить для этого 1/2 [1]) роту 4-й роты, бывшую въ прикрытіи къ пулеметамъ, т. е. цѣлый день отдыхавшую. Но эта полурота, отнеся знамя, присоединилась къ баталіону, когда уже смерклось, и пора было вести ее въ сторожевую цѣпь около деревни. Разстановку цѣпи мы съ шт.-капитаномъ Мыловымъ [2]) окончили въ глубокой темнотѣ. Пробывъ цѣлый день на ногахъ и въ напряженномъ со-

[1]) Другая полурота 4-й роты оставалась въ прикрытіи къ полковому обозу.

[2]) Временно—командовавшій 4-й ротой.

стоянiи, я съ облегченнымъ сердцемъ забрался, наконецъ, въ разставленную на огородѣ близъ бивачнаго мѣста 4-й роты офицерскую палатку; внутри расторопными вѣстовыми были уже приготовлены намъ съ Мыловымъ постели изъ гаоляна, прикрытыя бурками, у меня, кромѣ того,—и одѣяломъ; на сундучкѣ, въ которомъ на ослѣ возились съѣстные припасы, чай съ сахаромъ и самоваръ, горѣла свѣча, шумѣлъ поставленный самоваръ, стояли разогрѣтыя и раскупоренныя двѣ банки обыкновенныхъ интендантскихъ консервовъ—горохавый супъ и рагу...

Мыловъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь улучшить столъ, досталъ откуда-то завалявшiйся кусочекъ московской бѣловской колбасы въ синей оберткѣ и,—о прiятная неожиданность!—за палаткой раздался голосъ:—«Ваше высокоблагородiе, отъ штабсъ-капитана Верещагина», въ то же время сквозь неплотно «зашитое» [1]) отверстiе палатки протянутая рука подала бутылку краснаго вина и почти полокорока ветчины, а голосъ пояснилъ: «Такъ что имъ барыня прислали, а они—вашему высокоблагородiю»...

— Очень хорошо,—поблагодари капитана.

Супруга Верещагина была сестрой милосердiя въ Ляоянѣ и оттуда при всякой оказiи присылала провизiю своему мужу, мужъ же, по правиламъ товарищества, дѣлился съ нами. Къ нашей трапезѣ, какъ нельзя кстати для голоднаго человѣка, прiѣхалъ мой баталiонный адъютантъ, подпоручикъ Никилевъ, бывшiй цѣлый день для «связи» [2]) въ штабѣ дивизiи. Онъ привезъ хорошiя вѣсти: по свѣдѣ-

[1]) Входъ въ палатку прикрывается полотнищемъ, которое, подшивается (привязывается) веревочками къ боковому полотнищу, составляющему сторону палатки.

[2]) Въ ожиданiи и во время боя въ штабъ дивизiи назначались для ординарческой службы (для связи) отъ каждаго полка дивизiи по одному конному офицеру.

ніямъ штаба дивизіи, вправо и позади нашего праваго фланга (къ сѣверу) стоялъ генералъ Самсоновъ съ 40 сотнями кавалеріи, а на одной линіи съ нами верстахъ въ 8-ми правѣе—генералъ Мищенко съ 10-ю сотнями. Извѣстіе было утѣшительное: это значило, японцы не могли сразу взять насъ во флангъ. Закусили, улеглись спать, разбудить себя велѣли въ 4 часа утра, зная почти навѣрное, что японцы, прикрываясь темнотой, передъ самымъ разсвѣтомъ начнутъ наступленіе. Въ 1 часъ ночи сильная ружейная перестрѣлка разбудила насъ... Стрѣльба какъ будто въ раіонѣ 3-го полка... Лежимъ и думаемъ, вставать или нѣтъ, наступленіе ли это или обыкновенное ночное безпокойство.

Перестрѣлка мало-по-малу затихла и мы уснули, чтобы, какъ намъ показалось со сна, сейчасъ же проснуться отъ жестокой ружейной пальбы и гула орудійныхъ выстрѣловъ. Жаркое дѣло началось въ восточномъ отрядѣ и, судя по выстрѣламъ, въ ближайшемъ къ намъ зарубаевскомъ корпусѣ. По тревожно-напряженной и захватывающей силѣ ружейнаго огня чувствовалось, что это не обыкновенная перестрѣлка и канонада, а настоящій бой.

Сраженіе подъ Ляояномъ 17-го августа.

I.

Началось Ляоянское сраженіе.

Я посмотрѣлъ на часы—безъ сколькихъ-то минутъ четыре,—четыре часа утра 17-го августа.—«Лошадь и одѣваться!»—кричу.—«Сѣдлаютъ»,—отвѣчаетъ вѣстовой и лѣзетъ въ палатку, таща самоваръ. Еще темно,—видно, какъ искры сыплются изъ поддонника.—«Ну, чай пить будемъ послѣ,—давай скорѣе одѣваться, я объѣду роты... а ты сверни тутъ палатку и приготовь чай». Сажусь на лошадь и съ трудомъ, каблуками и нагайкой, проталкиваю

ее сквозь узкую щель, нарочно пробитую для этой цѣли въ глинобитномъ заборѣ; стремена задѣваютъ за стѣнки, лошадь спотыкается о комья глины; натягиваю поводъ, поддерживая ее этимъ (она—у меня на переднія ноги слаба), и выѣзжаю на тропинку, идущую вдоль забора, между нимъ и ломанымъ гаоляномъ. Въ предразсвѣтномъ сумракѣ тропинка едва свѣтлѣетъ; ѣду по ней къ 3-й ротѣ, стараясь не попасть въ ломаный гаолянъ (чтобы не свалиться тамъ съ лошадью вмѣстѣ) и прислушиваясь къ шуму боя. Ружейный огонь разгорается все болѣе и болѣе, вспыхивая съ особенной силой на новыхъ мѣстахъ, должно быть, по мѣрѣ того, какъ вступаютъ въ дѣло новыя части; дробный частый трескъ сухихъ короткихъ ружейныхъ выстрѣловъ и гулъ отдаленной канонады покрывается по временамъ громкимъ ревущимъ уханьемъ залповъ ближнихъ батарей... Тамъ все реветъ, гудитъ, грохочетъ; здѣсь—до странности тихо... Темно, тепло и сухо; сзади слышенъ конскій топотъ...—«Кто ѣдетъ?» По голосу узнаю командира полка.— «А, это вы», говоритъ онъ: «вотъ и отлично, поѣдемте вмѣстѣ, я посмотрю ваше расположеніе». Люди вездѣ уже поднялись; сдержанный говоръ утихаетъ какъ только послѣ оклика часового узнаютъ, что подъѣзжаетъ командиръ полка... Командиръ 3-й роты, выстроивъ роту за ружьями для отданія чести, командуетъ вполголоса: «Смирно, гг. офицеры!»; командиръ полка также вполголоса, но такъ, чтобы слышали люди, говоритъ, обращаясь къ ротному командиру: «Я съ вашими людьми не буду здороваться, чтобы не привлекать вниманія японцевъ». Ѣдемъ къ слѣдующимъ ротамъ—вездѣ готовы и совершенно спокойны;—здѣсь еще не пролетѣла ни одна пуля, хотя скоро очередь и за нами,—кажется, перестрѣлка завязалась въ раіонѣ 3-го полка (рядомъ съ нашимъ).

Подтвердивъ мнѣ вчерашнее приказаніе[1]), командиръ съ ординарцами уѣхалъ впередъ ко 2-му баталіону, а я вернулся туда, гдѣ ночевалъ, чай пить... Сюда уже стянулась съ сторожевыхъ постовъ полурота 4-й роты, назначенная мною въ баталіонный резервъ; съ командиромъ ея и баталіоннымъ адъютантомъ мы усѣлись на разостланной вокругъ самовара буркѣ... Не успѣли выпить по стакану, какъ недалеко отъ насъ, въ деревнѣ, раздался сильный характерный трескъ разорвавшейся гранаты... Если это было простое «нащупываніе», то нечего было особенно безпокоиться, но если велась пристрѣлка (уже разсвѣло), то вслѣдъ за гранатой на наши головы могла посыпаться шрапнель... Велѣлъ перенести самоваръ и постлать бурку къ стѣнѣ фанзы; здѣсь мы находились, такъ сказать, за вѣтромъ; фанза (домъ) стояла поперекъ направленія выстрѣловъ и если бы, допустимъ, шрапнель разорвалась какъ разъ надъ нами, то пули и осколки, по законамъ разрыва, пролетѣли бы немного впередъ, слѣдовательно, не задѣвъ насъ; если бы, предположимъ, снарядъ разорвался немного впереди насъ (къ сторонѣ непріятеля), то все бы ударилось въ крышу, въ стѣну, не проникнувъ къ намъ. Такимъ образомъ, я и командиръ 4-й роты, какъ сидѣвшіе прислонясь къ стѣнкѣ, пили чай, можно сказать, въ полной безопасности... Только мой баталіонный адъютантъ, подпоручикъ Никилевъ, сидѣлъ на отлетѣ, выдерживая характеръ; но ни шрапнелей, ни гранатъ больше въ деревнѣ не рвалось, спугнувшая насъ граната была случайная,—японцы, повидимому, стрѣляя пока здѣсь по разнымъ направленіямъ, лишь «нащупывали» нашу артиллерію—авось не отзовется ли и тѣмъ не обнаружитъ ли до времени своего расположенія... Наши молчали. Къ сто-

[1]) Защищать занятую деревню и по возможности поддерживать 2-й баталіонъ.

явшей шагахъ въ 1,000 позади деревни батареѣ я послалъ остатки [1]) 4-й роты въ прикрытіе согласно записки командира полка; командиръ писалъ: «Начальникъ штаба [2]) замѣтилъ, что позади васъ батарея безъ прикрытія; пошлите роту [3]), отъ которой прикрытіе, къ обозу». Указывалась именно эта рота, чтобы сохранить мнѣ полностью три роты для защиты деревни. Записка пришла по полевой почтѣ; съ горы, отъ командира полка (онъ же начальникъ всего оборонительнаго участка «Сигнальной» горы), до занятой нами деревни, были разставлены шагахъ въ 50—100 одна отъ другой кучки солдатъ, человѣка по четыре, по пяти; они-то и составляли такъ называемую «полевую почту». Сверху, съ горы, гдѣ находилось высшее начальство [4]), передаваясь отъ кучки къ кучкѣ, шли записки съ приказаніями; снизу — донесенія отъ насъ, отъ конныхъ частей Мищенко и Самсонова; всадники съ донесеніями, прибывши къ подошвѣ крутой горы, вмѣсто того, чтобы карабкаться на кручу или дѣлать дальній объѣздъ, просто отдавали записку стрѣлку изъ кучки, стоявшей на самомъ низу; донесеніе быстро достигало кого слѣдуетъ, а пакетъ [5]), съ надписью: «получилъ такой-то» возвращался тѣмъ же путемъ казаку для врученія тому

[1]) Полуроту безъ одного отдѣленія, выдѣленнаго въ прикрытіе къ патроннымъ двуколкамъ.

[2]) Корпуснаго.

[3]) Полурота 4-й роты прикрывала полковой обозъ I разряда, стало быть оставалась свободной одна полурота (безъ отдѣленія); въ прикрытіе къ батареѣ посылается, обыкновенно, рота; командиръ полка находилъ возможнымъ, по обстановкѣ, ограничиться одной полуротой.

[4]) Командиръ корпуса генералъ Штакельбергъ, начальникъ дивизіи генералъ Гернгроссъ, начальникъ штаба корпуса генералъ Бринкенъ, командиръ полка, начальникъ штаба дивизіи полковникъ Новосельскій.

[5]) Въ которомъ заключалось донесеніе.

начальнику, которымъ казакъ былъ посланъ, какъ удостовѣреніе, что донесеніе дошло по назначенію.—Послѣ чая мы съ адъютантомъ поѣхали впередъ; по дорогѣ, предупредивъ командира 3-й роты объ уходѣ въ прикрытіе къ артиллеріи бывшей въ резервѣ 4-й роты, я назначилъ 3-ю роту въ баталіонный резервъ съ тѣмъ, чтобы она продолжала оставаться на мѣстѣ, по западному краю деревни, на случай обхода японцевъ съ этой стороны; участокъ слѣдующей 2-й роты былъ юго-западный уголъ деревни. Поставленные тутъ, какъ и въ 3-й ротѣ, часовые зорко наблюдали за коридорами по межамъ, которыя мѣстами разрѣзывали стоявшій шагахъ въ 400-хъ [1]) сплошною стѣною гаолянъ—прекрасное прикрытіе отъ нашихъ взоровъ для наступающихъ японцевъ; на всякій случай въ гаолянъ, шаговъ на 50-ть въ глубь, были заложены секреты [2]). За заборомъ, или точнѣе, за глинобитной стѣнкой съ пробитыми теперь въ ней для стрѣльбы дырками—бойницами, шагахъ въ 20-ти отъ нея стояли ряды составленныхъ въ «козлы» ружей; около нихъ ходилъ часовой. Тутъ же сидѣли и лежали стрѣлки съ надѣтыми поясами, съ поддѣтыми на нихъ патронными подсумками; скатанныя вмѣстѣ съ полотнищами палатокъ шинели (скатки), вещевые мѣшки лежали правильными рядами... Однимъ словомъ, при надобности черезъ двѣ-три минуты рота вполнѣ одѣтой могла вступить въ бой, но покамѣстъ люди отдыхали; кое-гдѣ изъ укромныхъ уголковъ изъ-за фанзъ поднимались дымки,—тамъ очередные «варили» чай. Шагахъ въ 1,000 влѣво отъ юго-западнаго угла деревня дѣлаетъ выступъ къ югу; правую половину

[1]) Работавшія наканунѣ роты 4-го полка не успѣли, къ сожалѣнію, выломать его на большее пространство.

[2]) Кучки расторопныхъ и сметливыхъ солдатъ человѣка по три—по пяти.

этого выступа занимала рота Его Величества — лѣвую (ближайшую къ полотну желѣзной дороги)—пулеметы. Передъ этимъ мѣстомъ къ югу разстилалась полоса низкорослыхъ хлѣбовъ [1]); справа ее ограничивала стѣна гаоляна, слѣва—сначала полотно желѣзной дороги, а потомъ тоже гаолянъ; здѣсь гаолянъ начинался на высотѣ деревни Маѣтунь [2]) передъ маленькими горками, закрывая отъ насъ эту деревню и находившуюся впереди ея желѣзнодорожную полуказарму съ окопомъ пограничниковъ. Отъ роты Его Величества и пулеметовъ видно было уголъ «Сигнальной» съ окопами наверху и — далеко къ юго-востоку — поднимались горы, артиллерійскія позиціи японцевъ; такъ надо было полагать, потому что надъ ними то и дѣло появлялись бѣлые клубочки дыма отъ разрыва нашихъ шрапнелей... Изрѣдка японская шрапнель рвалась надъ «Сигнальной»; долину, гдѣ мы вчера ломали гаолянъ и гдѣ теперь, вѣроятно, наступали японцы, скрывали отъ насъ двѣ маленькія горки у подошвы «Сигнальной», о которыхъ я уже упоминалъ... Отчетливо и близко слышались орудійные выстрѣлы; казалось,—вступила въ дѣло батарея на лѣвомъ флангѣ позиціи нашего полка; ружейный огонь тоже близко; онъ то утихалъ, то опять разгорался...

Стрѣлки роты Его Величества, примостившись на заборѣ или стоя за воротами, съ живѣйшимъ вниманіемъ слѣдили за разрывами снарядовъ нашихъ и непріятельскихъ.

— Вишь, какъ угодилъ, прямо надъ нашимъ окопомъ, а вонъ, тамъ, далеко на горѣ, знать, наша шрапнель рвется; тамъ, значитъ, онъ... — слышались замѣчанія изъ кучекъ. Говоръ иногда замолкалъ; это—когда гдѣ-нибудь

[1]) Бобы, чумиза, пайза (то и другое—видъ пшена).

[2]) Собственно на высотѣ юго-западной части выступа этой деревни.

близко вновь разразившаяся адская трескотня ружейнаго огня захватывала все вниманіе; взоры всѣхъ невольно обращались по направленію выстрѣловъ; хотя изъ-за горы ничего нельзя было видѣть, но воображеніе рисовало послѣдніе моменты атаки—подходятъ ближніе японскіе резервы, поднимая цѣпи, чтобы ринуться въ штыки на нашихъ, сзади имъ въ подкрѣпленіе движутся колонны за колоннами.—По нимъ бьетъ наша артиллерія—и, дѣйствительно, громовые раскаты залповъ батарей потрясаютъ воздухъ...

Орудійный и ружейный огонь достигъ высшей степени напряженія; кажется, еще минута и все должно кончиться: или мы или они... но нѣтъ, проходятъ минуты, а боевой ураганъ продолжаетъ ревѣть съ прежней силой, и для утомленнаго напряженіемъ вниманія онъ уже не представляетъ ничего особеннаго; да и на самомъ дѣлѣ это были только первыя волны прибоя къ нашимъ скаламъ; кровавыя, онѣ, хлестнувъ по нимъ, залили и обрызгали кровью землю и людей... До насъ брызги еще не достигаютъ, пули еще не летятъ надъ нами... Примолкшіе было, солдаты опять заговорили; они отдохнули за ночь, позавтракали и теперь прямо-таки наслаждаются зрѣлищемъ боя, нисколько не заботясь о томъ, что скоро, быть можетъ, сейчасъ, они изъ зрителей обратятся въ дѣйствующихъ лицъ. Естественное явленіе.

На войнѣ люди привыкаютъ не думать о томъ, что будетъ съ ними черезъ часъ (а не свыкаются съ мыслью о смерти, какъ это обыкновенно принято думать), иначе никакія человѣческія силы не вынесли бы постояннаго ожиданія смерти.

Поговоривъ съ офицерами роты Его Величества, я прошелъ на другой дворъ къ пулеметной ротѣ. Тутъ впервые за этотъ день прожужжали надъ моей головой

пули; правда, летѣли онѣ высоко и ихъ еще можно было пересчитать; по площадкѣ огорода, позади пулеметовъ, ходили взадъ и впередъ солдатики пулеметной роты, кто—къ лошадямъ, стоявшимъ въ закрытіи за фанзами, кто—«сварить» чай или—за другой какой солдатской надобностью...

Пулеметчики очень мало обращали вниманія на пули, какъ будто это летали пчелы... Если, впрочемъ, пули и дѣйствовали на солдатъ, то лишь слегка возбуждающе, такъ что люди при этомъ думаютъ не о предстоящихъ опасностяхъ, а о томъ, какъ бы получше дать сдачи врагу...

Восемь пулеметовъ, немного вкопанныхъ въ землю, хорошо были укрыты за толстымъ глинобитнымъ заборомъ и маскировались растущими тутъ деревьями. Дула пулеметовъ черезъ пробитыя въ заборѣ небольшія окошки-амбразуры глядѣли въ поле, ожидая, пока непріятель подойдетъ на должную дистанцію.—Пріѣхалъ казакъ-урядникъ изъ разъѣзда и доложилъ, что японцы обходятъ насъ справа; то же самое доносилъ командиръ сотни изъ числа находившихся подъ начальствомъ генерала Мищенко. По положенію о связи, всѣ донесенія на имя старшаго начальника (въ данномъ случаѣ генерала Штакельберга) направлялись въ нашемъ раіонѣ сначала къ начальнику крайняго праваго участка, т. е. ко мнѣ; какъ таковой, чтобы быть въ курсѣ дѣла, я былъ обязанъ каждый пакетъ вскрыть, прочитать донесеніе, расписаться на немъ въ прочтеніи и тогда ужъ отправить дальше по назначенію. Послалъ адъютанта предупредить роты о начавшемся обходѣ, и такъ какъ время подходило къ полудню, то распорядился послать за кухнями, разсчитывая, что люди успѣютъ пообѣдать. Сами мы собрались въ фанзу, куда денщики принесли закуску и чайники съ кипяченой водой; пора была закусить, да и пить хотѣлось—жара давала себя знать. Закусывая, получилъ по полевой почтѣ записку отъ командира полка;

онъ писалъ: «Японцы обходятъ васъ справа; ихъ пѣхота идетъ шагахъ въ 2,400—3,000 передъ вами; не найдетъ ли возможнымъ капитанъ Суринъ[1]) открыть огонь изъ пулеметовъ». Затѣмъ пріѣхалъ конный стрѣлокъ отъ командира 2-го баталіона, полковника А., и доложилъ:

— Полковникъ А. проситъ отъ васъ двѣ роты въ поддержку, такъ что японцы совсѣмъ близко.

— А записка отъ полковника есть?

— Никакъ нѣтъ!

— Ну, такъ поѣзжай и доложи командиру баталіона, что безъ записки я не могу послать ни одной роты; пусть они въ запискѣ напишутъ, что командиръ полка разрѣшилъ имъ взять отъ меня двѣ роты, тогда дамъ. Я не могу остаться съ одной ротой и пулеметами... Насъ обходятъ японцы...

Охотникъ уѣхалъ, а я вышелъ изъ фанзы, чтобы итти къ капитану Сурину передать ему желаніе командира полка насчетъ открытія огня изъ пулеметовъ... Пули уже довольно сильно посвистывали и надъ дворомъ роты Его Величества; какъ разъ пролетѣвъ черезъ насъ, разорвались въ деревнѣ двѣ гранаты; я взглянулъ на окопы на «Сигнальной»—тамъ не пропадали бѣлые дымки рвавшихся шрапнелей... На нашемъ правомъ флангѣ дѣло, повидимому, принимало серьезный оборотъ; японцы, попытавъ счастья пробить стѣну лбомъ, дѣлали рѣшительный обходъ вправо по равнинѣ... Откуда-то изъ подвала, кажется, той же фанзы, гдѣ мы закусывали, выскочило двое чисто одѣтыхъ китайцевъ, нельзя сказать, чтобы съ испуганными лицами; они пустились бѣжать въ гаолянъ по направленію къ японцамъ; ихъ, по моему приказанію, стрѣлки догнали и заперли въ пустую фанзу; иначе могло случиться, что черезъ какихъ-нибудь полчаса наша деревня

[1]) Командиръ пулеметной роты.

была бы засыпана шрапнелью, китайцы эти могли быть японскіе шпіоны; судя по бывшимъ примѣрамъ, китайцы не разъ давали знать японцамъ во время самаго сраженія о расположеніи нашихъ войскъ. Солдатиковъ эта ловля развеселила, но я замѣтилъ, что кое-кто изъ стрѣлковъ сидѣли уже плотно прижавшись къ забору спиной, чтобы лучше укрыться отъ пуль, съ выраженіемъ, какое бываетъ на лицахъ у людей при сильныхъ приступахъ ...разстройства желудка... Я зналъ, что это значило: у нѣкоторыхъ чувство самосохраненія начинало брать верхъ надъ всѣми остальными... Не надо было съ самаго начала давать распространяться и укрѣпляться этому чувству въ людяхъ; лучшее средство противъ него—спокойствіе и выдержка начальника—примѣръ. Изъ фанзы я случайно вышелъ безъ фуражки, а теперь, замѣтивъ эти разстроенныя лица, пошелъ нарочно безъ фуражки и тихо, какъ бы прогуливаясь. По правдѣ сказать, эта вынужденная прогулка имѣла воспитательную цѣль, между прочимъ, и для меня самого—нѣтъ ничего хуже пассивнаго сидѣнья подъ разстрѣломъ...

— Донесите командиру полка, что, по правиламъ стрѣльбы изъ пулеметовъ, лучшей считается дистанція на 1,500 шаговъ, да къ тому же отсюда пока ничего не видно: идутъ, вѣроятно, по какой-нибудь низинѣ. Командиру съ горы видно, а отсюда—нѣтъ,—отвѣтилъ мнѣ бравый командиръ пулеметной роты [1]) на переданное мною предложеніе командира полка стрѣлять. Такъ я и донесъ. Командиръ 2-го баталіона прислалъ записку, въ которой писалъ, что онъ проситъ прислать двѣ роты и что командиръ полка вообще разрѣшилъ ему брать отъ меня подкрѣпленія; послѣднее я и самъ зналъ.

[1]) Капитанъ Суринъ получилъ за это дѣло георгіевскій крестъ и чинъ подполковника.

— Ну, говорю, обращаясь къ командующему ближайшей ротой (ротой Его Величества): Александръ Өедоровичъ, съ Богомъ, отправляйтесь впередъ и явитесь тамъ полковнику А. Вы назначаетесь на поддержку 2-го баталіона.

Расцѣловались, перекрестилъ я его... Разсыпавъ полуроту и имѣя другую шаговъ на 100 позади, шт.-капитанъ Верещагинъ повелъ роту впередъ, направляя ее на маленькія горки; около пулеметовъ осталась вызванная ранѣе изъ резерва 3-я рота; въ ней уже были раненые. Западную сторону деревни охраняла одна 2-я рота. Когда ушла рота Его Величества, я послалъ командиру полка докладъ такого содержанія: «Полковникъ А. просилъ прислать въ поддержку ему двѣ роты—я отправилъ одну роту Его Величества; если бы я отправилъ двѣ, то для защиты деревни осталась бы всего одна рота (4-я въ расходѣ: прикрываетъ батарею и обозъ), а у меня пулеметы, и японцы обходятъ. Прошу указанія: если будетъ выслана отъ меня на поддержку 2-го баталіона еще рота, то тогда гдѣ находиться мнѣ лично» [1]).

Немного погодя получаю пакетъ съ надписью: «Командиру 1-го Вост. Сиб. Стр. Е. В. полка»; спрашиваю охотника, привезшаго пакетъ: «Отъ кого?»—«Отъ командира 4-го полка». Разрываю и читаю: «Согласно приказанія начальника дивизіи, 4-й полкъ занимаетъ д. Гу-дзядзы». «Гдѣ полкъ?» — «За деревней». Пакетъ отправляю по назначенію. Влѣдъ за этимъ получаю отъ командира полка записку: «Деревню Гу-дзядзы займетъ 4-й полкъ; пулеметы останутся при немъ; вы же съ двумя ротами идите немедленно впередъ на поддержку 2-го баталіона.

«Полковникъ Лешъ».

[1]) Спрашивалъ такъ, потому что, будучи начальникомъ участка, я не имѣлъ права оставлять его, хотя бы впередъ уходили двѣ роты.

II.

Посылаю ординарца къ командиру 2-й роты съ приказаніемъ ротѣ немедленно слѣдовать за 3-й и, предупредивъ чрезъ унтеръ-офицера командира пулеметной роты о томъ, что мы уходимъ, а онъ остается съ 4-мъ полкомъ, веду 3-ю роту къ восточной сторонѣ деревни. Чтобы избѣжать напрасной потери, идемъ подъ заборами по закоулкамъ, наконецъ попадаемъ въ тупикъ—передъ нами высокая глинобитная стѣна. Я и капитанъ Холево II (командиръ роты) шашками, солдаты руками, штыками прорываемъ дыру, чрезъ которую и пролѣзаемъ; дальше переходимъ въ бродъ рѣчку; добираемся до полотна желѣзной дороги; тутъ, въ низинѣ, шальныя пули летятъ высоко — даю людямъ отдохнуть; вижу, — шт.-капитанъ Даирскій ведетъ 2-ю роту прямо по полю, разсыпавъ цѣпь; хочу, чтобы отъ принялъ къ намъ, кричу ему, машу, но онъ, занятый командованіемъ, ничего не слышитъ; ну, думаю, пусть такъ,—меньше безпорядку, а отъ потерь Богъ помилуетъ. Пошли дальше по выемкѣ вдоль насыпи, стрѣлки держатъ ружья у ноги; идущая такъ рота почти незамѣтна со стороны непріятеля. Только когда выемка прерывалась и мы выходили на открытое мѣсто, пули летѣли близко-близко надъ нашими головами. По такимъ мѣстамъ шли, что называется, «во всю ивановскую». Ну, вотъ мы у желѣзнодорожнаго моста; надо переходить на другую сторону дороги... Солдаты пробуютъ итти подъ мостомъ по водѣ, но тутъ глубоко; перебѣгаемъ поверхъ насыпи... Пули засвистали часто и низко: насъ замѣтили.— «Скорѣй, скорѣй!» — кричу... Рота за насыпью, капитанъ Холево II приводитъ ее въ порядокъ; слава Богу, не потеряли ни одного человѣка. Идемъ дальше; пули ле-

тятъ высоко; отъ взоровъ и прицѣльныхъ выстрѣловъ японцевъ насъ прикрываютъ теперь горки; до нихъ шаговъ 700. Неожиданно натыкаемся на рѣчку; она опять поперекъ дороги намъ; солдаты рѣшительно идутъ въ бродъ; вода по поясъ и даже выше; оглядываюсь, не видать ли ординарца съ лошадью,—нѣтъ,—они гдѣ-то далеко сзади; лѣзть въ воду не хочется,—насморка и ревматизмовъ боюсь пуще японскихъ пуль; чтобы отвести душу, громко выбранился; какой-то унтеръ-офицеръ, сжалившись надо мной, предлагаетъ: «Ваше высокоблагородіе, садитесь на меня—перевезу»; недовѣрчиво оглядываю его некрѣпкую фигуру, но сажусь съ словами: «Спасибо, голубчикъ». Унтеръ-офицеръ входитъ въ воду и на самомъ глубокомъ мѣстѣ спотыкается; оба погружаемся: онъ — совсѣмъ, я—по поясъ; бранюсь еще громче и вылѣзаю на другой берегъ...

Изъ густой травы, между насыпью дороги и горкой, идутъ цѣпью навстрѣчу намъ солдаты; посрединѣ фельдфебель.— «Что это—отступаете?—кричу ему; но они, замѣтивъ насъ, остановились и залегли въ травѣ по канавѣ у дороги; вѣроятно, это были обрывки цѣпи или отъ полуроты 6-й роты или отъ 8-й роты, высланныхъ ранѣе въ гаолянъ вправо отъ окопа пограничной стражи, который японцы обходили въ этотъ именно моментъ. Подъ горкой, куда мы идемъ, двигается справа рядами, направляясь къ желѣзной дорогѣ, 10-я рота; узнаю по офицерамъ; они идутъ впереди... «Что, думаю, они тутъ болтаются и не занимаютъ горки?» Мои роты уже подъ ея защитой, въ «мертвомъ пространствѣ». Пока фельдфебеля устраивали ихъ, я съ офицерами поднялся на вершину, чтобы осмотрѣть мѣстность. Вправо, на полосу низкорослыхъ хлѣбовъ, отдѣлявшую гаолянъ передъ д. Гу-дзядзы отъ гаоляна передъ д. Маѣтунь выходили, какъ будто изъ-за окопа пограничниковъ, япон-

скія густыя цѣпи; шли онѣ въ полъ-оборота, принимая по своей рукѣ влѣво, т. е. въ обходъ д. Гу-дзядзы.

Приказываю шт.-капитану Даирскому поднять 2-ю роту наверхъ и въ то же время, къ моему удивленію и досадѣ, вижу, что между приведенными мною ротами затесалась вернувшаяся зачѣмъ-то назадъ 10-я рота, сюда же подваливаютъ изъ травы придорожной канавы какія-то отдѣльныя кучки стрѣлковъ—не то раненые, не то—такъ себѣ; все это толчется на одномъ мѣстѣ, производя кавардакъ и нежелательное впечатлѣніе на моихъ. Прошу адъютанта спуститься внизъ и передать отъ моего имени командовавшему ротою капитану, чтобы онъ велъ свою роту туда, куда ему приказано, а не оставался бы здѣсь, на участкѣ 1-го баталіона.

Довольно толстый капитанъ (изъ прикомандированныхъ), старше меня годами и, вѣроятно, службой, послушно исполнилъ мое требованіе; 10-я рота пошла гуськомъ туда, откуда мы только что пришли, т. е. назадъ, и больше на горизонтѣ не появлялась [1]). Разсыпавшись по гребню горки, 2-я рота открыла по двигавшимся японскимъ цѣпямъ пальбу залпами съ прицѣломъ на 2,400 шаговъ, а я поспѣшилъ переодѣться въ сухое бѣлье, принесенное мнѣ вѣстовымъ изъ запасной сумки въ сѣдлѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ въ ротѣ были уже убитые и раненые: японцы залегли въ гаолянѣ и въ свою очередь начали стрѣлять въ насъ. Не видя ихъ болѣе и чтобы понапрасну не терять людей, 2-я рота, прекративъ стрѣльбу, по моему приказанію отодвинулась немного назадъ, за гребень; лѣвѣе ея легла въ двухвзводной колоннѣ 3-я рота. Для наблюденія за противникомъ и чтобы онъ, обойдя окопъ справа, не занялъ

[1]) Эта рота только что спустилась изъ полкового резерва съ Сигнальной горы на подкрѣпленіе 2-го баталіона и не могла найти себѣ мѣста.

лежащую впереди насъ (и позади окопа роты Его Величества) другую небольшую горку, былъ высланъ на нее отъ 2-й роты взводъ подъ командой подпоручика Грудзинскаго. Тотчасъ по занятіи горокъ (во 2-мъ часу пополудни) я далъ знать о нашемъ туда прибытіи командовавшему ротой Его Величества шт.-капитану Верещагину; одна полурота роты Его Величества была вмѣстѣ съ полуротой 5-й роты въ окопѣ, опоясывавшемъ часть д. Маѣтунь впереди упомянутой маленькой горки, другая—вмѣстѣ съ пограничниками въ ихъ окопѣ. Теперь оба окопа входили въ мой участокъ и части, занимавшія ихъ, должны были подчиняться мнѣ. Донесъ командиру полка и, какъ старшему,—командиру 2-го баталіона, полковнику Андрееву; роты его баталіона, какъ уже было сказано, занимали окопы передъ всей деревней Маѣтунь.

По заведенному еще подполковникомъ Котюжинскимъ обычаю, для передачи приказаній въ моемъ распоряженіи находились четыре молодца-стрѣлка, георгіевскихъ кавалера, по одному отъ каждой роты.

Возвратившись отъ полковника Андреева, стрѣлокъ доложилъ:

— Сказали, что очень пріятно.

Но скоро получилось и «непріятно». Со стороны желѣзной дороги изъ густой травы, куда, въ канаву между насыпью и горкой, стекались всѣ выбывшіе изъ строя пограничники и изъ ротъ, заброшенныхъ въ гаолянъ, продолжали тянуться непрерывной кишкой солдаты: несли раненыхъ на полотнищахъ палатокъ, тащили просто за плечи и за ноги, вели подъ руки, другіе раненые плелись сами, опираясь на ружье или на товарища. Мелькнула офицерская форма. Вглядываемся съ тревожнымъ любопытствомъ и узнаемъ нашего милаго товарища, юношу Грудзинскаго. Онъ какихъ-нибудь полчаса то-

му назадъ повелъ взводъ на переднюю горку, и вотъ уже его несутъ въ сидячемъ положеніи, ухватили—неловко: онъ какъ-то перегнулся на сторону, грудь ввалилась, голова поникла... Никилевъ сбѣжалъ къ нему, поцѣловалъ... Раненъ въ грудь на вылетъ; врядъ ли будетъ живъ; тащатъ другого, поручика Абрамова: онъ былъ, кажется, съ полуротой 6-й роты въ гаолянѣ; тащатъ съ трудомъ, полная его фигура грузно опустилась, какъ мѣшокъ. Пронесли офицеровъ, опять вереница солдатъ... Это-то бы все куда ни шло,—раненые, ихъ несущіе и имъ помогающіе,—но бѣда въ томъ, что идетъ много лишняго народа—здоровыхъ. Идетъ, напримѣръ, прихрамывая легко раненый стрѣлокъ, его придерживаетъ зачѣмъ-то за локоть здоровый; или идетъ кучка человѣкъ въ 6-ть совершенно здоровыхъ, одни—безъ раненаго.

Не утерпѣлъ, послалъ узнать: «Почему идутъ, куда идутъ?»

— За патронами,—отвѣчаютъ.

Можетъ быть такъ, а можетъ быть и нѣтъ. Останавливать и опрашивать каждую такую кучку неудобно,—это значитъ обращать особенное вниманіе своихъ стрѣлковъ на явленіе, котораго лучше было бы имъ не видѣть.

Чтобы оградить себя отъ безпорядка, выслалъ заставу на то мѣсто, гдѣ, выходя изъ травы, люди поворачивали къ намъ; застава была снабжена лишними патронами для раздачи желающимъ и могла пропускать къ намъ только раненыхъ и тѣхъ, кто ихъ несъ или велъ, а остальныхъ должна была гнать назадъ. Мнѣ съ горки было видно, какъ мелькали согбенныя фигуры, пробираясь въ густой высокой травѣ по канавѣ вдоль насыпи. Они уходили за патронами... Я махнулъ рукой—лишь бы не мимо насъ.

Штабсъ-капитанъ Даирскій получилъ отъ полковника Андреева записку, въ которой полковникъ приказывалъ, по-

мимо меня, моему подчиненному выслать отъ 2-й роты взводъ съ патронами (т. е. съ лишними патронами для раздачи) къ 8-й ротѣ и къ полуротѣ 6-й роты въ гаолянъ, т. е. туда, откуда все уходило, уползало и скрывалось. Взводъ человѣкъ въ 40 назначался какъ для подноски патроновъ, такъ и для подкрѣпленія, потому что въ запискѣ о его возвращеніи къ ротѣ не упоминалось; да и вернуться оттуда онъ могъ только такъ и такимъ путемъ, какимъ уходили стрѣлки 8-й и 6-й ротъ...

Посылать взводъ въ гаолянъ, очевидно, не было смысла: если бы даже тамъ и оставались кое-какіе остатки отъ 8-й роты и полуроты 6-й, то какъ ихъ было найти?

Чтобы все-таки исполнить приказаніе, я велѣлъ послать взводъ въ окопъ къ ротѣ Его Величества, которая находилась бокъ-о-бокъ съ гаоляномъ, куда спервоначалу были высланы упомянутыя полторы роты. Полковнику же Андрееву послалъ такое донесеніе: «Такъ какъ я, вр. командующій 1-мъ баталіономъ, нахожусь при ротахъ, то прошу съ требованіями обращаться ко мнѣ; по моему мнѣнію, ослаблять мои роты рискованно, въ виду ясно опредѣлившагося обхода японцевъ; обходя, они могутъ взять во флангъ д. Маѣтунь такъ же, какъ и окопъ передъ ней. 2-я и 3-я роты (на горкахъ), составляя уступъ справа, препятствуютъ этому и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ связью съ 4-мъ полкомъ въ д. Гу-дзядзы. Въ гаолянъ же къ ротамъ посылать вообще никого не слѣдуетъ: отъ нихъ врядъ ли что̀ осталось,—оттуда идутъ и раненые и здоровые, кучами въ безпорядкѣ [1]),—резервный взводъ (или

[1]) Непріятно было писать такъ: роты — хорошія: 8-й ротой командовалъ молодецъ-офицеръ, недавно прибывшій изъ Россіи (шт.-капитанъ Рябенко), но необходимо было для пользы дѣла назвать вещи собственными именами. Въ сущности, съ 8-й ротой и полуротой 6-й роты случилось то же самое, что спустя

полурота) отъ этихъ ротъ отошелъ съ фельдфебелемъ назадъ еще ранѣе прибытія нашего на горки, взводъ отъ 2-й роты посланъ съ патронами по моему приказанію къ ротѣ Его Величества».

Послѣ этого полковникъ А. оставилъ мои роты въ покоѣ.

трое сутокъ произошло при тѣхъ же обстоятельствахъ съ полками 54-й дивизіи (генерала Орлова).

Какъ извѣстно, 1-й Сибирскій армейскій корпусъ генерала барона Штакельберга, защищая въ теченіе 17, 18 и 19 августа ввѣренныя ему позиціи, доблестно отбилъ всѣ атаки японцевъ. Корпусъ потерялъ при этомъ болѣе трети своего состава, заставивъ противника потерять еще больше. И вотъ, когда истекавшій кровью врагъ былъ не въ силахъ предпринять новыя атаки, корпусъ получилъ приказаніе оставить облитыя его кровью позиціи и итти форсированнымъ маршемъ, чтобы защищать брешь, которую сдѣлала армія Куроки на восточномъ фронтѣ, гдѣ оперировала 54-я дивизія и Псковскій полкъ.

Будучи раненъ 18 августа, я туда не ходилъ, но вотъ что разсказывалъ мнѣ потомъ командиръ 3-й роты капитанъ Холево II: «Усталые, подходимъ едва двигаясь (еще бы: пять ночей не спали, слишкомъ треть состава потеряли, шли форсированнымъ маршемъ). 1-й баталіонъ еще не стянулся, а корпусный ужъ тамъ и все спрашиваетъ командира: «Скоро ли подойдетъ вашъ полкъ, скоро ли? Видите, что дѣлается!» И самъ на конѣ верхомъ бросается въ середину безпорядочной толпы солдатъ (видны и офицеры), выбѣгающихъ подъ свистъ пуль изъ гаоляна. «Стой, стой, мерзавцы, подлецы, стой!»—кричитъ онъ, извиваясь между ними какъ змѣя. Но раненые и здоровые бѣгутъ, идутъ, не обращая на него никакого вниманія.

«Подошли»,—говорилъ другой товарищъ,—«остановились отдохнуть, разсыпали цѣпь; кругомъ кучками лежатъ раненые 54-й дивизіи; санитары кое-кого перевязываютъ, подбираютъ; я разговорился съ однимъ изъ раненыхъ: «Разскажи, братъ, какъ это все у васъ случилось?»—«Да что, ваше благородіе, шли мы это, шли по гаоляну, инда одурь взяла,—гдѣ свои—гдѣ японцы, ничего не видно. Только выходимъ на чистое мѣсто, а онъ, значитъ японецъ-то, впереди на горкѣ и кричитъ намъ: не стрѣляй—свои-де. Но мы не вѣримъ: лицомъ къ намъ, да слышь,—японцы говорятъ по нашему и переодѣваются. Мы и давай жа-

Смотрю, появился съ задней линіи стрѣлокъ съ ружьемъ за плечами и съ полнымъ ведромъ порцій (кусковъ мяса) въ рукѣ.

рить по нимъ». Двинулась наша цѣпь дальше,—продолжалъ разсказывать мой товарищъ,—опять остановились, какъ разъ на горкѣ, откуда, по словамъ раненаго, имъ кричали японцы. Тоже кучки раненыхъ русскихъ. Тутъ также я разспросилъ одного: «Зашли мы въ гаолянъ—ничего не видно, идемъ кто—куда; вышли на горку, смотримъ—идутъ по гаоляну, а кто—не разберешь,—гаолянъ высокій, весь шевелится, видно, что много народу идетъ; можетъ—японцы, мы и давай стрѣлять. Выходятъ... глядь—свои, кричимъ имъ: не стрѣляй—свои, а они такъ и лупятъ, такъ и лупятъ; страсть, что народу задаромъ положили, а тутъ подошли и японцы...»

Вотъ буквально разсказъ шт.-капитана Даирскаго, который я слышалъ отъ него въ госпиталѣ въ Харбинѣ спустя три недѣли послѣ Ляоянскаго боя. И разсказъ несомнѣнно правдоподобный,—сужу по опыту Китайской войны, когда намъ много приходилось двигаться по гаоляну. Да немудрено и представить себѣ картину такого движенія. Вообразите вмѣсто гаоляна густую молодую заросль гдѣ-либо въ чернолѣсьѣ. Представьте себѣ, что вы, сбирая грибы, забрались въ самую чащу; вы пробираетесь сквозь нее, расчищаете себѣ путь руками, аукаетесь: вамъ отвѣчаютъ со всѣхъ сторонъ. Вы знаете, что кругомъ васъ свои, что вы скоро выйдете на поляну, и все-таки васъ беретъ оторопь. Поспѣвшій гаолянъ—это тоже, что молодой лѣсъ, но болѣе сплошной, густой, душный и безпросвѣтный. Попала туда, допустимъ, рота—каждый отдѣльный человѣкъ не всегда видитъ даже сосѣда, не только начальника; идутъ по слуху, шорохъ и трескъ со всѣхъ сторонъ: и впереди, и позади, и съ боковъ; одни идутъ скорѣе, другіе отстаютъ, мѣняютъ направленіе. Чрезъ какихъ-нибудь 500 шаговъ такого движенія часть (говорю про неопытную) перестаетъ существовать: пробираясь сквозь чащу, идутъ отдѣльныя кучки измученныхъ людей; летятъ откуда-то пули, убиваютъ, ранятъ, слышны крики раненыхъ о помощи, натыкаются на убитыхъ, тревожные голоса спрашиваютъ: «гдѣ наши, гдѣ японцы?» При такой обстановкѣ въ сердца мужественныхъ закрадывается робость, робкіе начинаютъ трусить, ложатся, отстаютъ. Стоитъ только кому-нибудь выстрѣлить случайно или со страху, или чтобъ ободрить себя, какъ это иногда бываетъ въ сторожевой

— Ты это, братъ, куда?—спрашиваю.

— Такъ что въ 8-ю роту пайки несу.

— А гдѣ 8-я рота?

— Она въ гаолянѣ.

— А гаолянъ гдѣ?

— Вонъ тамъ,—показалъ онъ совершенно вѣрно направленіе и добавилъ: Фельдфебель безпремѣнно велѣлъ принести.

— Ну, да впрочемъ ступай, можетъ, кого и найдешь; не найдешь, такъ вернешься, если...

Фамилію этого солдата я не спросилъ, да и къ чему?— «Георгія» все равно не дали бы этому сѣрому герою съ ружьемъ за плечами и ведеркомъ въ рукахъ: слишкомъ ужъ простъ его подвигъ...

Онъ минутъ черезъ 20-ть вернулся какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ну что? не нашелъ?

— Никакъ нѣтъ—такъ малость осталась...

Ушелъ съ пайками. Какъ изъ-подъ земли выросли и вытянулись передо мной два брата Горностаевы[1]).

— Господинъ капитанъ, охотничья команда 3-го полка назначена въ ваше распоряженіе,—что прикажете дѣлать? Позвольте вамъ доложить, вонъ тамъ, въ канавѣ, у желѣзной дороги, лежатъ раненые пограничники—ихъ бы надо вынести,—рапортуетъ мнѣ старшій, шт.-капитанъ Горностаевъ (Федоръ).

— Здравствуйте, Федоръ Дмитріевичъ,—они оба мои

цѣпи, и пошла перестрѣлка безъ всякой видимой цѣли, на-угадъ, по слуху. Стрѣляютъ по своимъ, по чужимъ, не разбирая, а стараясь лишь заглушить все болѣе и болѣе захватывающее чувство страха, и наконецъ бѣгутъ.

[1]) Завѣдывающій охотничьей командой 3-го полка и его помощникъ.

хорошіе знакомые,—радъ васъ обоихъ видѣть живыми и невредимыми... Да вы сядьте...

Мы сидѣли подъ самой вершинкою, укрываясь ею. Горностаевы выставляли изъ-за нея свои головы, привлекая выстрѣлы недалекихъ уже непріятельскихъ стрѣлковъ; пули щелкали около насъ въ землю на вершинкѣ, ударяли въ камни...

Сильно разгоряченные боевымъ жаромъ, Горностаевы не садились.

— Какъ хотите, не садитесь; ну, а мнѣ ужъ разрѣшите посидѣть... Вамъ, вѣроятно, не ко мнѣ надо явиться, а къ подполковнику Котюжинскому; онъ съ 4-мъ полкомъ въ д. Гу-дзядзы. Тамъ собственно нашъ правый флангъ...

— Нѣтъ, намъ изъ штаба дивизіи приказано къ вамъ явиться...

— Часъ тому назадъ такъ и надо было, когда 1-й баталіонъ былъ въ д. Гу-дзядзы. Впрочемъ, можетъ быть васъ сюда уже назначили ко мнѣ, оставайтесь,—вы пригодитесь для связи. Посмотрите, какая дыра между нами и 4-мъ полкомъ; дайте только знать въ штабъ, что вы не въ Гу-дзядзы, а здѣсь... Что же касается раненыхъ, то предоставьте мертвымъ хоронить мертвецовъ. Если же непремѣнно хотите помочь имъ, то поѣзжайте къ перевязочному пункту и приведите оттуда санитаровъ—изъ строя нельзя брать ни одного солдата. Люди необходимы. Посмотрите, что̀ дѣлается: густыя цѣпи японцевъ опять появились на полосѣ низкорослыхъ хлѣбовъ правѣе полотна дороги, онѣ направлялись за гаолянъ (или быть можетъ къ гаоляну) передъ д. Гу-дзядзы, чтобы обойти ее.

2-я рота снова открыла огонь залпами съ прицѣломъ на 2,400 шаговъ. Въ отвѣтъ на это непріятельскіе стрѣлки буквально засыпали ее пулями изъ ближайшей къ намъ опушки гаоляна. Мгновенно на лѣвомъ

флангѣ роты, рядомъ съ нами, двое убитыхъ и одинъ раненый. Раненъ, кажется, въ плечо молодой солдатикъ съ наивнымъ, почти дѣтскимъ лицомъ; его поднимаютъ съ земли, чтобы отнести на перевязочный пунктъ, а онъ зачѣмъ-то тянется впередъ.

— Что тебѣ?—спрашиваю.

— Это онъ за ружьемъ, ваше высокоблагородіе,—докладываетъ унтеръ-офицеръ тронутымъ нѣжностью голосомъ, ласково смотря на солдата; тотъ успокоился, когда вмѣстѣ съ нимъ на носилки (изъ полотнищъ палатки) положили и его ружье.

Нѣжность, жалость и удивленіе возбуждали эти юнцы-новобранцы.

Прибыли они къ намъ уже во время войны въ Ляоянъ, обучались тамъ всего три недѣли, а на походѣ и въ бою не отставали отъ кадровыхъ: безотвѣтно шли и беззавѣтно умирали. Чистая молодость всегда съ вѣрой и самоотверженно приноситъ себя въ жертву! [1])

[1]) Какъ обидно было мнѣ слышать, когда одинъ врачъ въ Москвѣ на мой разсказъ объ этомъ солдатикѣ отвѣтилъ: «что же тутъ особеннаго: этотъ случай доказываетъ только забитость солдата...»

Господинъ врачъ (не военный—и не бывшій на войнѣ) доказалъ этими словами только свою неделикатность, чтобы не сказать болѣе, и свою односторонность. Кто же, спрашивается, забилъ этого молодого солдата? Я—что ли? Вѣдь я—ротный командиръ его; или, быть можетъ, г. врачъ подразумѣвалъ проявившуюся, по его мнѣнію, въ этомъ случаѣ историческую забитость народа, въ силу которой одинъ изъ сыновъ его, будучи раненымъ, не хотѣлъ оставить на полѣ сраженія свое оружіе изъ боязни, чтобы оно не потерялось и чтобы не досталось врагу!!. Удивительная у представителей, такъ называемой, передовой нашей интеллигенціи способность игнорировать факты почему-либо имъ непріятные или принимать ихъ во вниманіе настолько, насколько они подходятъ къ предвзятой и одобряемой въ данное время точкѣ зрѣнія, съ которой такіе господа

Горностаевы ушли; они замѣтно были возбуждены переживаемой опасностью. Нѣкоторыхъ людей опасность опьяняетъ и возбуждаетъ; человѣкъ дѣлается самъ не свой: ему не сидится на мѣстѣ, является потребность движенія, дѣйствія; онъ выставляется на самыхъ опасныхъ мѣстахъ, какъ бы желая провѣрить себя. Этотъ своего рода психозъ захватываетъ преимущественно молодыхъ. У иныхъ за возбужденіемъ слѣдуетъ полнѣйшій упадокъ силъ, наступаетъ реакція—они болѣютъ.

Замѣчательнымъ въ этомъ родѣ примѣромъ былъ фельдфебель 2-й роты Туровецъ.

Подъ Вафангоу онъ былъ раненъ въ ступню и остался въ строю, весь день не находя себѣ мѣста отъ боевого, такъ сказать, зуда. Гналъ его въ околотокъ—не пошелъ; легъ туда уже ночью, когда почувствовалъ лихорадку и полное нервное разстройство. Ну, тогда онъ былъ раненъ (хотя не опасно—черезъ три дня возвратился въ роту); теперь же, будучи здоровъ, молодецъ—кровь съ молокомъ, тоже не могъ найти себѣ мѣста: постоянно подходилъ безъ всякой надобности къ цѣпи, вылѣзалъ на самую вершинку, смотрѣлъ въ бинокль, стоя во весь ростъ подъ градомъ пуль, хотя могъ бы дѣлать это съ бо̀льшими удобствами и меньшей опасностью, подобно своему ротному командиру, который, лежа въ цѣпи среди стрѣлковъ и упершись локтями въ землю, внимательно смотрѣлъ въ бинокль впередъ.

Я прогналъ Туровца внизъ; онъ сошелъ было, но сейчасъ же снова выскочилъ. Лицо возбуждено, глаза горятъ, болтаетъ безъ умолку.

— Уймешься ли, Туровецъ? Чего выскакиваешь—убьютъ...

и освѣщаютъ эти факты, искажая ихъ до неузнаваемости своимъ одностороннимъ освѣщеніемъ.

Улыбается конфузливо и все-таки торчитъ наверху. Наконецъ это надоѣло мнѣ (да и жалко было человѣка, и фельдфебель чудный [1]).

— Туровецъ, говорю въ послѣдній разъ—уйди, а не то уши выдеру,—стыдно будетъ...

Но и это средство не помогло.

Побывъ немного внизу, онъ снова поднялся, какъ будто какая-то невидимая сила подталкивала его оттуда. Я махнулъ рукой; вотъ уже именно по пословицѣ: «горбатаго могила исправитъ».

Кончилось тѣмъ, что вечеромъ, совершенно разстроенный и въ лихорадкѣ ушелъ въ околотокъ, пробылъ тамъ ночь, оправился. Утромъ, когда возвращался назадъ на позицію, ранило его въ ногу, къ счастью, въ мякоть. Судьба,—въ цѣпи остался цѣлъ, а въ тылу зацѣпило... Туровецъ, выздоровѣвъ, снова возвратился въ строй.

Его ротный командиръ держитъ себя также неспокойно: волнуется, ходитъ... Скомандуетъ залпъ, быстро приставитъ бинокль къ глазамъ и внимательно слѣдитъ за результатами стрѣльбы. Онъ весь ушелъ въ командованіе и въ наблюденіе за цѣлью, какъ на учебномъ плацу. Оживленіе шт.-капитана Даирскаго понятно: онъ первый разъ командуетъ ротою въ настоящемъ бою; любо-дорого смотрѣть на него. Но наше время еще не пришло; зову его:

— Ильясъ Девлетовичъ! пожалуйте-ка сюда... Прикажите ротѣ опять отползти за гребень... Пусть выдвигаются для стрѣльбы только лучшіе стрѣлки, а то напрасно теряете людей—большой очень прицѣлъ!..

[1]) Какъ я уже, кажется, упоминалъ ранѣе: онъ—сынъ унт.-офицера, участвовавшаго въ Турецкой войнѣ, кончилъ Рижскій учебный баталіонъ. Крайне чуткій, по-своему развитый, преданный дѣлу, Туровецъ—желательный типъ унт.-офицера, дисциплинированнаго, гуманнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ настойчиваго въ своихъ требованіяхъ.

— Да вѣдь идутъ!—возражаетъ онъ.

— Что же изъ того, что идутъ: мы, вѣдь, все равно не остановимъ,—далеко до нихъ,—2,500.

— Ну, вотъ видите, а тѣхъ, что близко, въ гаолянѣ не видать.

— Постойте, придетъ и нашъ чередъ; да сами-то зачѣмъ выскакиваете, словно «ванька-встанька»; садитесь съ нами, вотъ сюда, за камень [1])...

Даирскій спустилъ людей и сѣлъ съ нами.

— Велите-ка лучше убрать вотъ этихъ двухъ убитыхъ; они давно тутъ лежатъ; видъ ихъ, думаю, нехорошо дѣйствуетъ на стрѣлковъ.

Назначенные солдатики подошли и остановились передъ трупами въ нерѣшительности, съ выраженіемъ частью брезгливости, частью испуга, какое бываетъ обыкновенно на лицахъ живыхъ людей, приближающихся къ покойникамъ.

— Ну, что встали—тащи!—прикрикнулъ на нихъ Даирскій.

По-трое, по-четверо, взявшись за ноги, за плечи убитыхъ, начали поднимать... Я отвернулся [2])... Ихъ снесли внизъ подъ горку и зарыли за заборомъ на огородѣ.

[1]) Мы сидѣли за камнемъ втроемъ: я, командиръ 3-й роты капитанъ Холево II, рота котораго, покамѣстъ, не принимала участія въ стрѣльбѣ, и баталіонный адъютантъ подпоручикъ Никилевъ.

[2]) Хотя, странное дѣло, на меня убитые на войнѣ не производили того отталкивающаго впечатлѣнія, какое обыкновенно производятъ умершіе естественною смертью или самоубійцы. Еще въ Китайскую войну я замѣтилъ это подъ Сеньюченомъ. Тогда на нашъ полкъ напали неожиданно среди бѣлаго дня боксеры. Напали они почти съ голыми руками. Правда у нѣкоторыхъ изъ нихъ были какіе-то самопалы, пищали, но вооруженіе большинства составляли сабли, копья и мечи, очень похожіе на тотъ, какимъ на лубочныхъ картинахъ вооруженъ

— Въ деревнѣ-то страсть, что̀ дѣлается: пули такъ и летятъ, такъ и летятъ, думалъ—живымъ не выйду,—говорилъ товарищу стрѣлокъ, ходившій въ роту Его Величества съ запиской отъ меня къ штабсъ-капитану Верещагину.

Я посмотрѣлъ на улицу деревни; съ горки было видно ее хорошо; она вела отъ насъ къ окопу, въ которомъ сидѣла 5-я рота и полурота роты Его Величества. По улицѣ въ эту минуту шло, направляясь къ окопу, нѣсколько человѣкъ стрѣлковъ съ ружьями за плечами (одинъ такъ совсѣмъ безъ ружья,—оставилъ его, должно быть, для легкости въ окопѣ) и съ узлами въ рукахъ. Они въ полотнищахъ палатокъ несли изъ двуколокъ патроны, другіе шли имъ навстрѣчу—за патронами; по спокойному виду ихъ, по ихъ дѣловой, хотя нѣсколько торопливой походкѣ нельзя было заключить, что они подвергаются опасности, если бы въ противномъ не убѣждали слова стрѣлка да падавшія съ трескомъ и шумомъ толстыя вѣтви деревьевъ, перерѣзаемыя пулями. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на молодцоватыя фигуры подносившихъ патроны стрѣлковъ роты Его Величества и 5-й. Они сглаживали непріятное впечатлѣніе отъ вида тѣхъ согбенныхъ солдатъ, которые давеча, охваченные трусостью, уходили подъ разными предлогами изъ гаоляна.

Прошло часа три съ тѣхъ поръ, какъ мы заняли горки, у насъ уже были убитые и раненые,—правда, въ данный моментъ, прикрытыя гребнемъ вершинки, роты чувствовали

Илья Муромецъ. Понятно, что съ такимъ, хотя и богатырскимъ, вооруженіемъ боксеры не устояли противъ современныхъ магазинокъ и сотнями труповъ полегли на поляхъ невысокаго еще гаоляна (дѣло было въ началѣ іюля). Ночью, въ качествѣ дежурнаго по передовымъ постамъ, обходя сторожевую цѣпь, я натыкался на эти трупы—и хоть бы что; боялся только, какъ бы не заблудиться.

себя въ сравнительной безопасности, — по крайней мѣрѣ отъ пуль, хотя неумолчный, заунывный, всё усиливающійся свистъ ихъ не давалъ ни на минуту забыться; сзади насъ, надъ «Сигнальной» горой не переставали появляться бѣлые клубочки дыма. Японская артиллерія, стрѣляя черезъ насъ, засыпала шрапнелью расположенные сзади наши окопы.

Обстановка убійственная. Постоянное сознаніе близкой опасности дѣйствовало угнетающе на психику даже самыхъ мужественныхъ, самыхъ храбрыхъ; при такомъ бездѣятельномъ ожиданіи смерти храбрый невольно, самъ того не замѣчая, превращается въ труса. Да и что такое храбрость и трусость? Онѣ—не что иное, какъ противоположные полюсы одного и того же чувства—инстинкта самосохраненія [1]), свойственнаго каждому человѣку. Какъ, по словамъ Л. Н. Толстого, нѣтъ людей безусловно добрыхъ или злыхъ, такъ нѣтъ и безусловныхъ трусовъ или храбрецовъ. Въ зависимости отъ обстоятельствъ, одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть иногда храбрымъ, иногда трусомъ. «Не всякій храбръ въ два часа ночи», выражая ту же мысль иными словами, сказалъ Наполеонъ I.

Вслѣдствіе усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, выразившагося преимущественно въ его дальнобойности, теперешнія сраженія длятся по нѣскольку сутокъ, даже недѣль [2]). Такого продолжительнаго напряженія физическихъ и душевныхъ силъ не въ состояніи выдержать никакая часть, какъ бы ни былъ высокъ подъемъ духа; неизбѣжно должна наступить реакція и, быть можетъ, именно въ тотъ моментъ, когда необходимо было бы на-

[1]) Или, выражаясь иначе, храбрость и трусость, какъ напримѣръ, радость и печаль, есть ничто другое, какъ аффекты, первый съ возбуждающимъ, а второй съ подавляющимъ характеромъ.

[2]) Напримѣръ, — Мукденское.

пречь всѣ силы. Въ прежнія войны, когда дальность ружейнаго и орудійнаго огня была невелика (дальность послѣдняго въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и даже, пожалуй, въ севастопольскую, была не больше версты [1]), войска сравнительно быстро проходили обстрѣливаемую полосу пространства, отдѣлявшаго ихъ отъ непріятеля, приближаясь къ нему въ достаточно бодромъ настроеніи, при которомъ близость врага, видъ его, возбуждая враждебное чувство, дѣйствуютъ раздражающе, заглушаютъ инстинктъ самосохраненія и вызываютъ желаніе сойтись съ нимъ поближе, сцѣпиться грудь съ грудью... По мѣрѣ сближенія раздраженіе растетъ, людей охватываетъ гнѣвъ, ярость... —аффекты, которые возбуждаютъ храбрость, какъ масло, подлитое въ огонь, заставляетъ его вспыхивать яркимъ пламенемъ.

Въ современныхъ, на огромномъ пространствѣ, сраженіяхъ не видно врага, не видно также и своихъ.

Не горитъ солнце на блестящихъ каскахъ и латахъ кирасиръ, не видно вдали, на флангахъ, двигающихся яркихъ цвѣтныхъ полковъ гусаръ, уланъ съ колеблющимся надъ ними лѣсомъ пикъ...

Не трубятъ кругомъ тревожно рожки, не бьютъ, возбуждая нервы, разсыпчатой задорной дробью барабаны, не слышно боевой музыки, подъ звуки которой не двигаются въ грозномъ величіи тяжелой мѣрной поступью страшныя колонны пѣхоты «съ нависшими хладными штыками» и развѣвающимися клочьями побѣдныхъ знаменъ, пронизанныхъ пулями и ядрами... Нѣтъ той поэзіи прежнихъ войнъ, нѣтъ тѣхъ воинственныхъ картинъ, которыя, поднимая духъ и указывая на нашу мощь, вливали новыя силы въ живыхъ и скрашивали смерть во имя долга умирающимъ.

[1]) Теперь полевая артиллерія можетъ бить до 6-ти верстъ.

Сѣро и буднично на поляхъ теперешнихъ сраженій. Разбросанныя на огромномъ пространствѣ, укрытыя строеніями, лѣсами, горами, притаившіяся въ складкахъ и изгибахъ мѣстности, не видныя другъ другу, отдѣльныя войсковыя части кажутся затерянными, предоставленными самимъ себѣ... въ то время, когда раздражающая слухъ бѣшеная ружейная стрѣльба, гулъ и ревъ отдаленной канонады, громовые раскаты залповъ ближнихъ батарей, трескъ лопающихся кругомъ бризантныхъ снарядовъ, зловѣщее гудѣнье ихъ надъ головой и непрерывный свистъ пуль производятъ потрясающій душу хаосъ звуковъ... Потрясенныя, усталыя, измученныя постояннымъ ожиданіемъ смерти, войска [1]) видятъ только обратную сторону медали—раненыхъ, которыхъ сотнями несутъ и ведутъ...

Въ сердца самыхъ мужественныхъ закрадывается сомнѣніе... Появляются откуда-то неясные тревожные слухи: «ёнъ, значитъ, обошелъ насъ... его, вишь, сила... не устоять нашимъ-то... страсть, что раненыхъ...»

Слышатся голоса робкихъ.

Военачальники должны умѣть учесть въ каждый данный моментъ настроеніе войскъ и стараться всѣми мѣрами поддерживать бодрость ихъ духа.

Отъ полкового адъютанта принесли записку; онъ писалъ въ ней:

«Сейчасъ отъ командующаго арміей пришло извѣстіе, что штурмъ японцевъ на Портъ-Артуръ отбитъ. Японцы потеряли до 10,000 человѣкъ. Командиръ полка приказалъ объявить людямъ—«ура!»

Я всталъ, приказалъ встать также стрѣлкамъ и, обратившись къ нимъ, громко сказалъ:

— Молодцы! Командиръ полка приказалъ объявить:

[1]) Особенно во второй и третьей линіяхъ (въ резервахъ), т. е. въ частяхъ, которыя назначены для рѣшительнаго удара.

сейчасъ пришло извѣстіе — штурмъ японцевъ на Портъ-Артуръ отбитъ; они потеряли до 10,000 чел. убитыми и ранеными—«ура!» нашимъ товарищамъ молодцамъ—портъ-артурцамъ!

Стрѣлки дружно подхватили «ура»; по ихъ крику и лицамъ можно было судить, что извѣстіе принято не безучастно; объ Артурѣ думали всѣ...

2-я рота въ третій разъ по командѣ своего ротнаго командира поднялась на гребень и открыла снова пальбу залпами по японскимъ цѣпямъ; онѣ двигались не только въ полъ-оборота въ обходъ (это—заднія), но густая цѣпь, имѣя позади поддержки, шла теперь прямо открыто въ промежуткѣ между гаоляномъ передъ Гу-дзядзы и желѣзнодорожнымъ полотномъ... Вдругъ южный (ближайшій къ намъ) край этой деревни покрылся густыми бѣлыми клубами дыма — затрещали, зата-та-кали, отбивая точную дробь, пулеметы — японская цѣпь, направляясь прямо на деревню Гу-дзядзы, перешла за черту, отдѣлявшую ее отъ смерти: она приблизилась на 1,500 шаговъ—разстояніе, съ котораго убійственно хорошо бьютъ пулеметы.

Между стрѣлками поднялся оживленный, радостный говоръ; они съ довольными лицами смотрѣли то въ сторону наступавшей японской цѣпи, то въ сторону пулеметовъ. Пулеметы произвели эффектъ. Свинцовый дождь ихъ мгновенно прибилъ къ землѣ японскихъ солдатъ, казавшихся черными черточками на зеленомъ фонѣ поля. Большинство полегло убитыми и ранеными; живые притаились въ глубокихъ бороздахъ или отползли въ гаолянъ... Заднія цѣпи подъ напоромъ видимо достигавшихъ свинцовыхъ струй выгнулись серединой назадъ и торопливо скрылись за гаолянъ. Пулеметы смолкли, какъ отрѣзали. Хотя движеніе японскихъ цѣпей въ обходъ не прекратилось, но, чтобы не попасть подъ страшный огонь пулеметовъ, об-

ходъ сдѣлался глубже; цѣпи попрежнему направлялись въ полъ-оборота (по своей рукѣ) за гаолянъ и въ гаолянъ, растилавшійся длинной полосой передъ д. Гу-дзядзы. Эта полоса гаоляна, подступая почти вплотную къ д. Гу-дзядзы (гаолянъ въ этомъ мѣстѣ передъ ней выломали вчера не болѣе какъ на 400 шаговъ), должна была быть полна японцами; она скрывала ихъ если не отъ выстрѣловъ, то отъ взоровъ защитниковъ деревни. Подобравшись незамѣтно по ней, японцы могли прямымъ штыковымъ ударомъ взять деревню и съ ней вмѣстѣ пулеметы...

Все новыя и новыя темныя линіи японскихъ цѣпей двигались вправо; съ нашей горки движеніе ихъ было видно, какъ на ладони; такъ же хорошо должны были видѣть ихъ съ вершины «Сигнальной» и даже лучше, потому что кругозоръ оттуда былъ шире.

Меня заинтересовало другое явленіе. Отъ Ляояна по направленію къ Гу-дзядзы плавно плылъ по воздуху воздушный шаръ. Не доходя немного до сѣверной опушки деревни, онъ пріостановился тамъ, гдѣ, по моимъ соображеніямъ, стояла батарея, которую прикрывала полурота нашей 4-й роты; потомъ шаръ тихо двинулся дальше вдоль деревни, между ею и полотномъ желѣзной дороги; у пулеметовъ онъ остановился снова; тутъ вокругъ его, небольшого и чернаго, заклубились маленькіе бѣленькіе шарики дымковъ отъ разрывовъ японской шрапнели,—японцы открыли по немъ огонь; шрапнель ихъ рвалась также и надъ пулеметами; этимъ они мстили за пораженіе своихъ цѣпей. По рѣдкимъ, сравнительно, бѣлымъ клубочкамъ дыма можно было заключить, что противъ нашего собственно фланга японской артиллеріи еще немного... Шаръ, постоявъ на мѣстѣ, двинулся, повидимому, невредимо назадъ; отходилъ онъ быстрѣе, чѣмъ шелъ впередъ. Не успѣлъ шаръ скрыться изъ глазъ, какъ наши, находив-

шіеся за Гу-дзядзы, орудія открыли перекидную черезъ нее стрѣльбу бѣглымъ огнемъ по полосѣ гаоляна передъ ней. У меня отлегло отъ сердца. Шрапнель рвалась часто и низко; первыя шрапнели разорвались надъ гаоляномъ передъ самой деревней; затѣмъ линіи бѣлыхъ клубочковъ съ струйкой огня въ серединѣ начали быстро появляться одна за другой все дальше и дальше отъ нея, почти касаясь верхушекъ гаоляна; шрапнель очищала его отъ непріятеля; видно было, какъ посыпали во всѣ стороны японцы, попадая подъ огонь пулеметовъ и стрѣлковъ. Пулеметы и, главное, шаръ развлекли людей и подбодрили ихъ; бодрое настроеніе не покидало роты вплоть до наступленія сумерекъ, когда въ темнотѣ прекратилась стрѣльба и всѣ, кто остался живъ, вздохнули съ облегченіемъ.—Еще дана отсрочка... надолго ли? Но живой о живомъ и думаетъ; очередные стрѣлки весело спѣшатъ варить чай—подъ горку, въ деревню, гдѣ, въ укромныхъ уголкахъ, подъ заборами, за фанзами (чтобы не привлекать выстрѣловъ японцевъ) замелькали огоньки... Послали за кухнями, чтобы онѣ пріѣхали въ деревню... Теперь уже не помню: пріѣхали ли кухни и удалось ли стрѣлкамъ поужинать.

Ночь съ 17-го на 18-е августа. Отбитіе ночныхъ атакъ японцевъ.

Какъ только стемнѣло, мы съ баталіоннымъ адъютантомъ спустились съ горы, сѣли на лошадей и поѣхали къ ротѣ Его Величества. Лошади шлепали по лужамъ, увязали въ грязи размокшей отъ недавнихъ дождей почвы... Небо заволокло тучами, накрапывалъ дождь, полный мракъ...

Съ трудомъ пробираясь по дорогѣ, наткнулись въ одномъ узкомъ переулкѣ на двѣ встрѣчныя арбы; по бокамъ шли солдаты...

— Кто ѣдетъ и куда?

— Это я, И. Е., — подошелъ вольноопредѣляющійся Корниловъ.

— Вы—куда это?

— Въ околотокъ, у меня болитъ ухо [1])...

— Въ околотокъ... — протянулъ я.

Корниловъ, догадавшись по моему тону о непріятномъ впечатлѣніи, которое произвели на меня его слова, какъ бы поправляясь, добавилъ:

— Мнѣ ротный командиръ приказалъ отвезти въ околотокъ раненыхъ и убитыхъ...

— А... ну, тогда другое дѣло, а то я думалъ, что вы... и не договорилъ, что̀ думалъ...

Бѣдный юноша, быть можетъ, неудачно выразился, доложивъ мнѣ прежде всего о своей болѣзни; быть можетъ, онъ хотѣлъ только посовѣтоваться съ врачомъ, показать ему свое больное ухо... Быть можетъ и то, что, не окрѣпши еще духомъ и не выдержавъ ужасныхъ впечатлѣній дня, онъ шелъ на перевязочный пунктъ отдохнуть немного. Какъ бы то ни было, Ѳедоръ Аркадьевичъ Корниловъ, исполнивъ порученіе, возвратился въ строй.

На первой изъ арбъ, которыя велъ Корниловъ, я разсмотрѣлъ человѣкъ семь сидѣвшихъ и лежавшихъ съ повязками на головахъ и рукахъ; они не стонали, хотя были всѣ тяжело раненые; легко раненые брели съ ружьями около арбы. Другая арба была возъ съ мертвецами, прикрытыми цыновками; два стрѣлка по бокамъ поддерживали трупы, чтобы они не вываливались...

Когда арбы, скрипя и колыхаясь по неровной дорогѣ, тронулись дальше, мертвый грузъ зашевелился подъ рогожей...

[1]) У Корнилова продолжала отзываться контузія, полученная имъ при отступленіи отъ Дачепу.

Я тронулъ нагайкой лошадь, чтобы оставить ихъ поскорѣе позади... Скоро добрались до окопа; проводникъ—стрѣлокъ, ходившій сюда днемъ, ввелъ насъ на какой-то дворъ, на дворѣ ходили солдаты...

— Какая рота?—спрашиваемъ.

— Рота Его Величества,—отвѣчаютъ.

Слѣзаемъ съ лошадей...

— Гдѣ ротный командиръ?

— Пожалуйте сюда!—приглашаетъ какой-то солдатикъ...

— Нѣшто имъ тутъ можно черезъ окно-то!—перебиваетъ другой, съ бородой, повидимому, запасный изъ россійскихъ.—Пожалуйте сюда, я проведу, тутъ вамъ будетъ поспособнѣе,—говоритъ онъ и ведетъ насъ по колѣно въ грязи къ слѣдующей фанзѣ. Входимъ въ нее; полна солдатъ, темно, хоть глазъ выколи; воздухъ сырой, спертый, тяжелый... Впереди виденъ узкій просвѣтъ... Руки впередъ, чтобы на что-нибудь не наткнуться, шаркаемъ ногами, не поднимая ихъ отъ пола, чтобы не запнуться, медленно идемъ ощупью вслѣдъ за нашимъ вожатымъ... Отворилась противоположная дверь и мы сразу очутились въ окопѣ...

— Александръ Ѳедоровичъ! вы — здѣсь?

— Здѣсь!..

— Здравствуйте!..

— Здравствуйте!..

— Ну, какъ Богъ милуетъ?

— Да ничего себѣ — сидимъ...

— Много убитыхъ и раненыхъ?

— Убитыхъ 6-ть, раненыхъ, кажется, человѣкъ 18—20-ть...

— Сколько убитыхъ и раненыхъ, Кибикъ? — обращаюсь я къ фельдфебелю.

— Еще не принесли свѣдѣніе отъ ихъ благородія

подпоручика Коробчука [1]) и зъ 2-й полуроты, а въ первой...

— Ну, хорошо это послѣ, а теперь,—гдѣ японцы?

— Да вонъ, совсѣмъ близко, противъ насъ въ гаолянѣ,—отвѣтилъ шт.-капитанъ Верещагинъ.

Поднялись по ступенькамъ [2]) наверхъ; дождь пересталъ, небо очистилось отъ тучъ, блѣдный узкій серпъ мѣсяца слабо освѣщалъ верхушки гаоляна, стоявшаго черной стѣной, казалось, передъ самымъ окопомъ.

— Недавно они были тутъ въ гаолянѣ—говорилъ Верещагинъ: — стрѣляли изъ него и вотъ напротивъ изъ-за насыпи желѣзной дороги... Чтобы защититься отъ вашихъ пуль съ горки, они насыпаютъ съ лѣвой стороны валикъ въ родѣ траверса... Ну, да мы не даемъ имъ головы высунуть... вѣдь близко...

Выходило, что японцы зашли по гаоляну въ тылъ окопа пограничниковъ и были совсѣмъ близко, въ какихъ-нибудь 150—200 шагахъ отъ Верещагина; днемъ ихъ было тутъ, вѣроятно, немного... теперь же ночью, собравшись съ силами, они могли ежеминутно броситься въ атаку на окопъ; но и защитники окопа были готовы каждую минуту встрѣтить ихъ пулей и дать отпоръ штыкомъ. Прижавшись къ брустверу, частые часовые внимательно всматривались въ черную массу шелестѣвшаго листьями гаоляна, ловя чуткимъ ухомъ малѣйшій подозрительный шорохъ... На брустверѣ противъ мѣстъ, занимаемыхъ стрѣлками для стрѣльбы, лежали штыками впередъ ружья со взведенными на предохранительный взводъ курками...

Мы спустились внизъ. Предупредивъ, чтобы не отвѣчали, я, обратившись къ стрѣлкамъ, сказалъ:

[1]) Подпоручикъ Александръ Александровичъ Коробчукъ былъ со 2-й полуротой вмѣстѣ съ пограничниками въ ихъ окопѣ.

[2]) Окопъ былъ полной профили; чтобы стрѣлять изъ него, надо было подняться кверху по нѣсколькимъ ступенькамъ.

«Какъ командиръ роты и временно-командующій баталіономъ благодарю васъ отъ души, братцы, за сегодняшній день...» Лунный ли свѣтъ придавалъ что-то странное лицамъ смотрѣвшихъ на меня солдатъ или на нихъ отражалось какое-то внутреннее просвѣтленіе... не знаю, но только было что-то особенное въ ихъ выраженіи... Чувствовалось, что эти люди приготовились умереть. Стрѣлки, старые и молодые, съ старшими унтеръ-офицерами впереди, стояли вплотную къ намъ; съ почтительнымъ видомъ они внимательно и довѣрчиво слушали нашъ разговоръ...

— И такъ, Александръ Ѳедоровичъ, не отступать никоимъ образомъ, развѣ, по приказанію свыше,—указалъ я на гору съ начальствомъ:—Впереди васъ пограничники и съ ними ваша полурота; такъ въ случаѣ чего... не обращайте на нихъ вниманія: полуроту къ себѣ... а они какъ хотятъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, мы тоже съ вами...,—послышался голосъ изъ темноты; мы и не замѣтили, какъ вошелъ офицеръ пограничной стражи.

— Капитанъ Ивановъ, вр.-командующій баталіономъ и начальникъ нашего участка; шт.-ротмистръ Веторскій, начальникъ двухъ охотничьихъ командъ...—отрекомендовалъ насъ другъ другу Верещагинъ.

Вошедшій невысокого роста худощавый офицеръ съ лихорадочно блестѣвшими глазами и измученнымъ нервнымъ лицомъ, казавшимся неестественно-блѣднымъ при слабомъ сіяніи мѣсяца, производилъ впечатлѣніе перемогающагося больного. Онъ съ двумя своими охотничьими командами (пограничной стражи) и нашей полуротой занималъ самый передовой окопъ нашего участка, который, какъ я сказалъ, въ данную минуту былъ обойденъ японцами съ трехъ сторонъ. Но несмотря на видимое физическое переутомленіе и не улегшееся еще нервное волненіе послѣ ужасного дня, энергичныя нотки, звучавшія въ голосѣ шт.-ротмистра Ве-

торскаго, свидѣтельствовали, что источникъ его душевныхъ силъ еще не вполнѣ исчерпанъ.

—Нѣтъ, нѣтъ, мы съ вами,—повторилъ онъ.—Я подчиненъ вашему командиру полка, какъ начальнику всего здѣшняго участка...

— Ну, вотъ и отлично... значитъ,—и мнѣ, какъ начальнику праваго участка,—заключилъ я.—Отступленія, господа, не будетъ, развѣ ужъ когда прикажутъ... Мои двѣ роты готовы поддержать васъ каждую минуту, но поддержу, т. е. приведу къ вамъ роты, лишь въ случаѣ прямой штыковой атаки на васъ японцевъ, потому что огнемъ онѣ и безъ того поддерживаютъ васъ...

— Хорошо, отступать не будемъ,—твердо, въ одинъ голосъ сказали Верещагинъ и Веторскій, оба измученные, усталые, но бодрые духомъ.

Слушавшіе насъ нижніе чины, судя по выраженію ихъ лицъ, приняли, какъ должное, наше рѣшеніе драться до послѣдней крайности.... Поговорилъ ласково съ ближайшими ко мнѣ стрѣлками и между прочимъ съ фельдфебелемъ Кибикомъ и старшимъ унт.-офицеромъ Пинчукомъ —оба были ранены подъ Вафангоу, оба — георгіевскіе кавалеры—и, крѣпко пожавъ руки офицерамъ [1]), я простился съ ротой... со многими простился навсегда: большинство было убито, въ томъ числѣ и Кибикъ, въ ляоянскомъ и послѣдующихъ сраженіяхъ, а немногіе, оставшіеся въ живыхъ, калѣками разбрелись по Россіи—незамѣтные малые люди на великія дѣла... Да будетъ миръ праху честно погибшихъ и да позаботятся соотечественни-

[1]) Всѣ три офицера: Верещагинъ, Веторскій и Коробчукъ были на другой день ранены; особенно тяжело—Верещагинъ и Веторскій; послѣдній, кромѣ того, отравился еще ядовитыми газами отъ разрыва шимозы до такой степени, что у него начала развиваться чахотка... Впослѣдствіи я встрѣтилъ его лѣчившимся въ Ментонѣ.

ки объ искалѣченныхъ и изувѣченныхъ... У нашей горки мы разыскали моего вѣстового, который долженъ былъ найти фанзу и приготовить въ ней чай къ нашему возвращенію. „Фанза бы ничего... да въ нее принесли больного...“, оправдывался онъ.—„Какого больного? вѣрно раненаго“. — „Такъ точно, раненаго...“ —„Такъ что же, онъ не помѣшаетъ намъ, да его надо поскорѣе отправить дальше, на перевязо́чный пунктъ...“ Въ прихожей фанзы толпились солдаты, растапливая и подтапливая сразу всѣ четыре очага, чтобы вскипятить воду въ четырехъ вмазанныхъ въ нихъ котлахъ; солдаты кипятили воду и вмѣстѣ грѣлись и сушились у огня, паръ шелъ отъ ихъ одежды, промокшей, когда переходили рѣчку... Мы вошли въ жилое помѣщеніе, гдѣ мелькалъ огонекъ чадившаго китайскаго ночника, заправленнаго бобовымъ масломъ; ночникъ, едва разгоняя мракъ, слабо освѣщалъ полулежавшаго на канѣ солдата, около него возился другой; онъ пытался неумѣлыми руками перевязать раненаго, который слегка стоналъ отъ неловкой причинявшей ему боль перевязки и отъ страха раны... Александръ Иннокентьевичъ (батальонный адъютантъ) принялся помогать солдату перевязывать, но, видя, что тотъ только мѣшаетъ, устранилъ его... Сквозь тонкую перевязку на груди у раненаго просочилась кровь...

Замѣтивъ кровь, раненый застоналъ еще больше. А. И. вынулъ изъ кармана свой индивидуальный пакетикъ. «У меня есть еще про запасъ», кивнулъ онъ мнѣ и ловко забинтовалъ рану. Солдатъ продолжалъ охать и хныкать: «Умру»,—говорилъ онъ: «всю грудь какъ есть наскрозь прострѣлило...»—«Ну, вотъ еще, что вздумалъ—такой молодой, здоровенный да умирать! до свадьбы заживетъ». — «Я—женатъ...» тянулъ жалобно раненый.—«Ну, заживетъ, пока до жены доѣдешь... Это, братъ, раны въ грудь такія, что

ежели опасна, такъ тебѣ сразу капутъ... а это что...»—«Нѣтъ, гдѣ ужъ... не выживу—всю грудь какъ есть наскрозь...» нылъ онъ, хотя, видимо, съ удовольствіемъ прислушивался къ нашимъ утѣшеніямъ.

Раненаго наконецъ унесли на перевязочный пунктъ; я былъ радъ не слышать болѣе его ноющаго, плаксиваго голоса: лишнія непріятныя впечатлѣнія ослабляютъ энергію.

Кстати замѣчу, что такіе ноющіе и хныкающіе рѣдко встрѣчаются среди русскихъ раненыхъ. Мы усѣлись, какъ на болѣе удобномъ, на томъ самомъ канѣ, на которомъ лежалъ раненый, пятна крови прикрыли цыновкой; денщикъ поставилъ между нами на канъ маленькій столикъ на низенькихъ ножкахъ [1]); на него—чай и зажженную вставленную въ какую-то банку свѣчку, вынутую изъ моей сѣдельной сумки, снялъ съ меня сапоги и брюки, мокрые еще отъ купанья въ рѣчкѣ, и потащилъ ихъ сушить передъ печкой. Я завернулся въ бурку. Пили мы чай съ солдатскими сухарями, въ то же время я диктовалъ, а адъютантъ писалъ донесеніе командиру полка о положеніи участка и о количествѣ выбывшихъ изъ строя: «Одинъ офицеръ (подпоручикъ Грудзинскій) раненъ; нижнихъ чиновъ въ ротѣ Е. В. убито 7, ранено 16-ть; во 2-й ротѣ—убито 3, ранено 21; въ 3-й ротѣ ранено 12 человѣкъ...»—Съ горки пришелъ стрѣлокъ отъ капитана Холево II-го съ просьбой погасить свѣчку,—онъ боялся, что свѣчка можетъ вызвать огонь японцевъ; чтобы успокоить капитана, закрыли окно цыновкой. Отъ командира 2-го баталіона пріѣхалъ баталіонный адъютантъ, подпору-

[1]) Такіе, столики составляютъ особенность китайской мебели; за ними сидятъ обыкновенно на канахъ женщины, поджавши ноги. Кромѣ маленькихъ, у китайцевъ есть и большіе столы, за которыми они сидятъ на стульяхъ и скамьяхъ такъ же, какъ мы.

чикъ Сапожниковъ; онъ пріѣхалъ къ намъ для «связи», чтобы узнать, что у насъ дѣлается и сообщить о положеніи 2-го баталіона; разыскивалъ также 10-ую роту, высланную съ «Сигнальной» горы еще до нашего прихода на поддержку 2-го баталіона; неизвѣстно было, гдѣ теперь находилась эта рота.

— Не безпокойтесь, — успокаивалъ я Сапожникова,—рота не иголка, не потеряется,—тѣмъ болѣе, что пошла она не впередъ, а назадъ.. сидитъ въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ, гдѣ тепло и не дуетъ.

Сапожниковъ и Никилевъ уѣхали, первый—къ своему баталіону, а второй — къ командиру полка. Приказавъ вѣстовому приговить чай и отнести на горку къ остававшимся тамъ ротнымъ командирамъ, я прилегъ на канъ, покрытый вылощенными отъ долгаго употребленія цыновками съ обломанными краями; подъ ними гнѣздились миріады клоповъ и другихъ, хотя не столь крупныхъ и душистыхъ, тѣмъ не менѣе безпокойныхъ насѣкомыхъ. Несмотря на это, предвидя безсонную ночь, я легъ,—хотѣлось немного забыться, заснуть; но разгулявшіеся нервы, по обыкновенію, мѣшали...

Свѣча тускло освѣщала неприглядное внутреннее устройство фанзы безъ потолка, глинобитный полъ и закоптѣлыя стѣны, хотя обстановка, очень похожая на всѣ дотолѣ мною видѣнныя, указывала на зажиточность, домовитость и вмѣстѣ съ тѣмъ на отсутствіе индивидуальныхъ вкусовъ китайскаго крестьянина, жизнь котораго до мельчайшихъ своихъ проявленій подчинена правиламъ ученія Конфуція и культа предковъ. Устройство жилища, обстановка и даже ея разстановка также: все—по общимъ правиламъ.

Въ описываемой фанзѣ канъ (на которомъ я лежалъ) шелъ только по лицевой продольной сторонѣ; по рединѣ поперечной стѣны, противоположной двери, стоялъ шкафчикъ (домашній алтарь); на немъ—полированный съ рѣзь-

бою кіотъ съ наклеенными внутри изображеніями буддійскихъ святыхъ съ сіяніями (какъ у нашихъ святыхъ) вокругъ головы; по бокамъ на лицевыхъ планкахъ кіота наклеены таблички съ именами предковъ, тутъ же стояли одна, двѣ статуэтки святыхъ, чашечки съ золой, куда вставляются зажженныя курительныя свѣчи изъ древесной коры и бумаги: онѣ замѣняютъ наши лампадки передъ образами; ѣдкій запахъ ихъ не исчезъ еще изъ фанзы; у стѣны, свободной отъ кана, — комодъ со множествомъ ящиковъ; лари—сундуки, оклеенные какимъ-то дорогимъ, похожимъ на красное, деревомъ съ толстыми большими мѣдными бляхами, къ которымъ прикрѣплены такіе же пробои для большихъ мѣдныхъ висячихъ замковъ; комодъ и лари отполированы, все прочное, цѣнное; эти лари—укладки, вмѣстѣ съ хранящимися въ нихъ дорогими шелковыми платьями, одеждой, переходятъ по наслѣдству изъ рода въ родъ. На полу валялось (это уже внѣ правилъ Конфуція) разбросанное старое, но еще годное платье, которое впопыхахъ не успѣли унести или, быть можетъ, не хватило рукъ; остались также другія полезныя вещи домашняго обихода, утварь... корытца... въ отворенномъ поставцѣ видны чашки, изъ которыхъ китайцы ѣдятъ; на полу на боку валяется ендова... въ нихъ хранятъ сулю... [1]). Видно, что домъ—полная чаша, и такъ—вездѣ; въ зависимости отъ достатка разница встрѣчается въ излишнемъ, но не въ необходимомъ.

Возвратился Никилевъ. Всѣ мои распоряженія, какъ начальника праваго участка Маѣтунь, командиръ полка одобрилъ и подтвердилъ, что отступленія не будетъ; я написалъ и отослалъ записку объ этомъ Верещагину.

Затѣмъ мы отправились спать на горку; отдѣлявшая

[1]) Суля—китайская водка.

отъ нея деревню узкая какъ траншея дорога обратилась отъ дождей въ водосточную канаву; перебираясь съ камня на камень, я оступился, влипъ въ грязь и ушибъ бокъ; наверху, на горкѣ, мокрый и грязный улегся вмѣстѣ съ Никилевымъ рядомъ съ Холево II и Даирскимъ за камнемъ, едва прикрывавшимъ отъ пуль. Спрашиваю Даирскаго: поставлена ли для наблюденія за желѣзной дорогой застава, какъ я приказывалъ; застава поставлена, но гдѣ именно, Даирскій затруднялся указать; попросилъ его послать дозоръ найти ее; посланный старшій унт.-офицеръ, молодчина Плесовскихъ возвратился и съ замѣтной ироніей по адресу заставы доложилъ: «Они, ваше высокоблагородіе, до дороги много не дошли—и легли въ канаву...»—«Ну, вотъ видите, И. Н... Нѣтъ, знаете, такъ нельзя—я попрошу васъ назначить въ заставу цѣлый взводъ, и—именно 4-й, Хабатулина: ужъ онъ въ случаѣ чего не прозѣваетъ...». По обыкновенію всѣхъ порядочныхъ ротныхъ командировъ, оберегающихъ своихъ людей отъ трудныхъ нарядовъ, Даирскій запротестовалъ было: «Все 2-я рота... и съ патронами и на горку...»—«И на желѣзную дорогу пойдетъ она!»—перебилъ я его сѣтованія: «3-я рота также несетъ нарядъ; она высылаетъ дозоры для связи съ нашимъ 2-мъ баталіономъ и въ д. Гу-дзядзы — съ 4-мъ полкомъ; да, наконецъ, поймите,—отъ другой роты,—подразумѣваю 3-ю,—я не могу послать... 2-ю роту больше знаю и потому больше надѣюсь...» [1]). Послѣдній аргументъ подѣйствовалъ на Даирскаго; онъ подозвалъ Хабатулина, объяснилъ ему, чтобы взводъ шелъ на полотно дороги и, продвинувшись по немъ шаговъ 200 впередъ, остановился, наблюдая особенно за глубокой

[1]) Кстати замѣчу, что переговаривались мы лежа, повернувшись одинъ къ другому.

канавой по ту сторону насыпи; по этой канавѣ японцы, пользуясь къ тому же темнотой, могли незамѣтно обойти насъ и выйти изъ-подъ моста въ тылъ.

Взводъ ушелъ; чрезъ пять минутъ жаркая перестрѣлка дала знать, что наши наткнулись на японцевъ... Прибѣжалъ стрѣлокъ съ докладомъ къ Даирскому: «На насыпи японцы стрѣляютъ...», проговорилъ онъ, запыхавшись. Даирскій въ свою очередь докладываетъ то же самое мнѣ.

— Что съ вами, И. Н.?—отвѣчаю на его докладъ, совсѣмъ уже сухо.

— Я, точно, отдалъ приказаніе поставить взводъ на насыпь, чтобъ онъ слѣдилъ за японцами, а что стрѣляютъ японцы или нѣтъ—это до меня не касается; будьте добры исполнить приказаніе!... пусть немного отойдутъ назадъ,— не дальше, впрочемъ, моста, потому что изъ-подъ него японцы могутъ выйти по канавѣ прямо на деревню...

Стрѣльба прекратилась; но я успокоился только тогда, когда посланный мною унт.-оф. Плесовскихъ, сходивъ туда еще разъ, доложилъ, что взводъ стоитъ у моста. Было отчего безпокоиться: въ этомъ мѣстѣ отъ нашей горки, собственно отъ праваго фланга 2-й роты, до желѣзно-дорожной насыпи—шаговъ 200—300, да отъ дороги до д. Гу-дзядзы шаговъ 1,200, т. е. между нами и 4-мъ полкомъ съ пулеметами промежутокъ около версты, ничѣмъ не заполненный...

Когда наконецъ, завернувшись въ бурку, я собрался уснуть, товарищи мои уже на зависть храпѣли; но заснуть мнѣ такъ и не удалось; не давалъ холодъ; холодная ночь, сырое платье и отволгшіе сапоги вызывали дрожь; закутаюсь поплотнѣе съ головой и ногами въ бурку, согрѣюсь— начинаютъ донимать клопы, которыхъ я захватилъ въ фанзѣ; пошевелишься — гдѣ-нибудь сдвинется бурка и впуститъ пронизывающую струю холоднаго воздуха; устро-

ишься, задремлешь, начинается въ цѣпи жаркая перестрѣлка...

Промучился я такъ, не смыкая глазъ до 3-хъ часовъ ночи, когда сразу по всей линіи окоповъ разгорѣлся сильнѣйшій огонь пачками... Надъ мѣстомъ, гдѣ между нашимъ и 3-мъ полкомъ стояла батарея, сверкнули въ темнотѣ кровавые языки темно-краснаго пламени разорвавшихся шрапнелей.

— Будить людей!! проговорилъ, живо поднимаясь съ земли, Даирскій.

— 2-я рота внизъ!! раздался снизу тревожный голосъ Хабатулина.

Чрезъ минуту прибѣжалъ отъ него запыхавшійся стрѣлокъ и доложилъ, что изъ-подъ моста на деревню идутъ японцы... Японцы шли намъ въ тылъ и въ данную минуту могли быть отъ насъ всего въ какихъ-нибудь 300-хъ шагахъ! Приказываю Даирскому занять немедленно полуротой уголъ деревни, что подъ горкой, шагахъ въ 70-ти позади насъ. Я, Даирскій и стрѣлки бѣгомъ спускаемся внизъ, проталкиваемся чрезъ калитку, бѣжимъ къ углу глинобитнаго забора... Стрѣлки разбѣгаются вдоль его (Хабатулинскій взводъ уже тутъ), наскоро приспосабливаются къ стрѣльбѣ...

Мы съ Даирскимъ и съ Никилевымъ высматриваемъ изъ-за забора, прислушиваемся—ничего не видно, но ясно слышенъ негромкій говоръ ...«ла-ла-ла» (кажется означаетъ стрѣльбу или приготовленіе къ ней...). Японцы, судя по слуху, какъ будто остановились... въ нерѣшительности... 2-я рота открыла огонь: сначала два-три какъ бы неувѣренныхъ выстрѣла и потомъ вдругъ затрещала стрѣльба пачками, прибѣжала съ горки сюда же вся 3-я рота: командиръ ея капитанъ Холево II не понялъ или не разслышалъ моего приказанія спустить внизъ только одинъ взводъ въ подмогу 2-й ротѣ; приказываю, оставивъ взводъ, вернуть роту назадъ бѣгомъ,—оставлять горку нельзя было

никоимъ образомъ, потому что японцы утромъ могли съ нея перестрѣлять насъ въ деревнѣ, какъ куропатокъ. Самъ также бѣгу съ ротой.... въ одномъ мѣстѣ ноги, уходя въ рыхлую землю, упираются во что-то мягкое; меня всего передергиваетъ: я наступилъ на зарытаго здѣсь днемъ убитаго стрѣлка; зарыли его не глубоко...

Наверху приказываю капитану Холево II подать роту лѣвымъ плечомъ впередъ и обстрѣлять подошву горки къ сторонѣ желѣзной дороги, гдѣ, по моему соображенію, должны были находиться японцы; въ мало порѣдѣвшемъ сумракѣ разсвѣта можно было скорѣе угадать, чѣмъ увидать едва намѣчавшіяся черными полосами ихъ сомкнутыя части...—«Пальба ротою!»—скомандовалъ Холево. Задняя шеренга приближается вплотную къ первой, почти втискиваясь въ нее, стрѣлки заряжаютъ суетливо винтовки, щелкаютъ затворы...—«Гдѣ, гдѣ японцы?»—торопливо спрашиваетъ меня Холево прежде, чѣмъ скомандовать: «рота пли!»...—«Да вонъ, японцы вонъ внизу, тутъ близко, подъ самой горкой...»—скороговоркой отвѣчаю я, наклоняя къ землѣ ружья и нагибая стоявшихъ солдатъ; стрѣляли стоя, чтобы могли настильнѣе обстрѣлять скатъ, не оставляя мертваго пространства у подошвы. 3-я рота открываетъ польбу залпами; послѣ первыхъ же залповъ можно было различить, какъ изъ-подъ горки отскакивали къ полотну дороги какіе-то всадники. Я бѣгу внизъ опять ко 2-й ротѣ... положеніе прежнее, она стрѣляетъ «пачками»; возвращаюсь на горку...

Бѣгая взадъ-впередъ по крутому скользкому спуску и цѣпляясь за камни, раза два упалъ, поцарапалъ лицо и ушибъ ногу, не обращая уже на это никакого вниманія—не до того было. Нельзя было терять ни одной минуты.

Распоряжаясь, я успѣлъ донести о начавшейся атакѣ командиру полка, прося подкрѣпленія, потребовалъ отъ

Верещагина прислать обратно взводъ 2-й роты, посланный къ нему наканунѣ съ патронами [1]), и, если можно,— одинъ взводъ отъ роты Е. В.; попросилъ также помощи у полковника Андреева. Но, покамѣстъ, положеніе было не изъ завидныхъ: задумавъ выйти въ тылъ передовымъ защитникамъ д. Маѣтунь и далѣе на батарею и въ тылъ 3-го полка, японцы двинулись сюда, вѣроятно, не въ маломъ числѣ; они легко могли прорвать тонкую преграду изъ моихъ двухъ неполныхъ ротъ, хотя и бодро встрѣчавшихъ врага. Съ горки 3-я рота поражала ихъ огнемъ «пачками» во флангъ, 2-я—била—съ фронта; японцы, не ожидавшіе, очевидно, такой встрѣчи, замялись: впередъ не шли и назадъ не уходили... тѣмъ временемъ успѣла подойти къ намъ помощь, первая—отъ полковника А.

Съ горки слышно было, какъ что-то вихремъ прошумѣло по деревнѣ... Пришедшій оттуда Никилевъ сообщилъ, что прибѣжала полурота 6-й роты съ командиромъ роты капитаномъ Федоровскимъ. Попросилъ адъютанта сходить и передать Сергѣю Тимофеевичу [2]), что я прошу его принять подъ общую команду и 2-ую роту и быть тамъ начальникомъ оборонительнаго участка; теперь за деревню, за тылъ, я могъ быть спокоенъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время,—тамъ было пять взводовъ (одна рота и взводъ), да такихъ два ротныхъ командира (Даирскій и Федоровскій), изъ коихъ каждый самъ по себѣ стоилъ роты.

[1]) Взводъ этотъ, какъ потомъ оказалось, возвратился еще вечеромъ; онъ вмѣстѣ съ 3-ей ротой оставался все время на горкѣ.

[2]) Федоровскому.

Утро 18-го августа—я раненъ.

Начинало свѣтать. По мѣрѣ разсвѣта японцы больше и больше засыпали пулями открытую вершинку... глаза невольно дольше останавливались на нѣкоторыхъ неподвижныхъ странно лежавшихъ стрѣлкахъ... молча возились товарищи около раненыхъ, тоже больше молчавшихъ. Русскій раненый солдатъ не любитъ стонать,—хныксы—исключеніе.

— Ваше высокоблагородіе, прикажите отнести меня на перевязочный пунктъ... проситъ съ умоляющимъ взглядомъ унтеръ-офицеръ 3-й роты. Назначилъ трехъ человѣкъ. — Взводнаго ранили!.. слышится чей-то соболѣзнующій голосъ... Молодецъ взводный унтеръ-офицеръ 2-й роты Назаръ Гусаръ сидитъ безъ рубашки, голый... стрѣлокъ обматываетъ ему бинтомъ на-крестъ спину и грудь... рана въ грудь на вылетъ... Обыкновенно слегка задорное съ твердыми чертами лицо Гусара на этотъ разъ какъ-то по-дѣтски безпомощно жалкое... Онъ пристально смотритъ на меня... ласково киваю головой и приказываю отнести его на перевязочный пунктъ.

На вершинкѣ дольше оставаться нѣтъ силъ; оставивъ для наблюденія по отдѣленію (человѣкъ по десяти) въ двухъ маленькихъ окопахъ, спускаю остальныхъ шаговъ на двадцать ниже; самъ прилегъ въ окопѣ, осторожно высматривая изъ него;—японцы обстрѣливали горку почти со всѣхъ сторонъ... Отбитые отъ деревни, они отбѣжали за желѣзнодорожное полотно и изъ-за него открыли стрѣльбу по деревнѣ, вдоль и въ тылъ горокъ. Много ихъ оставалось еще въ густой травѣ передъ деревней, куда они, расстрѣливаемые въ упоръ, попрятались было вначалѣ: эти продолжали поодиночкѣ отбѣгать, оставляя даже ружья,

чтобы легче было, но немногіе убѣгали,—пули догоняли ихъ: лишь только показывалась изъ травы черная бѣгущая фигурка, такъ изъ-за забора мелькали огоньки—раздавался съ десятокъ выстрѣловъ подкарауливавшихъ стрѣлковъ и фигурка, какъ бы споткнувшись, падала въ траву... Въ отвѣтъ сыпались японскія пули изъ-за дороги, поражали кого-либо изъ стрѣлявшихъ солдатъ, который отваливался съ пробитой головой отъ забора; изъ травы японцы также стрѣляли по неосторожно высовывавшимся...

— Ваше высокоблагородіе,—обратился ко мнѣ ефрейторъ Тюринъ [1]), георгіевскій кавалеръ, посыльный при мнѣ отъ 3-й роты,—ваше высокоблагородіе! дозвольте сходить взять у японцевъ ружье [2])... вонъ они, убитые-то, близко лежатъ.

— Да ты съ ума сошелъ что-ли? вѣдь тебя сейчасъ же убьютъ... вонъ они, японцы-то, видишь за насыпью...

— Я — тихонько, убѣждаетъ онъ.

— Тихонько... убирайся!... выбранилъ я Тюрина, не имѣя духа категорически запретить ему итти за ружьемъ. Тюринъ отошелъ неудовлетворенный.

Послѣдній разъ я видѣлъ его, когда онъ, согнувшись, крался между камнями впередъ, озираясь на меня и мало обращая вниманія на японскихъ стрѣлковъ [3])...

Прибѣжалъ отъ Верещагина Корниловъ доложить, что отъ роты Его Величества неудобно дать взводъ, а что посланъ взводъ отъ 5-й роты. Взводъ этой молодецкой роты [4])

[1]) Старый знакомый по Вафангоу.

[2]) Стрѣлки продавали японскія ружья офицерамъ рубля по 3, по 5 за штуку.

[3]) Онъ остался-таки живъ.

[4]) Этою ротой и въ описываемое время командовалъ надежный ротный командиръ, шт.-капитанъ Качинъ, сформировалъ же и воспиталъ ее старый кавказецъ, участникъ взятія Карса въ 1877 г., капитанъ (нынѣ полковникъ) Агаповъ.

бѣжалъ уже къ намъ по деревнѣ, но я отослалъ его назадъ безъ ущерба для себя, потому что ко мнѣ подходила полурота 4-й роты, бывшая въ прикрытіи къ батареѣ, между тѣмъ какъ адскій огонь охватилъ окопы; казалось, что японцы пошли на нихъ въ атаку... Подошедшая съ Мыловымъ полурота легла на скатѣ въ резервѣ.

Снова прибѣжалъ Корниловъ—предупредить, что на переднюю горку ползутъ японцы... если бы они заняли маленькую горку, то были бы шагахъ въ 150 въ тылу Верещагинскаго окопа, отрѣзавъ его такимъ образомъ отъ насъ... Въ то же время вижу, что съ нея спустились бѣгомъ три стрѣлка; не добѣжавъ до меня, они прилегли за камни, какъ будто для стрѣльбы... Подзываю одного изъ нихъ, высокаго роста дѣтину съ большой бородой, къ себѣ на вершинку, самъ стою. Бородачъ изъ запасныхъ какъ подошелъ ко мнѣ, такъ и опустился на колѣни со страху отъ пуль, отодвинувшись съ вершинки такъ, чтобы укрыться ею.

— Ты почему убѣжалъ оттуда?! а!!!—встань съ колѣнъ... сію же минуту встань!

Но онъ не встаетъ, а трясетъ, какъ козелъ, бородой, за которую я напрасно силюсь пориподнять его отъ земли до себя!.. «Тамъ всѣ убитые... Туда идутъ японцы...»—мычитъ онъ, продолжая мотать головой.—Врешь трусъ, мерзавецъ! встань, или я тебя...

Положеніе мое преглупое; выходовъ изъ него два: пристрѣлить этого солдата или плюнуть на него... «запасный, старый... не моей роты [1])»—вихремъ кружатся въ головѣ отрывочныя мысли — «отпустить; нѣтъ, другіе побѣгутъ, глядя на него...»

Взглядываюсь мелькомъ въ лица окружающихъ сол-

[1]) Это былъ стрѣлокъ 3-й роты изъ числа двухъ отдѣленій, посланныхъ еще вчера въ поддержку взводу 2-й роты.

датъ—тѣхъ видимо забавляетъ эта потѣшная для нихъ и трагикомическая для меня сцена...

— Пошелъ къ чорту!—плюнулъ я, давъ ему пинка ногой—солдатъ зайцемъ скатился съ горки въ кусты, къ деревнѣ...

Нѣтъ! чортъ возьми, такъ оставить нельзя, скверный примѣръ.—Растерянный, оглядываюсь, соображая, что бы предпринять (не бѣжать же самому за нимъ!..), но, вспомнивъ о горкѣ, подзываю Мылова.

— Потрудитесь, — говорю ему: съ вашей полуротой занять переднюю горку,—туда идутъ японцы.

Мыловъ беретъ руку подъ козырекъ (оба мы стоимъ на вершинкѣ совершенно открыто) и хочетъ сказать: «слушаю», но, вдругъ вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, говоритъ:

— Господинъ капитанъ, на горку съ полуротой итти не могу—я раненъ, позвольте мнѣ итти на перевязочный пунктъ...

— Идите съ Богомъ...

Мыловъ, хромая, спускается съ горки. Пуля, ударившая мнѣ въ шашку (шашка была въ ножнахъ) выгнула ее и, отскочивъ, рикошетомъ ранила Мылова въ ногу. Оглядываюсь, отыскивая офицеровъ—нѣтъ никого: Никилевъ ушелъ съ моимъ приказаніемъ къ Федоровскому... капитанъ Холево II куда-то скрылся. «Неужели, думаю, и этотъ раненъ».

Даже унтеръ-офицеровъ нѣтъ... Подзываю вольноопредѣляющагося (рядового). Высокій, худой блондинъ съ безцвѣтными глазами вытянулся передо мною, взглядъ блуждающій, полупомѣшанный...

— Потрудитесь, — говорю ему: взять взводъ и вести его вонъ на ту горку, туда лѣзутъ японцы...

— Слушаю, я готовъ!—почему-то счелъ онъ нужнымъ увѣрить меня въ своей готовности.

Поболтавшись среди лежавшихъ солдатъ, вольноопредѣляющійся побѣжалъ къ горкѣ, за нимъ послѣдовало съ

десятокъ солдатъ, но до горки добѣжалъ только одинъ онъ, солдаты же разсѣялись за камнями, далеко не добѣжавъ до назначеннаго мѣста. Тогда вынимаю револьверъ и, показывая имъ, говорю: «Отъ этого вотъ человѣка и до этого (взводы перемѣшались), слышите! встать!—поднялись всѣ, какъ одинъ—вонъ на ту горку бѣгомъ!!!».

Всѣ побѣжали вмѣстѣ со мной впередъ... На горкѣ частью штыками, частью стрѣльбой въ упоръ опрокинули взобравшихся уже и еще взбиравшихся наверхъ японцевъ... На маленькой вершинкѣ приведенные мною стрѣлки по необходимости размѣстились между трупами. Относительно безопасное убѣжище представляли щели между камнями, куда заползали, укрываясь отчасти отъ фланговыхъ выстрѣловъ и стрѣляя впередъ,—стрѣляли, впрочемъ, мало, больше прятались... Самъ я прилегъ за камнемъ около солдата, обратившаго мое вниманіе своей неподвижностью и побѣлѣвшей кистью правой руки; верхней половины туловища его не было видно; онъ лежалъ между камней. Кромѣ этого, я насчиталъ до 30-ти тѣлъ... вотъ все, что̀ осталось, не считая раненыхъ и трехъ упомянутыхъ мною бѣглецовъ, отъ высланнаго сюда наканунѣ съ подпоручикомъ Грудзинскимъ взвода, который былъ потомъ подкрѣпленъ полувзводомъ отъ 3-й роты. Изъ пришедшихъ со мною стрѣлковъ нѣсколько человѣкъ было убито и ранено сію же минуту; нельзя было высунуть головы изъ-за камня, японцы были тутъ же подъ горкой, въ густой болотистой травѣ и оттуда стрѣляли, разстрѣливаемые сами съ горки... головы ихъ стрѣлковъ чернѣли и изъ-за полотна желѣзной дороги въ какихъ-нибудь 150—200 шагахъ отъ насъ... густая цѣпь ихъ залегла за желѣзной дорогой, равняясь съ концомъ деревни, который они атаковали ночью; сюда, за дорогу, они отбѣжали на разсвѣтѣ послѣ неудачной атаки, оставивъ кучу убитыхъ и раненыхъ подъ горкой у деревни.

Японская стрѣлковая цѣпь настолько близко залегла отъ насъ, что рисковала попасть подъ выстрѣлы своей артиллеріи, если бы японскіе артиллеристы не стрѣляли съ такой замѣчательной отчетливостью, что почти не задѣвали своихъ, хотя задѣвали кучки тѣхъ разсѣянныхъ между нами японцевъ, которые, пользуясь темнотой, проникли при атакѣ далеко въ глубь нашего расположенія, а теперь, когда разсвѣло, лежали въ густой травѣ, боясь пошевелиться.

Здѣсь, какъ и подъ Вафангоу, я еще разъ убѣдился въ поразительной мѣткости и цѣлесообразности дѣйствій японской артиллеріи. Узнавъ несомнѣнно въ подробностяхъ отъ атаковывавшей насъ ночью пѣхоты (принимала участіе также часть всадниковъ) о нашемъ расположеніи на горкахъ и въ деревнѣ, японскіе артиллеристы открыли методическую стрѣльбу по моему участку; усилія атакующихъ разбились о занятый 2-й ротой уголъ деревни—надъ нимъ и разорвалась первая шрапнель, за ней—вторая, третья... рвались онѣ съ очень низкимъ разрывомъ... Потомъ грохнула шимоза, поднявъ столбъ земли... Шрапнель поражала стрѣлковъ сверху, шимозы разбивали фанзы, заборы, уничтожая закрытія... Японскіе артиллеристы не могли видѣть насъ изъ-за гаоляна и неровностей мѣстности, однако они водили по полю траэкторіей своихъ снарядовъ, какъ карандашемъ по картѣ, отыскивая и находя цѣли для пораженія... Можно было впередъ сказать съ увѣренностью, когда и гдѣ будетъ рваться шрапнель... Обстрѣлявъ деревню, японцы уменьшили дистанціонную трубку.

Низкій дымокъ разрыва показался шагахъ въ 300-хъ влѣво на одной линіи со мной, другая шрапнель треснула совсѣмъ близко. «Сейчасъ сюда...» Эта мысль приподняла меня, несмотря на вызванный моей фигурой огонь японскихъ стрѣлковъ, подстерегавшихъ малѣйшее движеніе на горкѣ; я пошелъ прочь отъ того мѣста, гдѣ лежалъ; пошелъ

къ лѣвому скату горки—кстати посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Въ воздухѣ что-то сверкнуло или такъ мнѣ показалось, но только вслѣдъ за этимъ я почувствовалъ страшный ударъ по лѣвой рукѣ. Сгибаю руку въ локтѣ — не гнется; хочу повернуть ладонью впередъ, выше локтя — повертывается, а ниже — виситъ какъ плеть. Сѣлъ и, не говоря стрѣлкамъ, что раненъ, послалъ за командиромъ 3-й роты, капитаномъ Холево II, чтобы сдать ему баталіонъ; посланный стрѣлокъ, возвратившись, доложилъ, что капитанъ Холево II контуженъ въ голову и сейчасъ ему такъ нездоровится, что онъ итти не можетъ, но что когда оправится, то придетъ.

Рѣшилъ, пока хватитъ силъ, ждать, чтобы своимъ уходомъ не смутить людей, которые и безъ того были потрясены ночнымъ боемъ, только что происшедшей стычкой, а главное—зрѣлищемъ труповъ товарищей, окружавшихъ ихъ десятками. Сколько времени такъ сидѣлъ я—не знаю; сознаніе уже оставляло меня, когда подошелъ Никилевъ; онъ помогъ приподняться. Раздробленныя кости зашевелились, вызывая острую боль. Стеная и поддерживая раненую руку, при помощи его я добрался до деревни. Тамъ, подъ прикрытіемъ глинобитнаго забора, Никилевъ перевязалъ мнѣ рану (или, какъ потомъ шутя выражался онъ: связалъ всѣ мои косточки въ узелокъ) марлевымъ бинтомъ изъ индивидуальнаго пакетика; въ моей сѣдельной сумкѣ хранилась для экстренныхъ случаевъ бутылка хорошаго мюнхенскаго пива— я выпилъ полбутылки; силы немного возбудились. Никилевъ назначилъ носильщиковъ, поцѣловалъ меня на прощанье и уложилъ на два сшитыхъ палаточныхъ полотнища; на нихъ дотащили меня до передоваго перевязочнаго пункта, т. е. до фанзы, въ этой же деревнѣ, гдѣ одинъ фельдшеръ перевязывалъ раненыхъ [1]); тамъ нашлись, по счастью, настоящія носилки.

[1]) Меня фельдшеръ не перевязывалъ.

Теперь надо было рѣшить вопросъ, по какому пути итти? Предстояло два: кратчайшій чрезъ «Сигнальную», но она вся дымилась... шимозы, сотрясая ее, вздымали громадные черные столбы дыма, камней и земли... какъ бы выходившіе изъ кратеровъ дѣйствующаго вулкана, надъ ними клубились, не исчезая, дымки разрывовъ шрапнели. Другой путь лежалъ вдоль желѣзнодорожнаго полотна; тамъ, я зналъ, мы должны были пройти въ одномъ мѣстѣ шагахъ въ 300-хъ отъ японцевъ, лежавшихъ за полотномъ противъ деревни и горокъ, но ихъ, покамѣстъ, не было видно и пуль ихъ — не слышно.

Не колеблясь, я приказалъ нести себя по этому послѣднему пути... [1]).

Лишь только носилки (прим. 1.) со мной показались изъ-за

[1]) Ихорошо сдѣлалъ: раненый послѣ меня спустя два часа и находившійся въ такомъ же положеніи, какъ и я, Верещагинъжестоко поплатился за свою нерѣшительность при выборѣ пути,

Разсказъ Верещагина.

«...Сначала я занялъ горки, потомъ вижу, что тутъ ничего нѣтъ, а впереди пустое мѣсто, пошелъ съ ротой туда; по дорогѣ залѣзъ въ болото по сихъ поръ (показываетъ на грудь), встали за стѣнками... лазили чрезъ окно. Полурота съ Коробчукомъ пошла къ Ветерскому; вашъ взводъ очень помогъ патронами; онъ не остался у меня— возвратился къ вамъ... Вечеромъ съ остатками роты пришелъ Рябенко (командиръ 8-й роты); еще раньше его выскочилъ изъ гаоляна Пинхусовичъ (подпоручикъ), растерзанный, на груди кровь... бѣжитъ и оретъ во все горло. «Гдѣ здѣсь перевязочный пунктъ, гдѣ здѣсь перевязочный пунктъ?.. я раненъ, гдѣ докторъ?» За ночь японцы совсѣмъ близко подобрались; утромъ за полотномъ дороги, шагахъ въ 150-ти отъ насъ, видны были желтые околыши. Еще наканунѣ я посадилъ на дерево бывшаго вѣстового Тучкова,—помните блондинъ такой,—такъ его подстрѣлили какъ птицу, свалился онъ какъ мѣшокъ... Рядомъ на стогу си-

Примѣчаніе 1-е. Носилки несли на плечахъ четверо, да двое запасныхъ носильщиковъ шли позади.

гаоляна на открытое мѣсто, какъ пули засвистали около насъ; носильщики мои припустились бѣгомъ, немилосердно встряхивая меня... густая трава прикрыла насъ на-время отъ прицѣльныхъ выстрѣловъ; отдохнули въ ней и пошли дальше... опять пули... солдатъ, который несъ носилки съ правой стороны у моей головы, вскрикнулъ—пуля, ударивъ ему въ спину, вышла въ грудь... его смѣнилъ запасный; здоровякъ—ра-

дѣлъ фельдфебель 5-й роты, какъ бишь его... Косинскій... да, Косинскій,—такъ его тоже ранили. Передъ окопомъ 5-й роты японцы были далеко, шагахъ въ 1,800 и ближе не подходили, а зашли съ боку противъ насъ, всю стѣну (стѣнку забора) издолбили пулями. Я уже сказалъ своимъ: «Сиди смирно, не высовывайся; вскакивай только тогда, когда покажется штыкъ надъ стѣнкой!» Иногда я выглядывалъ и замѣчалъ, что японскій офицеръ все высовывается изъ-за насыпи: выставится такъ наполовину секундъ на 5—10 и осматривается по сторонамъ, повертывается... Видно, что офицеръ, на околышѣ звѣзда блеститъ... солнце... Мы съ Кузнецовымъ—кажется Кузнецовъ... помните, туркестанскій вольноопредѣляющійся—устроили спортъ по этому офицеру: онъ выскакивалъ минутъ чрезъ 10-ть; мы нацѣлили ружья на то мѣсто, откуда онъ выскакивалъ и ждемъ... только что покажется—трахъ, трахъ... да все мимо. Долго бились, наконецъ, ужъ не знаю, я или Кузнецовъ, попали въ него: взмахнулъ вотъ такъ руками и опрокинулся назадъ. Смотрю, чрезъ полчаса у Кузнецова вывалилось ружье изъ рукъ, самъ онъ также валится: пуля попала въ переносицу—убитъ наповалъ. Японцы придумали хитрость, потомъ уже мы догадались: надѣнутъ на лопаты фуражки и выставятъ,—наши высунутся,—сейчасъ по нимъ стрѣлять, выстрѣлятъ, а японцы по нимъ. Придумалъ и я также штуку: «Ну!»—говорю,—«братцы! приготовь ружья!»—приготовили.—«Ну, теперь помни, крикнемъ: «ура!» и какъ только японцы высунутся, такъ и стрѣляй, да живо!».—«Ура!»—Японцы выскочили, думая, что мы идемъ на нихъ; наши и давай по нимъ... человѣкъ 10 уложили; видно было, какъ попадали... Больше ужъ, какъ мы ни кричали, они не показывались. Вижу, начинаютъ перебѣгать, согнувшись, на скалистую горку (маленькую) позади насъ. Сначала я думалъ, что на ней лежитъ наша цѣпь, а это были тѣла убитыхъ. Японцы съ горки чрезъ дыру въ задней стѣнкѣ стрѣляли вдоль окопа—бьютъ

неный поплелся самъ безъ посторонней помощи, отдалъ только товарищу ружье... Но, слава Богу! мы въ придорожной глубокой канавѣ; пули посвистываютъ высоко... вправо по дорогѣ навстрѣчу намъ ѣдутъ въ д. Маѣтунь патронныя двуколки; копюха лихо сидятъ на коз-

моихъ навѣрняка,—совсѣмъ близко, 100 шаговъ не будетъ: только что отдѣлится стрѣлокъ отъ бруствера, такъ его сейчасъ и трахъ—готовъ; человѣкъ 5-ть убили, что-то очень скоро и все въ голову. Мы начали закладывать эту дыру набитыми глиной жестянками отъ патроновъ... знаете, цинковыя коробки; такъ вотъ набьемъ ее глиной и снизу вверхъ подкладываемъ, заложили дырку, а то—бѣда. Ефрейторъ Барановскій былъ, такой молодецъ, такъ онъ примостился за стѣнкой и валяетъ по нимъ: «Свернулся!»—говоритъ: «И этотъ свернулся!!». Нѣсколько человѣкъ убилъ такъ на горкѣ, а потомъ его самого убили. Смотрю, все перебѣгаютъ изъ-за насыпи; согнется такъ и бѣжитъ на горку. Вотъ тогда я послалъ Корнилова сказать вамъ объ этомъ,—жаль его. Вѣдь и раненъ-то былъ легко въ ногу; это я уговорилъ его итти со мной на перевязочный пунктъ. Ранило насъ одной пулей; сперва мнѣ показалось, что онъ ударилъ меня ружьемъ (стояли рядомъ), потомъ, смотрю, схватился за ногу, говоритъ: «Раненъ»...—мнѣ раздробило кость ноги... Сначала насъ понесли на гору, но вездѣ рвались шимозы. Казалось,—не пройти; я велѣлъ вернуться въ деревню, чтобы отдохнуть и переждать. Принесли въ фанзу, гдѣ былъ Сапожниковъ, Андреева не было: онъ куда-то исчезъ... Мы выпили зато у него малагу или марсалу изъ фляжки: денщикъ-то оставался... Въ фанзѣ находились я, Сапожниковъ, Корниловъ, три носильщика (одинъ куда-то отлучился), охотники (человѣка три) и охранники. Охранниковъ было 6-ть, да Сапожниковъ 5-ть человѣкъ разослалъ. Корниловъ сидѣлъ противъ меня, я лежалъ... Вдругъ пробиваетъ крышу и рвется шрапнель—прямо передъ моими глазами столбъ огня... чувствую, что умираю... темно... умеръ... Когда я лежалъ передъ этимъ, то отмахивался правой рукой отъ мухъ; мухъ много было въ фанзѣ. Очнулся я скоро, хочу смотрѣть и не могу: глаза запорошило глиной, пылью съ потолка и изъ крыши; кое-какъ прочистилъ лѣвой рукой,—правая не дѣйствуетъ. Какъ я держалъ ее, немного поднявши передъ лицомъ, отгоняя мухъ, такъ въ нее и попала шрапнель (шрапнельныя пули); если бы я сидѣлъ или даже былъ бы при-

лахъ, мало обращая вниманія на японскія пули и не смущаясь шрапнелями, которыя шагахъ въ 500-хъ отъ нихъ рвутся надъ горой... Каждый разрывъ снаряда дѣйствуетъ болѣзненно на мои порванныя, оголенныя нервы въ лѣвой рукѣ: отъ сотрясенія воздуха въ ранѣ чувствуются

поднявшись хоть малость, то навѣрное разбило бы мнѣ голову, а то только царапнуло немного по головѣ и вотъ по щекѣ.

Осмотрѣлся—Корниловъ лежитъ ничкомъ, головой ко мнѣ, лица не видно, затылокъ весь открытъ... черная густая кровь идетъ... Его, должно быть, «стаканомъ» хватило въ затылокъ; у солдата разворотило бокъ—всѣ внутренности наружу. Другой корчится, хватается за грудь, третій, убитый, свалился за жерновъ, видно только спину; одному попало пять шрапнельныхъ пуль въ спину, онъ выскочилъ въ окно, упалъ и оретъ, что есть силы, оретъ благимъ матомъ. Кешка (подпоручикъ Сапожниковъ—Иннокентій), перескакивая, задѣлъ ногою и повернулъ меня... Онъ выбѣжалъ. Въ фанзѣ дымъ, пыль... Кричу... прибѣжалъ какой-то обозный—онъ сходилъ за стрѣлками; меня вытащили. Велѣлъ я вынести и Корнилова, чтобы похоронили...

Понесли чрезъ гору прямо мимо Штакельберга; спросилъ, кого несутъ? отвѣтили, что раненаго ротнаго. Принесли на перевязочный пунктъ Евдокіи Алексѣевны Вороновой (примѣч. 1) по ту сторону «Сигнальной»; врачъ хорошо перевязалъ меня. Евдокія Алексѣевна дала мнѣ выпить стаканъ коньяку и послала драгуна съ запиской къ женѣ;—онъ потомъ показывалъ женѣ дорогу. Меня встрѣтилъ Куропаткинъ (примѣч. 2), перекрестилъ и сказалъ, какъ передавали стрѣлки: «пусть выздоравливаетъ и возвращается...» Въ это время я былъ въ забытьи отъ коньяка.

Встрѣтила жена, плачетъ... «Саша!»—говоритъ, и больше ничего не можетъ сказать. Ногу раздуло какъ бревно; ее, пожалуй, отрѣзали бы, да жена утащила меня съ операціоннаго стола въ другой баракъ (примѣч. 3).

Примѣчаніе 1-е. Евдокія Алексѣевна Воронова—супруга бывшаго командира Приморскаго драгунскаго полка полковника (нынѣ генерала) Воронова и дочь одного изъ первыхъ русскихъ піонеровъ на Дальнемъ Востокѣ тяньцзинскаго комерсанта Старцева. Она во время боксерскаго возстанія подавала помощь раненымъ въ Тяньцзинѣ, а въ эту войну имѣла свой собственный летучій отрядъ, организованной ею и содержавшійся частью на ея средства, частью на деньги, отпущенныя Императрицей Маріей Ѳеодоровной.

какъ бы мелкіе уколы иголками... Миновали д. Гу-дзядзы, все еще занятую 4-мъ полкомъ и пулеметами; издали разглядѣлъ я Евгенія Яковлевича Котюжинскаго, разставлявшаго въ полѣ роты между деревней и желѣзной дорогой... [1]) Дальше за желѣзнодорожной насыпью лежалъ развернутымъ фронтомъ 3-й полкъ, выдвинутый изъ резерва противъ обходившихъ японцевъ. Носильщики остановились, подошли знакомые офицеры (братья Горностаевы, между прочимъ)—«Что? ранены... Куда? въ руку... ну, ничего, а кость цѣла?...». Пошли дальше позади развернутыхъ лежащихъ ротъ; многіе оборачиваются, смотрятъ съ любопытствомъ на носилки, на меня: кто—холодно безучастно, кто съ сочувствіемъ; вотъ одинъ молоденькій унтеръ-офицеръ съ нервнымъ, возбужденнымъ лицомъ вытянулся [2]) и особенно старательно отдаетъ мнѣ честь,—чести здѣсь, въ сраженіи, къ тому же изъ строя, отдавать, понятно, не полагается, но унтеръ-офицеръ отданіемъ чести видимо подчеркиваетъ свое особое сочувствіе раненому, быть можетъ умирающему.

Примѣчаніе 2-е. Командующій арміей генералъ Куропаткинъ ѣхалъ въ это время къ «Сигнальной» горѣ, какъ къ наиболѣе угрожаемому пункту.

Примѣчаніе 3-е. Считаю долгомъ добавить къ этому разсказу моего товарища, что его супруга, Софія Максиміліановна, бывшая сестрой милосердія, «утащила» также и меня за два часа передъ этимъ и также къ моему спасенію. Встрѣтивъ, когда меня вносили на сборный перевязочный пунктъ въ зданіи ляоянскаго вокзала, гдѣ были уже сотни раненыхъ, она не пустила носилки туда, говоря: «Нѣтъ, нѣтъ, И. Е., я сюда васъ не пущу, тутъ грязь, перевязываютъ тряпками... Пойдемте, я проведу васъ», и привела въ Тульскую общину, гдѣ я сразу почувствовалъ, что попалъ въ искусныя руки людей съ сердцемъ.

[1]) Подполковникъ Котюжинскій въ данное время командовалъ 4-мъ полкомъ. Кажется, судя по направленію ротъ, онъ выводилъ ихъ изъ деревни, чтобы лучше обстрѣлять японцевъ, лежавшихъ за насыпью дороги противъ д. Маѣтунь.

[2]) Онъ нарочно всталъ, ружье его лежало.

Этотъ, не думающій о себѣ унтеръ-офицеръ и подобные ему среди густыхъ рядовъ лежавшихъ солдатъ, готовыхъ бодро встрѣтить врага, и скачущія впередъ подъ выстрѣлами двуколки и даже бѣлые клубочки дыма отъ разрывовъ шрапнелей, которые, не исчезая въ ясномъ синемъ небѣ, походили на маленькія барашковыя облачка надъ сопками: все производило бодрящее, обнадеживающее въ побѣдѣ впечатлѣніе.

Добрались наконецъ до полкового лазарета; онъ помѣщался въ фанзѣ съ флагомъ Краснаго Креста на крышѣ, въ деревнѣ верстахъ въ 6-ти отъ д. Маѣтунь по направленію къ Ляояну.

—«Ну что, И. Е.? куда? въ руку... Ну-ка давайте—посмотримъ,—говорилъ врачъ, засучивая рукава; онъ началъ разбинтовывать... а я—корчиться отъ боли, жадно ловя малѣйшіе оттѣнки въ выраженіи его лица и другихъ насъ окружающихъ...

—Ну что? будетъ цѣла рука?..—спрашиваю, когда онъ, потыкавъ слегка въ рану зондомъ, принялся перевязывать: накладывать лубокъ изъ картона (чтобы хоть немного подравнять кости), бинтовать...

—Такія раны, И. Е., изслѣдуются и чистятся подъ хлороформомъ...—уклончиво отвѣчаетъ врачъ, избѣгая моего взгляда—вотъ въ госпиталѣ... тамъ видно будетъ... покамѣстъ же мы вамъ пріостановили только кровь...

Крови вышло изъ меня страшно много... казалось, вся кровь вышла—рубашка, китель и пальто промокли насквозь; пропитанная запекшейся кровью лѣвая сторона пальто стояло коломъ...

Въ лазаретѣ начинаютъ укладываться... старшій врачъ говоритъ: «Нѣтъ, слуга покорный, насъ уже разъ обстрѣляли шрапнелью»... меня выносятъ, вслѣдъ выбѣгаетъ прикомандированный къ лазарету студентъ-медикъ; онъ объясняетъ носильщикамъ, по какому пути итти... «вдоль желѣзной дороги не ходите»—предупреждаетъ студентъ и меня,—«вышло рас-

поряженіе... видите!..»—указалъ онъ на выѣхавшую батарею, которая становилась на позицію рядомъ съ лазаретомъ...

Все новые и новые выдвигавшіеся изъ резерва полки ложились развернутымъ фронтомъ за желѣзнодорожную насыпь противъ деревень, которыя захватывали постепенно обходившіе нашъ правый флангъ японцы...

Принесли въ дивизіонный лазаретъ, раскинувшій свои шатры среди поля. Дивизіонный врачъ—нашъ бывшій полковой, Петръ Григорьевичъ Подольскій — съ нимъ мы прослужили вмѣстѣ лѣтъ семь на Дальнемъ Востокѣ и «отломали» Китайскій походъ...

— А! И. Е.!! Что?—рука! Кость цѣла?..

— Какое цѣла... куски торчатъ изъ раны...

— Ну, ничего, Богъ дастъ, сростется... васъ перевязывали на полковомъ?

— Да... хорошо... и лубки... Ну, раны до Ляояна тревожить не надо... Не унывайте, все къ лучшему: поѣдете въ Россію, увидите семью... дѣтей...

Подошелъ нашъ полковой священникъ, отецъ Іоаннъ Врублевскій... добрая душа, видно, ему очень жаль меня и растревожить боится жалостью; скрыть не можетъ и сказать ничего не можетъ, только смотритъ...

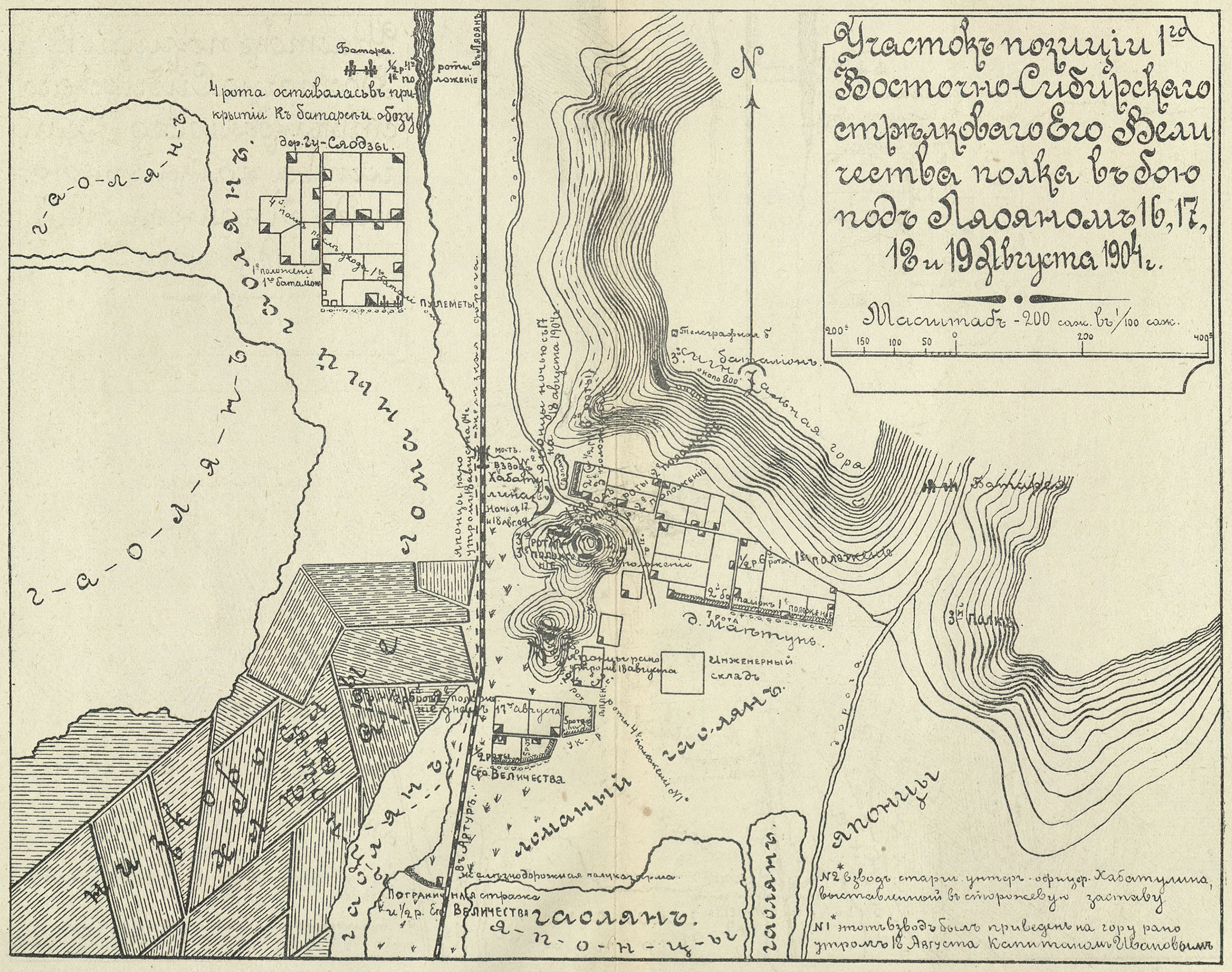
— Что батюшка! не везетъ вамъ на вашихъ ктиторовъ...[1]) Помните, вы говорили про антиминсъ, а теперь вотъ... я не договорилъ фразы, у меня навернулись слезы...

КОНЕЦЪ[2]).

[1]) Я принялъ ктиторство послѣ смерти Тучкова. Отецъ Іоаннъ часто потомъ говорилъ мнѣ, показывая на грудь:

— Смотрите, И. Е., вотъ здѣсь... въ случаѣ чего... въ сумочкѣ зашитъ антиминсъ.

[2]) Смотрите приложеніе: мой рапортъ командиру полка.

Участокъ позиціи 1го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго Его Величества полка въ бою подъ Ляояномъ 16, 17, 18 и 19 Августа 1904 г.
Масштабъ - 200 саж. въ 1/100 саж.
200 150 100 50 0 200 400
N
№2* взводъ старш. унтеръ-офицер. Хабатулина, выставленный въ сторожевую заставу
№1* этотъ взводъ былъ приведенъ на гору рано утромъ 18 Августа Капитаномъ Ивановымъ
Батарея
4 рота оставалась въ прикрытіи къ батареѣ и обозу
дор. Гу-Сяодзы
Пулеметы
Телеграфная
3й Полкъ
Батарея
д. Маетунь
Инженерный складъ
17го Августа
Его Величества
Желѣзнодорожная полковая рота
Пограничная стража
гаолянъ
японцы
Гаолянъ
г-а-о-л-я-н-ъ

ПОДПОЛКОВНИКЪ
I-ГО ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПОЛКА
ИВАНОВЪ
1905 года Августа 17-го

№ 42
Г. МОСКВА.

Приложеніе.

Командиру сего же полка.

РАПОРТЪ.

Доношу, что, будучи утромъ 18-го августа 1904 года при защитѣ праваго участка д. Маѣтунь «Сигнальной» горы подъ Ляояномъ раненъ въ лѣвую руку съ переломомъ и раздробленіемъ плечевой кости, я былъ отправленъ для лѣченія въ г. Харбинъ и помѣщенъ тамъ въ Харбинскій дворянскій госпиталь.

Здѣсь въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе потери въ громадномъ количествѣ крови, я былъ настолько слабъ, что не могъ приподнимать отъ подушки головы, ѣлъ, пилъ и дѣлалъ всѣ естественныя отправленія лежа. Когда силы мои немного возстановились, меня 7-го ноября эвакуировали въ Европейскую Россію. По прибытіи въ Москву я былъ помѣщенъ для операціи въ факультетскую клинику Московскаго университета. Тутъ состояніе моего здоровья продолжало быть также весьма слабымъ.

Лишь въ мартѣ мѣсяцѣ я могъ бы подробно донести Вамъ о моихъ дѣйствіяхъ подъ Ляояномъ, какъ временно-командовавшаго 1-мъ баталіономъ полка, и о дѣйствіяхъ этого баталіона, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить о награжденіи меня орденомъ Св. Георгія, но такъ какъ, по словамъ пользовавшихъ меня врачей, я въ маѣ—іюнѣ могъ разсчитывать ѣхать въ дѣйствующую армію, то и отложилъ подачу рапорта до прибытія въ полкъ. Затѣмъ здоровье мое опять ухудши-

лось: закрывшаяся было рана открылась; изъ нея извлечено было нѣсколько мелкихъ омертвѣвшихъ косточекъ... Такъ какъ и послѣ этого рана не закрывалась и продолжала гноиться, то 6-го августа мнѣ снова была сдѣлана серьезная операція подъ хлороформомъ докторомъ Постниковымъ въ лазаретѣ имени Рукавишниковой (въ Москвѣ) съ цѣлью изслѣдованія раны и полной очистки ея; при этомъ были выдолблены и удалены омертвѣвшія части кости. Операція окончилась благополучно, но возможность моего возвращенія въ полкъ снова отдаляется на неопредѣленное время. Поэтому, не откладывая болѣе описанія моихъ дѣйствій подъ Ляояномъ, доношу: 15-го августа 1904 г. вечеромъ, согласно словеснаго приказанія Вашего, я, будучи капитаномъ и командиромъ роты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, принялъ во временное командованіе 1-й баталіонъ вмѣсто назначеннаго командовать 4-мъ полкомъ подполковника Котюжинскаго. 16-го вечеромъ съ баталіономъ и пулеметами я занялъ д. Дзядзы; наименованіе деревни, впрочемъ, хорошо не помню; эта деревня западнѣе «Сигнальной» горы по ту сторону и недалеко отъ полотна желѣзной дороги; въ ней стояли пулеметы 17-го августа и утромъ 18-го (гдѣ они находились послѣ, не знаю, потому что утромъ 18-го я былъ раненъ). Деревня эта составляла самый крайній участокъ позиціи нашего полка и самый крайній пунктъ всей передовой Ляоянской позиціи. Я былъ начальникомъ этого участка (до смѣны баталіона 4-мъ полкомъ). Въ 11-мъ часу утра 17 августа командиръ 2-го баталіона полковникъ Андреевъ, занимавшій съ своимъ баталіономъ д. Маѣтунь, что впереди «Сигнальной», [1]) потребовалъ отъ меня, какъ изъ резерва, двѣ роты въ под-

[1]) На вершинѣ которой находились командиръ корпуса, начальникъ дивизіи, Вы и 3-й баталіонъ нашего полка.

крѣпленіе. Въ виду настойчивыхъ требованій полковника Андреева, я выслалъ къ нему роту ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, объяснивъ, что больше послать не могу, самъ имѣя задачу оборонять д. Дзядзы, тѣмъ болѣе, что у меня оставалось всего двѣ роты (2-я и 3-я); 4-я рота была въ расходѣ, прикрывая одной полуротой батарею, другой обозъ; къ тому же японцы обходили деревню спереди по гаоляну; въ баталіонѣ были уже раненые и казачьи разъѣзды доносили о продолжавшемся глубокомъ обходѣ японцевъ. Обо всемъ этомъ я донесъ Вамъ, прося указанія, какъ поступать мнѣ въ случаѣ дальнѣйшихъ требованій полковника Андреева о подкрѣпленіи. Въ 1-мъ часу дня я получилъ отъ Васъ приказаніе немедленно итти съ двумя ротами впередъ на подкрѣпленіе 2-го баталіона, оставивъ пулеметы подъ прикрытіемъ 4-го полка; въ то же время получилось извѣстіе отъ командира 4-го полка, что полкъ входитъ въ деревню.—Подходя съ ротами въ боевомъ порядкѣ къ горкѣ, что на правомъ (западномъ) концѣ д. Маѣтунь, я увидѣлъ въ промежуткѣ между ней и желѣзной дорогой отступавшую цѣпь съ фельдфебелемъ... какой роты, не знаю, потому что, завидѣвъ насъ, цѣпь эта остановилась и залегла въ густой высокой травѣ по канавѣ у дороги. Вѣроятно, то были обрывки цѣпи или отъ полуроты 6-й роты или отъ 8-й роты, высланныхъ въ гаолянъ вправо отъ окопа пограничниковъ, который японцы въ этотъ именно моментъ обходили по гаоляну же... У подошвы горки роты устроились и немного отдохнули, пока я съ офицерами, поднявшись на вершину, осматривалъ мѣстность. Вправо, какъ казалось, изъ-за окопа пограничной стражи на полосу низкорослыхъ хлѣбовъ, отдѣлявшую гаолянъ передъ д. Дзядзы отъ гаоляна передъ д. Маѣтунь, выходили японскія густыя цѣпи; шли онѣ въ полъ-оборота, принимая по своей рукѣ влѣво, т. е. въ обходъ д. Дзя-

дзы. Разсыпавшись по гребню горки, 2-я рота сейчасъ же открыла по этимъ японскимъ цѣпямъ пальбу залпами съ прицѣломъ на 2,400; черезъ нѣсколько минутъ во 2-й ротѣ были уже убитые и раненые. Японцы зашли въ гаолянъ и въ свою очередь открыли по нашей горкѣ сильный огонь. Не видя ихъ болѣе и чтобы не терять понапрасну людей, я приказалъ 2-й ротѣ, прекративъ стрѣльбу, отодвинуться немного назадъ за гребень (3-я рота лежала въ двухъ-взводной колоннѣ лѣвѣе 2-й, прикрываясь вершинкой). Для наблюденія же за противникомъ и чтобы, обходя окопы справа, онъ не занялъ впереди насъ лежавшую другую небольшую горку, я выслалъ на нее отъ 2-й роты взводъ подъ командой подпоручика Грудзинскаго; черезъ полчаса его пронесли оттуда назадъ тяжело раненнымъ въ грудь на вылетъ. Тотчасъ же по занятіи горокъ я извѣстилъ о своемъ туда прибытіи временно-командовавшаго ротой Его Величества, штабсъ-капитана Верещагина, одна полурота котораго была въ окопѣ передъ деревней впереди маленькой горки, а другая—въ окопѣ вмѣстѣ съ «пограничниками»; донесъ Вамъ и полковнику Андрееву; но отъ него никакихъ указаній не получилъ, наоборотъ полковникъ Андреевъ началъ требовать, помимо меня, у ротныхъ командировъ взводы для подноски патроновъ впередъ въ окопы... Одинъ взводъ отъ 2-й роты я выслалъ къ ротѣ Его Величества, но вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ полковнику Андрееву, что, такъ какъ я, временно-командующій I-мъ баталіономъ, нахожусь при ротахъ, то прошу съ требованіями обращаться ко мнѣ и что, по моему мнѣнію, ослаблять мои роты, занимающія горки, рискованно въ виду ясно опредѣлившагося обхода японцевъ; обходя, японцы могли взять д. Маѣтунь, слѣдовательно и окопы предъ ней, во флангъ. Роты (2-я и 3-я) на горкахъ, составляя уступъ справа, препятствовали этому и

служили въ то же время связью съ 4-мъ полкомъ въ д. Дзядзы. Полковникъ Андреевъ больше отъ меня ничего не требовалъ. Роты, расположившіяся на горкахъ (3-я лѣвѣе, 2-я правѣе) подали лѣвое плечо впередъ, образовавъ изъ себя такимъ положеніемъ отчасти и резервъ для передовыхъ частей и продолженіе боевой линіи, загнутой вправо и назадъ противъ обходнаго движенія японцевъ. Положеніе I-го баталіона до ночи было такое: 2-я и 3-я роты на горкахъ; рота Его Величества попрежнему въ окопахъ; 4-я рота продолжала по-полуротно прикрывать батарею и обозъ [1]). Съ наступленіемъ темноты я объѣхалъ правый оборонительный участокъ д. Маѣтунь, какъ начальникъ его. Отъ окопа Верещагина (полурота роты Его Величества и полурота 5-й роты) японцы находились шагахъ въ 250—300; къ окопу пограничниковъ они были еще ближе и при томъ охватывали его съ праваго фланга по гаоляну...

Шт.-ротмистру Веторскому, командовавшему двумя охотничьими командами пограничной стражи, и шт.-капитану Верещагину я объявилъ, что я—начальникъ участка и что, имѣя позади на горкахъ двѣ роты, всегда готовъ ихъ поддержать, въ случаѣ, впрочемъ, только открытой штыковой атаки японцевъ, потому что эти двѣ роты и безъ того своимъ огнемъ охраняютъ фланги ихъ окоповъ. Шт.-ротмистръ Веторскій и шт.-капитанъ Верещагинъ объявили, что они, не взирая ни на что, встрѣтятъ атаку японцевъ

[1]) Что касается полуроты 6-й и 8-й роты, посланныхъ въ гаолянъ вправо отъ окопа пограничниковъ еще до моего прихода съ ротами на горки, то онѣ къ вечеру 17-го августа, надо полагать, были на половину уничтожены, остальныя же, вѣроятно, разсѣялись: такъ, часть этихъ цѣпей я видѣлъ отступавшей, когда велъ свои роты впередъ; объ этомъ обстоятельствѣ мной упомянуто выше.

штыкомъ. О потеряхъ и объ относительномъ положенiи японцевъ и нашихъ я донесъ Вамъ, какъ начальникъ участка правой половины деревни Маѣтунь. Въ число защитниковъ этой части боевой линiи входили, кромѣ ротъ I-го баталiона, еще полурота 5-й роты, бывшая въ одномъ окопѣ съ полуротой роты Его Величества подъ командой шт.-капитана Верещагина, и двѣ охотничьихъ команды пограничной стражи подъ командой шт.-ротмистра Веторскаго; подъ его же командой въ одномъ окопѣ съ «пограничниками» находилась другая полурота роты Его Величества. Для связи ротъ 2-й и 3-й, занимавшихъ горки, съ 4-мъ полкомъ въ д. Дзядзы — вправо и съ ротами 2-го баталiона въ д. Маѣтунь—влѣво, ходили ночью дозоры отъ 3-й роты; отъ 2-й роты, по моему указанiю, на полотно желѣзной дороги былъ высланъ 4-й взводъ подъ начальствомъ взводнаго, старш. унт. офиц. Зинатулы Хабатулина для наблюденiя, чтобы японцы подъ покровомъ темноты не обошли горокъ по канавѣ по ту сторону дороги. Этотъ взводъ, подвигавшiйся тихо по насыпи впередъ, японцы встрѣтили огнемъ. Тогда взводу приказано было отойти немного назадъ, не вступая въ перестрѣлку и не сходя съ насыпи; японцы, повидимому, были въ гаолянѣ, на флангѣ окопа Верещагина. Въ 1-мъ часу ночи началась сильная ружейная стрѣльба въ нашихъ окопахъ (стрѣляли залпами) и въ 3-мъ полку; то стихая, то опять разгораясь, ружейный огонь продолжался до тѣхъ поръ, пока не сдѣлался общимъ по всей боевой линiи. Часу въ 4-мъ пополуночи я, капитанъ Холево II, шт.-капитанъ Даирскiй и подпоручикъ Никилевъ, лежавшiе подъ камнемъ на горкѣ, услыхали снизу крикъ старш. унт.-офицера Хабатулина: «2-я рота внизъ!..». Затѣмъ прибѣжалъ отъ него посланный и доложилъ, что японцы идутъ въ атаку на конецъ деревни, что позади насъ подъ горкой... Оставивъ

на горкѣ 3-ю роту, я вмѣстѣ съ командиромъ 2-й роты шт.-капитаномъ Даирскимъ и съ оставшимися у него взводами сбѣжалъ внизъ, въ деревню; по моему приказанію шт.-капитанъ Даирскій, присоединивъ къ приведеннымъ съ собой взводъ Хабатулина, занялъ ими исходящій уголъ глинобитнаго забора деревни, къ которому, по словамъ Хабатулина, подходили японцы. Дѣйствительно, шагахъ въ 50—100 передъ заборомъ слышны были голоса японцевъ; ясно раздавалось вполголоса: «Ла-ла-ла»—это значитъ, кажется, «стрѣлять, стрѣлять». Стрѣлки 2-й роты, примостившись за заборомъ, открыли по нимъ на голоса, почти въ упоръ, огонь; все это было дѣломъ двухъ-трехъ минутъ; сюда же присоединился взводъ 3-й роты, потребованный мною съ горки на поддержку 2-й роты; возвратившись на горку, я приказалъ командиру 3-й роты капитану Холево II подать роту лѣвымъ плечомъ впередъ и обстрѣлять подошву горки, гдѣ находились японцы; различить ихъ было трудно; въ мало порѣдѣвшемъ сумракѣ разсвѣта можно было скорѣе угадать, чѣмъ увидѣть едва намѣчавшіяся полосы ихъ сомкнутыхъ частей... Огнемъ «пачками» 3-я рота поражала ихъ во флангъ, 2-я—била съ фронта; японцы, не ожидавшіе, очевидно, такой встрѣчи, замялись: впередъ не шли и назадъ не отходили. Тѣмъ временемъ ко мнѣ подошла помощь. Распоряжаясь, я въ то же время донесъ Вамъ о начавшейся атакѣ, прося подкрѣпленія; потребовалъ отъ шт.-капитана Верещагина вернуть, если можно, взводъ 2-й роты, посланный къ нему съ патронами наканунѣ по приказанію полковника Андреева, и просилъ помощи у полковника Андреева; отъ него пришла первая помощь: прибѣжала полурота 6-й роты съ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Федоровскимъ, и засѣла въ деревнѣ за заборомъ рядомъ со 2-й полуротой. Капитану Федоровскому я поручилъ че-

резъ адъютанта защиту атакованнаго участка деревни... Отъ шт.-капитана Верещагина пришелъ вольноопредѣляющійся Корниловъ и доложилъ, что сейчасъ придетъ взводъ 5-й роты, а не 1-ой, потому что взводъ 1-ой роты, по соображеніямъ ротнаго командира, трогать съ мѣста нельзя... Корниловъ доложилъ также, что на переднюю горку ползутъ японцы... начинало разсвѣтать; видно было, какъ отъ нашей горки черезъ полотно дороги отскакивали какіе-то всадники. Разсвѣло. Японцы осыпали горку градомъ пуль; баталіонный адъютантъ подпоручикъ Никилевъ доложилъ, что онъ привелъ полуроту 4-й роты (ту, которая прикрывала батарею); она пришла и стала подъ горкой; командующій 4-й ротой, шт.-капитанъ Мыловъ явился ко мнѣ; только что я отдалъ ему приказаніе вести полуроту на переднюю горку и отбросить атакующихъ ее (ползкомъ) японцевъ, какъ пуля ударила въ мою шашку и шт.-капитанъ Мыловъ, взявъ подъ «козырекъ», доложилъ: «Виноватъ, съ полуротой туда итти не могу, я—раненъ»; пуля, задѣвшая мою шашку, ранила его въ ногу; шт.-капитанъ Мыловъ ушелъ на перевязочный пунктъ. Фельдфебелю 4-й роты я приказалъ подвести полуроту ближе и одинъ взводъ разсыпать въ цѣпь, а другой положить въ резервъ. Прибѣжавшій же взводъ 5-й роты отправилъ обратно въ окопъ; съ приходомъ полуроты 4-й роты въ немъ надобность миновала, а судя по жестокой стрѣльбѣ, можно было ожидать, что японцы готовы были броситься на наши окопы. Затѣмъ, не видя командира 3-й роты и не желая терять время, я взялъ бывшій подъ рукой ближайшій взводъ 3-й роты и повелъ его впередъ на маленькую горку; приведенные мною стрѣлки частью штыками, частью выстрѣлами отогнали дѣйствительно взбиравшихся наверхъ японцевъ... На маленькой вершинкѣ горки стрѣлки по необходимости размѣстились между трупами... Я насчиталъ до 30

труповъ...—вотъ все, что осталось, не считая раненыхъ отъ высланнаго сюда накануне съ подпоручикомъ Грудзинскимъ взвода, подкрепленнаго потомъ полувзводомъ 3-й роты. Изъ пришедшихъ со мною стрелковъ несколько человекъ было убито и ранено сію же минуту; нельзя было высунуть головы изъ-за камня, — японцы были тутъ же подъ горкой, въ густой болотистой траве и оттуда стреляли, разстреливаемые сами съ горки... головы ихъ стрелковъ чернели и изъ-за полотна железной дороги въ какихъ-нибудь 150—200 шагахъ отъ насъ... Густая цепь ихъ залегла за железной дорогой, равняясь съ концомъ деревни, который они атаковали ночью. Сюда за дорогу они отбежали на разсвете после неудачной атаки, оставивъ кучу убитыхъ и раненыхъ подъ горкой у деревни. Японская артиллерія, узнавъ теперь, что не только окопы передъ деревней, но и самая деревня Маетунь и горки заняты русскими, начала бить по насъ шрапнелью; снаряды рвались съ низкимъ разрывомъ и спереди и слева и какъ разъ надъ темъ местомъ, где были въ углу деревни 2-я рота и полурота 6-й роты. Желая посмотреть, что делается на левой стороне горки (дотоле я лежалъ на правомъ конце ея, ближе къ дороге), я всталъ и пошелъ туда, но тутъ получилъ страшный ударъ по левой руке... сгибаю руку въ локте—не гнется, хочу повернуть ладонью впередъ—выше локтя повертывается, а ниже виситъ какъ плеть... я селъ и, не говоря стрелкамъ, что раненъ, послалъ за командиромъ 3-й роты, капитаномъ Холево II, чтобы сдать ему баталіонъ; посланный стрелокъ, возвратившись, доложилъ, что капитанъ Холево II контуженъ въ голову и сейчасъ ему такъ нездоровится, что онъ итти не можетъ, но что какъ только поправится, то придетъ... Решилъ, пока хватитъ силъ, ждать, чтобы своимъ уходомъ не смутить людей, которые и безъ того были

потрясены ночнымъ боемъ, только что происшедшей стычкой, а главное—зрѣлищемъ труповъ товарищей, окружавшихъ ихъ десятками...

Сколько времени оставался я въ такомъ положенiи на горкѣ—не знаю, отъ большой потери крови я началъ терять сознанiе и былъ сведенъ съ горки въ деревню пришедшимъ баталiоннымъ адъютантомъ подпоручикомъ Никилевымъ; онъ сдѣлалъ мнѣ перевязку и отправилъ на перевязочный пунктъ.

Изъ изложеннаго видно: 1) что, занявъ горки по собственной инацiативѣ и образовавъ такимъ образомъ уступъ на правомъ флангѣ, я этимъ самымъ обезпечилъ д. Маѣтунь и ея защитниковъ отъ обхода японцевъ во флангъ и тылъ.

2) Принявъ командованiе надъ правымъ участкомъ обороны д. Маѣтунь и установивъ дѣйствительныя мѣры охраненiя противъ нечаяннаго нападенiя, я отбилъ ночную атаку японцевъ, обошедшихъ справа по гаоляну окопы пограничниковъ (штабсъ-ротмистра Веторскаго) и роты Его Величества (штабсъ-капитана Верещагина). Атаку отбилъ главнымъ образомъ находившимися у меня 2-й и 3-й ротами и преимущественно 2-й ротой—(этой ротой я командывалъ 10 лѣтъ и сдалъ ее лишь послѣ Вафангоускаго боя); 2-я рота съ ея молодцомъ командиромъ, штабсъ-капитаномъ Даирскимъ, первая приняла на себя удары японцевъ въ этомъ ночномъ дѣлѣ, потерявъ до $^2/_3$ своего наличнаго состава, а командуемый мною 1-й баталiонъ, какъ потомъ оказалось, потерялъ въ этомъ дѣлѣ болѣе 50%; своего наличнаго состава.

3) При помощи вытребованныхъ и своевременно пришедшихъ подкрѣпленiй: полуроты 6-й роты и полуроты 4-й роты, окончательно отбросилъ атаковывавшихъ японцевъ за полотно желѣзной дороги.

4) Не имѣя подъ рукой офицеровъ (выбыли изъ строя ранеными), самъ лично повелъ взводъ впередъ на маленькую горку, когда узналъ, что ее атакуютъ японцы, и отбросилъ ихъ.

и 5) Будучи при этомъ тяжело раненымъ и не имѣя кому сдать баталіонъ и также не желая своимъ уходомъ смущать стрѣлковъ, оставался тамъ, пока меня не оставили силы и я не началъ терять сознаніе. Поэтому прошу о представленіи меня къ ордену Св. Георгія.

Впослѣдствіи, штабсъ-капитанъ Веторскій, командывавшій 17-го и 18-го августа двумя охотничьими командами пограничной стражи и бывшій тогда у меня, какъ начальника участка, подъ командой, получилъ за это дѣло орденъ Св. Георгія 4-й степени. Командиръ 6-й роты капитанъ (нынѣ подполковникъ) Федоровскій также получилъ орденъ Св. Георгія 4-й ст. за защиту участка д. Маѣтунь. Если бы я не отбилъ ночной атаки, то легко допустить, что японцы, обойдя съ фланга и тыла защитниковъ окоповъ передъ д. Маѣтунь и находившихся въ самой деревнѣ, уничтожили бы ихъ или, по крайней мѣрѣ, выбили бы ихъ оттуда. Слѣдовательно, какъ капитанъ Федоровскій, такъ и штабсъ-ротмистръ Веторскій не могли бы получить крестовъ за это дѣло, и если они получили, то до нѣкоторой степени благодаря содѣйствію ротъ 1-го баталіона, бывшихъ подъ моей командой.

Къ этому необходимо добавить, что въ случаѣ удачной атаки японцы выходили бы какъ разъ на батарею, стоявшую за гребнемъ восточнаго спуска «Сигнальной» горы, всего въ какихъ-нибудь 600-хъ шагахъ отъ лѣваго (восточнаго) конца д. Маѣтунь, вмѣстѣ съ тѣмъ они вышли бы въ тылъ позиціи 3-го полка. Съ другой стороны, при удачной фланговой атакѣ д. Маѣтунь японцы, развивая свой успѣхъ, могли бы, врѣзавшись клиномъ между

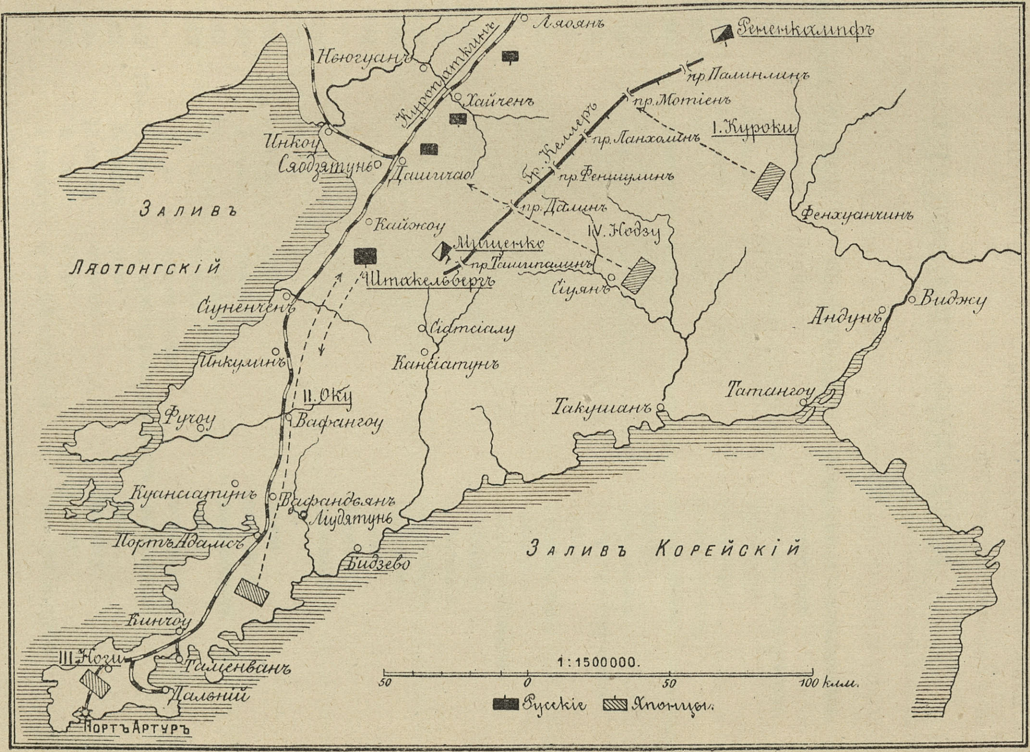
«Сигнальной» горой и д. Дзядзы, взять во флангъ 4-й полкъ и пулеметную роту, командиръ которой капитанъ (нынѣ подполковникъ) Суринъ также получилъ Георгіевскій крестъ за это дѣло.

Въ заключеніе смѣю надѣяться, что пролитая мною при защитѣ праваго участка д. Маѣтунь въ громадномъ количествѣ кровь, лишившая меня надолго силъ, чтобы своевременно написать подобный настоящему рапортъ, не можетъ служить причиной отклоненія моей просьбы о награжденіи меня орденомъ Св. Георгія.

Подполковникъ Ивановъ.

Примѣчаніе: За это же дѣло получилъ Георгіевскій крестъ и командиръ полка полковникъ (нынѣ генералъ-маіоръ) Лешъ.

Схема расположенія русскихъ и японскихъ силъ въ 1-й половинѣ мая 1904 г.

№ 8.

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Слѣдовало напечатать.*
3	15 снизу	должны	должны были
17	9 »	Никольска Уссурійскаго	Никольска-Уссурійскаго
27	18 сверху	въ три дорога	втридорога
28	13 снизу	чрезъ и дыры	чрезъ дыры
29	8 »	также,	также для того,
30	8 сверху	4 — 5°	4 — 5° тепла
40	1 »	Сѣверъ	сѣверъ
46	13 снизу	такъ, сказать	такъ сказать
48	10 сверху	развѣдочно-строевое	развѣдочно-сторожевое
75	12 снизу	кухонъ	кухонь
91	12 сверху	сознаніе; что...	сознаніе, что...
—	13 снизу	на верхъ	наверхъ
93	15 сверху	жители, разбѣжались	жигели разбѣжались
103	12 снизу	на встрѣчу	навстрѣчу
106	13 сверху	отсановился	остановился
107	10 »	передохнутъ	передохнуть
118	10 снизу	преградитъ	преградить
122	8 сверху	потому	поэтому
—	8 снизу	подвести	подвезти
123	7 »	своимъ	японцамъ
125	2 »	по	на
135	14 сверху	амію	армію
140	9 снизу	покамѣсть	покамѣстъ
143	14 »	пол-оборота	полъ-оборота
145	2 »	свѣчка	свѣча
—	10 »	чудомъ полка	чудомъ офицеровъ полка
149	10—11 »	въ культурѣ и грамотности	въ культурѣ
182	5 сверху	дали	дала
185	13 снизу	въ ноги	въ ногу
263	3 »	Суда	Судя
311	1 сверху	и зъ 2-й полуроты	изъ 2-й полуроты

ГЛАВНѢЙ

Страница.	*Строка.*	*Н*
3	15 снизу	дол
17	9 »	Ник
27	18 сверху	въ т
28	13 снизу	чрез
29	8 »	такж
30	8 сверху	4 —
40	1 »	Сѣв
46	13 снизу	такт
48	10 сверху	разв
75	12 снизу	кух
91	12 сверху	соз
—	13 снизу	на
93	15 сверху	жит
103	12 снизу	на
106	13 сверху	отс
107	10 »	пер
118	10 снизу	пре
122	8 сверху	пот
—	8 снизу	под
123	7 »	сво
125	2 »	по
135	14 сверху	амі
140	9 снизу	пок
143	14 »	пол
145	2 »	свѣ
—	10 »	чуд
149	10—11 »	въ
182	5 сверху	дал
185	13 снизу	въ
263	3 »	Суд
311	1 сверху	и з

Кн. пост. N 460
21. XII. 1906
из химич. б. И. В.

- 8 ФЕЗ 1944

2020134159